

Ilona Becksvart

Мраморное Сердце

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Пона Becksvart

Мраморное сердце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66623734

SelfPub; 2021

Аннотация

В мире искусства художник всегда стремится к своему идеальному видению мира и развивает свою мысль, которую метает из рая в ад, и в этом урагане эмоций и создаётся единство полноценного опыта. И художник пытается повторить этот опыт, пока не становится одержимым удержать эту гармонию в вечном состоянии. И в погоне за вечной красотой творец забывает себя и делает всё возможное, чтобы хотя бы ещё раз в жизни испытать этот эстетический символ очищения, сохранив красоту в вечности.

Влиятельный гедонист Райан и жизнелюбивый эстет Джулиан нашли свой собственный путь покорения вечности, избрав для своих поисков мраморный мир художника, способного трансформировать уродство в красоту и поставить знак равенства между жизнью и смертью. И одержимые сохранить вечную красоту, их путь к экзальтации и деградации сливается в единую гармонию, одновременно идеализируя и разрушая собственную реальность.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
1	8
2	33
3	48
4	69
5	74
6	78
7	87
8	94
9	100
10	111
11	119
12	124
13	135
14	141
15	147
16	158
17	165
18	168
19	179
20	191
21	197
22	216

23	236
24	250
25	261
26	282
27	295
28	308
29	319
30	329
31	338
32	353
33	367
34	380
35	397
36	416
37	436
38	454
Эпилог	470

Пона Becksvart

Мраморное сердце

Пролог

Красота и искусство уже с древних времён имели схожее предназначение, оба эти понятия не только развлекают и расслабляют созерцателя, но и дают почувствовать чистоту, лёгкость и божественную искру в них самих. Красота – это что-то метафизическое, лишённое практичности и материальных корней, именно красотой мы стараемся окружить себя, чтобы гармонизировать свою жизнь. Современное искусство не всегда несёт в себе цель подарить человеку миг слияния с красотой, цель искусства – донести конкретные эмоции, вытащить человека из кокона реальности, расширить его горизонты и откинуть приземлённое мышление. Но далеко не все способны видеть глубоко те формы искусства, которые лишены эстетического чувства красоты. И хотя сейчас красота – понятие индивидуальное, её невозможно вставить в рамки и удовлетворить каждого, всё же функции её универсальны, красота помогает человеку забыть обо всех уродствах и искажениях, коими переполнен этот мир, утопающий в дисгармонии и собственных примитивных пороках. И конечная функция красоты – просвещение и гармо-

низация, попытка идеализировать реальность. Тот же самый принцип несёт в себе и искусство. Даже если искусство передаёт это через свои собственные непропорциональные и болезненные формы, оно просвещает, оно заставляет задуматься и отбросить мышление в рамках.

На что способен творческий человек, чтобы создать свой великий шедевр? Какой опыт он должен пройти, чтобы передать все свои задумки? Достаточно ли богатого воображения и простительно ли во имя искусства идти на жертвы, обходить законы и нарушать созданные человеком рамки? Прощают ли этим художникам их гнилые души, если они создали что-то великое, что-то изменившее человечество в лучшую сторону? Насколько важна мораль во время создания шедевров, и имеют ли значение те методы, какими художник добился этого идеального состояния, гармонично лёгшего на полотно? Святость художников лишь в их работах, души их анонимны, потому что важен только конечный результат, их шедевры, которые способны раскрыть глаза и подарить хотя бы миг возвышенной красоты.

Но способна ли голая святость и чистота вызвать необходимые эмоции? Все вещи требуют гармонии, чтобы быть целостными, быть самими собой, и разве человек способен был бы понять, что такое жизнь, если бы смерти не существовало? Гармония полярностей, единение крайностей и есть тот путь, что способен вызвать в нас умиротворение и поймать эту нить полноценного постоянства, чтобы пропустить через

себя всю её глубину. Пока мы не познаем агонию смерти, мы не сможем принять в себя божественный катарсис возрождения, так и красота имеет свою обратную сторону. Чистая красота без изъянов – статична и мертва, а красота, которая в себя приняла опыт обратной стороны, гармонизируется сама в себе, и этот опыт делает её полноценной. Это – плата за то, чтобы глубоко проникать в суть вещей и понятий, мы должны пройти от крайности до крайности, и только тогда освобождаемся.

Когда творец принимает эти истины и начинает переживать всё через эти крайности, ему открываются невиданные реалии, глубина познаний мира преобразует его способности, благодаря которым он может делиться своим опытом с окружающими. И когда ему удаётся создать эту искру гармонии между жизнью и анти-жизнью, это возвышает его до уровня богов. И художник стремится к своему идеальному видению мира и цепляется за идею и развивает свою мысль, которую метает из рая в ад, из материнского лона обратно в могилу, и в этом вихре эмоций и чувств и создаётся единство полноценного опыта. И художник пытается повторить этот опыт снова и снова, и мысли его снедают, пока он не становится одержимым удержать эту гармонию в вечном состоянии. И в погоне за вечной красотой художник забывает себя и идёт против законов природы, против человеческой морали, чтобы хотя бы ещё раз в жизни испытать этот эстетический символ очищения, сохранив красоту в вечности.

1

Стоял замечательный солнечный майский день, Нью-Йорк только недавно начал раздеваться, так как температура воздуха наконец-то начала превышать 25 градусов. Это было прекрасное время, ещё не было жарко, но всё уже цвело и пахло, а открытые развлечения на каждом углу Манхэттена манили своим разнообразием отвлечься от постоянных дедлайнов. В Нью-Йорке невозможно остановиться, этот город не знает отдыха и не прощает слабостей, те, кто ломается или не выдерживает этого ритма, так никогда и не приживётся в этом городе. Нью-Йорк любит динамичных, амбициозных и находчивых людей. Таким и был Джулиан Берг, который шёл этим погожим утром на постоянную работу в офис в швейном районе, славящимся своими заводами и фирмами из индустрии моды. Он уже почти десять лет работал на одном месте, и хотя ему только недавно исполнилось 30, он не видел себя в другой фирме или тем более в другой сфере. Он жил модой уже с самого детства, всегда интересовался шмотками, наряжался, ухаживал за собой, отслеживал все тренды, но при этом имел чёткие рамки собственного стиля. Он был приметным во всех смыслах – модельной внешности (высокий и невероятно худой), со светлыми полудлинными волосами, нервными движениями и умными глазами.

Он был не только видным, но ещё и с подвешенным язы-

ком, так что его связи в индустрии моды (да и в сфере развлечений) были обширными, а его коммуникабельность и дипломатичность делали его привлекательным собеседником и другом для очень многих людей. И хотя он не считал себя снобом, всё же он предпочитал ошиваться в обществе выше среднего, и впитывал этот элитный и богемный образ жизни так натурально, что вписывался в него сам с безупречной утончённостью. Он был из хорошей и богатой семьи, имел политические связи, и благодаря этому имел кое-какую крышу на случай непредвиденных ситуаций. Например, вечеринок с множеством наркотиков, где он неоднократно попадался с передозировкой, и эти связи помогали ему сохранить репутацию без лишних хлопот. Но Джулиан в последнее время стал зрелым и уже открыто не палился, отдых теперь был немного другим, он уже не позволял себе расслабиться до открытых конфликтов и передозировок. В личных отношениях у него тоже был полный порядок, он встречался несколько лет с одним влиятельным человеком старше его на десять лет из индустрии развлечений, уважаемым, видным, известным, и их совместная жизнь была настолько гармоничной, что даже сам Джулиан удивлялся, как легко ему рядом с этим человеком.

Его главная страсть была современным искусством. Он сам по образованию был искусствовед, и он любил аскетизм, доступность и минимализм в искусстве, классика его мало интересовала, она уже высказала всё, что могла, он считал,

и поиски оригинальных идей в искусстве периодически становились навязчивой идеей. Он обожал ходить по галереям, старался каждую неделю посещать музеи, часто выезжал в другие города или даже страны, чтобы приобщиться к искусству и зарядить себя новыми впечатлениями. Современное искусство заменило ему веру, музеи и галереи были его храмами, где он очищался от негатива, набирался сил и получал вдохновение. Сам он не был таким уж творческим, но умел восхищаться работами других, а также очень чётко отличал шедевры от шлака, воистину он мог бы спокойно выбиться в престижную категорию арт критиков, но избрав изначально мир моды своей основной профессией, он не стремился профессионально оседлать ещё и мир искусства.

Он был частым гостем на открытиях галерей, закрытых элитных культурных вечеринках, а также он получал приглашения в дома влиятельных людей из мира искусства. Сам он не был заядлым коллекционером, но всё же со своим бойфрендом имел солидную коллекцию произведений искусства, соответствующую его эстетическому внутреннему миру, хотя в Нью-Йорке это и не считалось солидным. Этот город был пропитан современным искусством, особенно в том районе, где они жили (в Нижнем Манхэттене, в стильном и молодёжном районе Сохо), так что было неудивительно, что он жил сам этим духом искусства. Нью-Йорк подходил ему по всем параметрам, и хотя он несколько раз в году летал в Париж или Милан на показы бренда, с которым он работал,

и в те моменты ему хотелось там остаться и смаковать утончённый европейский дух мировых столиц моды, всё же динамика и бессонница Нью-Йорка манила его назад, именно тут он чувствовал себя не только живым, но и частью единого организма, связанный артериями и венами с сердцем города и всех его обитателей.

Мир моды очень тесно связан с гомосексуализмом, так что у Джулиана никогда не было проблем с тем, чтобы скрывать свою ориентацию. Он сколько себя помнил, всегда стремился именно к мужской красоте и сексуально его привлекали мужчины. На самом деле у него был не такой уж и большой опыт встречаться с мужчинами старше, потому что все его предыдущие серьёзные отношения были с парнями примерно его возраста. Но он быстро развивался в карьере, социальной среде и чувствовал себя очень зрелым, так что его нынешние отношения с Майклом ему очень подходили. Но его круг общения был тесно связан со всей этой тусовкой ЛГБТ, слишком уж много нетрадиционных работает в сфере развлечений в Нью-Йорке. Конечно, он обожал женское внимание, и у него всегда было полно подружек, которые восхищались им и требовали внимания, которое он с радостью им и предоставлял. У него было много друзей, хотя очень близких не так и много, на самом деле он не привязывался к людям, как это казалось со стороны, он был очень независимым и никогда до конца не раскрывался, хотя его экстравертная натура ошибочно показывала, что он был как рас-

крытая книга. Но это было не так. Все его любили (но у него было и полно завистников), думая, что хорошо его знают, но поскольку на самом деле он был сдержан, в кругу его общения было не так много компромата на него, он старался никогда не выливать грязь публично.

Социальная жизнь была ключом, поклонников у него было пруд пруди, но репутация для него была важна, сейчас он был в серьёзных отношениях и старался не допускать открытых измен. Да, уже много лет он со своими бойфрендами несколько раз в год ездил в Провинстаун, в гейский райский уголок, где в эти дни было позволительно абсолютно всё, и там обычно ему и хватало умерить свой жаркий сексуальный пыл, сменив множество партнёров и насытившись оригинальностью секса. Да, несмотря на свою сублильность и нежность, небольшая доза извращений была нормой его жизни, но он не любил извращения, которые унижали его или партнёров, а также не принимал физической боли, которая граничила с полным дискомфортом. Но пошалить он любил, причём часто, сексуальная жизнь для него была ежедневной нормой, и подобрав себе такого же похотливого бойфренда, они с ним отдавались сладострастию на регулярной основе. И за три года отношений они до сих пор не могли насытиться друг другом, их совместимость была невероятной. Хотя не так уж и много у них было общих интересов или взглядов, за исключением одержимостью сексом, но Джулиан был весьма мудрым в отношениях и знал, как сохранить

их не только в идеальной чистоте, но и эстетически красивыми и интересными. Майкл обожал его, и это было взаимно.

Рабочая жизнь его со стороны казалась идеально ровной, и может даже пресной, но на самом деле и в ней кипели страсти, офисная жизнь – такая же яркая, как и жизнь знаменитых актёров или художников. Но ему там точно не было скучно. Да, у него была не творческая работа по сути, но так как он работал в индустрии моды у модельера, от которого он был без ума, он неоднократно отмечал, что это была работа его мечты. Он работал в менеджменте, постепенно рос, и теперь отвечал за бренд, общественные связи и организацию мероприятий. Он не был начальником в этом отделе, но был его заместителем, так что к своим годам он добился очень многого в профессиональной среде, и гордился этим фактом не без повода! Да, работа была нервной и ответственной, её почти всегда было много в последние годы (как он получил повышение год назад), но он всё равно был доволен.

Не то чтобы все его обожали и любили в офисе, и тут были свои завистники, которые считали, что он тут всё насосал, но даже если доля правды в этих сплетнях была, на данный момент он был одним из самых продуктивных, сообразительных и успешных сотрудников во всём их огромном коллективе. Это поднимало ему самооценку, но также заставляло усерднее работать и развиваться, он интересовался всем, что происходит в мире моды на таком уровне, чтобы реально быть профессионалом своего дела. Конечно, он был

не без греха, часто ходил распальцованный, гонял зелёных сотрудников, позёрствовал перед интернами и негласно распространял дедовщину. Старенькие сотрудники тут были в почёте, и Джулиан в том числе, приложил к этому руку, но он считал своё место настолько стабильным и заслуженным, что подсознательно требовал больше уважения от других к себе, хотя перед начальством он сам был заискивающим и достаточно скромным. Но к его мнению здесь прислушивались, его уважали, так что все эти грешки (гласные и негласные) ему прощались.

Его отношения с директором (и главным модельером по совместительству) были странными. И хотя с одной стороны их можно было назвать банальными в своей начальной стадии, то сейчас всё было не так просто. Они познакомились давно, когда он ещё учился в колледже, и во что бы то ни стало, захотел стать моделью именно этого дизайнера. Райан Смит был его крашем ещё с тех юных лет, и Джулиан делал всё возможное, чтобы привлечь его внимание и зацепиться в его жизни. Он жаждал работать в этой фирме, и ничто не смогло его остановить в осуществлении этой мечты за достаточно короткий срок. Помимо этого у них образовались и романтические отношения, он часто сопровождал Райана на разные мероприятия, с ног до головы одетый в его эксклюзивную одежду под предлогом модели и рекламы, даже не задумываясь о том, что тот мог казаться со стороны его папиком. Он знал, что такие вещи не палят уже тогда, и хотя

ему было не так легко сдержать своё обожание и даже чувства к нему, он не переходил черту, чтобы открыто говорили о том, что у Райана появился любимчик (а то и более грубо, любимая игрушка или проститутка). Он делал всё возможное, чтобы быть на каждом мероприятии рядом, и если Райан брал в качестве модели кого-то другого, Джулиан мог устроить настоящую истерику и угрожать, что никогда в жизни не будет больше рекламировать его одежду. Но потом быстро понял, насколько Райана раздражают истеричные и неуверенные в себе люди, и ему пришлось прятать и ревность, и обиды, и разбитое сердце.

Но в какой-то степени он чувствовал себя избранным для Райана, было件нятно, что у них образовалась глубокая связь, и он отказывался верить, что дело было всего лишь в его молодости или в их сексуальной совместимости. Конечно, их многое объединяло – дрочка на одежду бренда, схожие взгляды в современном искусстве, любовь к роскоши, амбициозность, но ведь в богемной среде таких были сотни молодых парней, этого было мало, чтобы создать связь, которую невозможно было описать ни на одном языке. Да, чувства Джулиана можно было охарактеризовать крашем, он просто боготворил всё, что делал Райан, и ничто не могло разочаровать его, потому что тот был идеален в его глазах. Конечно, такая преданность льстила Райану, да и Джулиан был в тот период таким приставучим, что возможно он просто взял Райана измором! Но какая разница, неважно каки-

ми методами, но он добился своей цели, получив работу в его фирме и расположив его к себе до избранности.

Конечно, сейчас всё изменилось. Они уже давно не имели интимного контакта, и у каждого была своя жизнь. Но это пришло не постепенно, их близкая связь скорее оборвалась внезапно и болезненно по инициативе Райана, который считал секс с подчинёнными дурным тоном. Сексуальная связь с наёмной моделью, это было в порядке вещей для него, но офисный сотрудник, занимающий в твоей фирме неплохую должность, не мог по умолчанию быть твоим сексуальным партнёром на регулярной основе, ведь это нарушало деловой этикет. Так что довольно неожиданно закончились их совместные поездки в Европу, романтические ужины и гостиничные ночи после мероприятий. Поначалу он даже не врубился в это, так как не мог нарадоваться тому, что попал в эту фирму! Да, должность у него была пока что одна из самых низких, но он не планировал долго на ней засиживаться. Он отмечал в праздном образе жизни свой карьерный рост почти месяц, но когда осознал, что офисная жизнь не так сладка и интересна даже в любимой фирме, тогда-то осознание его и накрыло, ему не хватало встреч наедине с Райаном.

На работе Райан его не то чтобы избегал, но знаков внимания и интимности не было, и это стало для него настоящей пыткой. Неужели он обменял свою избранную связь с Райаном на это вшивое офисное место? Но опять же, на что ему было рассчитывать? Что Райан признает его официаль-

но с такими разными социальными статусами, и с их разницей в возрасте? Внутри он надеялся на это, но его наивность к тому времени уже прошла начальные стадии, и уже была в процессе омертвления, но почему-то мысли о том, что именно он был избранным для Райана, не покидали его, и значит, будут и свои исключения! Увы, Райан так не считал, но он сам не смел затронуть эту тему, потому что очень боялся услышать то, что всё кончилось, и он больше не интересен Райану. Хотя он всё же пытался на рабочем месте как можно чаще мелькать перед Райаном и даже завуалированно задавать интимные вопросы. Но он видел, что эта тактика делает только хуже, Райан на работе был совсем другим человеком и не путал личное с рабочим, так что все эти попытки выяснить отношения ничем хорошим для Джулиана не заканчивались.

Самым большим ударом стало известие, что Райан начал строить серьёзные отношения с очень влиятельным деятелем из мира искусства и таким же заядлым коллекционером, как и сам Райан. Они почти не отличались по возрасту, оба были при деньгах и с репутацией, как ни смотри, со стороны они походили на идеальную пару. Джулиана бомбило долго, он сначала не поверил в серьёзность этих отношений и даже полагал, что Райан специально дразнит его, чтобы вызвать ревность и подстрекать его на активные действия. Но Райан как будто умышленно начал ограждать себя от него, и никак ему было не пробить эту стену, и это вежливое и безучаст-

ное отношение было хуже ненависти или прямого и злобно-го отказа. Джулиан понять не мог, почему всё так резко изменилось, и почему такое игнорирование?

Ему было больно наблюдать за тем, как Райан официально признал свою новую пару, и он без слёз не мог читать в архитектурных журналах, как эта прекрасная пара обустривает свой только что приобретённый дом в Мидтауне, потому что сам столько раз представлял, как они будут благоустраивать с Райаном своё семейное гнёздышко! Он чувствовал себя влюблённым идиотом, он никогда не думал, что в его отношениях с Райаном когда-либо наступит подобный момент, и он останется в стороне, совершенно неинтересный и недостойный. И хотя он сам тогда имел бойфренда, которого, между прочим, любил, всё это было просто какими-то необходимыми для полноценного существования декорациями для него, и только с Райаном его ждёт настоящая жизнь, когда придёт время. Когда он понял, что у них всё серьёзно, а в его собственной жизни ничего не меняется, он впервые в жизни понял, что такое депрессия. И после очередных показов он решил остаться работать в Париже, чтобы полностью изменить свою жизнь, хотя и остался в этой же фирме (во Франции у них был солидный филиал). Он ушёл от своего бойфренда, собрал вещи и готов был окунуться в жизнь, полную приключений и радостей. Но как только он обустроился на месте, его накрыла апатия чернее бездны ада.

Через месяц ситуация была хуже некуда. Он терял интерес

ко всему на свете, никогда такой пустоты не ощущал. Работу никто не отменял, так что он продолжал работать, он общался с моделями, он отвечал на звонки, он болтал со своими друзьями, но больше ничего не вкладывал в это. Он настолько хорошо делал свою работу автоматически, что поначалу со стороны не было заметно перемен, так как он делал большую часть вещей ежедневно на автомате. Он даже не знал, зачем стирал одежду или мыл тело, но это было выработано, ему было слишком безразлично менять распорядок, так было проще, так не надо было думать. Всё равно было на еду, если она была, он её ел, если не было, то ему было всё равно. Он не различал вкусов еды, не получал эмоций от музыки, картины казались чем-то бесполезным, яркие цвета ничем не отличались от серых тонов, он терял вкус к жизни. И он не думал о сне, но если был дома, то в какой-то момент ложился спать, долго лежа в постели из-за бессонницы. Он не понимал, где заканчиваются его бессмысленные мысли, а где начинается сон, и сколько часов он спал. Он не знал, зачем ходил на работу, делал и это видимо на автомате. Он не перерабатывал и не создавал себе лишней работы, просто туда ходил, чтобы перекантоваться. Качество работы, скорее всего, страдало, но не до такой степени, чтобы им были недовольны. Он становился безликим и серым, как и его застиранные костюмы, это чувство было уместным в его жизни, он хотел быть невидимкой, и не хотел внимания к себе, он был ничтожеством, чтобы на него обращать внимание. Коллеги

были удивлены этими изменениями, поэтому он общался с ними ровно столько, чтобы они не забили тревогу, так как не хотел лишнего внимания. Он пил с ними кофе, в перерывах курил, был приветливым, но первый не заговаривал без надобности.

Он не ощущал боли, один раз он порезался ножом и не заметил этого, и принял меры только, когда напугал какую-то девушку кровью. Он не понимал, что такое чувство голода, или как это, что тебе хочется спать, он не испытывал страхов и не реагировал на шутки или троллинг. Он стал тенью себя самого, и даже не знал, хорошо это или плохо. Несколько раз его прямо спросили про здоровье, и он ответил честно, что ничего не чувствует. Джулиан ощущал себя перекованным, которого лишили абсолютно всех воспоминаний и чувств, и он существовал только голыми инстинктами, просто потому, что у человека не заложено в мозгу самоуничтожение, для этого нужна собственная воля. Иногда он выходил на улицу и гулял по городу, особенно ночью. Один раз его ограбили, и ему было всё равно. Один раз он потерял сознание на скамейке, он встал и пошёл домой, и ему было всё равно. Один раз он стал свидетелем изнасилования, и прошёл мимо, и ему было всё равно. Один день он понял бессмысленность существования и утопился в Сене. Наверное, так ему надо было закончить эту жизнь, но к счастью, он познакомился с одним человеком.

Стивен был полной противоположностью Райана – мяг-

кий, умеющий слушать, молчаливый, добрый и отзывчивый. Он был далёк от мира моды и искусства, но всё равно был эстетом и имел хорошие вкусы. Стивен подсознательно тянулся к красоте, и его поразило завядшее состояние Джулиана, и ему захотелось исцелить его в тот же час. Он помог ему вновь испытывать эмоции, медленно возрождая его из коматозного безразличия. Влюблённость просыпалась, и хотя Джулиан до сих пор в какой-то степени напоминал зомби, он осознал, что не Райаном единым жив этот мир. Всё началось с романтических прогулок по Парижу, маленьких уютных ресторанчиков, совместных встреч рассвета и спонтанных терапий в парке, когда Джулиан просто говорил и говорил, эмоции лились из него, ему требовалось высказаться незнакомцу, излить душу, вывернуть её наизнанку, освободиться от депрессивных дум и просто почувствовать эту жизнь. Это была такая поддержка, просто говорить и говорить, и после этих высказанных слов всё казалось уже не настолько реальным.

Окончательно он пришёл в себя после посещения выставки мраморных скульптур одного таинственного начинающего художника в какой-то маленькой никому неизвестной арт галерее. Он бродил по ней в одиночестве полумрака, выбросив из головы всё лишнее, ожидая момента слияния, когда ты полностью растворяешься в произведениях искусства или инсталляциях. Такое случалось с ним не так часто, в подсознании он жаждал этого катарсиса, это могло бы сейчас

ускорить процесс его ментального восстановления. Но сейчас даже картины любимых художников теоретически вызвали в нём скептическую скуку, так что он сомневался, что он получит от подобной выставки эстетический оргазм, момент высшей экзальтации или очищение. Но он оказался не прав, и даже если скульптуры не помогли ему очиститься и принять ситуацию до конца, они вызвали в нём очень сильные эмоции, что встряхнуло весь его внутренний мир и слегка подчистило хаотичность. Он был логиком и любил всё чётко выстраивать не только в своей жизни, но и в голове. Он строил свой мысленный магазин, в котором всё было идеально чисто – от белоснежных полок с дорогим товаром и эксклюзивными и креативными брендами до высокого уровня менеджмента и сверхсовременной компьютеризации. Если в голове у него был сумбур, в магазине начинались проблемы – от некачественного товара и путаниц в ценах до грабежа и полного разрушения магазина. Сейчас его магазин был в руинах, от того Джулиан и был таким несобраным и потеряннным.

В зале никого не было, и он мог бродить никем не отвлекаемый, сколько угодно. Концентрироваться на чём-то было нелегко, или скорее он не мог найти желание отвлекаться на что-либо, всё было серым и унылым в этой жизни. Но всё же и ему надоедало бродить бесплотным духом с пустой головой, в подсознании он жаждал исцеления, и проблески неуловимого счастья периодически дразнили его из непро-

ходимых уголков этой жизни. Что-то с этими скульптурами в полный человеческий рост было не так, и до него не сразу дошло, что именно. Они казались идеальными во всём – в пропорциях, чертах, живучести и даже индивидуализме, и можно было их разглядывать часами и не увидеть ни одного изъяна, насколько безупречно и искусно они были вылеплены из податливого мрамора. Идеальная чистота, гармония и стремление к высокому, ого, подумал он, чем не повод вдохновляться и стремиться к этому идеальному состоянию?

Но когда он шёл назад, любуясь этой красотой простоты и целостности, что-то странным образом начало меняться. Вроде бы он видел те же самые фигуры, стоящие безмолвно в полутёмном зале, только почему-то их идеальная чистота уже не бросалась в глаза. Что за искажённое видение, думал он, но всматриваясь в глубину несуществующих душ этих скульптур, он всё меньше ощущал в них гармонию. Теперь они казались ему сломанными и вымученными, их гибкие тела теперь выглядели скрюченными и перенапряжёнными, их взгляды не стремились к свету, а тонули в тумане собственного отчаяния. Их прекрасные конечности теперь, казалось, были налиты свинцом, малейшее движение провоцировало неслыханную агонию. Их позы кричали о болезненных ощущениях, жуть, страхи, тоска, всё перемешалось в их отчаянных попытках не сойти с ума, и, в конце концов, этот коктейль из безумия, ужаса и депрессии постепенно оседал в безразличии, в унылом и ничего не выражающем безразли-

чий ко всему на свете. Принятие собственной дисгармонии и полное погружение во мрак кричали о разрушении и полной противоположности жизни, они олицетворяли анти-жизнь и лишали смысла всего вокруг.

Но эти сломленные анти-жизни с их сломанными телами, что нависли над ним в этом осязаемом одиночестве, были настолько уместны в этой задыхающейся дисгармонии, что становились безупречными. Это было невозможно описать, и когда он снова на них смотрел, приняв, что даже дисгармония способна указать путь к высшей экзальтации, они снова казались идеальными в своей чистоте и правильности. Его это напугало и поразило, эта обратная сторона экзальтации вызывала в нём необъяснимые страхи, он вдруг понял, что такое быть сломанным. Ему было не по себе от того, что он ощутил сейчас слияние с дисгармонией этих скульптур в их высшей форме искажения, он был таким же сломанным и анти-идеальным сейчас, и это вызвало в нём волну отворачивания к миру и к самому себе. Нет, никто не имеет права уничтожать свой внутренний свет и растворяться в пустоте, вакууме, чёрной дыре, в полное ничто.

Он выскочил из галереи и долго бежал по узким улочкам Парижа, пытаясь скинуть это наваждение, откинуть эти чёрные страхи и желать снова стремиться к свету. Эти обезображенные образы его преследовали, лишали его личности, присасывались к его измученному духу, но их противоположная сторона кристальной и непогрешимой чистоты ука-

зывала на то, что за этим скрывается неопиcуемый ад. И может, чтобы прикоснуться к этой нагорной непорочности, было необходимо пройти все круги ада? И тогда он осознал, как мелочны его тревоги и печали, как глупы и бессмысленны его треволнения, он был жив и в здравом рассудке, и только что он чётко осознал определение идеального состояния, и как оно близко с понятием полной деградации. Если это и не был катарсис, то он полностью переосмыслил реальность.

После этого он вернулся в Нью-Йорк и начал «новую» старую жизнь. Конечно, ему не удалось совсем избавиться от чувств к Райану, но теперь он смело мог выжить без него, и видеть его без этих страшных эмоций, он отпустил его из своей жизни и теперь старался воспринимать как начальника. Он себе умышленно создавал тяжёлые тесты, искал деловых встреч наедине, чтобы полностью соответствовать своей роли и не испытывать лишних эмоций, а спокойно концентрироваться на решении рабочих вопросов. Пока один день Райан не наорал на него и не назвал приставучей пиявкой, требуя не лезть в его жизнь и не распространять грязные слухи. Джулиан опешил от этих несправедливых слов, знал бы Райан, каких усилий ему требовалось, чтобы отпустить его и просто быть порядочным подчинённым, забыв обо всех моментах счастья, что он испытывал рядом с ним! Что за нелепые обвинения, он к нему не приставал и никакие слухи не распространял (разве что выказывал пренебрежительное отношение к новой пассивности Райана)! Это было настоящим уда-

ром для него. После такого тяжёлого периода, что он пережил в Париже, вызвавшего психологическую травму, что мучила его ещё не один год, Райан бросал с презрением ему в лицо эти необоснованные обвинения?

– Что ты хочешь ещё от меня, мелкая приставучая сучка, знай своё место! Или ты таким образом хочешь добиться повышения, да? Шантажировать меня будешь ещё, какой твой следующий шаг, а? Хорошо, давьсь своим повышением, переходи в разряды менеджеров, но прекрати меня сталкерить! – И Райан прямо на месте подписал официальные бумаги об его повышении и переходе в другой отдел, и на них только не хватало его собственной подписи. И тогда-то Джулиан и понял, что это и был конец всего этого романа, который он в своё время успел идеализировать до невиданных масштабов, и хотя сейчас он смирился с этим финалом, ему как будто плюнули в лицо этими словами и откупом повышением. Его гордость была задета, хотелось дать Райану в морду, закатить истерику уровня Кащенко, но всё что касалось карьерного роста не имело ни гордости, ни чести, посчитал он, и разве он не заслужил этого?

Не так просто было сохранить невозмутимое и приветливое лицо после этих обвинений и вестей. Но ему удалось выйти оттуда с таким лицом, как будто ему просто сказали принести кофе, обычное поручение в обычный день, но бушующие эмоции от Райана врезались в него ураганными порывами, и он понимал, что это не было и для Райана лёгким

решением. Он долго размышлял потом о случившемся, когда дома вдоволь наревелся, а потом и нажрался с друзьями до поросячьего визга (под предлогом повышения на работе). И он пришёл к нескольким выводам. Либо Райан ощущал вину и реально откупался так от него. Либо Райан боялся разоблачения перед своей новой пассией или что он начнёт его шантажировать. Либо Райан боялся, что в обществе об этом узнают, и это повлияет на репутацию Райана (ведь из-за этого мог пострадать его бизнес).

Но этот случай быстрее помог ему отпустить Райана из своей жизни, и хотя в душе это оставило глубокие раны, которые со временем зарубцевались, он воспринял это как полезный жизненный опыт, решив впредь в своей любовной жизни так сильно не привязываться к кому-либо. Хотя легко сказать, в периоды влюблённости он терял голову и обрастал крыльями, но сейчас в его жизни больше не было места крашам, он преодолел этот трудный возраст и сконцентрировался на реальной жизни. Правда, глубоко внутри так и остался тем самым дrouchим мальчиком, который готов был бросить всё, если бы Райан вновь поманил его. Но теперь он не позволял этим чувствам влиять на его жизнь, он считал этот случай экзаменом на зрелость, который он сдал, если и не на "отлично", то, по крайней мере, проходной балл получил.

После этого с психологической травмой было покончено, жизнь вновь была оптимистичной и полной приятных неожиданностей, и отношения с Райаном плавно после этого

выходили на новую фазу. Они были вежливыми, деловыми и сдержанными после периода игнорирования с обеих сторон. Им всегда было рядом комфортно, так что долго избегать друг друга в коллективе им не удалось. О том, что Джулиан насосал себе это место слухи практически не ходили, и он старался всегда их рубить на корню, к тому же с годами оставалось всё меньше стареньких коллег, которые догадывались про его особую связь с Райаном из прошлого. Но всё равно со стороны было видно, что Райан на самом деле относится к Джулиану лучше, чем к другим своим подчинённым, он был его любимчиком и в какой-то степени музой, просто теперь их отношения уже были скорее платонически деловыми, и кажется, обоим это устраивало.

Но всё равно в моменты, когда у Райана были крупные проблемы, или назревала истерика, всегда к нему вызывали Джулиана, потому что только он мог так быстро и качественно успокоить Райана, и ему до сих пор было приятно ощущать себя избранным для Райана. Джулиан хорошо знал своего начальника, и хотя с годами он уже с таким обожанием не боготворил всё, что тот делает, а наоборот, всё чаще со скептицизмом или критицизмом воспринимал решения того, волна ностальгии и приятных воспоминаний окутывала его всепрощающее сердце, вновь заставляя себя убеждать в том, что все чувства остались в прошлом. На самом деле он уже не хотел бы возобновить с ним интим, это было бы так неуместно вновь ходить с ним на свидания или подставлять-

ся в дорогих гостиничных номерах. Да, если бы Райан ему это предложил, он бы всеми путями пытался его не обидеть, но точно знал, что ответит однозначным отказом. Он считал это пройденным этапом, который бессмысленно возвращать. Но особенная связь всё равно заставляла его периодически встрепенуться и ощутить себя значимым в его жизни, это чувство окрыляло и воистину давало ему почувствовать себя музой Райана. Улыбка только ему одному, такое нежное хлопанье по плечу, шутка, понятная только им двоим, похвала при коллегах, всё это заставляло его сердце биться чаще, пробуждая воспоминания совместного счастья. Так что преодолеть до конца свой краш ему всё же не удалось, но он сумел оставить воспоминания чистыми и сохранил с Райаном хорошие и деловые отношения. А сам он при этом окунулся с головой в свои новые отношения с танцором, которого не менее страстно любил, и никогда бы ни на кого не променял.

Это была хорошая прогулка до офиса, он зарядился солнышком, выбросил всё дерьмо из головы и сосредоточился на сегодняшней порции дедлайнов, он любил ходить пешком в тёплое время года, правда, обычно договаривался с кем-нибудь из коллег из ближайших районов, в компании всегда веселее! Офис у них располагался в фешенебельной высотке по соседству с другими фэшн компаниями и арт галереями, так что все тут были на стиле (а они сами носили строгую форму, это было обязательным условием), и приходилось соответствовать, так что в этот день он тоже был неотразим и

безупречен с ног до головы. Поболтав с коллегами, потусив в курилке и попив кофе, он пошёл в свой кабинет, который он делил со своим начальником. Он также был связан с более просторным помещением, где работали их подчинённые. И по правде говоря, он предпочитал сидеть вместе с ними, чем со своим прямым директором. Потому что перед ним он сам был подчинённым и ему приходилось следить за тем, как он работает, а там он мог играть в босса и позволить себе больше халявы.

Телефон его постоянно разрывался от звонков клиентов, потенциальных партнёров или знакомых, так что сначала он разбирался с этими делами, а потом, как правило, готовился к коротеньким собраниям, где они обсуждали планы на неделю или день. Он часто был в команде креативщиков, кидая разнообразные идеи для развития, а потом все вместе они их обсуждали и разрабатывали дальше (или отменяли). День обещал быть длинным и насыщенным, не без нервного напряжения, но предпоказной суеты или сдачи проектов сегодня не было, так что подобный уровень стрессов для него был нормой. Ему даже скучно было в те дни, когда ничего не происходило, и не было из-за чего париться. В обед он собирался в ресторан со своим бойфрендом, но тот проспал и позже пошёл в спортзал, так что они перенесли встречу после его работы, где уже планировали поужинать вместе. Пообедав со своей любимой коллегой, которую он знал ещё со времён колледжа, они пошли загорать в ближайший

парк, где задержались почти на час, потому что солнышко никак не хотело их отпускать. Но сегодня не было важных встреч, звонков или совещаний, так что иногда можно было себе позволить расслабиться и во время работы.

Вернувшись в офис, Джулиан заметил на столе конверт. Он прекрасно знал эти конверты, которые всегда лично подписывал сам Райан, не то чтобы тот был яростным противником технологий, но писать он предпочитал не на телефон и не электронные письма, а рукой, причём всегда невероятно аккуратным и стилизованным почерком. Обычно в таких конвертах сотрудники получали поздравления с личными праздниками, известия об особенных премиях или приглашения на мероприятия, которые курировал Райан. В этот раз Джулиан увидел там приглашение на выставку скульптур в музее МОМА, и это был VIP билет официального открытия вместе со всем этим пафосом в виде приглашённых звёзд, дорогущей еды и выпивки и придиричивыми экспертами арт-рынка. Вот это да, как же ему было лестно, но существовала вероятность, что он там просто будет работать, возможно, там будут какие-то VIP клиенты, с которыми надо создать связи по поводу дальнейшего сотрудничества с их брендом. Да, стоило узнать подробности, чтобы подготовиться, ведь выставка уже пройдёт в эту пятницу (а сегодня был понедельник).

Джулиан решил без предупреждения посетить кабинет Райана, лишь заранее постучав. Он до сих пор всегда волно-

вался перед этим кабинетом, потому что это был ОН, и как бы глубоко он не прятал свои эмоции по отношению к Райану, бывали моменты, когда психологические барьеры ломались, и волна нежности, желания или волнения окутывала его пылающим жаром. Сейчас было то же самое, к тому же предчувствие шептало, что-то тут не так, а надежда подбадривала, что ты же для него до сих пор избранный, самый лучший! Когда ему позволили войти, Райан сидел и сосредоточенно читал программку VIP скульптур. Обменявшись серией любезностей и рабочих банальностей, Райан вдруг опустил взгляд и сказал, что это – двойной VIP билет на выставку. Джулиан не понял, что Райан имел в виду и осторожно переспросил.

– Я беру тебя в качестве своего сопровождающего, – объяснил Райан ему терпеливо. Это означало, что Райан туда идёт без своего бойфренда, это уже была победа! Но блин, на что он снова надеется и главное, зачем ему это надо? – Ты не работаешь там, – снова заговорил Райан, – и не забывай, что мы идём вместе.

Чёрт, да что всё это значило, он что, брал его на это мероприятие в качестве своей пары? А как же бойфренд Райана? А как же его собственный? Там же точно будет пресса, фотографы, арт тусовка будет долго обсуждать это мероприятие, и что ему теперь думать?

2

В последнее время жизнь Райана Смита состояла из сплошных раздражающих факторов, а всё из-за того что суровые условия фэшн бизнеса диктовали ему слишком много своих правил, где оставалось слишком мало места для чистого искусства и экспериментальных идей. Райан был хорошим бизнесменом и подстраивался с лёгкостью к новым экономическим, политическим и финансовым течениям, но эта лёгкость всё же не была такой уж и лёгкой для его творческого эго, и эстетические потребности его гедонизма требовали больше голых идей, возвышенной красоты и новых путей. Реальность же была такова, что фирма держалась благодаря своим узнаваемым трендам, на которых они чуть ли не конвейером и зарабатывали большую часть прибыли. Конечно, экспериментальные коллекции, сотрудничество с уважаемыми фриками из мира моды и искусства, а также их театральные шоу на показах оставались его отдушиной, но всё же его последние годы в процветающей фирме стали какими-то рутинными.

Он до сих пор владел большей частью своих акций и числился директором фирмы, хотя на деле его управляющая команда делала большую часть работы за него. И если бы не они, сомнительно, что у фирмы было бы столько прибыли ежегодно, потому что он не позволял бы так много продавать

все эти однотипные и обыкновенные вещи. Но он понимал, что хорошо для бизнеса, а что нет, так что всё реже он уже конфликтовал и протестовал, не подписывая выгодные для бизнеса контракты и расторгая сделки в пользу креативности и оригинальности. У него была идея продать акции и сосредоточиться на творческой работе, реально вкладывать всё своё время и силы в создание дизайнов и шоу, но он создал эту фирму с нуля и был к ней привязан лихорадочным материнским инстинктом. Только он знал эту фирму изнутри и снаружи до мельчайшей детали, и никто и никогда не сможет справиться без него, фирма попросту потеряет себя с его уходом. Но фактически он ею уже не управлял, оставалось только признать этот факт и дать руководить бизнесом тем, кто понимал это лучше его. Пока что он не был к этому готов, нужен был какой-то толчок для этого, иначе это будет слишком болезненно.

И всё же кое-какие идеи у него были, как расстаться с управлением своей фирмы. Нужно было создать новую фирму, где можно будет максимально вкладываться в творческое развитие. Открытие галереи было самой частой его мыслью, и в последнее время он уже со своим партнёром и друзьями из мира искусства обсуждал более детально эти возможности, и наконец-то его жизнь снова стала беспокойно сосредоточенной. Его мысли быстро обретали формы, так что его идеи уже практически имели каркас бизнес-плана, который ему не терпелось осуществить. Может быть, он не был са-

мым современным бизнесменом своего времени, но у него имелись все возможности (и финансы, и связи, и дар убеждения, и вкус) нанять любого человека или брать консультации на темы, которые были для него не самыми сильными сторонами. Но, тем не менее, он думал о своём проекте скорее как о той отдушине для себя, где главное было реализовать собственные идеи, а не потакать жестоким правилам бизнеса. Так что работа над открытием собственной галереи в какой-то степени уже началась.

Его путь в мир бизнеса не казался со стороны трудным, хотя на деле он требовал невероятного количества усилий, выдержку, нервную стойкость, профессиональное чутьё, умение принимать решения, гибкость и непоколебимую волю. И, конечно же, огромное желание видеть свои идеи осуществлёнными. Он был из хорошей и обеспеченной семьи, которая его поддерживала во всём, правда, он понятия не имел, откуда в нём проснулась креативность, и как он умудрился стать прославленным кутюрье. Много поколений его семья занималась успешно в сферах медицины, банковского дела и юриспруденции, но ни одного творческого члена семьи обнаружено не было ни сейчас, ни за несколько поколений до него. Он принадлежал четвёртому поколению в США, его предки немецко-еврейского происхождения перебрались в Америку в поисках лучшей жизни, и так и пустили свои корни, успешно осев на этом дружелюбном для белокожих континенте. Еврейская линия давно уже оборвалась, но

чистота белой крови соблюдалась достаточно щепетильно в их семье. И хотя он не был сам расистом, всё же его воспитание и взгляды на жизнь ограждали его максимально от близких связей с другими расами. Он был поклонником древнегреческой и древнеримской красоты, предпочитая классику и приличия европейского мира, и хотя мир моды требовал гибкости и умения интегрироваться в глобализм двадцать первого века, его идеалы держали его в некоем коконе расовой чистоты. Но это не было заметно со стороны, так что никаких обвинений в расизме к его фирме не предъявляли. Во всяком случае, не на том уровне, чтобы возникли проблемы.

Его любовь к порядку помогала ему на протяжении многих лет умело распределять свой труд, а также организовать обязанности своих подчинённых. Он не сильно привязывался к конкретным людям, и если это случалось, в таком случае между ними должна была вспыхнуть невероятной мощности искра, и неважно, в каком виде – деловая, творческая, личная или социальная. Он не был тираном на своём рабочем месте, но он не был и всепрощающей неженкой, покровителем сырых и убогих, психологом комфорта, как и не был он и фамильярным и придирчивым. Он не терпел несобранность, лень, давление на жалость, отсутствие мотивации и звёздную болезнь. Он давал возможности своим сотрудникам развиваться, но халява тут не поощрялась, так что в итоге в его коллективе было достаточно много профессионалов высшего класса, которые и являлись опорой фирме в любые, даже

самые беспокойные времена.

Он любил работать с группой своих талантливых дизайнеров, именно благодаря им его идеи не только обретали форму, но и душу. Но обратная сторона их натур была скользкой темой для него. Несмотря на то, что он всячески поддерживал креативные и экспериментальные взгляды, их закрытость, погружение в собственные миры, бытовая беспомощность и полное несоответствие социальных норм делали это общение исключительно деловым. Ему было легче среди прагматичных и разумных людей, но далеко не всем удаётся управлять своим неземным талантом так же легко, как и функциональностью жизнью. Так что Райан жил и работал меж двумя полярностями, понимая, что сам сочетает в себе эти две противоположные стороны – голое творчество и креативность правого полушария, и практичность и деловую хватку левого.

Его личная жизнь никогда не была загрязнённой уймой беспорядочных связей или пьяных перепихонов, ему нравилось контролировать свою сексуальную жизнь с брезгливой щепетильностью. Конечно, и он был падок на красивые и молодые тела, его восхищение идеальными образами иногда обволакивало эти красивые и молодые тела в личности, с кем можно было умерить свой эстетический и сексуальный пыл одновременно. Потребность доминировать у него оставалась и в сексе, так что молодые любовники подходили ему больше всего, и он старался к ним не привязываться, восприни-

мая как объект красоты и удовлетворения собственных желаний. Обычно это были модели, профессия позволяла ему неограниченный доступ к модельному материалу, и крайне редко он выбирал себе из моделей тех, с кем потом поддерживал регулярный сексуальный контакт. Но и тут были свои исключения, например, Джулиан, который работал сейчас в его офисе и занимал хорошую должность. Но это был скорее уникальный случай, когда отношения длились годами и имели глубокую эмоциональную связь. Но в любом случае им давно уже пришёл конец, потому что его репутация и принципы не позволяли спать со своим офисным подчинённым.

Вообще он по жизни не был одиночкой, от того у него всегда имелись постоянные бойфренды, или правильнее сказать партнёры. Сейчас его устраивала его жизнь со сдержанным перфекционистом Лео, который считался одним из самых важных коллекционеров в США. Их отношения были партнёрскими и деловыми во всём, но это было не всё, социальный контакт и эмоциональная близость присутствовали и в их союзе, но они были во всём на равных, уважали друг друга, принимали точку зрения каждого и поддерживали во всех начинаниях. Не то чтобы они так часто виделись, но им было комфортно рядом, и хотя по сути каждый занимал свою сторону дома, их партнёрство всё равно было достаточно глубоким и важным в их жизни. Они разделяли любовь к шику, хорошим трапезам, современному искусству и антиквариату. Они эмоционально вели себя во время аукци-

онов, устраивали оправданные истерики в дорогих ресторанах, писали критические заметки о мероприятиях каждого и следили за чистотой во всех смыслах их отношений. Была ли это со стороны образцовая пара двух избалованных эстетов? Может быть. Потому что они блюли свои репутации и не позволяли выливаться грязи.

Конечно, у них тоже бывала интимная жизнь. Но в последнее время она практически ушла на убыль, заполнив эту нишу социальными планами и эстетическими впечатлениями. Да, и у Лео возникали периодически свои любовные связи, Райан знал о них и даже поддерживал, мужчинам их возраста требовалось подле себя видеть красивые и молодые тела, это молодило их и поднимало самооценку, а также улучшало здоровье. Важно было не заводить постоянных любовников, потому что даже вокруг них (хотя они старались максимально огородить себя от понятия публичных личностей) витали слухи, и лучше было не палиться слишком часто с симпатичными мордашками, которые смотрели на них с обожанием или вели чересчур громкую социальную жизнь, что могло вызвать ненужную волну слухов. Так что и здесь у него была полная гармония, и хотя его мир состоял не только из благоухания эксклюзивных духов и прозрачных тканей высочайшего качества, всё же уровень удовлетворённости жизни в целом у него был выше среднего.

Джулиан действительно был исключительным случаем для Райана, слишком ярким, долгим и эмоциональным, что-

бы когда-нибудь его отпустить из своей жизни навсегда. Всё начиналось банально и пошло, начинающая модель запала на него, и поскольку Джулиан оказался решительным, умным, амбициозным и интуитивным, разовый секс сначала превратился в многоразовый, а потом и во что-то ещё более глубокое. Да, совместимость у них была отменной, наверное, Джулиан был его лучшим партнёром за всю его жизнь. Несмотря на любовь к власти и доминированию Райан позволял Джулиану больше, и с его неугомонной энергией, весёлостью и изобретательностью секс превращался в настоящее театральное шоу со всеми трагическими спадами и эмоциональными кульминациями. Джулиан оказался той ещё прилипалой, прямо надыхаться им не мог, но первое время это было взаимно, так что он брал его довольно часто на разнообразные мероприятия или тихо оплачивал поездки по Италии и Франции, где они могли меньше стесняться друг друга на публике. Но он предпочитал для этих встреч снимать свой любимый номер в одном из лучших и дорогих гостиниц Нью-Йорка. У него там имелись свои связи, так что конфиденциальность ему гарантировали. Он до сих пор с трепетом и возбуждением вспоминал некоторые из этих гостиничных ночей, которые удовлетворяли его и заряжали на много недель вперёд.

Можно смело предположить, что их регулярные романтические связи и желание видеть Джулиана были намёком на влюблённость, но Райан никогда не позволял этой мысли об-

рести силу, для него это было невозможным, он не влюблялся в своих моделей, в юнцов, которые годились ему в сыновья, он себя убедил в этом, и точка. Но пока Джулиан оставался просто его моделью (и чьим-то другим сотрудником или студентом), у него не возникало мыслей прекращать эту связь. Но он интуитивно чувствовал, что Джулиан желал ответной услуги за эту связь, да, Джулиан был слишком умным, чтобы рассчитывать на серьёзные отношения с ним, но тот тратил свою молодость на него, а потом уже и прямо начал просить устроить на работу в офис. «Я хочу видеть тебя каждый день», говорил он, и хотя он верил в искренность этих слов, там кричали и амбиции. В конце концов, он устроил его на работу, долго размышляя на эту тему. Возможно, эти отношения затянулись, думал он, может, это и к лучшему, что Джулиан сам сделал первый шаг к этому разрыву, ведь он чётко разделял работу и личную жизнь, их отношения не смогут существовать. Только Джулиан этого не понимал.

Райан считал, что Джулиан достаточно мудр, чтобы понять причины, почему он больше не зовёт его на свидания, но ему стоило учесть его возраст и незрелость отношений (он, по сути, был его самым серьёзным мужчиной, хотя он никогда не позиционировал их связь как пару). На работе от него не было покоя, пришлось его ставить на место и объяснить этикет и негласные правила офисной жизни. Он боялся, что Джулиан выдаст их, и все увидят, как на самом деле

Джулиан к нему относится, и могут заподозрить что-то больше. Так что он сначала начал того как можно деликатнее игнорировать, а потом уже и более открыто. Но Райан наблюдал за ним и по-прежнему восхищался, но на работе это не имело значения, Джулиан был всего лишь помощником менеджера, который даже не прошёл испытательный срок, чего ему вообще обращать на него внимание, по сути? Так что довольно резко он оборвал с ним личные отношения, и сколько бы Джулиан ни пытался с ним поговорить серьёзно на эту тему, он не вёлся на эти провокации, Джулиан прекрасно понимал, почему отношения завершились, и почему они больше никогда не будут прежними. Было непросто сдержаться и относиться к нему, как и подобает его статусу, но Райан привык к выработанному холодку к людям, так что постепенно Джулиана становилось в его жизни всё меньше и меньше.

Джулиан был неугомонен, бывало, караулил его возле дома, каким-то образом попадал на закрытые вечеринки, куда того точно не приглашали, соблазнял его на работе, бомбил записками и пытался взять бразды отношений в свои руки. Ни одна тактика не принесла плодов, наоборот, это ускорило процесс их расставания, только раздражение Райана было уже солидным, это было незрелое поведение. Он знал, что у Джулиана был бойфренд, и даже тогда, когда они с ним встречались, на самом деле, ему это не нравилось, но эти замечания могли бы дать понять Джулиану, что тот ему не безразличен. Это было бы ошибкой, роман с моделью не был

для него серьёзным делом, убеждал он себя и делал всё возможное, чтобы не просто придерживаться своего мнения, но и верить в это. Конечно, со временем этого трэша от Джулиана стало меньше, а на работе и вовсе исчезло, потому что Джулиан усвоил урок, что Райан не терпит истерик, способствующих порче его репутации. Понимал и сам Джулиан явно, что если слухи об его романе с боссом станут более весомыми, пощады ему не ждать, он был молод, но быстро учился, что такое работать в офисе и в фирме, которая заботится о своём добром имени и никогда не впутывается в скандалы.

Он не планировал строить новые отношения с Лео, так получилось само собой. Ниша была не заполнена, и как-то гармонично и быстро они начали строить отношения даже без этого легчайшего флёра влюблённости. Они просто нашли друг друга, two soulmates, и серьёзный роман ему показался не такой уж и плохой идеей. Он делал вид, что не замечает страданий Джулиана, к тому же он окунулся с головой в новый опыт, и его мало волновали такие мелочи, сейчас его раздражала повышенная чувствительность Джулиана и его вежливые попытки серьёзных бесед. Не прокатывало это, но его неудовлетворение Джулианом росло, ему казалось, что тот слишком настойчив и упрям.

Райан стал подозрительным и боялся, что тот начнёт шантажировать его или даже Лео в раскрытии правды, что Райан спит со своими моделями, и вскоре это стало навязчивой мыслью. Он хотел избежать этого любыми методами, так что

даже подумывал о том, чтобы попросить его уйти с работы или даже найти повод уволить (это было не так сложно организовать). Но это покажет, что он боится Джулиана, и это даст тому власть над ним, а он не хотел интрижку с Джулианом считать своей слабостью, наоборот, это было в прошлом и никак не влияло на его нынешнюю жизнь. Ему не с кем было проконсультроваться, его навязчивые мысли и деликатность ситуации не давали никому довериться, так как страхи, что Джулиан на самом деле плетёт за его спиной интриги и готов выстрелить своим шантажом в любой момент, не давали ему покоя. Он накручивал себя, стал нервным, огрызался на всех подряд, не говоря уже о том, как получал Джулиан на работе, любой вежливый знак внимания со стороны Джулиана к нему казался ему раскрытием интимных подробностей, и в этой уязвимости и надуманных страхах он в итоге решил сдаться.

Он вызвал Джулиана к себе на серьёзный разговор и начал обвинять того, что тот ведёт себя вызывающе и чуть ли не орёт о том, что когда-то между ними было, и что ему этот шантаж осточертел, и он заткнёт его раз и навсегда.

– Чего ты добиваешься? – кричал он, хотя редко терял обладание и повышал голос до истерических нот, превышающих привычные децибелы, – Засталкерил меня, несёшь всякую чушь, угрожаешь, чего ты добиваешься, надоедливый щенок? На, получай своё повышение, в таком случае, только ради бога, отстань от меня и дай спокойно жить! – Джули-

ан опешил от этих обвинений, он видел, насколько ранили Джулиана эти обвинения, которые на самом деле были утрированы, но на тот момент он был затрахан всем на свете и не испытывал ни капли сострадания. Его натура в какой-то степени даже наслаждалась этим зрелищем, он давил сейчас этого Джулиана, чувствуя безграничную власть, и интереснее всего было наблюдать за тем, насколько это сломает Джулиана, или же наоборот, насколько возвысит, хотя бы, в его глазах. Да, не сломал, Джулиан принял скромно новую должность, был вежливым и не эмоциональным, и Райан понял, что это и есть финал этих отношений. Понимал это и Джулиан. Я купил его молчание, считал Райан, теперь он успокоится и отпустит меня из своей жизни. И так оно и было, хотя для Джулиана это оказалось настолько болезненным, что он уехал работать в их филиал в Париж. Но Райан посчитал, что так даже будет лучше, он успокоится сам, Джулиан забудет его, и наконец-то все расслабится, и вновь будут испытывать деловые и сдержанно тёплые чувства друг к другу.

Когда Джулиан вернулся назад в Нью-Йорк, стало ещё проще, он вернулся немного другим, и уже не позволял себе быть навязчивым в обществе Райана. Это ему нравилось, так что он даже не успел заметить, как снова больше тому доверяет, выделяет, хвалит, делает комплименты и зовёт на ответственные мероприятия работать. И да, он даже спрашивал у него советы, чаще всего связанные с его позорным внедрением в мир технологий, и всё это всегда было конфи-

денциально, ни разу после этого повышения Джулиан не перешёл рамки дозволенного. Между ними неоднократно возникали ситуации, которые казались обоим очень интимными, и одно его слово, он знал это, и они снова окажутся в одной постели. На самом деле ему иногда этого хотелось, но собственные табу нарушать не хотелось. К тому же он помнил, как сам обвинял Джулиана в том, что тот пристаёт к нему, а в итоге всё окажется совсем наоборот, и разве это не слабость, закончив отношения, снова обращаться к ним хотя бы за такими услугами, как секс?

Бывало, он даже испытывал к Джулиану некие отцовские чувства, и даже давал советы по поводу его бойфренда (к которому он не ревновал, та жизнь Джулиана его никак не касалась), но скрывать он уже от себя перестал, что Джулиан для него до сих пор был особенным человеком. Да, их очень близкие пути разошлись, но оно и к лучшему, они бы вместе не ужились. Но нежность и трепет, что иногда накрывали его при виде вечно бегущего по срочным делам сияющего Джулиана, иногда переворачивали его внутренности наизнанку, насколько острой была потребность любить его платонически. Да и не только. Он сдерживал себя, а потом эти острые приступы тускнели, и снова актуален был деловой контакт. Но порой ему хотелось плюнуть на все свои принципы, на все свои ограничения, и просто забрать Джулиана к себе в качестве своей второй половинки. Но такие моменты были уже так редки, что, в конце концов, походили на фикцию ма-

лолетней принцессы. Его вполне устраивала его жизнь.

3

В эту пятницу Джулиан отпросился с работы, чтобы прихорошиться к выставке, он никогда не позволял себе выглядеть относительно хорошо. Слово "относительно" всегда было врагом в мире моды, тебя судили по внешности, умению держаться, и главное, по уверенности, как именно ты носил свои наряды (а то часто бывает наоборот, что не человек носит одежду, а одежда его). Чтобы оставить неизгладимое впечатление, хотя бы на один вечер, приходилось вкладывать в свой образ уйму сил, времени и денег, и хотя он привык к солидным мероприятиям, волнение выглядеть неопрятным и заурядным, заставляло его необоснованно нервничать.

Его бойфренд был дома, и Майкл просто хотел провести вечер с Джулианом, устав от танцевальной рутины за неделю (в кои-то веки вечер пятницы у него был свободным, но он сейчас репетировал над новой постановкой, так что вечера его выходных были не всегда забиты).

– Прости, – врал Джулиан, – но туда без проходов не попасть, к тому же я буду там работать.

Ему было немного стыдно за то, что он надеялся до сих пор (спустя столько лет), что Райан возьмёт его официально на выставку такого уровня, и что это будет их первый совместный выход в свет! И Майклу там точно в таком случае не место. Что будет дальше после этого первого совместно-

го выхода, он и не думал, ему просто хотелось осуществить фантазии и раз в жизни прекратить думать обо всех своих ответственностях. Как назло Майкл был таким нежным и отзывчивым в последние дни, что его мечты пилили его совесть, но сейчас стоило выбросить всё лишнее из головы. Майкл хотел его проводить до музея, явно намекая, что если они приедут вместе, то как-нибудь лазейку найдут пройти вместе и на выставку.

– Нет, нет, дорогой, – поспешно объяснял ему Джулиан, – меня уже ждёт такси, там строгий дресс-код, куча злых охранников и реально проходки на вес золота, явно придётся обрабатывать клиента с завышенными потребностями и безграничными связями в мире моды, искусства или бизнеса!

Это было возможно, но повышенная нервозность показывала Майклу, что его суженый что-то недоговаривает, и это показалось странным, так как обычно Джулиан доверял ему всё самое сокровенное. И хотя порой ему хотелось заткнуть его и попросить не изливать ему столько лишнего говна, он ценил доверие Джулиана и сейчас почувствовал себя чужим. – Береги себя, – прошептал он, обнимая и целуя Джулиана в губы, – я буду скучать. Если тебе наскучит, сразу пиши, приеду за тобой молниеносно!

Джулиану стало ещё более неловко, и он даже задумался над тем, чтобы попытаться пройти на выставку вместе с бойфрендом, но нежный порыв Майкла сбил его едва оперившиеся мысли.

Майкл взял его за подбородок и повторил вновь. – Береги себя, сладкий, я люблю тебя. – Майкл практически никогда не кидался этими словами "я тебя люблю", и это с одной стороны умилило его и заставило его внутренних тараканов отплясывать канкан, но волна странного предзнаменования нахлынула на него почти с физической силой. Слова "береги себя" звучали как оберег, и он действительно нуждался в этих словах. Но что, собственно говоря, могло произойти на этой выставке? Райан признается ему в любви, они кинут своих бойфрендов и станут жить вместе? Бред. Даже если в своих фантазиях он и желал этого, в жизни он бы не позволил себе действовать на эмоциях. Возможно, Майкл уже телепатически понимал его, от того и нервничал и говорил эти слова, предчувствуя что его мысли витают далеко и не включают его, Майкла. Но не зря их чутьё указывало им на загадочную опасность, Джулиан после этой выставки никогда уже не был прежним.

Да, Джулиан подозревал, какого уровня люди посетят эту выставку, чувствуя себя незначительным и маленьким в компании таких гигантов, и это несмотря на то, что к 30 годам он уже сам имел весьма влиятельный круг общения, кишачий представителями шоу-бизнеса и прочей арт своры. У него не было чётких мыслей, работает ли он тут и как именно, Райан не дал ему никаких инструкций или хотя бы зацепок, так что он воистину ощущал себя не в своей тарелке. Но вся неуверенность исчезла, как только ему помахала знакомая

и крепкая рука Райана, который вылезал из лакшери такси и направлялся к музейному входу. Он ощущал себя вновь зелёным и незрелым, ощущение новизны и жажда приключений обострились, и он надеялся, что в его взгляде и движениях не проскользнёт предательское обожание, но Райан был без пары, и они войдут туда вместе, вау, это будет его триумф, практически красная дорожка Голливуда!

Когда они миновали все секьюрити рутины, а также поздоровались и остановились на обмене любезностями с только что пришедшими гостями, Джулиан вдруг понял, что даже не поинтересовался, что за художники тут сегодня презентовали свои работы! Как это было непрофессионально с его стороны, особенно для него, он ведь считал себя не просто шарящим в современном искусстве, но и энтузиастом, который никогда не упустит шанс узнать что-то новое в этой сфере! Конечно, его выбили из колеи слова Райана, что они оба идут без пары и идут вместе, но это не оправдывало его халатности! Так что как только появилась возможность посетить уборную, он прочёл в максимальном темпе программу и поискал в интернете больше подробностей, так что теперь он уже не будет полным невежей.

Оказалось, что это была скульптурная выставка, и это его почему-то удивило. Имя французского художника вроде бы ему ничего не говорило, Жан Ланже, молодой, но набирающий популярность скульптор из Монпелье, работающий уже много лет в Париже, впервые презентует свои работы ши-

рокой публике в США. Джулиан слегка разочаровался, его редко цепляли реалистичные скульптуры, ему казалось, что античные скульптуры древности уже сказали всё, что могли в этом нафталиновом жанре, ведь если верить афише, Ланже работал именно в этом направлении. Его даже не заинтриговала мрачная таинственность и нестандартный взгляд на человеческую реалистичность, что рекламировал этот проспект, называя Ланже гением, который сумел воссоздать в своих работах две полярности – жизнь и смерть, чёрное и белое. Наоборот, ему показалось это банальное восхваление чересчур стандартным и пропитанным клише. Но нельзя было настраивать себя заранее на то, что работы тебе не понравятся, нужно максимально вникать в них без предвзятости, потому что в таком случае он уже заранее назовёт какашки в ночной вазе от любимого художника великим шедевром. Нет, стоило критичнее относиться ко всем одинаково.

Он вернулся к Райану, который осторожно сжал его локоть и повёл здороваться или знакомиться с очередной порцией арт критиков Нью-Йорка. Было неожиданно приятно услышать, что Райан представлял его как своего партнёра... И когда он это услышал, сердце его сжалось от приступа счастья, долгожданный момент его мечтаний прошлого настал, и он готов был взорваться на тысячи радужных осколков радости! Но после того как он посмаковал свой возможный триумф, деловая практичность к нему вернулась, Райан назвал его своим партнёром по бизнесу. Вся его романтическая

натура сжалась, но амбициозный работяга возликовал, партнёр по бизнесу? Но он был всего лишь зам. директором отдела связей, так что это преувеличение Райана было настоящей похвалой! Он понял, что сегодня ему тут работать не придётся, но он будет соответствовать званию делового партнёра самого Райана, так что он выключил всё своё раболепие ползать перед звёздами и писание кипятком перед такими громкими и любимыми именами, что тут периодически мелькали.

Воистину слова Райана подняли ему самооценку, и он чувствовал себя его партнёром и на равных в тот вечер, ни разу не выдав, что когда-то между ними были любовные отношения, а с его стороны и чувства (на счёт Райана он сомневался, хотя и понимал, что какой-то период он действительно был для Райана особенным). Его молодость, чувство стиля, красота и умение вести непринуждённо светские беседы окружали его всё новыми гостями, так что когда они уже пили шампанское и пробовали миниатюрные французские закуски, он становился всё более уверенным и интересным собеседником. Райан гордился им, это было видно, и разочарование, что Райан даже и не думал приглашать его когда-либо куда-либо в качестве своей пары, постепенно улетучивалось. Так что когда настало время поглазеть, собственно говоря, на саму выставку, он был в приподнятом настроении – остроумным, флиртующим с утончёнными женщинами, и в предвкушении отличного вечера.

Зал был тускло освещён, приходилось осторожно ступать, чтобы не натолкнуться на разглядывающих скульптуры посетителей, зато света было достаточно непосредственно на самих экспонатах. И как только он уловил расположение скульптур, их возвышенные позы и безупречные тела, его как будто ударило током, память его лихорадочно фильтровала воспоминания, почему его тревожность грозилась вылиться в паническую атаку. Ему стало невыносимо страшно, хотелось бежать со всех ног из этого проклятого места, потому что он уже когда-то видел эти скульптуры Жана Ланже! Да, в тот самый день, когда он пробудился в Париже от своего депрессивного видения после болезненного расставания с Райаном, и пережил мучительный катарсис, который дал ему понять, насколько полярные мнения жизни и смерти, света и тьмы, добра и зла на самом деле тесно связаны. И хотя он не был религиозным, ему казалось, что небесная кара настигла его, и как бы он все эти годы ни убегал от этих воспоминаний, страхи до сих пор жили в нём, сгрызая изнутри и уничтожая его рассудок.

Он хотел сбежать отсюда в тот же момент, но мучительное желание увидеть обратную сторону жизни в этих скульптурах давило на него, и как невозможно оторвать взгляда от умирающего человека, так и здесь он был неподвластен даже разумному голосу страхов. О, как они искажались эстетично и плавно, это были адские муки наблюдать за их полной деградацией, их стремлением к пустоте, их добровольным

погружением в ад подсознания. Боже мой, думал он, пытаюсь унять дрожь, это ждёт всех нас, почему обратное понятие жизни так уродливо? Но даже за этим изобразительным диссонансом скрывалось только одно – смерть и ничто. Он снова ощутил себя сломанным и несчастным, воспоминания из Парижа окутали его своими цепкими проволочными лучами, он задыхался от ужаса осознания этих неопишуемых истин, и мог сейчас стремиться только к одному – к чистоте и к свету жизни. Как только его оцепенение прошло, он чуть ли не бегом направился к выходу, но дезориентированный в этой тьме, только натыкался на гостей или врезался в скульптуры, пока его кто-то не схватил, изрядно напугав.

– Джулиан, ты только посмотри, как идеально они вылеплены, – говорил с восторгом Райан, всё ещё поддерживая его за дрожащую руку. – Посмотри на эту безупречную гладкость, простоту и правильность их поз, эти пропорции, они олицетворяют живую и чистую красоту жизни! Это же голое искусство без примесей, именно так и выглядят идеальные люди; застывшие в своей безмолвной непорочности мраморные изваяния, лишённые какого-либо изъяна!

Он продолжал восхвалять красоту статуй, только Джулиан уже слушал его вполуха, вытирая салфеткой едкий пот страха в попытках унять дрожь. – Ты только взгляни на этот изгиб, – продолжал Райан, направляя его запястье к руке одной из статуй, которая ему уже по умолчанию казалась олицетворением смерти и разрушения, и он отпрянул от неё с

визгом, чуть не влетев в противоположную стену. В него вперились непонимающие гости, и ему стало стыдно. Надо валить отсюда поскорее, решил он. Он выбежал из зала, понимая, что потом придётся отвечать за своё неадекватное поведение. И как только он очутился в банкетном зале, то сразу же набрал номер своего бойфренда, но тот не слышал его звонка, так что он лихорадочно набирал сообщения на все возможные его источники связи, где в каждом из них был значок офлайн. И пока он пытался достучаться до безразличного к гаджетам Майкла, к нему уже направлялся Райан, с блаженной улыбкой на лице, как будто только что стал свидетелем вознесения Господа.

Кажется, Райан даже не заметил его странное поведение и панику, потому что как ни в чём не бывало, продолжал светским тоном обсуждать грациозность линий мраморных скульптур, податливость их конечностей и палитру всевозможных экзальтированных чувств в их осмысленных лицах. Вскоре Джулиан уже снова сидел за столом, и люди вокруг оживлённо обсуждали эти возвышенные эмоции, что вызвали у них эти скульптуры. Джулиану хотелось орать, что они видят только поверхность, а внутри они – гнилые и разрушительные, и нет ничего страшнее чем смотреть в их пустые глаза, осознанно желающие погрузиться в ничто, осознанно отказывающиеся от жизни. Но стоило успокоить свои расшалившиеся нервы, он и так был взъерошенным и дёрганым, а ведь стоило соответствовать своей роли делового партнё-

ра Райана! Ему даже не хотелось слушать весь этот восторг, пока что он не услышал ни одного мнения, которое бы почувствовало весь тот ужас, что и он сам, и он уже засомневался, может, он придумал эту тёмную изнанку скульптур? Может, его болезненное состояние тогда в Париже придумало эту обратную сторону, и сейчас он чисто психологически увидел тот ужас, который отпечатался в его голове, и на самом деле они имеют только светлую сторону? Ничего себе впечатлительность в таком случае, возмущался он внутри, не может быть такого, надо отбросить все негативные воспоминания и концентрироваться на том, что происходит здесь и сейчас. Но почему-то возвращаться в этот полутёмный зал ему не хотелось, первобытные страхи сковывали его от одной только мысли увидеть вновь олицетворение анти-жизни. Но он был сдержан в своих комментариях и больше слушал, желая найти хоть одну родственную душу своих страхов.

Он потом умышленно бродил по банкетному залу с бокалом шампанского, чтобы лениво заговорить с самыми тревожными и эмоционально выглядящими посетителями. Но ни один из них не поделился впечатлениями, хотя бы отдалённо похожими на его собственные, и он ещё больше засомневался в том, что ему не причудилось всё это. В течение часа он уже практически успокоился и снова начал получать удовольствие от открытия выставки, так что уже обращал внимание и на прессу и фотографов, и на художественных агентов и на выступление кураторов выставки, пока не

увидел, что на возвышении уже выступает сам художник и рассказывает о своих скульптурах. Его аж передёрнуло, маленький и абсолютно невзрачный мужчина непонятного возраста, как он мог создать это гротескное видение искажённой идеальности? Но опять же, что он там думал увидеть, такого же монстра, как обратная сторона этих скульптур, или наоборот, эту ангельскую натуру их первоначальной красоты? Он прекрасно понимал, что эти скульптуры создал обычный человек, и выглядеть он будет соответственно. Он даже не знал, что испытал больше – разочарование или облегчение.

Обычно он был всегда в списке первых рядов на знакомства с художниками. Но сейчас он не стремился к этому, его настораживало всё, связанное с этими скульптурами, и он боялся вникать в глубину своих страхов, да и были ли они оправданы? Но вскоре он снова сидел за столиком с Райаном, который был так вдохновлён работами Ланже, что ему ничего не стоило пригласить скульптора к себе, а также окружив себя самыми сливками общества этой выставки, желающих, как и он, познакомиться ближе с автором этих шедевров. Беседы велись оживлённые, это не был очередной скучный вечер очередного посредственного художника, который считался модным, вот элита и была вынуждена торчать на этих экспозициях, чтобы поддерживать статус. Но не в этот раз, Джулиан давно не помнил на выставках малоизвестных художников такого ажиотажа, а главное страсти, да, непре-

менно в этих скульптурах было что-то больше чем олдскульный реализм.

Художник был достаточно скромным, но и уверен в себе также, во всяком случае, в том, что касалось его работы, он имел на всё чёткие ответы, как будто предвидел каждый вопрос. Не сказать прямо, что они были такими оригинальными, но всё равно, кажется, Жан подготовился к своей славе основательно и принимал её абсолютно как данность, без гордости или самоунижения. Конечно, ему задавали тонну практических вопросов о покупке его работ или выставлении их в галереях пришедших сюда влиятельных галеристов, агенты хотели с ним сотрудничать, а аукционисты уже намекали на то, что можно готовиться к Сотеби. Агент художника, бледный и усатый человек, отдувался за эти практические стороны, давая художнику возможность объяснять своё творчество, методы работы и планы на будущее. Даже Джулиан заслушался и встрял пару раз в оживлённые беседы, почти забыв о тревожности, что спровоцировали работы этого самого художника. Вечер обещал закончиться хорошо.

Джулиан не сомневался, что Райан найдёт общий язык с Ланже, если Райан был в восторге от работы конкретного художника, он при возможности говорил это ему лично, и нередко беседа затягивалась, а порой доходила и до дружбы. По сути, Джулиан сейчас наблюдал за искрой зарождения связи между ними, и ему почему-то совсем это не понравилось. Он знал, что никогда в жизни больше не захочет доб-

ровольно рассматривать эти скульптуры, да и вообще ходить на выставки работ Ланже, так что лучше было бы прекратить эту беседу как можно скорее. Но кто он был такой, чтобы мешать им общаться? А ведь им становилось всё легче друг с другом, и даже Жан стал более расслабленным и весёлым, а это был показатель, что в компании Райана ему комфортно. За их столиком осталось уже не так много людей, по идее он мог уже покинуть музей и возвращаться к своему бойфренду, который уже давно пытался ему перезвонить, напуганный его резким порывом час назад. Возможно даже, он уже был у МОМА и пытался проникнуть сюда, чтобы удостовериться, что с ним всё в порядке. Он чиркнул ему сообщение о том, что собирается домой, и только он поднялся со своего неудобного стула, как Райан обратился к нему:

– Джулиан, Жан ищет моделей для серии своих новых скульптур, ты не хотел бы ему позировать?

Батюшки, подумал Джулиан, как же вежливее всего отказаться, чтобы это не показалось грубым и при этом не разочаровать Райана, который так проникся работами этого Ланже! Райан смотрел на него пристально, его лицо было строгим и приветливым одновременно, у Джулиана всегда были проблемы отказать именно Райану, блин, как много он работал психологически с тем, чтобы научиться говорить «нет» Райану, посещал сеансы с психотерапевтом, даже разыгрывал сценки своих уверенных и красивых отказов, а всё без толку. Shit, shit, shit, думал он, пока драгоценные секунды

убежали, а решение всё не приходило.

Ситуацию спас Жан. Правда, слово «спас» было относительным, потому что получилось так, что он просто решил за него. – Я бы хотел посмотреть, как ты впишешься в коллекцию этих скульптур, чтобы понять, подойдёшь ли ты. Мне нравится твоя подвижность и пластичность, но при этом в застывшем состоянии ты смотришься воистину неземным. У тебя явно есть модельный опыт, ты умеешь себя подать и знаешь, как двигаться, с таким материалом проще и быстрее работать.

И после этого они все втроём вернулись в это проклятое место, которое уже было освещено лучше. По идее, Джулиан ещё мог сказать, что не заинтересован, и что у него не будет времени ему позировать, но почему-то он только тупо улыбался, стараясь не всматриваться в неподвижные фигуры мраморных демонов, которые сейчас казались в ангельском облики. Пока я не концентрируюсь на них, я спокойно могу тут находиться, успокаивал он себя, но предательская гипервентиляция грозила довести его до паники. Но он не может позволить себе этого, он был не один, на него смотрят, его сейчас судят, примеряют к этим адским инсталляциям, нужно просто выдержать эти минуты напряжения, и всё закончится.

– Повернись влево, – периодически командовал Ланже, при этом стоя на приличном расстоянии, вероятно, ему нужно было видеть издалека полную картину, – вот так идеаль-

но, застынь и выбрось все мысли из головы, стань ничем. Ты растворяешься, ты исчезаешь, тебя нет...

Вот Жан и подтвердил сейчас теорию анти-жизни своих «идеальных» скульптур, осознал Джулиан, стараясь всё также скрывать нервное возбуждение, которое окутывало его глубинные страхи. Он хочет сделать меня таким же, то, от чего я так яростно убегаю уже несколько лет своей жизни, как увидел их впервые. Я стану инструментом в его руках по восхвалению хаоса и пустоты, это станет смертью моей личности, я прекращу существовать, это погубит меня и весь мир, мы навлём на планету адские силы. Его мысленный поток уже походил на бред, он понимал это, но паникующий человек часто нелогичен и чересчур всё утрирует. Ему срочно надо было отсюда выбраться, но его сковало неопишмым ужасом, и тело его отказывалось ему повиноваться.

– Стой, кажется, я нашёл твой идеальный ракурс, это состояние между двумя мирами, не двигайся, – возбуждённо кричал Жан Ланже. – Ты сломан, да, но при этом неопишимо красив, твоя красота преобразилась, теперь она живая, в ней бурлит поток всех эмоций, ты в шаге от того, чтобы понять смерть!

Джулиан не мог сказать, сколько продолжалось его оцепенение, вынужденный находиться в эпицентре ада и слышать правду о своей обречённости, это была агония длиною в жизнь. Но любая жизнь имеет свой конец, и вот он уже вновь контролирует своё тело, и слышит, как Ланже говорит

Райану, что ему надо поговорить со своим агентом. Но на самом деле, Жан хватает свой планшет и делает какие-то зарисовки, он явно вдохновлён чем-то и ему нужно скорее записать свои идеи, хоть в каком-нибудь виде. Райан что-то ему говорит, возможно, уже давно, ещё несколько секунд, и он вновь становится хозяином собственного тела, страхи остались, только они уже живут в его подсознании на постоянной основе, они уже не влияют на его реальность здесь и сейчас.

Когда до него дошло, что Райан хвалит его фотогеничность и просит его повернуться ближе к одной из скульптур, эмоции этого дня выливаются из него с ужасающей прямо-той. – Разве ты не видишь, как гротескны, как уродливы, как порочны эти мраморные демоны, я никогда не буду ему позировать, они олицетворяют всё, что противоречит жизни, это – голое разрушение, причём добровольное, анти идеалы красоты, анти стремление к свету, анти развитие, анти жизнь!

– Джулиан, ты чего? – Райан был удивлён и разочарован этим ребяческим порывом. – Ты же всегда был знатком и ценителем настоящей красоты, настоящего искусства. Посмотри внимательно, насколько эстетически гармоничны эти статуи. Этот мрамор, он просто невозможно прекрасен. Именно этот мрамор и делает их тела такими возвышенными и непогрешимыми. Человеческое тело – такое сложное и комплексное, но насколько у нас небезупречная кожа, сколько дерьма на нас, если только присмотришься. Даже грим и

красивая одежда не способны лишить человека этой неидеальной безупречности, а здесь, в этом мраморе, застывшее мгновение счастья, экзальтация и праздник телесной красоты, божественный триумф победы не только над смертью, но и над жизнью! Эти статуи – ода красоте, которая и есть дорога в рай. Узри это сам, Джулиан, узри!

– Нет, они полны тьмы, – снова драматизировал Джулиан, не заботясь уже, что звучит как впечатлительный подросток, ему нужно было дать понять очень чётко Райану, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не будет помогать Ланже творить это разрушительное искусство. – Эти работы деструктивны, они сводят с ума и лишают всякой радости, никто вообще не должен смотреть на них, и хотя я соглашусь, что как художественные работы они хороши, но их души гнилы, никто не...

– Ты чего, ужастиков посмотрелся? – удивлялся всё сильнее Райан, – Это – просто скульптуры, мраморные шедевры, олицетворяющие утерянные человечеством идеалы. Успокойся и возьми себя в руки, пожалуйста, не устраивай истерики на ровном месте, я представил тебя как своего делового партнёра! Ты ожидал чего-то, да? Ты ведёшь себя очень незрело!

Ещё лучше, Райан думает, что я так изливаю своё неудовлетворение, что он представил меня всего лишь как своего делового партнёра, размышлял он? Какой я идиот, зачем я вообще ему сказал, что чувствую в этих скульптурах, он

всё равно этого не видит. Он слеп и ослеплён светом этих скульптур, они маскируют свою тьму, и не каждый способен разглядеть это двойное дно. Но хуже всех было то, что Райан подсознательно знал, что он до сих пор испытывает к нему трепет, нежные чувства, и реально нафантазировал себе на этой выставке невесту. Это было с его стороны непростительно, он вообще не позволял себе никогда публично устраивать истерики, и хотя эту почти никто не видел, он показал Райану слишком много своих страхов и неуверенности, что снова сделало его слабым подчинённым перед несокрушимым Райаном Смитом. Он пытался как можно нейтральнее сгладить ситуацию, при этом не извиняясь после каждого слова, хотя раболепное чувство вины грызло его своими заточенными зубами, но ведь он имел право вовсе не оправдываться. – Я извиняюсь, нервы что-то расшалились, устал немного, рабочая неделя была сумасшедшей. Эти скульптуры наполнены такими противоречивыми чувствами. На самом деле, ты прав. Если произведение искусства способно одновременно вызвать столько разнообразных и противоречивых эмоций, значит, оно – шедеврально. Давно меня самого так сильно не цепляло что-то новое на открытиях галерей.

Райан долго смотрел на него и явно ждал ещё оправданий, но Джулиан уговорил себя прекратить чувствовать себя слабым перед Райаном, прекратить со всем соглашаться, они не были на работе, он имел право иметь своё мнение в области искусства. Но он уже видел по лицу Райана, что из-

брал неверную тактику. По сути, он только что отказался от своих слов, что эти скульптуры ужасны и лучше их вообще никогда никому не показывать, в очередной раз доказав, что он в подчинении Райана. И, кажется, это также намекало и на то, что Райан это воспринял и как подтверждение своих обвинений, что он надеялся на что-то большее.

Понаблюдав немного за неуверенностью Джулиана, который усилием воли заставил себя замолкнуть, Райан улыбнулся ему по-дружески и сказал, что в понедельник в офисе они обсудят детали их сотрудничества с Ланже. Хм, Райан говорил о сотрудничестве, не значило ли это, что готовился какой-то совместный арт проект с брендом, в котором он работал? В любом случае, до понедельника он окончательно настроит себя на отказе. Он готов был к увольнению, позору или любой другой мести от Райана, но он никогда в жизни не станет частью проектов Жана Ланже!

Когда он вышел из музея, он услышал бибикание машины, боже мой, Майкл приехал! Он на всех парах порхнул в машину и набросился тому на шею и просто разрыдался в голос. Майкл поначалу его просто утешал, он знал, что пока Джулиан не выплачется (хотя делал он это нечасто, и обычно только тогда, когда был нервно истощён), бессмысленно что-либо спрашивать или говорить, кроме как банальных слов ободрения.

Когда они уже были дома в их модном, но не слишком уютном лофте в Сохо, это была такая радость. Он успокаив-

вался от одного только вида Майкла, который колдовал на данный момент над китайской чайной церемонией по всем правилам. Он недавно летал на танцевальный фестиваль в Китай, и вернулся оттуда не только с простыми сувенирами, но и с этим вот прекрасным комплектом для заваривания чая. Поначалу он каждый вечер бережно следовал инструкциям, чтобы испить позже настоящий чай с восточной душой. Правда, их занятость, постоянные дела и несовпадение графиков быстро остудили его пыл, так что ориентализация на этом медленно пошла на спад. Джулиан даже был рад, это стоило слишком много времени и сосредоточенности (Майкл запрещал даже в это время разговаривать), да и вкус чая ничем не отличался от его любимых, что он покупал в одном маленьком нью-йоркском чайном магазинчике. Но сейчас это было настоящим волшебством, эти простые бытовые радости вернули ему силы, оставив все страхи в его прошлой жизни, которая теперь никак не влияла на него сейчас.

Когда они уже лежали вместе на диване, закутавшись в тёплый клетчатый плед, Джулиан рассказал своему возлюбленному про выставку. Правда, когда он пытался описать, что спровоцировало его истерику и слёзы в машине, слова разбегались, мысли блуждали, а мозг просил отключить навсегда эти воспоминания.

– Тебе казалось, что они живые, да? – начал уже помогать ему Майкл, даже вскочив с дивана, чтобы показать своими грациозными движениями танцора банальный сюжет филь-

мов ужасов, когда скульптуры или куклы оживали и сеяли смерть и разрушение. Если бы всё было бы так просто и традиционно, думал Джулиан, не в силах сдержать смех от выступлений Майкла, но жизнь в последнее время не баловала его стандартной простотой.

– Эти скульптуры – как будто зеркала наших страхов, – пытался он объяснить, засовывая слегка запыхавшегося Майкла после импровизированных танцев под тёплое одеяло. – Я видел их в Париже лет пять назад, я тогда был в крайне подавленном состоянии, эти скульптуры меня напугали, вызвав какие-то первобытные страхи, которые я никак не мог объяснить. Думаю, сегодня я просто вспомнил это состояние, эмоции нахлынули на меня, и я вновь увидел это искажение и ужас в скульптурах, хотя никто кроме меня, кажется, не замечал их гротескной стороны. Но я никогда в жизни больше не посещу выставки Жана Ланже!

Кажется, это логичное объяснение не вызывало никаких подозрений, а также не требовало дальнейших расспросов, и хотя Майклу было интересно, что за подавленное состояние у него было тогда в Париже, он слишком устал, чтобы вновь позволять себе погружаться в эти воспоминания. Впереди ждали выходные, за которые ему стоило придумать тактику поведения, чтобы отказать в любом сотрудничестве с Жаном Ланже.

4

Выставка оставила неизгладимые впечатления не только на Джулиана, Райан проникся этим искусством до такой степени, что буквально потерял покой, вспоминая совершенство этих скульптур. Они были безупречны во всём, он не замечал приземлённым взором того анти-идеализма, ту обратную сторону жизни, что олицетворяли работы Жана Ланже, но в подсознании их целостность и делала их не только идеальными в его глазах, но и гармоничными. Ведь невозможно понять, что такое ночь, если дня бы не существовало. Так и здесь, гармония ощущалась именно в том, что они сочетали две крайности, две полярности, это были завершённые работы, и именно это слияние объясняло их гениальность. Райан не сомневался, что скульптуры Ланже скоро станут на арт-рынке культовыми, его чуйка в этой сфере была практически собачьей, так что разговоры о сотрудничестве с Ланже диктовал ему и его внутренний бизнесмен, а не только ценитель настоящего искусства. Но неопишущее волнение было нехарактерным для него после подобных мероприятий, он чувствовал, что встал на одностороннюю дорогу, которая способна вести только вперёд, и как бы он ни хотел вернуться назад, поток обстоятельств и пороков двигал его лишь вперёд, вперёд, к чему-то неизведанному, пугающему и грандиозному. Но если он найдёт правильный рычаг и настроит

верный ритм, это и станет его путём к экзальтации. И уже будет неважно, этот путь будет к спасению или к самоуничтожению.

В понедельник он ждал в своём кабинете Джулиана, чтобы обсудить детали его позирования. Он думал об этом постоянно, как было бы здорово видеть Джулиана в качестве этой идеальной скульптуры. Иногда он размышлял на тему красоты Джулиана в более нейтральном ключе, совершенно не учитывая тот факт, что тот был долгое время его любовником. Джулиан воистину был произведением искусства среди человеческой расы, может, стоит красивым людям принадлежать всем? Глупости всякие лезли в голову, как это возможно? Конечно, красота картин, фотографий, видео имеют место быть, даже тех же скульптур, но ничто никогда не сравнится с живой человеческой личностью. Даже лучшие картины мирового искусства, даже фотографии, которые признаны лучшими в мире, и даже скульптуры Жана Ланже, хотя последний уже приближался к тому, чтобы его искусство заменило живое. Потому что его работы были целостными, они были мудры в познании всех тайн мироздания и одновременно невежественными в своей практичной беспомощности.

Он на миг задумался. Скульптуры Ланже ему кажутся скорее живыми или мёртвыми? Сложный вопрос, требующий вновь и вновь копаться в глубинах собственного подсознания, чтобы отыскать эту связывающую нить между двумя

этими понятиями. Идеальные пропорции даже в этом, решил он, как можно рассчитать с такой точностью гармоничность каждой из этих скульптур? И при этом они создавали общий ансамбль, скульптуры не жили каждая отдельно своей жизнью, это было на уровне коллективного сознания, если, конечно, невоодушевлённым предметам можно приписать такое понятие как сознание. Или тем более душу. Да, это был единственный недостаток этих возвышенных произведений искусства. Именно в этот момент в его голове зародилась тень идеи, которая впоследствии превратилась в навязчивую мысль.

Джулиан пришёл вовремя, хотя было видно, что он весь в дедлайнах, но начальник никогда не должен ждать своих подчинённых, этот урок Джулиан усвоил блестяще с годами работы в офисе. Его решительный вид позабавил Райана, лишь бы обошлось без истерик, он был разочарован его поведением на выставке. После десяти минут бесед о работе и одного остывшего эспрессо, Райан перешёл ближе к делу:

– Не строй на эту пятницу никаких планов, мы приглашены в студию Жана на ужин, и хотя это будет интимная встреча, всё же соблюдай дресс-код.

Джулиан явно обдумывал слова Райана, потому что обычно он отвечал сразу, его в меру импульсивный нрав сначала давал толчок к движению и слову, а потом уже в процессе он объяснялся или смягчал сказанное. Райан знал, что Джулиан до сих пор испытывал трудности говорить «нет», Джулиан

никогда не был жертвой, будь то личные или деловые отношения, но с ним он никогда не мог доминировать ни в чём, это противоречило натуре их отношений с самого начала. И эта нервозность, и неуместная пауза, и явно отрепетированные заранее слова уже показали, что Джулиан проиграл, что бы он там ни затеял.

– Нет, извини, но я отклоняю приглашение. Я не буду объяснять свою позицию, скажу только, что это связано с моим поведением на выставке, я совершенно не заинтересован общаться с этим художником. Если мы будем сотрудничать с ним над какой-то выставкой, пожалуйста, я готов взяться за проект, но на личный ужин я не приду.

Райан разглядывал Джулиана слишком долго, чтобы тот не начал испытывать дискомфорт и нарастающее чувство вины. Ровно столько, чтобы довести его до этого состояния, чтобы от его решительности не осталось и следа.

– Знаешь, Джулиан, ты мне всегда нравился. Не только как модель, но ещё и как личность, и как карьерист. Твой отказ никак и ни на что не повлияет, но знаешь, я проникся работами Ланже, как я когда-то проникся твоей красотой. Мне всегда нравилось твоё чувство вкуса, твоё эстетическое воспитание, твоё умение отличать разного уровня красоту, и не спорь, ты признал, что скульптуры Ланже – шедевральны, поэтому я в замешательстве, разве ты не хочешь, чтобы художник с божественным талантом увековечил твою красоту?

Конечно, комплименты тоже сработали, Джулиан ещё

сильнее растерялся, но всё равно продолжал гнуть свою линию, и Райан решил вынуть свой решающий козырь, потому что в этой ситуации он не мог принять отказ, просто не мог, хотя пока до конца не понимал всю глубину своей одержимости тени своей идеи.

– Ты знаешь, в пятницу после обеда мы не работаем, провозжаем в Европу Марка, твоего прямого начальника, он переезжает в Испанию, где уже на более серьёзном уровне начнёт раскручивать свой собственный проект, ты ведь слышал о нём? Так что, да, нам всем будет не хватать непревзойдённого ума господина Фернадеса, но посоветовавшись, мы решили, что это вакантное место точно долго пустовать не будет, ведь у нас в Нью-Йорке есть не мене талантливый и блестящий ум, – после этих слов лёгкая улыбка тронула лицо Райана, и по выражению лица Джулиана он видел, намёк понят, попался на удочку, и теперь решение принято. Конечно, его так и так бы повысили до этой должности, так что это был совсем не шантаж, просто он слегка ускорил процесс и избавил себя от ненужных уговоров. Джулиан не был готов ради такого пустяка потерять место, так что, промямлив непозволительно нечётко для себя своё согласие, он удалился. Как с Джулианом всё всегда просто.

5

На прощальном банкете Марка Фернандеса собралось достаточно коллег Джулиана, которые вообще с ним не соприкасались по работе, но никогда не упустили шанс потусить (хотя бы в рамках работы) или поесть на халяву. Слухи об его уходе уже какое-то время циркулировали, но мало кто верил в серьёзность намерений Марка. Джулиан в их числе. И хотя он очень надеялся на это, реалист внутри него не верил в чудеса. Так что для него это всё же стало приятным сюрпризом. После понедельника, когда Райан ему сообщил об этом, он прокручивал постоянно эти слова в голове, он прекрасно понял, что тот намекал на него касаясь свободного вакантного места. Но обещаний при этом не давал! А он был слишком поражён новостями, чтобы детальнее расспросить или подготовиться к тому, чтобы добиваться этой должности. Конечно, коллеги его уже поздравляли, понятно было, кто получит повышение, почему-то вариант, что на это место примут нового и более опытного сотрудника, никем даже не рассматривался. Это было место Джулиана, который грезил о нём с тех самых дней, как стал его замом! Да, амбиции говорили за него, получив повышение, он всё выше устремлял свой взор. Но он и вкалывал только так, по правде говоря, он считал, что заслужил это место, просто поверить не мог, что его повысили так быстро. Но опять же, уход Мар-

ка явно не был запланирован в то время, когда его поставили его заместителем. Так сложились обстоятельства. Или распорядились боги. Или так решил Райан. А может всё вместе.

Банкет был довольно скромным, но по-дорогому скромным, скорее минималистичным и аскетичным, как и голые стерильные стены всего этого офиса. Он нарядился, потому что считал это и своим праздником, надеясь, что именно сегодня объявят имя преемника Марка Фернандеса. По правде говоря, он даже заготовил дома речь, его бродвейский танцующий бойфренд помог ему в этом, поэтому речь получилась пафосной и даже для расшатанных нервишек слегка плаксивой. Он чувствовал себя на удивление уверенно в этот день, и хотя он скромничал по поводу своего повышения, внутри он просто ликовал, это же его праздник! Он пока даже не хотел думать о том, что продался за эту должность и обещал позировать Жану Ланже и стать частью его инфернального безумия, а ведь он готовил себя несколько дней, чтобы ответить просто «нет», что бы Райан ему ни предлагал, или как бы ему ни угрожал! Тогда это казалось таким простым, но в итоге он угодил в очередной раз в ловушку Райана, но в этот раз хоть урвав для себя что-то действительно ценное.

Так что он блистал на банкете и сдержанно улыбался на поздравления коллег или шушуканья более мелких подчинённых. После речи Марка, которая скорее казалась неформальной и тёплой, он похвалил лично тех, с кем непосредственно работал, но его не выделил. Джулиан чуток напряг-

ся. И когда Райан вышел вперёд, чтобы поблагодарить от имени фирмы ещё одного уходящего ценного сотрудника, снова появилась надежда, сейчас объявят имя преемника! Но и в речи Райана не было ни слова о нём, так что когда все уже расходились по своим кабинетам, чтобы закончить свои проекты (которые нельзя было оставлять на выходные), Джулиан почувствовал, что у него украли праздник. Никакого триумфа, вручения медалей, пафосного открытия шампанского и салюта? Как же так? Но это ничего не значило, это место всё равно принадлежит ему.

Нервозность к нему вернулась, когда Райан поймал его после банкета и сказал, что через три часа они прямо отсюда поедут в мастерскую Жана. Это означало, что Райана устроил его сегодняшний дресс-код, и ему не придётся ехать домой переодеваться. Но это ещё означало и то, что когда большая часть коллег разъедется по домам, чтобы подготовиться к пятничным вечеринкам, прогулкам и отъездам за город, он будет тут работать. Но работать ему точно не хотелось, так что он набрался мужества и начал окольными путями спрашивать знакомых девочек из отдела кадров и бухгалтерии по поводу ухода Марка Фернандеса и свободного места директора. И такими же окольными путями он потом интерпретировал информацию, пока наконец-то перед его взором не появилась чёткая картина. Заявление об его повышении уже существует, но на ней не хватает подписи Райана. Ну конечно, подумал он, проверяет меня! Так что никаких ис-

терик сегодня, сегодняшней ужин явно тест для меня, нельзя разочаровать его ни в коем случае, иначе эпопея с подписанием этой голимой бумажки может затянуться на месяцы! Потому что он слишком хорошо знал Райана, чтобы не узреть в этом его игру, и вот уже в который раз он подчиняется его правилам. Блин, когда же он сможет отказать ему?

6

Студия Жана была просторной, настолько просторной, что зайдя в неё, не было видно конца, к тому же потолки были настолько высокими, что казалось, что тебя окружает сплошное голое пространство. Старые отсыревшие кирпичные стены вызывали угнетающе впечатление. Удивительно, что в самом центре Манхэттена можно было ещё найти такие огромные помещения в многоквартирных домах старых построек. Тут явно несколько этажей было реконструировано под эту бесконечную студию. Кажется, Жан имел серьёзные намерения зацепиться в Нью-Йорке, раз уже с самых первых дней снимал себе мастерские такого масштаба. Тут же располагалась и жилая квартира, на которую можно было забраться с помощью сомнительного вида лестницы, которая через ступеньку издавала умирающие звуки. Джулиан ступал осторожно, размышляя над тем, сможет ли он спокойно работать с художником, или страхи к нему вновь вернуться. Пока что он отгонял всё лишнее, стоило концентрироваться на ужине, надо выглядеть дружелюбным, воспитанным и нейтрально весёлым. Он понимал, что тут была не его территория, стоит осторожно себя вести, к тому же его главной целью было оставаться в рассудке, и если будет возможность, не соприкасаться с работами Ланже ни при каких обстоятельствах. Как хорошо, что те скульптуры ещё были выставлены в за-

ле МОМА, их он точно не увидит, но какие ещё сокровища привёз с собой из Франции этот странный художник?

Стол был типично французским. Джулиан там видел и террин, и жульен и тартаны, всё смешалось в его голове, супы с пирожными, всё сейчас имело одинаковый резиновый вкус, потому что он сидел в компании человека, который смог создавать статуи, воспевающие смерть. Тяжко ему было, ещё и разочарование, что его не поставили на место Марка (это, конечно, вопрос времени, но всё же) давало о себе знать. Сердцебиение его шалило, и он пожалел, что не принял перед этим ужином амфик, сейчас бы он очень пригодился, но сидеть под кайфом перед своим начальником, хоть и в неформальной обстановке было как-то неправильно. К счастью, сначала разговоры медленно тянулись через всю область искусства, и когда он мог контролировать полностью своё тело, то тоже начал не просто слушать, но и участвовать в беседе. В современном искусстве Ланже был подкован, хотя прорехи американского искусства всё же были очевидными, он был типичным европейцем.

Когда Райан вышел уже на более личные вопросы, которые в том числе касались и творчества Ланже, Джулиан уши свои развесил, ему было интересно узнать об этом сером с виду человечке всё. Потому что он знал, что больше всего человека пугает то, что нельзя объяснить. А если он раскроет свою личность, объяснит свои мотивы и сможет описать самую суть создания своих работ, Джулиан сможет понять его,

и это понимание сотрёт его страхи.

– Но как ты видишь эту глубину человеческой души и как способен отобразить это чистое и идеальное состояние в скульптуре, так сказать, наделив её... мраморным сердцем? – спрашивал с энтузиазмом Райан, сделав акцент на последнем словосочетании, от которого у Джулиана мурашки поползли по всему телу.

– Знаешь, – опустил взгляд Жан и долил себе из бутылки вино 1967 года, – я всегда любил наблюдать за людьми. Именно наблюдать, но нейтрально, со стороны, когда люди не знают, что за ними следят. Звучит, как сталкинг, – засмеялся Ланже, наконец-то вновь вперив в Райана взгляд, – но я это делаю через совершенно нейтральные действия. Смех и секреты двух школьниц на скамейке в парке, слёзы пожилой пары, хоронящую погибшего в автокатастрофе сына, усталость замученной за день продавщицы в супермаркете, торжественная помпезность аристократичной пары из Англии после концерта камерного оркестра. Видишь, мне сталкерить не нужно, стоит только по-настоящему открыть глаза, и ты видишь жизнь во всём. Все её формы, все потребности, все недостатки, все желания, ты впитываешь эту жизнь и заряжаешься ей, и это тебе открывает глаза на более полную реальность. Ты как будто находишь всё новые измерения, понимая, как разнообразна жизнь вокруг, как непредсказуема, как прекрасна. И даже повседневные дела способны показать тебе свою особенную красоту, и ты изучаешь её,

углубляясь в неё полностью, и ты способен теперь не только понимать её, но и создавать.

Джулиан не выдержал, Ланже сейчас объяснил только то, как он понимает жизнь и красоту жизни, а это была только одна часть его работ. И хотя он не был уверен, что без мрачной стороны они до сих пор оставались бы гармоничными, он желал видеть сейчас во всём только светлое, идеализируя до такого состояния, в котором не было места смерти, увяданию или разрушению. Главное было не довести себя до истерики, никаких страхов!

– А как ты наблюдал за красотой смерти? Твои работы полны отчаяния и мук, красота жизни в них всего лишь оболочка, как ты познал глубину анти-жизни, и что тобой двигало, что ты желал это показать миру?

Райан чуть-чуть напрягся, явно настороженный тем, как изменился тон Джулиана, став возбуждённым и нервным (он всегда говорил выше и громче в подобном состоянии), но кажется, Жан совершенно спокойно воспринял этот вопрос. Вероятно, он был подготовлен и к нему, и Джулиан надеялся, что он был не единственным, кто узрел в его работах хвалу смерти на таком уровне, что папахивало паранойей. И хотя Джулиан никогда не считал себя танатофобом, страх смерти после взаимодействия с этими скульптурами стал навязчивым отвлекающим фактором в его жизни на более или менее регулярной основе.

– Без смерти мы бы никогда не ценили красоту жизни, –

начал философствовать Ланже, уже строя контакт глаз с Джулианом, который всё пытался узреть в них что-то нечеловеческое, слишком ужасное или наоборот, слишком возвышенное, но всё что он там видел, так это слегка затуманенные карие глаза уравновешенного человека. – Я одно время ошивался в наркопритонах, под видом благотворительности, где смог узреть все виды зависимости и отчаяния, когда человек доводил себя до крайнего состояния, когда даже смерть казалась не такой уродливой, как их жалкая жизнь.

– Я провожал в путь престарелых людей, был их сиделкой, держал их за руку при умирании, читал им, ухаживал, и взамен получал наблюдение за постепенным угасанием. Смерть мне открывала свои врата в замедленном режиме, но при этом она оставалась всё такой же уродливой и недостижимой. В старости нет красоты, увядание противоречит понятию жизни, эта форма смерти такая же страшная, как и изувеченные тела, умерших насильственной смертью людей. Но в ней хотя бы присутствует какая-то яркость, некая искра последнего вдоха, отпечатавшаяся в их лицах или позах, напоминающая, что только что я олицетворял красоту жизни и был близок к свету. Этого не увидишь в моргах, морг – как библиотека, полная горница сосудов знаний, которая вызывает хоть какие-нибудь эмоции, только если ты углубишься в их чтение. Так и трупы в моргах, они имеют значение, только если ты вспоминаешь их живыми.

– В психбольницах я получил незабвенный опыт наблю-

дать за тем, как внутренние демоны, внутренняя тьма человека вылезает наружу, искажая или освящая их красоту жизни, преображая всё вокруг до неузнаваемости. Душевно больные люди, я имею в виду на самом деле тяжелобольные, как зеркало всех наших страхов и неуверенностей, что мы держим внутри, потому мы так боимся за ними наблюдать, они слишком громко кричат нам о том, из чего мы состоим сами.

– Моя цель была познать и жизнь и смерть максимально глубоко, я не хочу концентрировать внимание на одной из сторон, я хочу показать гармонию этих двух полярностей, потому что только тогда можно полностью передать сущность любой личности, даже если ты её в своих работах и обезличиваешь. И главное тут преодолеть все страхи, всю неуверенность, предрассудки и брезгливость, иначе до тебя будут доходить лишь осколки глубины тайн человеческого мироздания и искусства умирать. Человек, который познал смерть во всей её красе (и я не имею в виду, что обязательно нужно пережить клиническую смерть, это скорее образное выражение), на пути к тому, чтобы познать и жизнь во всей её красе. Только такой человек живёт и умирает с полным эмоциональным фоном в гармоничных отношениях со всем миром. Ты мыслишь глубоко, но ты полон страхов, искусство не должно пугать, оно должно заставлять нас задуматься о наших страхах, чтобы помочь их преодолеть, ведь интерпретирование основы своих страхов, и есть путь к очищению.

Джулиан был поражён, насколько Жан прямо угадывал его поток мыслей, он ведь задумывался о тех же самых темах, только с одним лишь различием, что он не хотел познавать глубину смерти, так как она противоречит понятию жизни, на которой он и концентрировался. Но был резон в его словах, и умение уловить гармонию между жизнью и смертью, а также способность понять глубину каждой красоты и был для его экзальтированного состояния духа чем-то вроде смысла жизни. Полноценной жизни, где всё понятно и разложено по полочкам (в чём его архитектурный мозг крайне нуждался), где нет места неуверенности или страхам, где всё кажется объяснимым и уместным, некое состояние спокойного счастья. Но всё равно слова Жана не могли до конца ему объяснить причину его первобытных страхов лет пять назад. Возможно, из-за того, что он был сломан и разбит и суицидальные мысли крутились возле него, вот его и напугало то, что он увидел в тех скульптурах своё отражение. Но должно быть ещё какое-то объяснение, он же был таким рациональным!

– То есть ты хочешь сказать, что твои работы как исцеление страхов, если ты проник в душу этих скульптур, то получаешь некое очищение от всех тревог и суеты? Ты считаешь, что твои работы способны вызвать у человека настоящий катарсис?

Несмотря на скептический тон Джулиана, Жана, кажется, это совершенно не задело:

– Именно. Не стоит концентрироваться лишь на одной части, смотри на объект с обеих сторон, тогда тебя и должно торкнуть то, что я только что тебе объяснял. У нас большие предрассудки видеть сразу и жизнь и смерть, когда мы радуемся жизни, мы не думаем о смерти, но она есть, она везде, и она, в том числе и в нас. И когда ты принимаешь эту истину, ты и становишься полноценным, обретаешь гармонию и начинаешь понимать мир во всех его проявлениях, во всех его глубинах. То есть ты заранее уже настроен увидеть что-то деструктивное, и на тебя это ниспадает, раскрывая твои внутренние страхи. Либо же, как в случае с Райаном, – он повернулся при этих словах в сторону наблюдающего с интересом Райана, – он заикнулся на чистоте красоты жизни и не видел, что гармонию в них создаёт не это стремление к свету, а то, что они познали и жизнь и смерть и не видят между ними разницы. В этом суть моего творчества и послание к людям.

На этом их философские тары-бары закончились, и они вновь более углублённо обсуждали технические стороны творчества, вспоминали яркие имена, искали общий круг знакомых, а потом и вовсе перешли на темы погоды, французской революции, американской кухни и пользу или вред домашних животных. И это расслабило всех, особенно Джулиана, который надеялся, что тема позирования сегодня не всплывёт, даже узнав лучше этого странного художника, желание стать частью его проектов не появилось. Хотелось из-

бегать всего, что касалось его скульптур, так что он надеялся, что после выпитого вина и расслабленной беседы никому уже не захочется думать о творчестве. Но Джулиан ведь знал художников, их ритм жизни и приоритеты отличались от простых смертных.

В мастерской было практически пусто, и хотя тут было полно мешков и глыб с материалом, в основном с белым мрамором, они не занимали и десяти процентов от пространства. Кладбищенская тишина и давящая пустота с одной стороны вызывали у Джулиана дискомфорт, но с другой стороны он успокоился, здесь не было ни одной готовой скульптуры. На столах там и сям можно было обнаружить полусырые заготовки и части тел, и даже один почти законченный бюст, но всё это было просто заготовками творчества скульптора, не было в них ни капли жути. Ему было интересно понаблюдать за этим странным скульптором в процессе работы, как именно ему удаётся воплотить это состояние идеализма/деструктивизма в одинаковых пропорциях, как именно это происходит. По идее у него была возможность наблюдать за его работой, и любопытство даже шептало ему, что это не такая уж и плохая идея. Но первобытные страхи снова и снова сковывали его, напоминая о внутреннем мире скульптур с выставки, который превращался в полное ничто, исчезал в чёрной дыре добровольного принятия смерти всего.

Всё как-то автоматически шло к тому, что он будет позировать, и с каждой минутой этой подготовки он терял драгоценное время, если собирался отказать, иначе со стороны он будет как шлюховатая девица, которая соблазняет и уже

позволяет начаться процессу, а потом в кусты, оставив разочарованного мужика с горящими трубами. Это непрофессионально и неэтично. К тому же ещё ведь существовал вопрос его повышения. Райан не планировал оставлять их наедине с художником, он уже принёс откуда-то складной скрипящий стул и наблюдал за тем, как Жан настраивает свет. Он походил сейчас на папика, который в силах своей немощности или древнего возраста не мог иметь сексуальную жизнь, и поэтому наблюдал за тем, как другие люди перед ним занимаются сексом.

Джулиан никогда не стеснялся своего тела и даже неоднократно участвовал в смелых ню фотосессиях (но не порнушных), да и вообще при любых обстоятельствах был первым, кто раздевается в жаркий солнечный день или на развязных вечеринках. Он любил своё тело и ценил его, он любил восхищённые взгляды и комплименты окружающих, и хотя он осознавал, что был тем ещё позёром, это не снизило ни на градус его желание демонстрировать своё полуобнажённое тело (а если уместно, то и обнажённое). И если учесть, что Райан был одним из немногих, перед кем он готов был из кожи вон лезть, чтобы тот видел, как он прекрасен и сексуален, и если прибавить к этому их длительную интимную связь, он понять не мог, почему ему было так тошно от одного только его вида. Все его органы чувств кричали о том, что Райан тут чужак, создание произведения искусства было слишком интимным процессом, особенно, если ты испытывал так

много эмоций к личности художника, или вернее будет сказать, к его работам. Но разве он мог прогнать его или вежливо попросить выйти? Это была идея Райана, что он будет позировать Ланже. Он вообще не хотел этого и чётко дал это понять, но Райан настоял на этом проклятом позировании, и его присутствие тут было закономерным.

И вот он стоит обнажённый в этом холодном и пустом пространстве, где свет софитов падает лишь на него, и его нагота кажется такой проникающей, как будто на него смотрит весь мир. А ведь с его-то модельным опытом, обожанием позировать перед камерами и уверенностью в себе он должен был себя чувствовать на седьмом небе от счастья! И если сейчас отбросить все нелепые страхи, тот факт, что такой искусный и талантливый скульптор сейчас оценивает его, чтобы увековечить его красоту и его личность в очередном своём шедевре, ох, это же настоящий эстетический оргазм! Его скованность и неуверенность смущали его, надо было расслабиться и принять это положение, просто стать главным действующим лицом скульптора, который делал свои зарисовки и иногда хватался за фотоаппарат. После этого он долго игрался со светом, поправлял что-то, но Джулиан чувствовал, что его скованность мешала уловить идеальный ракурс.

– Джулиан, помни о том, о чём мы говорили за ужином, – ходил вокруг него Жан и поправлял решительно его конечности или наклонял его в ту или иную сторону, – ты не концентрируешься на тёмной стороне, ты не сломан, ты стре-

мишься познать гармонию света и тьмы. Не надо этих скрюченных и болезненных поз, ты сейчас одновременно и божественное создание и извергнутое из рая порочное существо, ты вне пороков и вне добродетелей, ты – гармония, ты познал и жизнь и смерть. Думай о чём-то возвышенном, например, о небоскрёбах Нью-Йорка, стань на миг небоскрёбом, который возвышается над всем городом, он впитал в себя всё, что мог, он на пути к экзальтации. Отпусти свои страхи и не делай акцент на том, что ты разбит.

Легко сказать, думал Джулиан, но его любовь к современной архитектуре зацепилась за слова Ланже, и он реально начал отпускать все свои земные заботы, концентрируясь на том, что такое быть небоскрёбом. Он был бы совершенно новой высоткой, ещё не обжитой, сияющей в лучах восходящего солнца, отполированной до болезненного блеска. Такой высокий, такой сильный, такой неземной, вне времени, вне цивилизаций, просто столп света в мрачном и хаотичном городе. Кажется, после этого его попытки возвышения к чему-то светлому и неземному увенчались успехом, потому что Жан стал суетливым и полным энтузиазма, наверное, поймал нужный ракурс и пытался запечатлеть его максимально чётко в своих набросках. Он понятия не имел, куда делось его разбитое состояние и страхи, вероятно, они всё также были в нём заметны, но на тот момент Джулиан отпустил всё на свете. Это была странная медитация, он готов был стоять в одном и том же положении часами, днями,

годами, блистать своей безупречной красотой современной и функциональной высотки, в гордом одиночестве. До тех пор пока не очнулся от своих небоскрёбных дум от чьих-то навязчивых прикосновений, неужели он уже должен принимать в себе жильцов? Там будут офисы, может быть, галереи? И только через несколько минут он полностью осознал себя вновь в этой реальности.

Его трогал Райан, чёрт, что он себе возомнил, ещё совокупиться предложит во время его позирования? Он был в небоскрёбной экзальтации, чтобы его отвлекали такие примитивные вещи, как желание совокупиться или даже обыкновенные прикосновения, всё физическое казалось невыносимым. Он еле сдержался, чтобы не прикрикнуть на этого назойливого человечка. Но в зале уже горел общий свет, Жана не было на месте, эй, сколько времени он тут стоял и пускал слюни?

Да, Райан просто тормозил его, так как Ланже на сегодня уже завершил работу, и такси уже вызвано, пора возвращаться домой. И снова эта неуместная неловкость своей наготы. Он поспешно оделся и сказал, что надо попрощаться с хозяином, но Райан уже сделал это за него, и ему сейчас не стоит мешать, он колдует с мрамором. Как странно, куда делось всё время, была глубокая ночь, на улице уже шлялись тусующиеся в пятницу молодые люди. Такси их действительно ждало, которое ещё сильнее акцентировало возвращение Джулиана в реальную жизнь.

На удивление, Райан разглядывал его без стеснения, он чувствовал себя какой-то недоразвитой картиной, именно таким взглядом Райан рассматривал картины, которым по его мнению, чего-то не хватало, последнего шажка для того чтобы стать шедевром. Это было невыносимо, он всегда считал, что Райан видит в нём создание перфектное, и этот взгляд был хуже, если бы он смотрел на него как на говно. Осознавать, что ты в шаге от божественной арт канонизации, но при этом остаться в серой массе посредственностей было просто ужасно.

– Что с тобой происходило в самом начале? – наконец-то спросил хоть что-то Райан своим невозмутимым тоном. – Ты был не собран, выглядел совершенно больным и разбитым, я никогда тебя таким не видел. Ты был слабым и пустым, ты меня неприятно удивил, ты же знаешь, как я отношусь к любого вида слабостям. Джулиан, ты же сильный, тебе не идёт быть сломанным. Хотя я поражён также диапазону твоих чувств и эмоций, что ты был способен показать в своей неподвижности. Но когда ты понял, что от тебя требуется, ты преобразился. Джулиан, ты был практически идеален, такими бы я хотел видеть статуи святых, если бы бог захотел бы заманить меня в сети своей веры. Таким не грех и помолиться.

Джулиану и самому было неприятно, что он позволил увидеть себя таким. Но Райан и не должен был там быть, по сути, это был личный процесс создания творчества, который при-

надлежал только ему и Жану Ланже. Это было хуже вуайеризма, настоящее варварство, разрушающее тайную завесу творческого процесса. Джулиан вдруг осознал, что ему нравился Жан Ланже, и он бы хотел с ним нормально сотрудничать, и волна отвращения у него шла теперь к Райану, причём настолько сильная, что он едва сдержал рвотный позыв. Блин, думал он, почему я вообще тратил на него своё время, почему всегда соглашался только на то, что говорит он? Почему он до сих пор имеет надо мной такую власть? Почему в момент, когда я смирился и даже получил удовольствие от сотрудничества с Ланже, чьи работы были воплощением адских кошмаров на протяжении стольких лет, Райан делает мне замечания, подглядывает за ним и давит, давит, давит?

Хотелось послать его, выбросить из едущей машины, унижить его эго, потому что он вдруг понял, что этого Райан у него не отнимет, он, как персонализация настоящего искусства никогда не будет принадлежать ему или прогибаться под его мнение. Никогда. Он так и не заговорил в такси, даже не ответил на вопросы Райана, потому что слов у него не было, и даже чувств, влияние Райана рассыпалось у него на глазах, и он сейчас наблюдал за медленным похоронным процессом собственных иллюзий и мечтаний. Он был выше того, чтобы столько лет находиться под влиянием этого сварливого стареющего гедониста, он был выше всех сейчас, потому что взирал на мир глазами стерильного небоскрёба. Иллюзии рабства разрушались.

8

На следующей неделе Райан снова был приглашён к Жану на обед перед тем, как Джулиан будет ему позировать. Он даже дал Джулиану выходной ради такой цели, встречи с Ланже обещали стать настоящим эстетическим праздником для него. Джулиан, который ходил всю неделю каким-то отрешённым и холодным, пытался возразить, что у него на пятницу планы, но так как подпись об его повышении до сих пор не была поставлена, опций у Джулиана не было. Да и Райану казалось, что Джулиан теперь уже не был так категорично настроен против позирования, кажется, этот процесс занимал его теперь не меньше его самого или даже художника. Но этот дух независимости от Джулиана делал его воистину сильным и непоколебимым, Райану даже нравилось это, кажется, он действительно созрел к своему повышению. Но арт процесс от Жана Ланже не принадлежал Джулиану, это был его заказ, и хотя об этом он даже ещё не говорил с Жаном, он знал, что купит эту скульптуру, сколько бы та ни стоила. Поэтому именно он будет контролировать весь процесс, от начала до конца.

Во время позирования Райан позволял себе делать замечания и высказывал просьбы, но Жан его как будто и не слышал, увлечённый процессом, к тому же Джулиан вновь слишком долго пытался выйти из своего разбитого состоя-

ния, чтобы самому образно превратиться в скульптуру. Боже мой, какой же он был прекрасный в эти моменты, просто не описать словами, сердце сжималось от тоски по прекрасному и чистому свету, и он знал, что стоит только подойти ближе, как иллюзия рассеется, и он увидит, что это всего лишь Джулиан, человеческий и со всеми своими недостатками. Жизнь начала казаться ему чем-то безобразным – покраснение кожи, справление нужды, хлюпающие звуки, вросшие волосы, прыщавые задницы, растреханные дыры, потрескавшиеся губы, грязные ногти, толстые ляжки, хромые походки, вставные челюсти, какой кошмар, человек был настоящей свалкой. Он решил не подходить близко, чтобы не портить впечатление безупречности Джулиана. За что он так любит искусство, так это за то, что есть ещё убежище в этом мире, где ты не просто стремишься к идеальному и чистому, но и видишь это, впитываешь это в себя. Если бы люди были произведениями искусства, как скульптуры Жана Ланже, Земля бы давно стала пристанищем богов, и вся человечность превратилась бы в миф.

Когда они уже сидели со скульптором и трапезничали, Райан хотел расспросить его детальнее о том, как он добивается этой безупречной красоты своих скульптур. Пока он слышал лишь образные объяснения, и хотел иметь больше технических данных. Джулиан к тому времени их покинул, сказав, что вечером у него заказан столик в ресторане, явно романтический ужин с бойфрендом. Но Джулиан сейчас и не

был тут нужен, он свою работу сделал, и теперь можно было глубже вникать в творческий процесс Жана Ланже.

– Всё дело в практичности и эластичности мрамора, – объяснял апатично Жан, болтая кубики льда в своём тумблере с виски. – Мрамор – невероятно удобный и податливый материал, обладающий всем необходимым для того, чтобы не отвлекаться во время процесса лепки от назойливых нюансов, с которыми ты сталкиваешься во время работы с другими материалами. Я теперь работаю исключительно с мрамором, этим материалом богов, который способен не только сосредоточиться на самых мелких и выразительных деталях, но и наделить работу этим безупречным лоском, этой божественной чистотой, той высокопарностью, что люди нынешнего века давно уже утратили, ведомые самыми примитивными чувствами. С помощью мрамора я леплю собственное видение идеального человека, мрамор – моё орудие по гармонизации и творению целостности. Мрамор позволяет мне играть в бога. И я с тобой солидарен, не так легко восхищаться человеком после того, как найдёшь нить единения с моими творениями, познав мудрость целостности всего мира и его взаимодействия с человеческим духом. Райан, это – незабываемое чувство. Познать божественное начало и божественный конец, объединив их вместе и интегрировать в состояние гармоничной симметрии.

– Но тебя не пугает, что зарядив свои творения таким сильным и при этом личным опытом, люди могут неверно

интерпретировать твои работы? – Райан бесцеремонно наполнял их пустые бокалы новой порцией виски.

– Ты знаешь, – ответил Жан спустя какое-то время, смакуя во рту глоток охлаждённого спиртного напитка, – я – тот ещё собственник в своём творчестве, никогда не считаюсь ни с чьим мнением. Но когда работа уже готова и не требует никаких коррекций, она уже неуязвима на любую критику, она как бы имеет иммунитет, и ничто не способно ни на йоту изменить её внутренний мир. Даже массовые негативные мнения отталкиваются от её безупречного мрамора, не загрязняя её ауру своим пессимизмом. Мои статуи в этом олицетворяют вечность. Вечности всё по барабану. Так что единственным моим условием является не работать на заказ. Заказчик всегда – я сам, и если покупатель заинтересован купить мои готовые работы, это возможно. Но никакие миллионы мира не заставят меня работать над чем-то, что я не до конца познал. Я не делаю полусырые или лишённые души и целостности работы, какие бы мне ни предложили деньги. Иначе я стану клепать мусор ширпотреба, пускай и высочайшего качества. Но я не позволяю себе халтурить в своём творчестве, я слишком уважаю свой талант.

– Но как же Джулиан? – Райан пытался скрыть удивление противоречивых слов художника. – Ведь его ты согласился лепить? Разве это не заказ?

– Нет, – очень уж резко и категорично ответил на это Жан, поставив со стуком недопитый виски на слишком простор-

ный для двоих стол. – Я сам выбрал его, он вдохновил меня именно тем, что распознал глубоко обратную сторону идеальности моих скульптур, он настолько хорошо их понял, что сам стал моей скульптурой. Мне и вкладывать почти ничего не надо, он просто излучает это состояние, когда находится рядом со мной или тем более моими скульптурами. И хотя он противится тому, что познал значимость смерти и её дополнение к жизни, он уже почти на пути к истине. К тому же у него нет проблем с самооценкой, у него есть все задатки бога, ему и копать не надо глубоко, чтобы вытащить наружу всю свою божественную суть. В какой-то момент он просто отключается и вдруг сам становится моей скульптурой, прямо бери и работай, даже настраиваться не надо. Это просто рай для художника найти идеальную для работы модель.

Райан на миг забылся. Жан прекрасно описал Джулиана, в нём был потенциал идеализма, он был сырой версией произведения искусства, потому что слишком живой и суетливый для состояния чистого перфекционизма. И в отрешённом состоянии издавек он воистину походил на скульптуры Ланже, воплощение превосходства, красота, тронутая божественной энергией. Райан вдруг затосковал по интимным встречам с Джулианом, собственнические качества начали пилить его, что он упустил такое прекрасное создание из своей жизни. Тогда он решил точно, что купит эту скульптуру, она вернёт ему вновь покой и удовлетворит эстетический голод, отлично вписавшись в его галерею, которую пора уже

открывать. Но нет, разве кто-нибудь сможет испытать все те чувства, что ему открылись в божественном откровении последних дней, чтобы испытать те же эмоции? Над этим стоит подумать, сможет ли он поделиться с миром, пускай даже с самыми привередливыми эстетами, этой красотой. Он ни капли не сомневался, что получит шедевр, способный возвысить до состояния полного очищения.

Для Джулиана позирование Ланже уже становилось рутинной. Он ходил к нему два раза в неделю. Сначала он пытался успокоить свои страхи и концентрироваться на существовании небоскрёба внутри него, пока действительно им не становился, и тогда он прекращал чувствовать время и пространство. Они почти не разговаривали с Жаном, потому что во время позирования он был слишком увлечён своей ролью, а после работы Ланже всегда пребывал в экзальтированном состоянии и желал скорее продолжить свои труды. Он не всматривался в креативный процесс этого странного художника, понимая, что пока ещё рано делать выводы, какой получится его скульптура. Интересно, она точно так же ужаснёт его, как и те скульптуры, или, наоборот, в этом знакомом теле ему будет проще понять все глубины этих философских изысканий, что плетёт Жан? Может, эта скульптура поможет ему принять гармонию между жизнью и смертью? Но хотел ли он этого? Ещё недавно он готов был даже лишиться работы, только бы не иметь ничего общего с Ланже, но сейчас он уже подумывал о том, стоит ли купить эту скульптуру, и если он её приобретёт, где он её будет хранить? Его и так считали тем ещё нарциссом, чтобы держать ещё и свою обнажённую статую в полный рост (фотографий уже хватало на полках, они были везде, правда, не только с ним,

но и его бойфрендом).

Он сейчас чувствовал себя значительно увереннее и сильнее, конечно, он до сих пор часто просыпался весь в слезах после кошмаров, которые вызывали воспоминания с соприкосновением со скульптурами, но днём он отбрасывал все страхи, всю неуверенность, построив ледяную стену, которая защищала его от негативных эмоций. Его борьба по удалению Райана из своей жизни была нелёгкой, да, что-то в нём как будто бы умерло в тот день, когда он первый раз позировал Ланже. Но глубина эстетического восторга Райана манила его, этот человек идеально видел этот мир, для Райана он был его шедевром, это было невероятно, он ждал этого момента столько лет, чтобы осознать, что действительно незаменим в жизни Райана. Это были приземлённые эмоции, несмотря на весь этот высокопарный пафос внутренней стороны, и Джулиан сейчас с корнями пытался выдрать из себя любовь к Райану, что он навязал на него с такой непоколебимой страстью и порочной непорочностью.

Он вдруг отчётливо понял, что односторонняя любовь гораздо проще, и хотя она не целостна, но она прямолинейна и не сталкивается ни с какими препонами. Когда чувства взаимны, двое начинают беспощадную игру, не зная даже приблизительного конца. И хотя он не мог себе вообразить, что Райан его любит сейчас так, как он этого желал, всё же это новое восхищение теперь делало их равными на более серьёзном уровне. Он снова стал для Райана значимым, в до-

вольно странном контексте, но вся эта муть со скульптурами не дала ему ни дня чувства безопасности и простоты, он жаждал сейчас рутины и минимум философских раздумий, но понимал, что пока скульптура не будет готова, пощады не ждать.

Наконец-то он получил известие, что его официально повысили в фирме, эта неопределённость и бессмысленные ожидания тоже высосали у него все соки, сомнения появлялись, что они в это время ищут нового сотрудника на место Марка, и что он недостойн и напортачил всё перед Райаном. Ещё так не вовремя у Майкла начались танцевальные шоу на Бродвее, который уставал не меньше его, так что моральной поддержки было не так много, чтобы спокойно вынести этот бешеный ритм жизни. Он уже сходил несколько раз на это шоу и остался в восторге, у Майкла там была значительная роль, несмотря на то, что постановка кишела звёздами танца.

Насколько же терапевтически на него действовали вечерние прогулки с друзьями, далёкими от мира моды и офисных будней, где он просто мог быть собой. На выходных он начал долбаться. И не просто таблеточкой, а нормально долбаться, чтобы полностью забыться от этой сумасшедшей жизни и просто испытывать эмоции здесь и сейчас, такие реальные, позитивные и яркие. И хотя последствия потом были не самыми приятными (особенно когда приходилось в понедельник с утра пораньше пилить на работу), это того стоило, он наконец-то мог более или менее расслабиться, отключив-

шись от всех переживаний.

На удивление, он держал язык за зубами насчёт своего позирования Жану Ланже, хотя многим его друзьям и знакомым было очень интересно, как прошла выставка, потому что сейчас имя Ланже обретало имя в нью-йоркской арт тусовке. Почему-то хотелось оберегать сотрудничество с Ланже на высочайшем уровне. Он никогда не отличался тем, что стремился защищать свою приватность, наоборот, он предпочитал жить напоказ. И хотя в последнее время его статус уже успокоил его, и он начал поддерживать солидный образ, всё же желание блистать и быть популярным в своей среде порой всплывало. Его бойфренд был более приватным, но поскольку именно Майкл из них двоих имел в своих кругах определённую славу, ему как раз-таки приходилось поддерживать социальные контакты и прокачивать свою публичную личность хоть на каком-то уровне.

Так что такой безобидный акт как позирование знаменитому скульптору Джулиан скрывать бы никогда в жизни не стал, если бы не вся эта обратная сторона процесса, которая высосала из него всю жизненную энергию. Это сделало его более замкнутым, полным каких-то непонятных тёмных секретов, которые он даже не хотел в себе держать. Но он и не знал, как избавиться от их влияния на свою жизнь, кому-то рассказать не прокатывало, даже сеансы со своим психотерапевтом не помогли ему после выставки в Париже понять истинную причину своих страхов, от того он и не

смог избавиться от них. Сейчас ситуация была яснее, но совсем немного, результат всё равно был тот же, страхи никуда не делись, а их подсознательная глубина теперь давила ещё сильнее. Методов как от них избавиться он пока не знал, надеясь, что чудо свершится, когда он заглянет в себя, почувствует свою собственную скульптуру и всё поймёт и отпустит. И очистится. И научится жить в этой гармонии. Он познает и жизнь и смерть, и дотянется до бескрайнего пространства, познав все тайны мироздания, не только физического мира, но и метафизического. Он очень на это надеялся.

День повышения был и днём банкета, это было неожиданно для него, потому что он планировал сам выставиться и устроить этот праздник для любимых коллег, но Райан снова решил всё по-своему. Не то чтобы он был против, но это было как-то нетипично для Райана, такие готовые сюрпризы, ещё и связанные с работой. Райан знал, как он ждёт этого момента, это будет его триумф, и хотя его начальник очень хорошо знал вкусы Джулиана, всё равно его желания при организации мероприятия ведь не были учтены. Но он изрядно сэкономил на этом, потому что один только заказ из элитного ресторана лишал его целой премии. Он не мог не шиковать при коллегах, тем более при таком событии, теперь он был директором по связям всей фирмы, вернее филиала в Нью-Йорке, но поскольку именно тут базировался главный офис, можно было считать, что и всей фирмы. Райан сделал для него сюрприз. Как миленько, но что-то в этом было нечи-

сто, что-то произошло, он чуял это нутром, и это связано с его скульптурой. Но позже он это обязательно выяснит.

Утром он рассказал некоторым коллегам о том, что сегодня его повысили, как весть на хвосте сороки, да по сарафанному радио уже гудела во всех рабочих чатах и в стерильных кабинетах. Он не мог не улыбаться, ох, он действительно заслужил этого праздника! И хотя он понимал, что ответственности и работы станет больше, он был полностью готов к этому, он хотел этих трудностей, он был в полной боевой готовности порвать все каналы по коммуникациям своей любимой фирмы. Он совсем не устал принимать поздравления от коллег, а потом и друзей, и перечитывал официальную новость сто раз, где в колонках моды сообщалось, что новым директором по связям в фирме Райана Смита стал Джулиан Берг. С ним даже забегали сфотографироваться подружки-балаболки, сказав, что этот день надо запомнить, он – особенный, и боги сегодня благоволят всем его желаниям. Ах, если бы, думал он, погружаясь в сладостные мечты, но всё равно загадал навсегда пробудиться от кошмаров и страхов, вызванных скульптурами Жана Ланже.

Он сиял на своём торжестве, улыбка не сходила с его лица, он просто в один миг распустился, и заражал своим восторгом и других. Сдержанная трезвость никак не получалась с таким подходом, обычно их банкеты грешили этим помпезным аскетизмом (вроде бы противоположные понятия, но в их фирме весьма совместимые), но сегодня всё как-то бы-

ло более домашним и расслабленным. Повышение в статусе, зарплате и обязанностях было именно тем, чего он так жаждал, примерно это он и высказал в своей эмоциональной речи (чуть не всплакнул, еле сдержался, ведь он выйдет плохо на фотографиях, во время речи его постоянно щёлкали и снимали). Конечно, пафосные воспоминания своего карьерного роста, как ему помогали конкретные коллеги, поддержка начальства, и всё это десятилетнее приключение были отличным компостом для того, чтобы принять своё постепенное взросление, которое ему дала эта фирма. Ему надарили подарочков, и когда его подруга Стелла наклонилась к нему, чтобы вручить от их отдела огромный букет коралловых пионов, символизирующий успех и достижение целей, то шепнула ему:

– Теперь ты сможешь повесить в своём кабинете, целую одну картину!

Дело в том, что в офисе давно уже циркулировали шутки по поводу их голых стен, и так вышло негласным правилом, что менять интерьер в кабинете могло только начальство, и чем выше у тебя статус, тем больше у тебя было предметов интерьера или арт объектов. Воистину, одну картину на стене он заслужил. Он явно выберет что-то из абстрактного экспрессионизма, этот хаотичный художественный стиль почему-то помогал ему сдерживать свой внутренний магазин в полном порядке и чистоте. Эта на первый взгляд бессмысленная и агрессивная хаотичность, наоборот, давала ему воз-

возможность концентрироваться и видеть общий узор, общий замысел (даже если художник его и не предполагал), через заросли пятен и красок он находил ключ к сути картины, к самому её сердцу.

Когда Райан встал, чтобы поздравить его лично, Джулиан уже был весь красный, а рот его болел от постоянных улыбок, как же он любил свой коллектив, даже если они через полчаса пойдут его обговаривать и завидовать его успехам, он всё равно любил их сейчас. Райан тоже был на удивление румяным и весёлым, кажется, он выпил сегодня непозволительное количество бокалов со своим любимым шампанским Дом Периньон.

– Этот день – чудесен, посмотрите за окном, какая благодать, а всё благодаря тому, что наш Джулиан вырос, и мы все приветствуем нового директора по коммуникациям! – дружные аплодисменты после этого. – Джулиан, ты не просто красивый, добрый и всеми любимый, но ещё и умный и амбициозный, что в этом офисе ценят не меньше, чем твоё прекрасное модельное тело и фантастическое лицо. Ты порвёшь связи нашей фирмы и возвысишь нас, что о нас станут говорить на каждом углу, люди начнут ценить шик, мы вновь повысим популярность элиты, и всё благодаря твоим стараниям! И с твоим чувством прекрасного и эстетическим вкусом, мы сделаем это так утончённо и ненавязчиво, Джулиан, ты воистину – произведение искусства, наш талисман, наше солнце! Спасибо тебе за то, что освещаешь путь нашей фир-

ме и двигаешь её только вперёд, нам всем не терпится понаблюдать за твоими успехами! Ура! Поднимем бокалы за Джулиана!

После этих эмоциональных и фамильярных слов, все подняли очередной бокал с шампанским, которое в этот день лилось рекой (в отличие от закусок, коих было всего три вида). И Райан обнял Джулиана так крепко, что он просто не мог какое-то время дышать. И когда Райан отпускал его из своих объятий, то погладил его по щекам обеими руками и довольно буйно поцеловал его... в губы! Коллеги уставились на это проявление чувств от начальника, многие знали, что Джулиан был любимчиком, нянечкой и психологом Райана, но эта демонстрация поразила всех. Джулиан смаковал вкус его губ какое-то время, пытаясь выровнять дыхание.

Вау, а ведь сколько он в своих эротических фантазиях мечтал, что Райан проявит к нему чувства, и они начнут медленно совокупляться у изумлённых коллег на глазах. Ух, боясь своих желаний, подумал он, поспешно отгоняя навязчивые сексуальные образы. Блин, и такие приятные слова Райан адресовал ему, он редко позволял себе быть таким несдержанным, это было странно. И это прикосновение, и поцелуй, что Райан испытывал в этот момент? Был ли он так прекрасен в этот миг, как во время позирования Ланже? Был ли он в этот миг для Райана безупречной мраморной скульптурой? Может, к чёрту всю эту карьеру, бойфрендов, социальный статус, репутацию, и Райан его любит, и они

созданы друг для друга? Нет, уже научен горьким опытом, мне оно не надо, пытался отогнать навязчивые мысли Джулиан, чьи щёки пылали, а горло было таким сухим, что даже глоток шампанского обжигал раскалённым огнём. И что он сам чувствовал в этот миг? Счастье? Безумие? Злорадство? Триумф? Ужас? Неловкость? Или всё вместе? Одно он точно понимал, этот день воистину войдёт в историю сплетен в этой фирме, и к добру али погибели, время покажет. Но ему было не привыкать оказываться в центре внимания, но в скандалы он пытался не впутываться. Да и вообще что тут такого-то? Его просто поздравил начальник, все они расслабились и выпили. Ох, этот поцелуй был таким горячим, таким целенаправленным, таким собственническим, кажется, он только что за один миг провёл свой самый лучший отпуск в любовном раю.

Конечно, коллеги подтрунивали над ним весь оставшийся день, многие пересказывали тем несчастным, что не были приглашены на банкет, что они пропустили, и эта маленькая сценка быстро обросла всё новыми подробностями, лишь поверхностно соответствуя истине. Вау, Райан запал на тебя, говорили более прямолинейные сотрудники, некоторые вообще уже описывали в чатах примерные варианты развития их отношений, какой-то умник накидал фотографий эротического характера, где мужчины были типажа Джулиана и Райана, а кто-то потом просто подфотошопил их головы. Офис на ушах ходил весь тот день, да и всю следующую

неделю, пока их не заинтересовали более свежие сплетни, на которые переключиться. Но а Джулиан тупо сидел в своём кабинете и размышлял о случившемся, день был пересыщен сильными эмоциями, он чувствовал себя окрылённым. Ничто теперь не могло остановить его, никакие страхи не могли по силе сравниться с тем голым счастьем, что он испытывал сейчас, победоносный Джулиан, покоровший не только это кресло, но и сердце Райана! Да, именно так ему в этот момент казалось, и именно этого ему не хватало для осознания своего личного счастья.

Спустя два месяца после выставки Райан встретился с Жаном в кафе обсудить будущее скульптуры Джулиана. Чем больше он думал о ней, тем отчётливее понимал, что скульптура уже принадлежит ему, даже во время её изготовления его мысли занимала эта новая идеальная личность Джулиана, что лепил своими волшебными руками Жан Ланже. Она не давала никому из них покоя, ни Жану, ни Джулиану, ни Райану, эти последние два месяца крутились вокруг этой чёртовой статуи. Но божественный путь ведь тоже был усыпан терниями, чем более возвышенно и оригинально творчество, тем больше приходится вкладывать в его создание. Он чувствовал, что они все были творцами этой скульптуры, он страдал вместе с моделью и художником, чувство страха периодически вызывало у него панику, что у Жана не получится воссоздать образ Джулиана, и он разрушит это мраморное изваяние, до конца не придав ему форму. И сомнения, что Джулиан прекратит ему позировать, и тот не сможет закончить проект, тоже поселились в его голове, создавая чудовищные варианты развития. И самым последним его страхом было то, что Жан откажется продавать ему эту скульптуру. На это он имел право, они не подписывали никаких контрактов, даже вербальных, и Райан понимал, что вопрос денег тут не поможет. Важно, чтобы Жан не слишком при-

вязался к своему творению. Вариант выставить скульптуру в галерее его почему-то пугал, это была настолько для него личная работа, что он представить себе не мог, как кто-то критикует эти безупречные черты и совершенно не врубается, насколько божественна натура этого произведения искусства. Райан не сомневался, что по шедевральности статуя не уступит тем, что он лицезрел в МОМА, так что он был в предвкушении того, что в его жизнь ворвётся божественная искра, высокое искусство, которое преобразит всё вокруг.

Они поговорили о сложностях создания работы, Райана интересовали все детали, потому что ему казалось, что он сам творит это искусство вместе с Жаном. Он часто навещался к нему, когда тот работал над ней, к счастью, Жан был способен работать не только в полном одиночестве. На позирования Джулиана Райан старался всегда попасть, преобразование того поражало его, и он уже предвкушал, как это возвышенное состояние передаст его скульптура, когда она будет готовой. Жан сейчас застрял над формой рук, он не хотел поднимать их вверх, и, по его мнению, свешанные вниз они казались чересчур грузными, им не хватало грации и этого уместного состояния, что именно в таком положении они и должны находиться, когда личность познала гармонию между жизнью и смертью. Райан считал, что руки должны быть расслаблены и не акцентированы, но он понимал, что Ланже явно будет искать свой вариант, как справиться с этой нерешительностью. Также он планировал изменить слегка фак-

туру статуи, добавить к непорочной гладкости немного шероховатости с помощью цвета.

– Тут всё зависит от освещения, с одной стороны люди увидят на ней безупречную энергию жизни с помощью этих красок, но при более тёплом свете эти цвета станут трупными, так что и с помощью света можно поиграть на этих темах, чтобы Джулиан был целостным и завершённым.

Райана почему-то напугала идея добавить красок, пускай и блеклых. Он представлял скульптуру не иначе как покрытую гладким белым мрамором, без единого изъяна. И возможность сделать Джулиана под каким-то углом похожим на труп, в его планы точно не входило. Он стремился к идеальному, и даже если Жан и добивался этой идеальности, покоря такие мрачные и противоречивые темы, готовый вариант должен иметь эффект катарсиса. Но следующие идеи Жана окончательно лишили Райана покоя:

– Я решил поработать в этот раз более абстрактно, скульптура будет гуманоидной, но я не хочу в этот раз заикливаться на безупречности точности, надо дать её немного этой текучести, чувства полёта, чтобы при невнимательном рассмотрении она казалась расплывчатой, далёкой. Стоит в этот раз убрать всю грузность и приземлённость, сосредоточив внимание внутри скульптуры, сделать её вездесущей, как будто внимание приковано одновременно поверхностно к самой скульптуре, которая как бы проецирует твои внутренние чувства, и рассматривающий её человек будто бы смот-

рится в зеркало. Эта скульптура поможет через неживую эмпатию пережить то, что она в себе несёт. То, что я хочу вложить в неё, то, что я хочу донести до людей.

– Я так не думаю, – возражал нервно Райан, аппетит совершенно испарился, хотя с его тарелки до сих пор ему подмигивали жирные трюфели. – Чёткость фигуры в данном случае очень важна, потому что иначе ты не сможешь передать всю суть Джулиана, его физическая оболочка – такая же неотъемлемая часть, как и его душа. Пойми, он должен быть идентичным, лишь отполированным до блеска, без всех человеческих изъянов.

– Но с помощью абстрактной и слегка размытой техники можно передать гораздо глубже человеческую личность, – не соглашался с ним Жан, совершенно не стеснявшийся громко всасывать свежие устрицы. – Суть останется, он будет узнаваем, поверь, просто я хочу сделать его более трансцендентальным. Я не хочу, чтобы посетители концентрировались на его физической красоте, я хочу, чтобы эта красота казалась безликой, как будто она принадлежит всему миру, как свет солнца. Но когда ты на него смотришь, то тебе кажется, что солнце светит только тебе одному. Как те мои скульптуры, никто почему-то не задаётся вопросами, кто эти люди, существуют ли они на самом деле? Личность Джулиана важна для меня на данном этапе, но она слишком мизерна для моих целей, чтобы делать на ней акцент.

Всё шло не по сценарию Райана. Жан планировал выстав-

лять её на публичное обозрение. Наверняка в музее уровня МОМА, с таким-то успехом его нынешней выставки! И он не до конца понимал, что он хочет видеть в скульптуре Джулиана, она должна быть идентичной его телу, разве что без недостатков, что, увы, есть у каждого человека. Но он верил в гениальный талант Ланже, даже абстрактная форма статуи Джулиана его непременно покорит. К сожалению, Жан был из тех художников, что не прислушивался ни к мнению критиков, ни к мнению покупателей, ни даже к мнению друзей, коим он хотел для него стать. Но он не мог упустить эту скульптуру, она принадлежит ему с того самого дня, как родился замысел её творить.

– Жан, я планирую открыть свою собственную галерею, имени Райана Смита, где будут выставлены те произведения искусства, что произвели на меня впечатление, которые изменили меня, – начал он свою речь, уже неоднократно отретированную в голове. – Я коллекционирую шедевры мирового искусства уже много десятилетий, у нас с Лео солидная подборка, которая в основном украшает стены нашего манхэттеновского дома, но уместность некоторых работ в подобном месте вызывает сомнения. Я давно уже думал отойти серьёзно от управления своей фирмой и заниматься исключительно работой для души.

– Моя страсть к современному искусству всегда вела меня в дебри неопознанного, вдохновляя на нестандартные решения. Даже в собственном бизнесе, хотя для профанов это за-

нятие кажется весьма прямым и чётким. Но это не так. Бизнес удаётся лишь невероятно креативным людям, а если это ещё и бизнес, связанный с искусством, коим я считаю свою одежду, то это вдвойне повышает креативный темп. И сейчас, когда моя фирма стоит стабильно и пустила корни глубоко в бетон, я готов вкладывать свою энергию и ресурсы в свой храм искусства, в свою галерею гармонии. И чтобы она была целостной и заполненной до конца моими эстетическими одержимостями (да, я признаю, что одержим некоторыми шедеврами), ей не хватает скульптуры Джулиана. Она станет сердцем моей первой выставки.

Жан долго молчал, сосредоточившись на то, как сервируют клафути. И когда он, наконец, заговорил, вид его был мрачным и отрешённым. – Я боюсь, что она не впишется в твою коллекцию. И хотя я не сомневаюсь в том, что я преклонюсь перед твоим вкусом и восхищением истинной красотой, мои скульптуры смогут гармонично смотреться лишь с тем, что прошло такую же инициацию. Лишь познав в гармонии значимость жизни и смерти, можно отобразить идеальное нейтральное состояние, путь деградации к экзальтации и наоборот. Иначе она потеряет своё предназначение в этом хаосе, не сможет донести своё послание и не станет отражением внутреннего мира тех, кто сможет распознать в ней зеркальный символизм.

– Я тебе покажу всю свою коллекцию, и мы отберём то, что не испортит впечатления от твоей скульптуры. Я позво-

лю тебе курировать этим, но скульптура Джулиана должна находиться в моей галерее! – не отступал Райан, который кидался такими громкими словами, хотя никогда и никому в жизни не позволял решать, что именно должно быть в его галерее идеальных работ, даже если пока только в воображаемой галерее. – Я готов скупать работы Поллока, Вула, Уорхола, Ротко... да кого пожелаешь, но мы создадим идеальные тепличные условия для привередливой скульптуры Джулиана, я тебе обещаю.

– Ты знаешь, дело не в дорогих и разрекламированных авторах. Речь же не о посещаемости и прибыли, я так понимаю, – ответил Жан, уже снимая с вешалки свою ветровку. – Я со своими скульптурами вижу рядом глубокие работы, которые не концентрируются на конкретных ощущениях, мне нужны целостные и всепоглощающие шедевры, которые выпотрошат тебя и одновременно обожеествят. И это необязательно будут ассоциативные картины, ведь «Чёрный Квадрат» Малевича может нам сказать гораздо больше о космических законах вселенной, чем яркие и запутанные символические полотна Дали. Сложность, ценность, популярность, оригинальность здесь не будут ключевыми, так что тебе предстоит нелёгкая работа, набрать шедевры художников, с которыми мой Джулиан будет чувствовать себя уместно. Но я в тебя верю, ты – человек целеустремлённый, и если ты действительно жаждешь выставить у себя мою единственную скульптуру, тебе придётся попотеть. Я могу предложить тебе

сделать Джулиана частью скульптурного комплекса, экзальтированные абстрактные модели, учащие жизни и смерти... , но вряд ли ты захочешь сделать Джулиана частью какого-то общества, пускай, даже состоящего из мрамора.

Райан действительно не представлял, что Джулиан будет стоять с другими подобными статуями, теряя свою индивидуальность, просто часть мраморного комплекса, просто ещё одна скульптура. Нет, эту статую ждала совершенно иная судьба, в этом он не сомневался. К счастью, Жан это понял без слов, они нашли общий язык друг с другом, от того чувство, что он сам стал частью его скульптуры было таким ярким. И сидя в такси по дороге в свой мидтаунский особняк, он смаковал то чувство, что победил, практически без борьбы. Да, последствия теперь таковы, что ему действительно придётся уйти в отставку и оставаться лишь креативным директором своей фирмы, потому что комплектование галереи будет требовать всё свободное время и уйму энергии. А то, что Ланже хотел выставить скульптуру Джулиана, пускай даже в его собственной галерее, где он будет всё решать, вызвало у него двойкие чувства. Скульптура была слишком личным опытом для него, она не была создана для того, чтобы другие люди впитывали этот опыт, но если Жан поставит свои условия, что скульптуру обязательно стоит выставить, противиться он не станет. Но будет всячески оберегать Джулиана.

После повышения Джулиан почти две недели ощущал прилив эндорфинов, которые мешали ему ответственно отнестись к тому, чтобы начать качественно работать. Работать совсем не хотелось, хотелось хвастаться, понтоваться, шикавать и принимать обожание. Но когда время приближалось к показам моды в Париже, он подсуетился, работать теперь придётся в несколько ином ритме. Благодаря повышенному серотонину в крови он весьма спокойно и безболезненно привыкал к своему новому месту. Он очень мало спал в это время, энергия бушевала в нём разноцветными потоками, как будто он постоянно был под метом, хотя в те дни вообще отказался от всего увеселительного, ему хватало своего счастья.

Правда, были и печальные вести во всём этом, в тот день, когда его повысили, и стало известно о том, что Райан складывает свои полномочия правления и концентрируется на креативных целях. Также он слышал, что Райан наконец-то взялся за бизнес-план собственной галереи, и он верил, что на это его вдохновила скульптура Жана Ланже, которую тот сейчас лепил из него. Это означало, что Райан теперь реже будет в офисе, ведь он предпочитал работать над творческими делами отдалённо. Его это почему-то расстраивало, с одной стороны ему было мучительно его видеть после того, как

он начал понимать глубже внутренний мир Райана, но с другой стороны он до сих пор жаждал этих встреч, потому что так и не заглушил до конца свои чувства. Но в последнее время что-то мрачное окутывало Райана, и этот зловещий туман странно влиял на него, он чувствовал, что его страхи к скульптурам Ланже как-то были связаны с личностью Райана. Но может, это всего лишь потому, что он впервые их увидел, когда страдал от депрессии и разбитого сердца, именно из-за Райана? Нет, тут было что-то ещё, что-то изысканно извращённое, что было скрыто от него, но он старался в этот период избавиться от всех фаталистичных мыслей.

Удивительным образом он начал углубляться в символизм картин, которые в свою очередь привели его к изучению философских доктрин и идей, иногда смешиваясь с религиозными, хотя он никогда себя не считал религиозным или отшибленным оккультистом, интересующимся философией. Да, он изучал психоанализ, сексологию, социальную философию, психологию отношений, но для того, чтобы применять эти знания на практике. Он любил практические знания. Конечно, порой хотелось углубиться во что-то сложное и непонятное, или наоборот, дать волю своему внутреннему животному и просто тупо что-то впитывать, не дающее никакого смысла. Но он был слишком прагматичен, чтобы перелопачивать заумные философские трактаты, которые в итоге ничего не доказывали и не меняли, а скорее теоретизировали. Но сейчас он жадно впитывал в себя всё, что ре-

лигии говорят о необходимости смерти для того, чтобы гармонично воспринимать жизнь, и больше всех его удовлетворяли ответы в тибетском буддизме. Но всё равно ему не хватало знаний, опыта, ощущений, внутреннего понимания, хотя бы какого-то толчка, чтобы понять на сто процентов без страхов и ужаса смысл работ Жана Ланже. Он позировал ему уже несколько месяцев, и до сих пор не преодолел эти страхи. Так что он продолжал рьяно просвещаться тонной концептуальной и глубокомысленной информацией.

Кульминацией этому стало одно событие, к которому, он был в этом уверен, он окажется готов. На недельку прилетала его подружка по колледжу Люси, она сейчас жила во Флориде, работая дизайнером интерьера для vip клиентов Фишер Айленд, в севере от Майами. В Нью-Йорк она прилетала проветриться от этой псевдоэлиты, отдохнуть от жары и повидаться со старыми друзьями. Ну и культурно просветиться, всё-таки Нью-Йорк был неотделим от своих музеев искусства. Она недавно как раз работала с целой командой по созданию комплекса вилл, там, в том числе был и шикарный сад с целой серией реалистичных скульптур. Так что неудивительно, что она жаждала посмотреть воочию скульптуры Жана Ланже, о которых сейчас орал весь Нью-Йорк. Конечно, он конкретно её выгулял в свободные вечера и выходные, но она умоляла его составить ей компанию в МОМА. И поскольку Люси было так трудно в чём-то отказать (они были очень близки во времена колледжа, но не более чем, он уже

тогда чётко осознавал границы своей сексуальности), он согласился ещё раз посетить эту выставку. Музей современного искусства был ведь большим, ему необязательно торчать в выставочном зале с работами Жана Ланже, и поскольку у него был годовой абонемент в этот музей, он мог спокойно разгуливать там по любому залу, сколько ему вздумается.

Всё шло просто замечательно, и он надеялся, что не испортит ни себе, ни Люси этот чудесный день, тем более повода же не было! Подумаешь, скульптуры, да что он вообще постоянно о них думал? Скорее бы Жан его уже слепил, тогда вообще можно нафиг забыть о нём и его работах (ага, конечно, так бы он и забыл, зная, что в мире существует скульптура, сделанная под него)! Но как только он оказался напротив скульптур Ланже, что зловеще занимали мрачный уголок, угнетая своим присутствием и проникая в душу, вся его решительность испарилась. Чёрт, ему стало нехорошо, воздуха стало не хватать, всё начинало плыть, люди куда-то исчезли, скульптуры засасывали его глубоко-глубоко, в самые подземелья Р'льех. И потом бац, какая-то апатия, и он ощущает себя одинокими путником, блуждающим по тёмным лесам, в ожидании вечного сна. И он лёг на холодный пол и увидел тени отчаяния, что имелись у каждой скульптуры, и они насиловали его душу, и тьма и холод были невыносимыми.

Он очнулся, так как Люси тормошила его, чёрт, что он делал на полу, как он вырубился? Паническая атака вновь

к нему возвращалась, всепоглощающая апатия растворилась вместе с тенями отчаяния, так что пока Люси и охранник отвели его до ближайшего столика кафе, он поблагодарил всех богов, что начал таскать с собой прописанные его психоаналитиком колёса. Сертралин, флуоксетин, пароксетин...его лучшие друзья! В кафе после приёма таблеток он окончательно пришёл в себя, извинившись, что переутомился, и эта новая должность такая нервная, и Люси понимающе его слушала, озабоченно сжимая его руку. После этого она отвезла его на его же машине домой и осталась с ним, пока с работы не вернулся Майкл. Да уж, этот день показал ему, что ни хрена он не избавился от своих страхов, и скульптуры всё так же зловеще пытаются донести ему какую-то свою тайну. Почему невозможно относиться к ним как к обычным произведениям искусства, почему надо постоянно думать о них, как избавиться от этих мучительных навязчивых мыслей? Что-то должно было произойти, что-то грандиозное, чтобы ситуация распуталась и освободила его.

Как и надеялся Райан, Жан остался доволен его коллекцией арт объектов, которую он собирал на протяжении многих десятков лет, а потом в общую семейную копилку добавились и шедевры Лео, который не менее скрупулёзно и разборчиво выискивал перлы мирового искусства. Вся коллекция тянула на сотни и сотни миллионов, многие работы повысились в цене на протяжении лет во много раз. Со своей командой юристов он составлял подробную картотеку каждой картины, каждого *objet d'art*, и их общая стоимость поразила даже его, хотя он уже давным-давно привык к своей жизни мультимиллионера. Некоторые картины сейчас ему казались не совсем в его вкусе, и те, которые также отверг и Жан из них, теперь были выставлены им на продажу. Лучше было избавиться от всего сомнительного, что не цепляло ни его, ни Ланже, и на вырученные деньги купить те картины, что оба считали личными шедеврами.

Работы предстояло много, но она увлекала его, и теперь даже работа над дизайнами его дома мод казалась отвлекающей, хотя он обожал творить с группой дизайнеров это странное искусство, которое потом фильтровалось во что-то более удобоваримое практичными дизайнерами. Иначе эти дизайны казались бы для публики чересчур креативными, такое можно лишь оставлять для показов, выставок и сцени-

ческих костюмов. Работать с Жаном было проще простого, когда одна и та же работа цепляла их, они начинали мыслить на одной волне, и в основном так и проходила их совместная работа. Но если Райан вдруг чувствовал связь с определённым объектом искусства, который совершенно не цеплял Ланже, тогда лидер внутри него начинал испытывать тревожность и недовольство, это была его галерея, он тут всем распоряжался, но он был вынужден принимать возражения Жана, потому что скульптура Джулиана должна находиться у него. Те работы, что тронули его душу эстета без одобрения Жана, он припасёт на следующие выставки, тем более у них сейчас получалось концептуальное собрание работ с общими идеями, пускай, это и становилось понятно лишь после близкого контакта с произведениями искусства.

Райана очень заинтересовал процесс работы с мрамором. Жан позволял ему наблюдать за творением скульптуры. В то время он работал ещё над комплексом танцующих в религиозном экстазе скульптур, сказав, что из-за этого он вкладывает в Джулиана слишком много одухотворения. Райана это устраивало, он хотел видеть и ощущать минимально влияния смерти в этой скульптуре, он стремился лишь вверх, к голому искусству божественной гармонии, и хотя Жан считал, что это состояние невозможно показать, если скульптура не впитает в себя в таких же пропорциях мудрость тёмной стороны анти-жизни, Райан не считал, что это должно быть видно и понятно невооружённым взглядом. Да, эти по-

знания делали скульптуру более полной и эмоционально ста-
бильной, но он предпочитал смотреть сквозь пальцы на то,
что казалось ему эстетически грубым или противоречило его
жажде жизни.

По большей части Ланже использовал белый каррар-
ский мрамор из Италии, который считался одним из самых
лучших по всем своим параметрам. Он был податливым,
непривередливым, хорошо сохранялся, имел хорошую све-
топроницаемость. Для подчёркивания конкретных деталей
он иногда использовал цветной мрамор, но обычно с неболь-
шим количеством примесей разных металлов, в основном
выбирая тот, что содержал в себе железо и марганец. Но ино-
гда ему требовались более холодные оттенки (как, напри-
мер, с фигурой Джулиана, чтобы подчеркнуть его трупный
цвет), и в ход шёл мрамор, в состав которого входили лазурь,
серпентин или хлорит. Он полировал их с особой тщатель-
ностью, чтобы максимально сохранить светопроницаемость,
именно это свойство помогало скульптурам выглядеть жи-
выми и реальными, потому ему так важно было освещение.

Ланже имел собственного эксперта по свету, благодаря ко-
торому ему удавалось передать все те эмоции, что предпо-
лагали его скульптуры. И хотя над выставкой в МОМА кор-
пела уже целая команда профессиональных светотехников,
руководил над проектом его личный ассистент Паоло, с ко-
торым Жан познакомился в Италии, где они вместе учились
в RUFA, Римском университете изящных искусств. Жан по-

казывал Райану, как конкретный свет способен менять наше восприятие, и действительно, Райан диву дивился, как менялась скульптура в зависимости от расположения, яркости и цвета света. Он показывал многослойность деталей, их прозрачность, их гармоничное вплетение в общий образ, и как они были тонки и точны, когда Райан всматривался в эти искуснейшие складки и выпуклости.

В мастерской немного пахло мелом и известью, но совсем минимально, к тому же здесь было слишком холодно и сыро, но Жан лучше всех работал в тёмной прохладе, и никогда не включал никакой музыки, а также отключал телефон. В своей студии он становился богом своих изваяний, и только этот мир имел для него значение. Райан с интересом разглядывал целый набор инструментов – долото, зубило, сверло, молоток, это то, что он распознал. Они покоились в разных концах мастерской, как небрежно оставленные рассеянным хирургом инструменты, которые помогали ему менять внешность или возвращали к жизни. Ланже не был безжалостен к своим скульптурам, он крайне редко разрушал их, браковал или откладывал в сторону. Он никогда не брался за работу, если глубоко не прочувствовал её концепт, причём он никогда не работал с черновыми вариантами, например, из глины или воска, он сразу начинал лепить оригинал, выбрав подходящий по размеру кусок цельного мрамора. Обычно он лепил равномерно человеческую фигуру, сначала работал над силуэтом, а потом придавал ему более чёткие формы. Но са-

мые мелкие и точные детали он оставлял напоследок, дав побыть работе какое-то время более абстрактной, именно тогда он решал, стоит ли на этом остановиться. В случае с Джулианом он решил не доводить до определённых тонкостей, считая, что в таком случае скульптура Джулиана будет слишком очеловеченной и не отобразит экстатической и отчаянной гармонии жизни и смерти.

У Райана на глазах скульптура Джулиана обретала свою личность, медленными шажками она становилась всё более точной и фундаментальной, абстракция уходила на второй план, но при этом у этой скульптуры была совершенно ненавязчивая аура, она идеально вписывалась в любое пространство, заряжая его своей безмолвной мудростью. Взгляд затуманенных глаз проходил сквозь смотрящего, мраморный Джулиан ни на ком не концентрировался, он был слишком далёк от такого понятия, как личностное отношение. Ему был чужд индивидуализм, он был неким обобщённым состоянием со своим непомерным багажом знаний, который делал его вне суждений чего-либо. Наоборот, глядя на такую скульптуру, тебе казалось, что ты принижен, потому что перед твоими глазами стоит олицетворение идеального состояния человеческой души. И в своей суетливости и в потоке примитивных проблем ты воистину цеплялся за это как за спасательный круг, который будет способен тебя вывести из этих мутных вод рутины к осознанному и гармоничному существованию. И это было так странно и необычно ощутить,

что Джулиан возвышался над ним, опережая по развитию во всём на свете. И это чувство благоговейного трепета чередовалось с негодованием, потому что в их отношениях учителем был всегда он. Ему вдруг захотелось обезличить Джулиана, лишить его этих черт, лишить его собственной воли, которая стала каркасом этой скульптуры, но он был слишком прекрасен, слишком завершён, чтобы пытаться противиться его чарам.

Но ведь существовала ещё и физическая сторона, несмотря на все высокие помыслы и ассоциации, что вызывала скульптура Джулиана, она всё же была реальной, из настоящего мрамора, с конкретными чертами и фигурой настоящего человека. Райан знал этого человека, и сейчас он распознавал идеальность пропорций более гармоничного Джулиана. Даже самые идеальные, на первый взгляд, люди, всё же не имели точных пропорций, кривизна и неровность обезображивали человеческие тела, даже если внешне это не бросалось в глаза. И при этом Райан терпеть не мог переделанные пластическими операциями лица, пытающиеся уловить те идеальные пропорции и черты, что диктовала нынешняя мода. Обычно операции слишком меняли человека, он терял свою натуральность, что была обязательной основой естественной человеческой красоты. Да, многие были очень страшны в этом мире, или хотя бы просто не симпатичны, но их он даже в учёт не брал, он никогда не мог эстетически наслаждаться внешним обликом таких людей. Кра-

сота внешняя должна была подчёркивать красоту внутреннюю, и он всегда окружал себя людьми, которые могли бы подтвердить это его негласное правило.

Конечно, он сталкивался на работе с множеством некрасивых людей, но с ними он и никогда и не строил той тонкой эстетической связи, что могла бы удовлетворить его душу ценителя всего прекрасного. Возможно, психологи бы обозвали его какофобом или тератофобом, когда люди боялись некрасивой внешности или уродства. Ему было всё равно на это, как и на периодическое осуждение, что он не чист в своих эстетических вкусах, хотя бы потому, что он был гомосексуален. В 21 веке уже было не модно троллить геев, так что эти замечания всегда оставались для него нейтральными. Именно мужская красота, по его мнению, способна передать гармонию внутреннего мира, женщин чересчур заботила внешняя оболочка, хотя в наше время даже границы между полами размывались. Джулиан для мужчины был чересчур женственным и утончённым, и эти женские качества делали его более целостным, считал Райан, который сам обладал крепкой и аристократичной внешностью мужчины-самца. Но эта скульптура была абсолютно лишена какой-либо гендерной связи, хотя обнажённость и показывала принадлежность к мужскому полу.

Но ведь существовало ещё личностное отношение к этой скульптуре. Глядя на неё, Райан всё сильнее ощущал потребность овладеть ею, она принадлежала ему, она давала ему

те чувства, что вызывали все его любимые произведения искусства. Только если этот букет восхищения и эстетического трепета приходилось по крупицам абсорбировать в себя через множество шедевров, то одна скульптура Джулиана давала ему насладиться этой гаммой чувств. Он не мог пока обозначить свои личностные переживания, которые вызывала эта скульптура. Испытывал ли он сексуальное влечение при её виде? Он никогда не испытывал похоти по отношению к произведениям искусства, максимум, мог отшутиться на тему красивых мальчиков на картине, что он бы вдул. Но эта шутка не имела глубоких корней в нём.

Но сейчас он надолго задумался. Он имел сексуальные отношения с моделью этой скульптуры, и они были длительными, яркими и эмоциональными, чувственность и страсть были скрашены обожанием Джулиана, это возвышало Райана даже в сексе, и, по крайней мере, создавалась иллюзия его стопроцентного лидерства. Но секс не всегда – такое примитивное понятие, когда можно обозначить просто самца и самку, тупо выполняющих свои фрикции. Да, Джулиан был типичным твинком, во всяком случае, так ему поначалу казалось. Но уж очень у него были высокие потребности эмоционального контакта и физического единения во время секса, чтобы просто считать Джулиана тем, кто тупо подчиняется. Да и креативности и оригинальности ему было не занимать. Райана это заводило и позволяло расслабиться, это было идеальное сочетание, когда молодой, но при этом опыт-

ный партнёр даёт тебе эту иллюзию превосходства, при этом как помощник режиссёра, нашёптывая необходимые решения. Но ведь со стороны сценарий всегда принадлежит режиссёру, остальное – просто небольшая помощь. Да и он знал, что секс с безучастным и чересчур покорным и неоригинальным мальчиком у него в первый же раз и заканчивался. Это была одна из причин, почему он сам так привязался к Джулиану, к тому же его приставучесть и вездесущность не давали ему шансов так быстро от него избавиться. Но он никогда не считал Джулиана своей игрушкой, и хотя на равных они никогда и ни в чём не были, чувство превосходства этой скульптуры над ним сейчас вызвало у него головокружение, хотелось раствориться в её мудрости и прикоснуться к тем вечным знаниям, что излучал этот мраморный шедевр.

Он гладил нежно холодный мрамор, концентрируясь на плавности материала, который под жаром его руки становился теплее, и это тепло передавалось ему, как будто выравнивая все его хаотичные импульсы в теле. Он вспоминал тело Джулиана и сравнивал свои ощущения, прикасаясь к тому или иному месту. Ему до жадности захотелось сейчас совокупиться с Джулианом, но потом он не менее жадно всматривался в отрешённое лицо его статуи и сексуальный жар покидал его половые органы, и волна священной отстранённости возвращала его в метафизическое царство гармонии, где сексуальный контакт был всего лишь пройденным навсегда опытом. Всё для Джулиана было опытом, он одинаково

преодолел уроки, которые преподнесло ему взросление или смерть. Он был вне всех физических ощущений, и он был каждым этим ощущением, он осуждал и прощал, он брал и давал, он существовал и находился в состоянии полной смерти, за которой нет ничего. Волна противоречивых эмоций вызывала у Райана головокружение и тошноту, он отпустил руку, чтобы успокоиться и переварить всё, что он сейчас так ярко осознал. Наконец-то и он начинал понимать всю необходимость этой обратной стороны жизни, чтобы познать целостное состояние. Джулиан на миг сделал его целым, но это было так недолго и так смутно, что он никак не мог сейчас сформулировать то, что он испытал. Наверное, это и был катарсис, но он не смог уловить этот момент и превратить эти тени идей в мыслеформы, и тоска по чему-то утерянному на первобытном уровне оставила в его сердце в тот день солидный шрам.

Но сам мрамор манил его. Он пытался сейчас не акцентировать внимание на личности Джулиана или даже анонимного человека, а просто наслаждаться техническими параметрами этого объекта. Когда он разглядывал в музеях мирового уровня античные скульптуры, он не только улавливал связь между личностью и впитывал её историю, но и любовался её материальными деталями. И сейчас взглядом арт критика он наслаждался структурой мрамора, что блестел и сиял под тусклой белой лампой, создавая впечатление лунного света. Придаться было не к чему, этот мрамор про-

сто обожествлял скульптуру, и хотя на данный момент он отстранился от её человечности, его не покидали мысли, что скульптура делала все его эстетические надежды на идеальность возможными. Да, всё дело было в мраморе, мрамор был материалом богов, именно мрамор наделял эти скульптуры живительной искрой, но настолько тихой и безмолвной, что это чувство могло удовлетворить его живую душу лишь на короткий миг. Ничто не могло заменить живительное тепло человека и его натуральность, но мрамор мог придать человеку идеальную внешность. Как было бы прекрасно, думал он, если бы человек смог обладать такой кожей, как эти скульптуры, воистину мир бы стал воплощением божественной красоты и эстетического рая.

Год уже подходил к концу, Джулиан всё реже видел Райана на работе, зато они встречались с ним каждый раз, когда он позировал Ланже. Он начинал получать удовольствие от позирования, и то, что Райан как маньяк подглядывает за столь интимным процессом в какой-то степени начало его заводит. Не в сексуальном смысле, тут он считал, что уже преодолел свои желания, концентрируясь на укреплении чувств к Майклу и оттачивая их сексуальную совместимость. Ему скорее нравилось то чувство восторга, что он давно не замечал от Райана. Не то чтобы это давало ему чувство превосходства над ним, но их равенство уже становилось более прочным и проверенным. Во время позирования он сочетал в себе все страхи, которые вызывали скульптуры Ланже, а также медитацию на божественную основу небоскрёбов, он цеплялся за эти ощущения, чтобы Жану было проще работать, просто физически считывая его внешность. Остальное он ему всё давал в готовом виде. После работы он никогда долго не всматривался в свою скульптуру, потому что не хотел видеть себя в этом полусыром виде, к тому же страх, что он окажется таким же пугающим, как и другие скульптуры Ланже, делали его беспокойным. Но он знал, что ему придётся преодолеть всё на свете и столкнуться один на один с мраморной копией себя самого. И хотя он копил силы, работал

с психоаналитиком, читал тонну философских статей и книг на тему гармонии между жизнью и смертью, а также работал над собственными страхами, он понимал, что встреча может опустошить его, как бы он тщательно к ней ни готовился.

А время действительно приближалось, сменились сезоны, и Рождественские выходные были не за горами. И именно к Рождеству Райан планировал открыть свою галерею, где также впервые будет выставлена работа Ланже, его мраморное изваяние! Жану остались последние штрихи, чтобы завершить её, и он уже какое-то время не позировал ему, так как это уже не имело смысла, он дал всё, что мог художнику, которому оставалось теперь соединить вместе все эти знания, чтобы завершить свою очередную идеальную работу.

Поскольку об этом не афишировалось официально, и сам он по своим личным причинам почти никому не рассказал о своей странной сделке с гениальным скульптором, он понятия не имел, как отреагирует на его скульптуру мир искусства. И люди, которых он знал. Что они там увидят? Узнают ли его? Будет ли объявлено имя модели, и какое будет название у скульптуры? Ему хотелось обсудить все эти детали, и вообще, может ли он хоть на каплю претендовать на право решать все эти официальные вопросы? Ему никто не платил за позирование, и он никогда не обсуждал возможность иметь авторские права, и когда злосчастный день приближался, и его скульптуру выставят официально, ему вдруг захотелось выкупить её и тогда уже решать, стоит ли её ко-

му-то показывать. Но Жан и Райан были в последнее время недоступны, у обоих было работы выше крыши, и хотя Райан не совсем с нуля начинал создание собственной галереи, всё же он прекрасно понимал, сколько нужно всего учесть и сделать, чтобы открыть галерею в центре Нью-Йорка. Его ласково отшивали, когда он пытался донести до них свои мысли, что он хотел хотя бы перед экспозицией увидеть свою скульптуру. Ланже быстро поставил его на место, солгав, что у него уже контракт с Райаном, и он уже тут ничего не решает. Райан же старался сначала нервно объяснить ему, что его мнение не учитывается, он был просто натурщиком, он свою работу выполнил, остальное его не должно касаться. Он будет в списке VIP гостей на открытии, и по всем вопросам пускай обращается к его агенту или секретарю. Так что Джулиан тогда и осознал, что ничего не добьётся.

Но это было волнующее событие, он потерял покой, представляя свою скульптуру и фурор, что она произведёт! Да, он мечтал об этом с одной стороны, его натура нарцисса на миг позабыла об ужасах, что он испытал от других работ Ланже. Не соприкасаясь с ними воочию, ослабило его бдительность, так что он желал этой славы, пускай даже она будет анонимной, и никто никогда не узнает о личности натурщика. И при этом собственнический эгоизм требовал действий, эта скульптура должна принадлежать ему, он её олицетворяет, он слишком много выстрадал из-за неё, слишком много ей отдал. Но надо было сразу диктовать свои условия, а не за

несколько дней до открытия выставки, а тогда ему хотелось поскорее забыть про опыт позирования навеки, и никогда в жизни больше не видеть эти работы. Так что он сам себе могилу и вырыл, и сомнительно, что ему удастся уговорить Жана или Райана (он понятия не имел, кому официально принадлежала скульптура, кто знает, может Ланже параллельно искал постоянного покупателя) со временем продать статую ему. Да и сколько она стоит, есть ли у него такие деньги, и главное, готов ли он в таком случае их тратить на приобретение своей копии в мраморе? Да и кто вообще сказал, что ему она в итоге понравится, может, она будет вызывать у него тот первобытный ужас, и он сбежит с открытия галереи, заливая дома раны и убеждая себя, что никогда-никогда больше не взглянет на мраморного демона с собственным лицом!

Но в целом его жизнь налаживалась, он уверенно себя чувствовал на новой должности и научился наслаждаться этим непередаваемым духом командования и дисциплины. Приходилось потихонечку от себя отталкивать это панибратство, авантюры и тягу к сплетням в рабочем коллективе, потому что сейчас он был выше и требовал соответственного уважения. Но теперь работы было много, она была более ответственной, к тому же добавилось много новых обязанностей, да и ответственность за дармоедов, что составляли отдел связей тоже теперь был под его опекой. Дисциплинировать их и подстроить под свой ритм работы, было процессом довольно-таки болезненным, потому что его ещё долго будут

считать своим парнем. Но постепенно ситуация улучшалась, причём без видимых перемен, плавно и уместно всё становилось на свои места. К тому же он быстро нашёл контакт с новым генеральным директором, который заменил Райана, это был совершенно новый человек, который поставил в своё время на ноги ни один дом мод в кризисном положении. Джулиану нравилась его тактика, он стремился исключительно вперёд, но при этом невероятно хорошо разбирался в современном бизнесе, знал о модных трендах и имел прямо-таки звериное чутьё на все экономические и даже политические преграды, что так важны при успешном управлении бизнесом. Так что на работе у него был полный порядок, он чувствовал себя в своей тарелке, и карьерные успехи окрыляли его и во всех остальных сферах жизни.

Его отношения с Майклом выходили на новый уровень, они даже задумались о свадьбе, три года вместе для них обоим было солидным сроком, только друг с другом они осознали, как им подходит стабильность. Они думали сначала попробовать взять собаку, чтобы понять, как они будут себя чувствовать как семья, у которой появились общие обязанности (а не только уборка или шоппинг по расписанию). Его новая зарплата давала ему чувство безграничных возможностей. А успехи Майкла в бродвейских постановках удваивали его накопления, так что они также задумались и о том, чтобы купить загородом дом. Например, в престижном районе Ист-Хэмптон. И хотя он пока не думал о том, что их

паре нужны дети, собака была проверкой на то, насколько они окажутся хорошими родителями. Да и планы приобрести большой дом, тоже как бы намекали, что такие просторы им двоим и не нужны. Джулиан принимал свои взлёты очень ровно, пытаясь подстроить и другие свои жизненные ниши под конкретный взлёт. Повышение на работе сразу давало ему повод задуматься о своём семейном статусе и количестве имущества. Жизнь наконец-то начала баловать его на хорошем уровне, и после всех своих психологических кризисов он заслужил этого. Возможно, когда он поймёт свою скульптуру, это и обозначит момент кульминации его возвышения, завершив мрачный период его жизни.

У Райана не было даже времени на то, чтобы посидеть и понервничать, великий энтузиазм двигал его на молниеносные решения, преград на его пути не существовало, каждая проблема решалась им быстро и качественно. Он и так слишком затянул с открытием собственной галереи, ничто не должно было отвлекать его от намеченной цели. Конечно, бывали моменты, которые вынуждали его ждать, даже имея столько денег и связей, как у него, не всегда являлось гарантией избежать задержек, юридических проверок и проблем с документацией. Но всё это было не так важно, процесс организации шёл быстро, и хотя он понимал, что даже если откроет в назначенное время свою галерею, это будет только часть дел. Он пока не нанял никого на постоянную основу, так как понятия не имел, нужна ли ему будет штаб-квартира и постоянные сотрудники. Он пока не планировал перманентно оставлять свою галерею открытой, но если её ждал успех и хорошие отзывы, тогда он задумается, может, стоит не только пару раз в год открывать её для конкретных выставок. Это всё пока не имело значения, нужно было дождаться её открытия и действовать по факту. И вот последние штрихи были завершены, и хотя нужно было ещё так много чего сделать, но самое главное было завершено, и перед самым Рождеством галерея имени Райана Смита открывала двери

всем желающим.

С этой галерей он как бы убивал сразу двух зайцев, он готовил рождественский банкет для круга избранных (все те, кто получил от него в день открытия вип билеты) и начинал открытие бизнеса. Так что для него это был двойной праздник и двойные заботы. Конечно, договорённость с самыми модными арт и фэшн изданиями у него уже была заранее подписана, так что хорошее мнение ему заранее гарантировали элитные сайты, с которыми он сотрудничал. Да, не со всеми арт критиками у него сложились деловые или близкие связи, но в конце концов, даже если один зажатый искусствовед выскажется нелестно о нём, он воспримет это всего лишь как антирекламу, которая в любом случае будет работать как реклама. А вот мнение простых людей, любителей искусства ему было важно для бизнеса, и если чисто человечески клал он на отзывы плебеев, которые не шарили ни хрена в современном искусстве, всё же их мнение, в общем, было важно для его репутации.

Больше всех он боялся, что выставка покажется чересчур сложной, все работы в той или иной степени отображали крайне богатый внутренний мир и глубокую потребность к размышлению, чтобы открыться перед посетителем. Будь его воля, он бы упростил её, во всяком случае, пока у него нет имени и репутации, добавив несколько более игривых и ярких работ, практически поверхностных на первый взгляд, а так же пару супер известных имён, но из-за проклятого же-

лания обладать скульптурой Джулиана от Ланже заставило его принять условия того, так что его финансовый консультант и аналитик арт рынка предупреждали его, что могут быть убытки. Он очень много вложил денег в развитие собственной галереи, вот вздумалось ему выкупить целый первый этаж нового небоскрёба One Vanderbilt! Это здание сейчас считалось одним из самых модных и элитных офисных высоток, так что пришлось ему продать пару своих квартир, которые он держал для съёма, чтобы позволить себе эту роскошь. Но это того стоило, одно только это место уже приковывало взгляды к его галерее, а какие там красивые получились витрины в окнах, невозможно не заметить! Конечно, сейчас чем выше, тем лучше, но не в случае с галереями или магазинами, первые этажи для них незаменимы.

За день до открытия его всячески пытался подловить Джулиан, и, в конце концов, ему это удалось, дежуря хрен знает сколько часов перед зданием Уан-Вандербилт. Он выглядел взъерошенным, он поймал свою пред-отпускную простуду и выглядел несколько диковато, перед длительными выходными он почти всегда ломался и ловил какой-нибудь вирус или простужался, так что его отпуска всегда начинались с лекарств. Что-то в этой жизни не меняется, подумал Райан, разглядывая воинственно настроенного директора по связям.

– Мне нужно взглянуть на неё, хотя бы десять минут, – попросил Джулиан, даже не соизволив поздороваться.

Волна раздражения пронзила Райана, которому сейчас точно было не до этих сентиментальных соплей Джулиана. – Галерея уже закрыта, там никого нет, иди домой.

– Ты – хозяин этой галереи, и у тебя есть ключи, пожалуйста, я только взгляну на неё! – умолял Джулиан своим охрипшим и гнусавым голосом.

– Джулиан, эта скульптура принадлежит мне, и ты увидишь её ровно тогда, когда откроется галерея, – сурово ответил Райан, совершенно не заботясь о чувствах Джулиана, любопытный он был просто, вот и всё.

– Но если я её сегодня не увижу, это просто будет катастрофа! – Джулиан явно всё преувеличивал в своём горячем бреду, болеть он не умел, он был невероятно капризным, когда ему нездоровилось. – Мне нужно просто одну минутку постоять рядом и считать её, это очень важно для меня!

– Ты всеми путями доказывал мне, что не хочешь ничего и близко иметь с тем, что связано с творчеством Жана Ланже, – упрекнул его Райан, попав в яблочко, потому что это было так. – Судьба скульптуры тебя уже никак не должна волновать, проспись лучше, завтра мы отмечаем в галерее Рождество, так что будь любезен, выгляди завтра хорошо и не закатывай истерик.

– Только одним глазком, – продолжал упрашивать Джулиан, ничто его не брало. – Я даже трогать её не буду, можешь остаться вместе со мной, если боишься, что я что-нибудь натворю, но это на самом деле крайне важно для меня!

Пожалуйста! Я что угодно готов сделать, хоть сейчас, завтра уже будет поздно!

Слова о том, что Джулиан готов отрабатывать явно намекали на вульгарность, это Райан уже вынести не мог, мало того, что он терпеть не мог видеть проявление болезни, даже в самых слабых формах, так ещё эти сопливые мольбы и продажность, фу, от Джулиана он не ожидал. – Джулиан, если ты сейчас не смоешься, я аннулирую твоё приглашение, и это не шутки. Проваливай отсюда и прекрати раздражать меня.

– Она уже там? – не прекращал неугомонный блондин. – Какое вы ей дали название? Будет ли у неё своя история? У меня будут брать интервью? Она очень похожа на меня? Будут ли её выставлять...

Райан прервал эту череду бесконечных вопросов, это могло продолжаться вечно, потому что Джулиан сейчас совершенно чокнулся. Так что он грубо его оттолкнул и остановил ехавшее мимо такси. – Не позорь меня, и вообще ты слишком близко стоишь, ещё заразишь. Выздоровливай, и увидимся завтра.

Джулиан ещё какое-то время стучал по машине, но Райан велел таксисту скорее отъезжать, и как только они тронулись в путь, логическая цепочка продолжилась, Джулиан пытался дозвониться до него. Но сегодня он слишком устал думать о чём-то кроме сна, так что, безжалостно заблокировав на время номер Джулиана, он спокойно доехал до своего маня-

щего теплом и уютom дома.

Но сон к нему не шёл. Он и сам часто возвращался мыслями к скульптуре Жана Ланже, которая действительно уже стояла на величавом пьедестале его одинокой галереи. Он видел создание этой скульптуры, и практически все этапы были им проанализированы и впитаны, он как будто развивался вместе с ней, так что каждый этап давал ему определённую пищу для размышлений. Но готовый вариант он видел лишь поверхностно, у него уже тогда не было времени смаковать детали или медитировать на это изваяние, к тому же Жан потом резко изменил своё решение и немного исправил скульптуру, так что готовый вариант он, считай, и не видел сам. И когда он стоял напротив упакованной защитными плёнками скульптуры в своей мрачной галерее, она казалась ему совершенно бесполезной, как и вся его затея с открытием галереи. Это получался какой-то богемный кружок философов, кому нужно тратить время на создание связи с произведениями искусства, люди хотят, чтобы работы великих или начинающих мастеров их цепляли мгновенно. Это же будет полный провал, никто не сможет познать глубину этих шедевров, и уже через несколько недель эта галерея будет мёртвой, и он будет бродить в ней мрачный и отрешённый, окружённый лишь призраками и спящими душами *objets d'art*. Он был в отчаянии, но кто не подвержен сомнениям в столь ответственные моменты?

Лихорадочное возбуждение Джулиана не покидало его всю ночь. Он не мог успокоиться, что не увидел свою скульптуру до того, как её представят всему миру. Рано утром он приехал к зданию One Vanderbilt и пытался договориться со своим знакомым куратором, который работал сейчас вместе с Райаном (и прибыл одним из первых) впустить его туда, он ему поможет по организации! Но, увы, звонок Райану дал тому понять, что Джулиана точно нельзя впускать раньше, чем приедут именитые гости. Так что снова он остался ни с чем, оставалось лишь смириться с этим поражением и настроиться на предстоящее мероприятие, праздник, которого бы он так жаждал, если бы не эта чёртова скульптура, которая в последние дни поглощала все его мысли. Как можно быть таким бесчувственным, чуть не плакал он от отчаяния, и сгорая от любопытства, почему Райан начал настолько по-собственнически относиться к этой скульптуре? Что за одержимость ими овладевала при мыслях о ней? Его-то тревожность была понятна, это был – он, и он вложил слишком много в создание этой скульптуры, а также преодолел столько страхов, чтобы стать частью этого арт безумия!

И хотя не до конца он преодолел все свои комплексы и неуверенность, связанных с миром мраморных скульптур Жана Ланже, всё же он был на пути к полному освобожде-

нию. Он был из тех, кто смотрел в глаза своим страхам, ведь только так их можно преодолеть. Но сейчас он понимал, что ревность и любопытство также двигали им, ничто по идее не изменится, если он увидит скульптуру сегодня на официальном открытии. И он больше не позволит себе плюхнуться в обморок, как хрупкая барышня (как тогда в МОМА, когда он сопровождал Люси) и не покажет свои эмоции. Наоборот, он был готов включить в себе нейтральную невозмутимость, но как же ему было интересно, узнает ли кто-нибудь в этой скульптуре его, и если нет, будет ли объявлено имя модели? Он был уверен, что коллекционеров и любителей искусства заинтересует эта личность, хотя Жан и говорил, что не надеется индивидуальностью свои скульптуры, и личность роли не играет, важно лишь то, что она в себя впитала во время процесса. Так что и он сомневался не меньше Райана, но пора было взрослеть, этот день всё решит.

Они приехали с Майклом примерно на полчаса позже официального начала, потому что этот куратор Джеймс сказал ему не появляться там, пока не соберутся все сливки общества. Его бойфренд тоже был сливками общества, так что по идее он имел права приехать чуть ли не первым, но не хотелось конфликтовать, ему было стыдно за своё вчерашнее поведение, ничего не добился, только опозорился и выставил на обозрение свою некомпетентность и инфантильность. Он никогда не вёл себя адекватно, по сути, когда находился в студии Жана или рядом с его скульптурами, так что Райан

имел полное право считать, что он слегка повредился умом. Это ж надо так, а ведь он всегда считал себя таким сдержанным, таким адекватным, таким компетентным!

Они с Майклом были прекрасны – высокие, стройные, сияющие, уверенные. Костюмы на них сидели замечательно, подчёркивая достоинства и скрывая недостатки (за это он и обожал одежду Райана, в ней он себя чувствовал красивым по умолчанию). Следы от простуды были тщательно скрыты, и лишь нездоровый блеск его глаз мог выдать, что его лёгкость и непринуждённость были наигранными. Они улыбались, кивали, иногда обнимались, обменивались комплиментами или банальными репликами, пока направлялись к своему столику, скоро должно было начаться официальное открытие, пора было занимать свои места. Некоторые арт-объекты находились прямо в банкетном зале, украшенном минималистичными рождественскими декорациями. Но не было ни намёка на его скульптуру, он понятия не имел, как и где её разместили. Он знал расположение этих залов, но до сих пор гадал, в каком месте лучше всех было расположить мраморную фигуру в полный человеческий рост. В рекламном видео пресс-релиза и на тех немногих фотографиях, что дразнили пользователей интернета, тоже ни слова не было о том, что в галерее будет выставлена работа Жана Ланже. Возможно, это держали в тайне по каким-то причинам. По идее, для рекламы лучше было бы орать о самых громких именах (а Жан Ланже сейчас был нарасхват в США) всеми

возможными способами, но с его мнением никто не считался. Сердце бешено колотилось при мыслях, что где-то совсем рядом стоит скульптура Ланже с его обликом. Боже мой, она так близко, думал он, не понимая, что сейчас испытывает – тошнотворный позыв покончить с собой или высвободить бурный оргазм.

Из-за рассеянности, болезни и навязчивых мыслей о своей скульптуре, он слабо концентрировался на всей этой официальности и помпезности. Даже когда сам Райан выступал с пафосной речью по поводу открытия своей первой (но не последней, обещал он) выставки, он лишь улавливал какие-то конкретные слова или фразы. Он сотни раз был на открытиях галерей и даже музеев, и примерно знал, что говорят в своих официальных речах. Райана поздравляли, гости комментировали, вручали подарки, благодарили его за эту прекрасную возможность восхищаться искусством, фотографировались, а потом все дружно выпили шампанского и налетели на закуски. Ужин будет уже после того, как все посмотрят работы в галерее, и он будет приурочен к Рождеству. Есть ему не хотелось, так что он лишь эстетически пожирал глазами эти бессчётные горы *hors d'oeuvres*, пестрящими всеми возможными рождественскими цветами и формами (красный, зелёный, белый, снежинки, саночки, веночки...), боясь, что не способен сегодня потреблять в пищу ничего кроме шампанского.

Майкл постоянно поддерживал беседы рядом с ним, пы-

таясь вовлечь и Джулиана, который обычно был из тех, кому палец в рот не клади, Майклу скорее было стыдно за него часто, насколько он был порой навязчив в своих беседах. Но с ним любили болтать, все эти светские беседы удавались ему настолько естественно, и это не потому, что он обучался этому, а потому что на самом деле любил этот процесс расслабленных бесед, балансируя на поверхностных темах без всей этой грузящей фрустрации. Так что Майкл иногда его вытягивал из задумчивости и комментировал формы пирожного, напоминающие половой член искупавшегося в проруби лесоруба, или издевался над шляпой с перьями одной из сидящих рядом светских дам-филантропов, назвав её страусиной яичницей. Так что иногда они хихикали там, прижавшись к столу, забив на все правила приличия и этикет, как два влюблённых подростка.

И когда момент года настал, и гостей начали впускать в саму галерею, ножки у Джулиана были ватные, Майкл расслабил его максимально перед этим, и он был в который раз благодарил судьбу за то, что тот всегда был рядом и поддерживал его в этот нелёгкий период. Что бы он без него делал этих сложные шесть месяцев? Он сжал благодарно руку своего возлюбленного, отчасти и потому, чтобы чувствовать опору. Рождественские огоньки, блестящие вещи, весёлые голоса, запах хвои и корицы, мягкие ковры, Джулиан впитывал в себя каждую мелочь, позволяя сверхчувствительности обретать силу, и хотя всё это лишь создавало необходимую

атмосферу, он знал, что будет практически чист от любого влияния, когда столкнётся один на один со своей скульптурой.

Её невозможно было не заметить. Она стояла выше всех, и хотя не до такой степени высоко, чтобы понадобилась лестница, скульптура явно была установлена таким образом, чтобы возвышаться над гостями. Её можно было разглядеть со всех сторон и подойти непозволительно близко, так как она не была обнесена защитной лентой или спрятана в кокон стекла. Её даже можно было трогать, хотя этикет этой галереи и не позволял подобную фамильярность, в том числе из-за мер предосторожности. Мрамор, конечно, славится своей выносливостью, но, тем не менее, прикосновения были крайне нежелательны. Визитёры останавливались возле скульптуры и с интересом её разглядывали. Жан Ланже был тут как тут, с удовольствием рассказывая про свой очередной шедевр, которому было дано весьма абстрактное название «la liberté en marbre» (свобода из мрамора). Она излучала силу и мудрость, и личность натурщика была размыта, хотя и вполне узнаваема.

Джулиан замер в восторге, глядя на это прекрасное изваяние, он совершенно лишился дара речи, это было воплощение мудрости, кротости и покоя, но при этом потрёпанное суровым жизненным опытом. Боже мой, страхи как рукой сняло, он был на грани того, чтобы принять смерть как что-то естественное, как что-то, что обязательно нужно пройти,

как что-то необходимое для личностного развития, как свободу к очищению. Это преобразование через адские муки, через полную духовную деградацию, это также привело к этому состоянию, когда ты реально способен смотреть на всех свысока, потому что твой опыт вознёс тебя от всего физического, ты вне этого материального мира. И твоё уродство души смешалось со священной красотой тела, и ты падаешь и падаешь вниз, или летишь и летишь вверх, и даже это неважно, твой опыт в раю и аду одинаково важен для того, кем ты сейчас стал. Потому что ты покорил вечность, ты познал бесконечную гармонию, и ничто не могло тебя лишить твоего опыта.

И тогда Джулиан с острой, прямо физической болью осознал, насколько он несовершенен рядом с этой мраморной и неживой скульптурой с его собственным ликом. И как многое ему нужно понять и пройти, чтобы достичь того же уровня, вобрав в себя всю образность света и тьмы, разрушив мир символизма и сделав его настоящей реальностью. В этот раз ему хотелось кричать не от страха и боли, а от отчаяния собственной беспомощности и никчемности. В этот раз скульптура не манила его светом и не засасывала его в бездну ада, она вообще ничего ему не давала, она была слишком далека от его примитивного и глупого существования. Она не отвергала и не принимала его, для неё все они, даже сам создатель Ланже, все они были лишь крошечными и бесполезными созданиями. И в этом, в том числе и была её мудрость,

она никого не судила и никого не выделяла, и тот факт, что он смотрел на своё собственное извращение, не делал его хоть на шаг ближе к тому, чтобы прикоснуться к этой обезличенной гармонии.

Вряд ли это заняло много времени, пока Джулиан осознал всё это, опечаленный глубиной откровений, но он не собирался сдаваться, он покорит её, она поддастся ему, и это станет его билетом в ад и рай одновременно. Но когда его довольно сильно начали тянуть за рукав пиджака, он смог сфокусироваться на происходящем здесь и сейчас. Оказалось, что Майкл хвалил его красоту какому-то арт филантропу-миллиардеру, который по слухам заработал свой капитал военными поставками на Ближний Восток. Ну вот, приплыли, вот как мир узнает о личности натурщика, мой бойфренд проболтался, а что если это – тайна? Но поздно уже было что-то менять, неизвестно ещё, кому он ещё успел рассказать! Но когда этот филантроп с сомнительной репутацией и отпугивающими морщинами подошёл к нему и назвал его сказочно правильным и с невероятной симметрией вкуса, он даже не знал, как на это отреагировать. Это явно был комплимент, причём солидный и от того, кто таковыми не разбрасывается. Тут и дама с страусиной яичницей на голове подслушала их разговор и начала задавать ему вопросы о позировании, и тут уже подоспел сам Жан и выдал крайне скупую историю об их сотрудничестве.

И мир вокруг ожил, он вдруг стал источником интереса, и

вскоре сам Райан присоединился к хвалебным речам скульптуры, также поблагодарив за титановый труд и его. Так что он готов был расцеловать своего бойфренда, что тот не сдержал свой язык и начал говорить об этом, потому что сам он вряд ли посмел бы хвастаться, что там стоит именно он! К его внешности было повышенное внимание, он старался из всех сил соответствовать своему образу, такому далёкому и безучастному. Он сам ощущал себя в этот вечер произведением искусства, даже выходя на подиум он никогда не испытывал ничего подобного, потому что эти люди видели в нём сходство с идеальным «им» в мраморе, и это возвышало его в собственных глазах. Так что во всеобщем обожании он достаточно быстро пришёл в себя от разочарования, и стал востребованным собеседником, и Райан с Жаном не отпустили его ни на шаг, и один знакомый репортёр даже взял у него краткое интервью, назвав мраморной музой французского гения.

Так что в каком-то праздничном и ярком хаосе разговоров, восхищений и фамильярностей время плавно подошло к рождественскому ужину, к которому аппетит Джулиана уже начал возвращаться. На выбор был копчёный лосось, индейка с каштанами и запеканка с морепродуктами. Что-то он в последнее время был сыт по горло морской диетой на всех этих званных вечерах и деловых обедах, так что с удовольствием набросился на индейку, и Майкл последовал его примеру. Они умяли столько, что места для всяких бланманже и

крокембушей уже у них не было. Обычно он не позволял себе на изысканных вечерах, где правит искусство переедать. Но сегодня был особенный день, и хотя его личность была не так уж важна в этой эпопее мраморных статуй, во всяком случае, в глазах этих гостей, он чувствовал себя приближённым к самой элите в этот момент. Да и то, что он сидел рядом с Райаном, о многом говорило, и он даже на миг представил, что они с ним – пара (как он представлял уже много лет), и что это их первая совместная галерея, и он так горд им, и он так любит его! Но напротив сидел самый родной Майкл, и он осознал, что ему этого достаточно.

Он настолько приземлился после того, как личность натурщика была раскрыта, что не мог даже наслаждаться выставленными работами, они все казались слишком далёкими и недоступными, как и его скульптура. Нужно было позволение войти в их внутренний мир, и сейчас у него было совершенно не то состояние, чтобы впитывать в себя это одухотворённое искусство. Сегодня мраморный Джулиан, копия его совершенного эго владычествовала в садах комифотного искусства, и чувство заслуженного блаженства окутывало его прямо-таки с оргазмическим напором.

Так что он себе в тот вечер позволил и нюхнуть кокаина, и выпить лишка шампанского, и под не слишком танцевальную музыку он умудрялся устроить в этих просторных и стерильных залах танцы, выпустив на волю сдержанный вариант своего party animal. Возможно, иногда его манеры теря-

ли свой рафинированный лоск, и он порой вёл себя чересчур шумно или развязно, но он в этот день сиял, его душа парила в экзальтированном порыве эмоций, которые в кои-то веки он мог распознать и удержать в себе. Он приблизился на шаг к своему идеальному «я», и гости галереи не могли этого не заметить, они буквально окружали его вниманием. Так что они были одними из последних с Майклом, кто покинул выставочный зал, и хотя ему хотелось поговорить наедине с Райаном и Жаном, у тех не оказалось на него времени. Но вернулся он домой просвещённый и полный сил.

Когда прошло несколько суток после открытия выставки, Райан наконец-то мог спокойно отпустить эмоции и проанализировать свой успех. Весь нью-йоркский бомонд смаковал утонченность и оригинальность его выставки, их с Ланже чуйка не подвела, эта выставка привлекала думающих людей с невероятно развитым собственным чувством вкуса. Это была не та публика, которая будет глотать всё, если им подали это как шедевр их любимые художники или арт критики. Подобная публика не терпела второсортность или бессмысленную поверхность, утолить жажду новизны в искусстве таких людей было непросто. И глядя сейчас на всю проделанную работу, отсутствие отдыха, огромные вложения и организационные промахи, Райан сейчас наконец-то мог смаковать это чувство удовлетворения после хорошо проделанной работы. Его мечты сбылись настолько быстро, что он даже не знал, что делать со своим новым счастьем, которое сейчас можно было прощупать со всех сторон, наслаждаясь его совершенством. Но он ощущал лишь усталость и желание находиться дальше от людей, мечтая ещё сильнее сблизиться с произведениями искусства собственной галереи. Он понимал, что это временно, почти всегда после грандиозных проектов, в которые ты вкладывал столько энергии и ресурсов, наступает депрессия, что-то ти-

па послеродовой. Он сидел в безмолвном одиночестве галереи, которая закрылась на рождественские праздники, созерцая искусство и чувствуя себя так, как будто у него самого настал бесконечный творческий кризис.

Он, как творческий человек понимал, что такое творческий кризис, в последнее время он смело мог расслабиться и концентрироваться на том, к чему лежит его душа, его система работала, его дизайнеры были такими талантливыми, что создавали из его сырых идей настоящие шедевры. У него набралось так много набросков и готовых работ, которые он бы с радостью выставил в собственной галерее, но, увы, они все были каким-то обобщением его идей, ему так и не удалось раскрыться по-настоящему хотя бы в одном своём полотне, чтобы оно смогло жить собственной жизнью. Да, он вдохновлялся тем, что его одежда оживала и имела такой успех, но его душа художника жаждала покорить изобразительное мастерство с тем же изяществом и рвением. И хотя он уже выставлял несколько своих работ на определённых мероприятиях и получал хорошие, но сдержанные отзывы, его нынешняя галерея была уровнем выше, да и сравнивая свои работы с теми глубокомысленными шедеврами, что обитали здесь, он понимал, насколько они инфантильны и примитивны. Примитивны не в том смысле, когда простыми методами ты добиваешься полной гармонии, доказывая практичность минимализма, а просто тупо кустарные, плоды простецкой самодеятельности.

До своей галереи он был довольно уверен в своих силах, но после того, как они собирали и составляли с Жаном эту коллекцию, суровая правда вылилась на него, и ему ничего не оставалось, как вдохновляться работами воистину талантливых художников, пытаясь исцелить раны из-за острого творческого кризиса. Он старался максимально отстраняться от этих работ, не пропуская через призму собственного опыта, хотя это и было невозможно, чтобы эти произведения не воспринимались предвзято, чтобы извлечь из них как можно больше истины. И вняв советам Ланже, он старался не цепляться к имени или стилю, ведь чтобы понять истинный посыл картины, необходимо избавиться от догматического мышления, иначе можно пропустить самое важное. И во время этого продуктивного созерцания, его личность где-то стиралась, и он сам становился всего лишь декорацией в этом тёмном зале, наполненном сакральными арт-объектами.

Скульптура Джулиана была отдельной темой, он всё чаще возвращался к ней, сидел напротив неё, пытался считать, раскрыть её тайну, но некая недосказанность до сих пор витала вокруг неё, и жажда раскусить эту тайну становилась навязчивой, болезненной, сумасшедшей. И он не выдерживал этого жгучего голода и звонил Жану, чтобы попробовать через создателя подобрать ключик к его творению.

Жан терпеливо объяснял ему всё то, что говорил ему уже сто раз, что его скульптуры гармоничны, они познали две

полярности и обрели вечность и ясное понимание всего, но если человек сам ещё в поисках этой гармонии, скульптура ему может не раскрыться до конца. Но Райан знал, что это не то, что он хочет услышать, было что-то ещё, что связывало его с этой скульптурой, мешающее познать истину.

– Я думаю, это связано с тем, что ты знаешь лично Джулиана, – сказал, наконец, после почти минутной паузы Ланже. – Ты их сравниваешь, возможно, в Джулиане для тебя тоже осталась какая-то загадка, и ты через скульптуру пытаешься раскусить и его самого. Но мой тебе совет, не сравнивай их, Джулиан отдал скульптуре всё, что мог, она теперь имеет лишь его облик, всё остальное уже проработала сама скульптура. И даже если ты познаешь эти тайны скульптуры, что тебе не дают покоя, это не значит, что ты автоматически раскусишь и Джулиана. Мои скульптуры не привязаны к этой земле, помни это.

Слова Ланже задели и встревожили Райана, потому что он попал в точку, Райан действительно видел что-то в Джулиане такое, что не поддавалось разумному объяснению. Он сейчас не мыслил в рамках банальных гормональных изменений, и даже не помышлял о глубокой эмоциональной связи между ними или общих интересах и взглядах на жизнь. Тут было что-то ещё, что-то витающее совсем близко, но до сих пор неуловимое, но Жан оказался прав, Райан реально сравнивал Джулиана с его мраморной копией. Как же он желал, чтобы Джулиан и в жизни был бы так безупречен, и как

мечтал о том, чтобы эта скульптура имела хотя бы половину процента от живительной энергии Джулиана! И хотя он не воспринимал при этом эту скульптуру как невоодушевлённый предмет, для него это даже не был предмет, эта скульптура жила своей собственной абстрактной жизнью, далёкой от биологических понятий, но, тем не менее, ей никогда было не впитать в себя той неподражаемой живительной силы.

Боже мой, думал он, почему не существует чистого идеала? Почему, когда я нахожу что-то воистину безупречное, оно имеет такие невосполнимые прорехи, когда ты углубляешься в самое его сердце? Почему это божественное мраморное изваяние способно лишь на миг коснуться нас своей чистотой и совершенством, а потом вновь растворяется в своей отрешённой нейтральности неживого? И почему самые красивые, умные, интересные, яркие люди, даже самые лучшие во всём, почему они не могут быть во всём идеальными? Физическая красота так недолговечна, так притянута за уши, стоит только познакомиться ближе с телом даже самого красивого человека, молодого и пышущего здоровьем, как все эти мелкие несовершенства обрушаются на тебя, убивая все мечты. И тогда хочется бежать в мир идеальных скульптур, которые на тебя молча взирают без осуждения или привязанности, безжалостно лишая всё жизненной энергии.

Но он очень хорошо запомнил тот момент, когда Джулиан увидел свою скульптуру. Ему было крайне трудно задерживать на нём внимание, к тому же его голова была забита

списками гостей, недостатком бокалов, важными звонками клиентов и прочей организационной мутью, чтобы расслабиться и получать удовольствие, как все эти люди вокруг. Он тут работал, и это был его первый подобный опыт (такой масштабный), так что все эти, не связанные с работой нюансы улавливались им, скорее третьим глазом. Но этот момент он не мог пропустить, и когда он настал, и Джулиан разглядывал своё мраморное изваяние, ему казалось, как будто открылись врата рая (или всё же ада?), и сверженный оттуда ангел впервые смотрел на своё отражение. Как будто что-то наконец-то дошло до точки кипения, и их слияние вспыхнуло бликом последовательной гармонии, и весь мир был освещён этой идеальной чистотой полноценности.

Но потом наваждение прошло, и вся человечность Джулиана вдруг отразилась в его болезненной фигуре, такой небезупречной, такой обыкновенной. И скульптура вновь стояла на страже в мире неживых, не позволяя больше никому проникнуть в глубины своего мраморного сердца. Неужели ради этого мига слияния я одержим этой скульптурой, думал он, разглядывая её пластичные изгибы во тьме галереи? Неужели это всё, что мне мог дать Джулиан? Эти размышления вводили его в депрессию, за окном как раз было Рождество, он отменил из-за авралов работы их с Лео бал, и в итоге Лео улетел со своим новым мальчиком в Италию на праздники. Райан не ревновал. Наоборот, так было спокойнее всем. Ему срочно надо было видеть Джулиана рядом с этой статуей,

возможно, когда никто ему не будет мешать, он сможет вновь уловить их слияние, и скульптура раскроется ему до конца? Но Джулиан улетел с бойфрендом к его родителям куда-то в Колорадо, и вернётся только в начале года. Ему предстояло смириться с этим и терпеливо ждать его приезда.

После выставки Джулиан был на каком-то ненормальном подъёме, несмотря на то, что его настигла какая-то противная хворь. Его небезупречность по сравнению с его мраморным двойником теперь не давила на него своим превосходством, а наоборот, двигала его принять вызов скульптуры и стремиться познать то же самое и добиться этой идеальности на пути к высшей экзальтации. Конечно, его иногда передёргивало от воспоминаний, когда скульптуры Ланже не просто показывали ему обратную сторону своего перфекционизма, но и засасывали его туда, в царство анти-жизни и полного упадка. Он понимал, что всё это его ждёт, если он намерен пройти путь знаний до конца, ему уже было плевать на последствия, он готов был терпеть, страдать, бояться, сомневаться, умирать и воскресать много раз, лишь бы приблизиться к тому состоянию, что излучала его мраморная копия. Но это всё было настолько абстрактным, он совершенно не понимал, как и куда копать, чтобы добиться этого состояния, но одно он знал точно, смысл жизни он себе нашёл однозначно.

Зимние праздники прошли как в тумане, у них было так много дел, у Майкла была большая семья, и пока они навестили каждого члена семьи, он уже скучал по Нью-Йорку, потому что семья Майкла не отличалась слишком высокой то-

лерантностью к сексуальным меньшинствам. Потом они улетели в Канаду на горнолыжный курорт в Лейк-Луиз, где покорили немало экстремальных горок, при этом ничего себе не сломав. Энергия у Джулиана была через край, так что он готов был кататься до тех пор, пока его не возьмут в олимпийскую сборную. Он налегал на экзотическую еду, обходил все ближайшие бары и рестораны, перезнакомился со всеми туристами и местными жителями, потому что в одиночестве не мог расслабиться, его мысли парили вокруг своей скульптуры, в который раз намекая, какой он был неидеальный. Возможно, ему хватит всего пару сеансов наедине со своей скульптурой, чтобы приблизиться к её отрешённому и гармоничному восприятию мира, и он преобразится во всех смыслах, в этом он не сомневался. Он даже мечтал о том, чтобы покорить вечность, но это уже было из области фантастики, так что приходилось настраивать себя на то, чего он реально мог достичь. Этот отпуск был совсем не длинным, уже в начале января ему надо было возвращаться в офис, но всё равно каждый день, хоть и наполненный смыслом и радостью, казался ему мучительно долгим.

Майкл был таким расслабленным, таким нежным, таким понимающим, что он просто растворялся в его любви и обожании, и их планы о покупке новой недвижимости становились ещё более осуществимыми. Да и они присматривали себе собачонку в элитном питомнике, и пока склонялись между салюки и бородатой колли, решив взять щенка с хоро-

шей родословной, генетикой и в том возрасте, когда его просто воспитывать. Это семейное сближение с Майклом дало Джулиану понять, как ему важна стабильность этой внешней стороны, ему никогда не была скучна рутина отношений, он всегда получал удовольствие не только на первых свиданиях, но и на обыкновенных ресторанных посиделках, когда они радовали друг друга очередной порцией романтики. Он до сих пор испытывал тот же трепет перед брачными играми, он до сих пор так же любовался красотой и грацией Майкла, и до сих пор ощущал прилив счастья и покоя, когда тот признавался ему в любви. И именно в этом отпуске он понял, как он ценит то, что имеет. Эта была часть его нормальности, часть его человечности, наравне с карьерным ростом и социальными контактами по всему миру, которая была для него необходима, чтобы чувствовать себя в мире живых, в мире цивилизации, в мире социального развития. Искусство же возвышало его, отбрасывало его человечность и давало ему насладиться тем чувством, что он состоит не только из плоти и крови. И он всегда умел найти гармонию между двумя этими истинами, но сейчас жажда познать жизнь от и до поглотила его.

Как только Джулиан вернулся в Нью-Йорк, Райан поспешил пригласить его и отметить их успех со скульптурой, а также прошедшие праздники, но ясно дал ему понять, что никаких бойфрендов с собой не брать. Райан боялся пока видеть Джулиана наедине со своей мраморной копией, поэтому пригласил и Жана Ланже, который обустроился в своей новой студии без особых проблем, и пока не планировал возвращаться назад во Францию. Ланже был нужен как нейтральная, но связывающая сторона, к тому же он надеялся, что если Жан увидит Джулиана из плоти и крови и мраморного Джулиана вместе без посторонних лиц, он сможет понять то, что у него спрашивал Райан, и объяснит ему это беспокойство и найдёт недостающее звено, что скрывает скульптура. Спустя несколько недель Райан так и не познал покой, статуя стояла безмолвным истуканом, как ритуальный идол, и из-за недостатка веры не позволяла проникнуть в свои тайны. С этим надо было покончить, все они потеряли покой, он это чувствовал, и только Жан мог дать им все недостающие ответы. Хотя Жан дал им всё, чтобы погружаться самим и изучать истины, что предлагала принять скульптура, только как пробить все барьеры и высвободить эти правды? И не провоцирует ли он открыть ящик Пандоры? Но какая опасность могла таиться в этом безобидном

желании, вдохновлённом высоким искусством?

Он чувствовал не только своё нетерпение, но и Джулиана, который, как правило, после отпусков ещё долго рассказывался, сожалея, что приходится возвращаться в свой рутинный мир Нью-Йорка. Но не сейчас. И хотя Райан очень по-собственнически начал относиться к скульптуре, он осознавал её важность и для Джулиана. Он воспринимал её уже как свою собственность, хотя он ещё даже не договорился с Ланже насчёт того, как долго она будет у него находиться, пока что в их контракте обозначалась лишь процентная сумма, пока она тут была выставлена. Но если он захочет её себе оставить, продаст ли Жан её? Об этом тоже стоило поговорить, он готов был уже на всё что угодно, но эта скульптура уже никогда не покинет его галереи. Его галерея будет бесполезна и мертва без мраморного Джулиана, он это знал, поэтому любыми путями он сохранит эту скульптуру у себя.

Джулиана он пригласил позже, так что они начали банальные беседы с Жаном за чашечкой кофе, так как праздничный ужин решили подавать после прихода Джулиана. Жан был замечательным собеседником, складывалось впечатление, что ничто его не может удивить, вывести из колеи или задеть, он был готов к любому вопросу, и Райан в очередной раз мысленно себе задавал вопрос, кому нужно продавать душу, чтобы иметь такую выдержку? И это творческому-то человеку с таким безмерным талантом? Обычно они как с другой планеты, настоящие бытовые катастрофы, но Ланже

был во всём педантичен, подкован и эрудирован, так что сомнения по поводу продажи души терзали его ещё сильнее. Особенно заигрывая с такими опасными темами! Жан Ланже в своих работах заявлял негласно, что покори́л и жизнь и смерть, это было смело, правда, эту истину понимали лишь те, кто углублялся в его творчество, кто раскрывал свой третий глаз и позволял себе видеть больше. Но Райан прекрасно знал, что душу продавать некому, они никому неинтересны, кроме нас самих (и то многих интересует лишь оболочка), но в какие глубины собственного подсознания нужно нырнуть, чтобы создавать такие работы, как у Жана Ланже?

Самое удивительное было то, что Жан Ланже был в тренде, его творчество цепляло миллионы людей, хотя он балансировал на таких опасных темах. Но что видят простые обыватели? Просто безупречные тела, плавность линий, красоту наготы, застывшие в мраморе движения? Но реалистичные скульптуры из мрамора делают тысячи талантливых скульпторов, даже среди сотрудников похоронных услуг можно было отыскать настоящие жемчужины, что же именно покори́ло людей, даже далёких от мира искусства в работах Ланже? Критики, журналисты, блогеры, да даже простые люди, все они отмечали невероятную оживлённость и глубину эмоций этих скульптур, восхищаясь идеальными пропорциями и некой доступностью, скульптуры были понятны с первого взгляда каждому. Они манили и приковывали взгляды, заставляя забыть обо всём на свете, поглощая всё внимание.

Кто-то это назвал изошрённой невоодушевлённой попыткой пробуждения, а кто-то харизмой из мрамора. Равнодушных к его скульптурам не было, он покори́л Нью-Йорк, и после того, как привередливая и богемная столица современного искусства приняла его, весь мир подхватил эту феерическую волну обожания.

Удивительно было и то, что Жан сразу захотел с ними сотрудничать, хотя до этого натурщиков Ланже со своим агентом подыскивал чуть ли не месяцами. Понятное дело, Райан был крайне влиятельным человеком, могло статься, что Жан просто так искал связи в Америке, ведь тут он практически никого не знал, но ведь предложение позировать Джулиану было таким спонтанным для них всех, так что он реально не знал, чувствовать ли себя избранным? И заказчик ли он в итоге? Ведь Жан говорил, что не работает на заказ, и якобы сам выбрал в качестве натурщика Джулиана. Но может, и он и Джулиан действительно были особенными для Жана? Они видели и понимали глубже его работы, и это их объединило, он в этом не сомневался.

– Ты не мог бы сделать и мою скульптуру? – неожиданно для себя спросил Райан у Жана, который лениво попивал свой третий эспрессо.

Молчание Ланже говорило само за себя, такие долгие паузы обычно нужны для человека, чтобы как можно безобиднее сформулировать свой отказ. Райан проклинал себя, что попросил его об этом, Жан же не работает на заказы, но во-

прос уже было невозможно загнать назад в его пропахший пережаренным кофе рот. Голос Ланже как обычно звучал нейтрально вежливо. – Я боюсь, что мне не удастся тебя раскрыть, Райан. И я также боюсь, что тебе может не понравиться результат.

– Это потому что я – старый? – взорвался вдруг Райан, завидующий сейчас остро молодости и красоте Джулиана. Он в этот момент ненавидел старость, даже если с ней приходила и мудрость, и опыт, и знания.

– И поэтому тоже, – неожиданно ответил Ланже, и Райану показалось это невероятно грубым ответом, хотя тот потом и смягчил своё объяснение. – Я знаю, как ты относишься к процессу старения, вся индустрия моды комплексует по поводу увядания красоты, ты до сих пор видишь себя молодым и красивым. Тебе идёт твоя зрелость, но ты этого не осознаёшь, да и я не буду тебя утешать, все мы стареем в физической плоти, но ты не поймёшь этого, если увидишь свою скульптуру, потому что ты не понял этого даже сейчас.

– Но почему ты не можешь меня сделать молодым, каким я был двадцать лет назад, тридцать, сорок? – не выдержал Райан, напоминание о том, что он стареет, окончательно разозлило его.

– Но я тебе не знаю молодым, – оборвал его резко Жан, чей тон звучал удивительно эмоциональным. – Я тебя знаю лишь таким, какой ты сейчас, со всем своим багажом знаний и эмоциональным фоном. Ты никогда бы не узнал в скульпп-

туре самого себя, если бы я попытался представить тебя, каким ты был в молодости. Ты интересен здесь и сейчас, возможно, ты был не менее интересным и тогда, но я лишён этих знаний, поэтому я не могу работать так. Обратись к другому скульптору, которому не важно, что вкладывать в скульптуры, только не удивляйся, что она будет такой же пугающе пустой, как идеально вылепленные мраморные ангелы на свежих могилах.

– Значит, всё дело в молодости и красоте Джулиана, почему ты так легко согласился делать его скульптуру? – не мог уgomониться Райан, собственное старение он сейчас воспринимал как проклятье.

– Абсолютно нет, – оправдывался Жан, чей голос уже вновь обретал прежнюю дипломатичность. – Джулиан невероятно глубоко познал мои работы, это не могло пройти мимо меня, я поражаюсь, когда кто-то с такой же страстью вторгается в души моих скульптур, как и я сам, даже если это тебя пугает до чёртиков. Я знал, что он станет идеальным материалом для моих скульптур, и его молодость и внешность в данном случае роли, как видишь, не играли. Это просто стало приятным бонусом, что мои работы способны затронуть, в том числе и красивых внешне людей. По-настоящему красивых. Но и его молодость и красота не вечны, и он подвержен старению и распаду, и даже моя скульптура не способна сохранить ему вечную молодость и красоту. Я же не Бэзил Холлуорд, а скульптура Джулиана – не портрет Дори-

ана Грея.

Слова Ланже о том, что и Джулиан скоро станет старым, и его красота увянет, окончательно убедили Райана в том, что ему нужно раскусить тайну скульптуры. Потому что он-то знал, что Жан не зря сравнил её с Дорианом Греем, эта скульптура будет вечно напоминать о красоте и молодости Джулиана, даже если сам Джулиан через много лет с трудом узнает себя в этой мраморной статуе. Он не мог позволить этому произойти, красота и молодость Джулиана принадлежали ему. И он надеялся, что он сможет их сохранить через скульптуру, которой так не хватало жизненной искры самого Джулиана. Он понимал, что скульптура явно пытается до него донести, как соединить её идеальную красоту и молодость с воплощением жизни Джулиана. Он должен раскусить это, иначе окончательно потеряет покой.

С приходом Джулиана разговор вновь вышел на стереотипные темы, правда, беспокойство Джулиана заражало не только его собеседников, но и вещи вокруг, так что за этот вечер было порвано множество салфеток, разбито несколько чашек и даже выпачкан ковёр. Они ужинали в банкетном зале выставочного зала, посетителей уже не впускали в столь поздний час, и даже охранник был отправлен домой, так что в помещении кроме их троих никого не было. Ужин был выше всяких похвал, но никто не мог насладиться его тончайшими ароматами и вкусами, им всем не терпелось вернуться к мраморной скульптуре, так что всё остальное казалось аб-

солютно ненужными отвлекающими манёврами. Даже такой изысканный ужин со столовыми приборами 18 века (Джулиан понял, что попал на бабки, разбив две кружки из этого сервиза, но в итоге Райан не содрал с него денег).

Когда они оказались в выставочном зале, скульптура Джулиана не смотрела на них, продолжая собственное созерцание жизни, и абсолютно не отвлекаясь на что либо. Джулиан резко остановился возле неё, и Райан с Жаном с любопытством наблюдали за тем, как он будет с ней взаимодействовать. Сначала он разглядывал её со всех ракурсов, потом прикрыл глаза в некой медитации, снова прошёлся по кругу, но уже быстрее, и только тогда его пальцы осторожно начали изучать и тактильно эту скульптуру. Они ему не мешали, решив дать столько времени, сколько ему понадобится. Это была их первая встреча, когда они принадлежали друг другу. Во всяком случае, Райан не сомневался, что Джулиан сейчас пытается сотворить из скульптуры своё отражение. Либо же наоборот, пытался сам стать отражением этой скульптуры. Райан чётко видел сейчас разницу между ними, Джулиан был слишком суетливым, слишком беспокойным, слишком любопытным, чтобы пробудить интерес скульптуры к себе, а она требовала быть с ней на одной волне. Как же Райана сейчас бесила эта мучительно искрящаяся жизнь Джулиана, она оживляла вокруг все стоящие предметы, кроме безмолвного мраморного идола, который был слишком далёк от того, чтобы его зацепила эта примитивная суетливость.

– Джулиан, это – не ты, – наконец-то заговорил Ланже, наблюдающий за этой отчаянной попыткой пробудить эмоции скульптуры, – ты уже отдал всё, что мог этой скульптуре. Она полноценна, она впитала в себя весь возможный опыт, но для тебя это сейчас просто мраморная скульптура и символ экзальтации, что-то, к чему нам всем стоит стремиться. Что-то, что будет тебя вдохновлять в погоне за идеалами.

– Нет, – ответил уверенно Джулиан, – я был ей, я знаю её, я создал её, она впитала всё, что было во мне, и я легко могу пробудить вновь в себе это состояние. – Было заметно, что Джулиан расстроен, что скульптура отказывалась с ним идти на какой-либо контакт. Для неё они все были одинаковыми, безразличные мошки, так мало чего понимающие. Помолчав немного и пытаясь скрыть своё расстройство, он вдруг произнёс всё тем же решительным голосом. – Я должен купить её, я заплачу, сколько угодно, но эта скульптура должна находиться в моём доме. Я как раз сейчас присмотрел себе новое жильё, полноценный домик на...

– Ты можешь приходить сюда по вечерам после работы, – неожиданно перебил его Райан, понимая, что Джулиан не может при Жане предлагать такие сделки, а вдруг Ланже посчитает, что скульптура больше имеет права находиться в доме самого натурщика? Этого нельзя было допустить, он должен иметь к ней доступ 24 часа в сутки, она была украшением его галереи, и его услугой для глаз и надеждой на экзальтированный путь к очищению. – Я тебе сделаю дубли-

кат ключей, сможешь медитировать в этом храме искусства сколько тебе угодно, я же знаю, как тебе важно видеть эту красоту на повседневной основе...

– Правда? – удивился Джулиан, смотря с мольбой на смягчившееся лицо Райана. – Это было бы здорово, я должен так многое понять, скульптура раскрывает свои тайны, но это – такой медленный процесс, и мне кажется, я на пути к тому, чтобы найти эту формулу идеализма, которая и делает её такой целостной.

– Не забывай, – напомнил ему Ланже, поглаживая внутреннюю сторону мраморных бёдер, – что эта скульптура уже далека от таких понятий как жизнь или смерть, она впитала в себя весь необходимый опыт, чтобы быть выше и жизни и смерти. Помни, смертный мальчик, твоя жизнь принадлежит тебе, и она состоит из множества слоев, которые и наполняют твою жизнь смыслом. Начнёшь их отбрасывать, и твоя жизнь рассыплется как замок из песка, и как алхимиков древности тебя поглотит твоя навязчивая идея познать тайну своего мраморного отражения, уничтожив своё эго, твою индивидуальность, своё существование. Я уже понял, что погоня за метафизическими идеалами не является продуктом тщательного анализа. Знания и принятие приходят сами тогда, когда ты оказываешься к этому готов. Вспомни свои прежние страхи, разве ты хочешь вновь испытать что-то подобное?

Джулиан пристально разглядывал создателя его скульпту-

ры, и разум возвращался к нему, лихорадочное безумие отпускало его, и мраморное изваяние теперь всем им казалось всего лишь ещё одним объектом искусства. Да, это до сих пор был символ вечной молодости и красоты, а также ориентир к стремлению ко всем тайнам мироздания, но это был всего лишь невоодушевлённый предмет, который мог вдохновить их на это саморазвитие. Всю работу всё равно продельывает сам человек, а скульптура не может ничего, лишь дать толчок на это развитие, на этот путь познания истины.

Так что последний час трапезы прошёл довольно мирно, они снова разговаривали как цивилизованные люди, интересующиеся искусством, жар идеализма испарился, они вновь стали разумными реалистами без зависимостей, без навязчивых идей, без безумных желаний. Но Райана удивляла тактика Жана, сначала он ведь так стремился к тому, чтобы люди погружались в его творчество и понимали все его глубины. Сейчас же он остерегал их от этого, наверное, ему нужно было это погружение Джулиана только тогда, когда он работал над созданием скульптуры. А сейчас ситуация вышла из-под контроля, они оба заболели этой скульптурой и теми обещаниями, что она сулила им, если её раскусить. И хотя Райан осознал в тот момент, что стоит меньше думать об этой мраморной статуе, его желание владеть ею всецело совсем не пропало.

После того, как Райан дал позволение приходить к нему в галерею в часы, когда она уже была закрыта для посетителей, вечера Джулиана были всегда забиты. Конечно, он не позволял себе фанатично бросать все дела и бежать опрометчиво в выставочный зал. Он помнил о существовании своей жизни, и скульптура не должна была занимать слишком много времени, особенно когда год только начинался, и он был весь в делах. Но это облегчило его беспокойство, он всегда мог посетить галерею и вдохновиться своим мраморным двойником, и это расслабило его, ему некуда спешить, и он не будет этого делать по совету Жана, навязчивые мысли мешают нам развиваться и концентрироваться на других серьёзных вещах. Так что он создавал себе график, когда посещать галерею по вечерам, чтобы не сойти с ума и не впасть в зависимость.

Днём по выходным он иногда посещал выставку с друзьями, а пару раз проводил их и ночью, где можно было бродить часами без посторонних людей и рассматривать картины. Конечно, многие его друзья желали увидеть его мраморную копию, считая его зазнавшимся, но на самом деле далеко не каждый видел в них стопроцентное сходство. Это его расстраивало, неужели он стареет или приземляется? Неужели его идеальное состояние испаряется окончательно, и он ста-

новится скучным серийным человечком? Он позировал рядом со своей скульптурой, пытаясь вновь настроиться на то, что они на одной волне, но фотографии получались весёлыми и непринуждёнными, и на них отчётливо проглядывалось различие между ними. И не в его пользу. Это его расстраивало, не зря друзья посмеивались над ним, потому что куда ему было до этой скульптуры!

Только с Майклом он чувствовал себя божественно, когда привёл его пару раз после танцевальных шоу, и Майкл видел в нём эту неопишемую красоту и уникальность, когда он стоял отрешённо на фоне своей скульптуры, в чём мать родила. Они даже поддались страстному порыву и занялись на музейных коврах любовью, и Джулиан выбрал позицию, чтобы иметь постоянный контакт глаз со скульптурой. Секс был великолепным, Джулиан надеялся даже, что кто-нибудь когда-нибудь посмотрит в камеры (желательно Райан), чтобы подглядеть за их дикой и неудержимой похотью. Скульптура лишь неподвижно смотрела сквозь него, и Джулиан умышленно делал всё как можно более вульгарно и наигранно (хотя и сгорал от непередаваемого возбуждения), чтобы замарать это отрешённое состояние скульптуры, которая сама прошла все стадии грязи и животной похоти, чтобы стать тем, чем была сейчас. Послевкусие после секса было горьким, он надеялся на некий катарсис, но всё было настолько по-животному и окутано физическими ощущениями, что он чувствовал себя обманутым.

Но когда он оставался один на один в тёмных коридорах галереи, присутствие скульптуры ощущалось настолько ярко, что ему казалось, что она вот-вот встанет со своего пьедестала и выйдет к нему. Конечно же, этого не происходило, но одному ему было проще настроиться на связь, отбросив все лишние мысли, и хотя его до сих пор передёргивало вспоминать свой первый опыт взаимодействия со скульптурами Ланже в Париже, он заставлял себя вновь и вновь мысленно возвращаться в те жуткие дни. Что за первобытные страхи терзали его? Почему его так пугает всё, что противоположно жизни? Почему он не мог принять смерть, как что-то естественное? Нет, он точно преодолел своё неприятие смерти, и даже ход старения был естественным процессом, мозгом он это понимал, но душа его противилась этим знаниям, отталкивала их, это было настолько противоестественно, что принятие смерти вызывало в нём бурные протесты. Он не понимал натуру смерти, а главное её смысл, и это непонимание вызвало эти страхи на первобытном уровне. Ланже говорил ему, что он сможет преодолеть страхи лишь в том случае, когда он примет смерть, раскусит её, поймёт её нормальность.

Он прекрасно помнил те пугающе-волнующие разговоры с Жаном, когда он ещё не позировал для него, рассказав истории о том, как именно он познавал глубины и тайны смерти, чтобы вложить этот опыт в свои скульптуры. Наблюдать за процессом умирания людей, за агонией жертв катастроф, за неподвижными глыбами плоти, лежащими в морге, за на-

ходящимися на грани смерти наркоманами, за самоубийцами, добровольно ищущими путь смерти. Джулиан был человеком действия, и хотя в последнее время его затронула философская лихорадка, ему всё же требовалось как можно больше движений в реальном времени, чтобы проходить опыт и укреплять теорию знаний. Вот Райану достаточно сидеть в своей галерее и впитывать весь опыт произведений искусства, чтобы духовно расти и раскусывать их натуру, и они вдохновляли его на действия. Ланже же, как и ему требовались действия, он не мог до конца прощупать суть умирания и жертвенности смерти, если воочию не понаблюдает за этим. Как обуздать свою тёмную сторону и преодолеть свои страхи, размышлял он, неужели это поможет ему понять и принять концепцию анти-жизни? Попробовать стоило, он ничего не терял.

Но вобрать в себя саму суть жизни, проблематично ли это для него, чтобы довести себя в живом теле до экзальтации равной богам? Ему всегда казалось, что он воспринимает жизнь многослойно и ярко, и хотя он любил во всём порядок, он впитывал в себя новые опыты как губка, расширяя горизонты собственной души, наполняя её всё новыми искрами счастья. И если собрать все его накопленные моменты гармонии в этой жизни, можно ли было себя довести до катарсиса, полного очищения, которое поднимет его на новый уровень? И как противостоять со всем этим жизненным багажом концепции анти-жизни? Как держать чаши весов

на одном уровне постоянно? Пока для него эти полярности никак между собой не пересекались, чтобы воспринимать их целостно, как две половинки, образующие совершенство. Скульптура ему столько всему должна научить.

Конечно, он сравнивал её с собой и на физическом уровне, выискивая в себе всё новые изъяны, так как он не мог конкурировать с безупречностью мрамора, жалкий сосуд из плоти и крови, который уже подвергся процессу старения! Он всё чаще сидел возле зеркала по вечерам, и Майкл в очередной раз ему говорил, как же он красив во всём, но он искал морщины, прыщи, родинки, сухую кожу, кривизну линий, потому что они все искажали его красоту, отдаляя всё сильнее от его мраморного изваяния. Майкл даже посмеивался иногда над ним, когда он чуть ли не со слезами на глазах жаловался, что после 25 лет у нас включается старение организма, и мы с годами только увядаем сильнее, и ничто не способно остановить этот естественный процесс, ведущий к полному разложению!

Майкл был старше его на десять лет, и на него уже поглядывали косо амбициозные молодые мальчишки, талантливые танцоры балета, потому что когда тебе уже 40+, тебе давно пора на пенсию. Да, он уже занимался и постановкой собственных танцевальных номеров (и поработал хореографом для пары сериалов и нескольких коммерческих рекламных проектов), но пока он чувствовал себя уверенно и на сцене, оттого не собирався отступить, желая танцевать на большой

сцене до последнего. Джулиан поддерживал его в этом, даже советовал ему больше включать в себе диву, чтобы никто не смел даже помышлять о том, чтобы занять его место. Но было понятно, что Майкл скоро уже не будет тянуть эти нагрузки, он уже уставал и портил себе нервы, но продолжал противиться своему пенсионному танцорскому возрасту, на радость Джулиану. Да, то, что у Майкла был молодой любовник автоматически молодило и его самого, он вынужден был соответствовать ему, но всё же годы брали своё, оба это понимали. Майкл довольно просто воспринимал старение, хотя это сильно влияло на его карьеру и жизнь в целом, но это была неизбежная истина, против которой не попрёшь, как бы ты этого ни желал.

Но переживания Джулиана, что он стареет, тоже влияли на Майкла, он вдруг резче начал сам ощущать этот физический процесс, что вгоняло его в несвойственную для него депрессию. Он боялся, что у Джулиана снова разовьются комплексы, тот постоянно переживал раньше перед официальными мероприятиями или модельными проектами, и тогда он садился на диеты, пропадал несколько дней в кожных центрах, торчал часами у косметолога, а потом скупал кучу неадекватно дорогих средств, которые ни хрена не поддерживали его молодость. Они ему даже не были нужны, он был так красив и выглядел таким юным! И сейчас его тревоги тоже не имели основания, как можно себя сравнивать с мраморной скульптурой? Так что он уже в который раз наблюдал

за этой дикой вознёй Джулиана, как он теми же самыми методами пытается спасти и сохранить дольше свою молодость. А главное, Майкл не замечал этого, пока уже Джулиан сам ему не тыкал в свои эти изъяны, ведь он любил его любым, даже в 90-летнем возрасте он будет находить его красивым, Майкл в этом не сомневался. Так что все эти косметические процедуры снова превращались в навязчивые комплексы, но Майкл уже не знал, как помочь Джулиану чувствовать себя красивым всегда. Да и что будет, когда он действительно начнёт замечать признаки старения?

Из-за этих страхов старения Джулиан также пересмотрел свои слабости изменённого состояния. Тут у него уже были двойные мысли, потому что он нуждался в расслаблении мозга и расширении восприятия мира, что ему с лёгкостью давали наркотики. Именно в этом состоянии было проще нащупать все эти сложные философские загадки, настроиться на медитацию, принять даже то, к чему ты относишься нетерпимо. Так что иногда перед тем, как начать погружение в скульптуру и нащупать между ними связь в сумерках мидтаунской галереи, он делал себе кокаиновые дорожки, вдыхал ароматы марихуаны через вейп, или принимал таблеточку метамфетамина. Иногда что-то другое, но чаще всего он выбирал проверенный мет, благодаря которому чувство эйфории помогало ему отодвинуть в сторону первобытные страхи, которые казались такими лёгкими, такими необходимыми. А наутро совесть мучила его, что он вновь поддался со-

блазнам. Ладно, там, в клубе принять что-нибудь, чтобы расслабиться, потанцевать, пообщаться, но целенаправленно в одиночестве потреблять дурь, это уже походило на зависимость. Да и приходилось потом работать в таком состоянии, и хотя он был ещё молод, он чувствовал разницу после потребления наркотиков или попоек по сравнению как легко и просто ему было лет десять назад.

И всё это в очередной раз доказывало, что он стареет, дряхлеет, приближается на шаг к смерти, что не способствовало подъёму боевого духа. К тому же последствия после потребления ведь сказывались на внешности и на общем состоянии, наркотики ускоряли процесс старения, они уничтожали его мозговые клетки, нервные клетки, получалось, что он добровольно ускорял процесс собственного увядания. И ради чего? Получал ли он какие-то откровения, которые не были ему доступны в полностью трезвом состоянии? Нет. Он расслаблялся быстрее и качественнее, но наступал момент, когда его мозг не хотел копать дальше, и он не улавливал в этом изменённом состоянии важность глубины познаваемых откровений. Но скорость погружения была настолько быстрее, чем на трезвую голову, особенно после тяжёлого трудового дня, что он всё равно продолжал периодически грешить. И ведь ещё существовали транквилизаторы, которые он пил почти ежедневно, потому что так сильно утомлялся, что иногда ему требовался полный покой.

И в моменты просветления он полностью бросал все свои

вредные привычки, правильно питался, занимался спортом, дышал свежим воздухом, меньше нервничал и при этом лихорадочно следил за тем, как меняется в лучшую сторону его внешность. Но это не был прямо такой заметный процесс, и это вновь и вновь ему напоминало, что процесс старения в его организме запущен, и его красота скоро завянет. Но важность соблюдения здорового образа жизни должна победить его желание быстро расслабиться и получить непередаваемые экстатически эмоции, просто надо было усерднее работать над собой, глубже проникать в тайны идеального состояния мраморной скульптуры.

Начало пути у Джулиана было проложено, он не бездействовал, наоборот, погружался всеми возможными способами в то, чтобы разгадать гармонию, которую излучала скульптура, но он знал, что скоро настанет момент, когда он попытается принять сторону анти-жизни методами Ланже. Когда Джулиан чего-то очень хотел, он всегда находил на это время, хотя его нынешняя должность и не способствовала тому, чтобы он имел слишком много свободного времени. Тем более у него ещё была семья, бойфренд, друзья и прочие социальные обязательства, ничего из этого он не собирался забрасывать. Понимал он и то, что его собственных экзальтических попыток и потребления наркотиков не достаточно для полноценного ощущения катарсиса. И он задумывался о религиозных групповых экстазах, шаманских ритуалах и даже родах, когда момент счастья взрывается в одном малень-

ком комочке, в этом сиюминутном даре жизни. Всё это нужно было опробовать на себе, чтобы понять до конца, что такое преодоление счастья, ведущее напрямик в рай. Любой яркий опыт пригодится ему, он это знал, так что он настроен был испробовать в ближайшее время много чего того, что ему было какой-то год назад совсем неинтересно. Но необходимость саморазвития диктовала свои правила.

Существовали ещё дни визита Райана в галерею. Они договаривались заранее встречаться несколько раз в месяц без свидетелей. Это были довольно странные встречи, практически безмолвные, но эмоционально изматывающие, но в то же самое время и полные обмена энергией, даже без взаимодействия. Джулиан видел, что Райан о чём-то постоянно размышляет, он был погружён в собственные исследования того мира, что давала им скульптура. Райан тоже был на грани познать некую истину, это чувствовалось, но он пока не собирался с ним делиться своими наблюдениями. Он был закрыт для всего, и в эти моменты Джулиану казалось, что он сам растворялся в своей скульптуре под натиском размышлений Райана. Райан просил его обнажиться и стоять в той же отрешённой позе, что и его скульптура. И если поначалу он уловил в этом эротичность и желание, то потом понял, что сексуализация тут не причём. Во всяком случае, ещё рано, Райан должен что-то уловить, чтобы вновь замечать Джулиана, чтобы он вновь существовал для него отдельно от скульптуры. Он сам настраивался потом во время этих бессмыслен-

ных актов позирования на возможность погрузиться в то состояние, коим дразнила их скульптура.

И когда оба они выходили из своего загадочного отрешения, Райан вновь был собой, замечал его, смотрел не сквозь него, а именно на него, и он в эти моменты так ценил свою человечность, то, что он состоял из плоти и крови! Связь между ними вновь вспыхивала разноцветными огоньками, и Джулиан ловил жадно каждое слово Райана, когда они уже сидели в банкетном зале за невероятно огромным столом и пили кофе с пирожными. Он снова был просто Джулианом, сотрудником Райана, вечно в него влюблённым, вечно его желающим, вечно жаждущим его внимания. Тогда скульптура не имела значения, и не было никаких гонок за красотой и вечной молодостью, не было никаких желаний познать смерть или возвыситься до божественных уровней, даже страхов не было, была только бесконечная благодарность жить здесь и сейчас.

Они никогда даже после этого не говорили о скульптуре, наслаждаясь тем странным уединением и медитативным погружением, они отбрасывали это наваждение и вновь возвращались в свою реальность. И острота этого осознания пронзала сердце Джулиана, это были настолько простые и счастливые моменты, что ему тогда казалось, насколько все эти мифические погони за эликсирами счастья и тайнами мироздания незначительны, вот этот момент счастья был полностью осязаемым и полным. И даже неважно было, испытыва-

ет ли такие же самые чувства Райан, потому что ему хватало своих собственных, они окутывали всё на свете, они гармонизировали его, они отпускали всё лишнее, предлагая принять этот кусок счастья, остановив время. Нежность, любованье и понимание Райана явно намекали на то, что чувства взаимны, ниточка, что в последнее время соединяла их, снова уплотнялась, они были на одной волне, на одной планете, на одной линии любви, это же было очевидно. И тогда Джулиан чётко осознавал, они вдвоём преодолеют тайну скульптуры, они объединятся ради этой цели, понимая прекрасно, что Райана занимают те же мысли. Только вместе они могли прикоснуться к вечности.

Райан действительно сейчас переживал не только собственный творческий кризис, когда творить совсем не хотелось, хотя он и был полон вдохновения, но в то же самое время он, как и Джулиан проникал в священные тайны мраморной скульптуры. Какое-то время он не мог видеть Джулиана, потому что он сейчас начал замечать его недостатки и обыкновенную человечность, что разочаровало его тонкую натуру, склонную идеализировать объекты красоты. Джулиан был потерянным, суетливым, но полным энтузиазма покорить своё собственное отражение в мраморе, и это ему нравилось. Но тяжело было принять Джулиана не идеальным, хотя до скульптуры он ведь всегда был таким. Но сейчас он познал сравнение, и это его напрягало. Как вернуть Джулиану ту воздушность и прозрачность, чтобы его человеческая плоть вновь казалась безупречной? Изучать скрупулёзно скульптуру точно не помогало, наоборот отдаляло её от Джулиана. Общаться с Джулианом ему тоже в этот период не хотелось, так что он засел в своём коконе галереи как гриб и пытался понять, почему его так гложет идеальность этой скульптуры, и почему ему практически недоступна её тёмная сторона?

Почему стоит бояться смерти, что в ней противоестественного, задавал он себе вопросы? Разложение и гниение

были куда хуже смерти, но опять же это последствие самой смерти, это медленное уничтожение всего живого, что со временем мутирует в компост для других жизней. Может, Жан имеет в виду это? Принять смерть как вечный цикл перерождений? Но Ланже отмалчивался, сказав лишь кратко, что его понятия гармонии между жизнью и смерти не содержат физических аналогов, это всё – ментальная работа. Но Райан чувствовал, что приближался к разгадке этого состояния, пускай пока в таких грубых и доступных формах. Были у него самого страх перед смертью, если отбросить сейчас инстинкты самосохранения и общественное давление? Каково это переходить из одного состояния в другое? Он понимал, что этот момент рано или поздно настанет, скорее рано, потому что он уже приближался к 60.

Он скорее ощущал омерзение к процессу старения и увядания, чем к самому финалу смерти. И хотя он миновал всех этих истерических состояний, наблюдая с ужасом за собственным старением, ему был омерзителен сам процесс. Он скорее страдал, когда красота увядала у него на глазах, поэтому он никогда не любил концы сезона, когда всё увядало, таяло, опадало, умирало, это был неопишимо ужасный период, время распада и тлена. Символичность смерти он предпочитал воспринимать театрально и гротескно, что делало понятие смерти каким-то абстрактным и далёким. Сам он никогда не считал себя красивым, чтобы страдать по собственному физическому увяданию, от того он и окружал се-

бя красивыми и молодыми людьми, вдохновляясь их свежей и непорочной красотой.

И глядя на мраморную скульптуру Джулиана в своей галерее он всё сильнее проникался её вечной красотой, которую непременно нужно было сохранить и в самом Джулиане. Он пока не понимал, как это можно осуществить, но понимал, что и Джулиана терзают подобные мысли, как сохранить свою молодость, как обмануть смерть, как уничтожить старение и стать богом воплоти. Но он понимал, ещё рано думать об этом и вместе искать ответы, они оба ещё блуждали в ментальных лабиринтах между жизнью и смертью, пытаясь отыскать связывающую их гармонию. Это был процесс обучения для них обоих, хотя методы у них были очень разными. Джулиану нужно было познать всё здесь и сейчас, он без устали искал всеми возможными методами, как разгадать эти вековые тайны. Райан же неспешно созерцал, вдохновлялся, занимался самокопанием, долго созревал и ждал, когда его торкнет. И если Джулиану было просто совмещать свою нормальную жизнь со всеми социальными обязанностями и жадной роста, Райан же, наоборот, закрывался максимально от внешнего мира, чтобы никто и ничто не могло загрязнить его просветлённого состояния.

Он знал, что проделал колоссальную работу с открытием своей галереи, и его менеджмент прекрасно справлялся и без него, и пока что он даже не думал о том, чтобы обновить свою галерею или организовать следующую выставку, оста-

вив лишь часть экспонатов на постоянной основе. Спрос на его выставку до сих пор не спадал, слава Ланже гремела по всему свету, и скульптура Джулиана привлекала публику не меньше чем полотна Поллока или Ротко, что было немислимо для молодого скульптора, работающего в стиле символического и аллегорического реализма. Да, он довольно серьёзно бросил работу в своём доме мод, но, тем не менее, заместитель креативного директора до сих пор от него получал эскизы (в основном это были старые наброски или отвергнутые им же раннее работы), так что это никак не влияло на его бизнес, чьим акционером он до сих пор являлся (правда, уже только на 50 процентов). Так что у него действительно имелось свободное время, чтобы через эту странную скульптурную медитацию познавать и самого себя и своё место в мире, и даже нащупывал свои потенциальные божественные способности.

В какой-то момент он почувствовал себя одиноко, ему было мало одиночных погружений, скульптура до сих пор таила от него слишком многое, чтобы он удовлетворился и наконец-то успокоился. Он осознавал, что это действительно превратилось в навязчивую мысль, но он не собирался сдаваться, потому что вот-вот должно было что-то произойти, какой-то толчок, который раскроет глаза. Он ощущал это в наэлектризованном воздухе, который вот-вот должен разразиться долгожданной, но пугающей грозой. Конечно, он тоже не пропадал 24 часа в сутки в галерее и не втыкал, не моргая

на скульптуру Джулиана, и он продолжал создавать нормальность своей жизни, но, конечно, не на таком уровне как это получалось у Джулиана. У него был огромный дом, другая недвижимость, домашняя рутина, бойфренд-интеллектуал, званые ужины, мероприятия, связанные с искусством, рабочие встречи, посещение картинных дилеров для пополнения коллекции и так далее. И он продолжал продуктивно жить, но всё это казалось ему каким-то бесхребетным, просто декорации, а настоящая жизнь раскрывалась перед ним лишь в моменты, когда он мог погрузиться в состояние, что вызывала скульптура Жана Ланже. Он жил в каком-то ожидании, сам не зная чего, и когда он остро ощутил своё одиночество и желание делиться своими знаниями и принимать мудрость других, он и понял, что больше не может избегать Джулиана, именно в Джулиане таилась разгадка скульптуры.

Он пытался отбросить все сравнения, когда велел Джулиану позировать рядом со своей статуей. Поначалу было тяжело, слишком явная была разница, хотя Джулиан и был прекрасен, несмотря ни на что. Но тот, кто однажды познал райскую пищу, никогда не сможет удовлетвориться самой лучшей земной едой. И он смотрел на них так долго и пристально, пока они действительно не сливались уже в одно целое, и в этот короткий миг он ощущал как самый восторженный эстетический оргазм. Возможно, это уже от усталости и собственной веры он видел это слияние, или возможно Джулиан сам так вживался в свою роль, что реально становился

этим мраморным идеалом. На тот момент это было неважно, и Райан знал, что готов сделать что угодно, лишь бы это чудо повторилось. А уж если ему удастся сохранить это в вечности, не наступит ли для него персональный рай даже на этой грешной и небезупречной земле?

И после этого момента всё как будто изменилось, он вновь видел в Джулиане потенциал, он знал, что Джулиан дойдёт сам, правда, с его помощью, до состояния экзальтации. Они готовы нарушить все законы физики, пойти против всех общественных и религиозных норм, они готовы покорить и жизнь и смерть, потому что Райан познал на миг момент разрушительного счастья. Джулиан был прекрасен во всём, он теперь это видел, он вновь желал его видеть. Он снова хотел его как мужчину, он любовался его красотой и слушал его остроты, восхищался его утончённым вкусом и обилием всесторонних знаний, потому что это был человек на пути к возвышению в рай и на пути к низвержению в бездну ада. Именно Джулиан станет символом его познания мира, и Джулиан в тот миг тоже это осознал, они были созданы друг для друга именно для этой цели, всё остальное теперь казалось незначительным. Они больше могли не противиться чарам друг друга, скульптура их на какое-то время разъединила, практически оборвав все связи, но теперь она магнитом притягивала их назад, но уже просветлённых и чистых в своих поисках гармонии. Они были готовы покорить вечность и приручить красоту.

У Джулиана начался период познания жизни и смерти в таких масштабах, о каких он сам никогда не помышлял. Важно было само погружение, не просто наблюдение за процессом, а полное эмпатическое слияние, только так он мог покорять тайны, что скрывала в себе так называемая тёмная сторона. Несмотря на широкий круг общения и всестороннюю развитость, его интересы и приоритеты помещались в весьма узкое направление, начиная карьерными возможностями в сфере менеджмента, управления и общественных связей и заканчивая архитектурой, искусством, музыкой и прочими культурными направлениями. Где-то между ними ещё были семейные ценности, путешествия, гей среда, спорт, еда, политика и история. Но это уже скорее были интересы поверхностные, и он никогда не думал сильнее углубляться во что-то новое, если это не соответствовало его карьерному продвижению или не было связано с его главными интересами жизни. Сейчас же он понимал, как далёк от грязной и отчаянной жизни страдающих людей. Что он сам пережил, чтобы эмпатически понять то, как выживают несостоявшиеся самоубийцы, больные раком четвёртой стадии, родители, потерявшие ребёнка? Много ли он испытал страданий их уровня?

Каждый раз, когда с ним случалось что-то воистину пло-

хое, он поначалу воспринимал это как конец света, совершенно не ценя то, что он имел, но потом быстро выползал из дерьма, и этот опыт он носил гордо, как орден на груди, мол, смотрите, я пережил такое! Аппендицит в детском возрасте, можно ли это было назвать настоящими страданиями, когда его прооперировали, даже не успев напугать, и потом он отлёживался в элитной клинике, окружённый заботой семьи и друзей? Помогло ли ему это понять глубину смертельных болезней? Нет. Порванный зад после затянувшихся оргий в Провинстауне, когда пришлось зашиваться. Было ли это тем опытом, который приблизил его на шаг к пониманию смысла анти-жизни? Нет. Неудачная авария после угарной вечеринки с друзьями, когда он сломал ногу и был вынужден торчать дома безвылазно. Смогло ли ему это дать некий толчок, чтобы прочувствовать ценность каждой прожитой секунды? Нет. Похороны бабушек, дедушек, других родственников, и даже нескольких не самых близких друзей. Узрел ли он уродливость смерти, которая стояла за каждым человеком с наточенной косой? Нет, наоборот, он старался поскорее смыть с себя мрачные воспоминания после подобных событий и вернуться к своей рутине. Каминг-аут в юном возрасте. Сильно ли он страдал после того, как все начали идентифицировать его как гомосексуалиста? Нет, конечно, дискомфорт и страхи были, но в целом он гордился тем, кем он был по умолчанию, а он не мог понять, как своей гордостью можно стыдиться.

Разрыв с Райаном был самым серьёзным потрясением в его жизни, это был единственный момент, когда его поверхностное восприятие жизни и умышленное игнорирование мрачных и неудобных тем дало сбой. Это было единственное время, когда он был ближе всех к тому, чтобы вкусить анти-жизнь и не сойти с ума. Скульптуры Ланже вернули его в состояние жизни, которую он стал ценить больше, это была его единственная психологическая травма, которая перевернула его мир, заставившая его начать воспринимать жизнь глубже и более многогранно.

Так что единственным его ориентиром, как эмпатически погружаться во что-то деструктивное был его опыт разрыва с Райаном, хотя он никогда никому не рассказывал о том, что стало причиной той его страшной депрессии. Кроме Стивена, с которым он познакомился тогда в Париже и сделал его своим негласным психологом, а потом у них завязался роман на несколько лет. Он до сих пор поддерживал со Стивом хорошие отношения, увы, у него теперь была жена, и он понимал, как вовремя они расстались, потому что он терпеть не мог тех людей, которые пытались усидеть на двух стульях, бисексуалы для него были слишком всеядными, слишком грязными. Поскольку он решил заняться сейчас серьёзным исследованием мрачной стороны жизни, он консультировался с Ланже обо всём на свете, названивая тому несколько раз в день и кидая десятки сообщений. И ему даже пришлось рассказать Жану, что именно стало причиной, что он не ожи-

данно познал обратную сторону его скульптур на скромной выставке в Париже, когда имя Жана Ланже ещё никому ничего не говорило. Жан долго молчал после его откровений, а потом сказал:

– Иногда мне кажется, что вы одержимы друг другом с Райном. И скульптура вам была нужна только для того, чтобы вы это осознали. – После паузы, во время которой Джулиан пытался попробовать на вкус наблюдения Жана, он продолжил уже более серьёзно. – Ты не увлекайся, не нужно специально выискивать в каких-то событиях что-то грязное, что-то тёмное, что-то смертельное, это – плавный процесс, ты просто считаешь это и переосмыслишь прочитанное. Но если тебе надо, чтобы это проехалось по тебе как танк, углубляйся, страдай, бойся, терзай себя, но всегда помни о своём состоянии в Париже. Ты помнишь, что тебе захотелось сделать сразу после того, как ты покинул мою выставку?

– Никогда больше не вспоминать о ней, – выпалил Джулиан без размышлений, это было чистой правдой.

– Не совсем, это были эмоции, вызванные страхом, – объяснял Ланже, стараясь перекрыть сверлящие шумы из своей мастерской. – Ты осознал тогда, что никогда не позволишь этой тёмной стороне засосать себя, это было толчком к тому, чтобы выскользнуть из мира анти-жизни и вернуться в свою реальность, в свою жизнь. Это – важный момент. Ты хватил с лихвой этих деструктивных ощущений и всеми путями выбирался на свет, тебя не должен поглотить ни

один из этих миров, если ты намерен познать эту гармонию. Ты живёшь крайностями, у тебя существует либо одно, либо второе, вместе ты этих понятий никак не видишь, и из-за этого твоё восприятие мира фрагментарно, и хотя ты испытываешь колоссальные эмоции, разбрасываешься своими чувствами, но они между собой не взаимодействуют, так что твоя главная задача – отбросить крайности.

Ланже снова был прав, Джулиан привык ярко воспринимать мир, ему нравилось испытывать эмоции, и хотя часто он был пресыщен и избалован ими, он находил методы, как их испытывать. Если у него наступал кризис, помогали наркотики, если он переутомлялся, он брал отпуск, если он разочаровался в одном художнике, он находил нового, и если в интимной жизни исчезала искра, он искал любовника или даже нового бойфренда. И во всём у него было так, его гедонические потребности двигали его на развитие, чтобы вновь и вновь ему испытывать яркость эмоций. Даже страдал он с размахом, хотя и понимал сейчас, что глубины эмоций он не испытывал, просто какие-то чувственные вспышки энергии, которые занимали все его мысли. И если он был счастлив, то ничто не могло поколебать это его счастье, ни параллельные любовные неудачи, ни рабочие стрессы, ни даже сам всемирный потоп, всё это было лишь назойливыми отвлечениями, не влияющими на глобальном уровне на его счастье. И также и в несчастном состоянии, ни премии, ни отпуск, ни любимый рядом, ни даже знакомство с крашем детства не могло

вытащить его из этой скорбной безысходности.

И снова он возвращался мысленно к тому дню, когда он впервые познакомился с мраморным миром Жана Ланже, который вытащил его из апатичного состояния тлена. И период исцеления, постепенного принятия своей реальности был ближе всего к тому состоянию, когда он пребывал вне крайностей, когда он как будто лавировал в обоих мирах – в жизни и в анти-жизни. Но как ему было настроиться на это восприятие мира, когда кругом пылали яркие краски, стучали громкие звуки и выплёскивались острые чувства, как можно в таком мире поставить знак равенства между трагедией и юмором, между чёрным и белым, между правым и левым, между жизнью и смертью? Он надеялся в своих новых жизненных уроках достичь этого, иначе крайности его погубят, и он никогда не сможет покорить то состояние, что излучала его мраморная скульптура, а ведь это и есть – его предназначение!

Он не жалел ни времени, ни ресурсов, ни сил на свои эксперименты, он должен был приблизиться к состоянию своей скульптуры, чтобы возвыситься над всем миром, как бы пафосно это ни звучало. Так что ему приходилось откапывать старые связи, давать взятки, флиртовать или обманывать, чтобы достичь своих целей. И при этом он был полон энтузиазма, хотя достаточно скептически относился к некоторым своим урокам, ориентируясь на опыт Ланже, понимая, что у каждого свои методы, как отыскать гармонию между

жизнью и смертью. Ему не подходила работа в голове, ему нужно быть на поле боя, только тогда он мог погрузиться в новый опыт полностью, хотя и осознавал, что это явно считается слабостью. Он понимал, всё можно прощупать и понять на ментальном уровне, но ему было нелегко концентрироваться над этой работой, от того он и избрал подобную тактику. И если сейчас обобщить его попытки познать тайны тёмной стороны жизни или основы анти-жизни, то можно примерно так описать накопленный им опыт:

Опыт нахождения рядом с мёртвыми телами вызывал в нём брезгливость и страхи, диктуемые инстинктом самосохранения. Мёртвые тела вызывают у здорового человека некое отторжение, это совершенно нормально, ведь у него не было опыта общения с трупами, кроме как официальных похорон родственников. Несколько раз он присоединялся к похоронным процессиям и наблюдал не только за неподвижно лежащим куском плоти, который в скором времени подвергнется разложению или сжиганию, но и за теми, кто пришёл проводить этот мёртвый груз в последний путь. Люди попадались разные, большая часть испытывала некую грусть и под воздействием общего удручённого похоронного состояния эта грусть усиливалась. Этих людей он называл нейтральными, от них не было никакого толку на похоронах для него. Его скорее интересовали те, кто никак не мог смириться со смертью их любимого покойника, и их скорбь давила на него своей интенсивностью. Он прямо ощущал эту тьму

энергетических сгустков, что пыталась вырваться на волю и заразить всё и всех вокруг той болью, которую невозможно сдержать в себе без вреда собственной психике, без вреда собственному телу. Его передёргивало от этого внезапного ощущения их горя, от этого эмпатического слияния, и он мгновенно покрывался испариной и едва мог удержать равновесие. Их боль была тоскующей и уже прочувствованной, она не пробивала его насквозь своей внезапностью, хотя по интенсивности и не уступала той, что он ощутил на опознании тела.

Ему удалось присутствовать на одном опознании тела, где под видом лучшего друга он топтался вокруг родителей молодого парня, который разбился на мотоцикле. Из гей среды. Такой юный, такой жизнерадостный, такой красивый, чёрт, мир несправедлив, все это знают, но почему насильственная смерть кажется нам хуже той, которую приносят болезни? Только из-за уродливости тела? Боже мой, уродливость тела воистину является проклятьем этой жизни, это не должно принадлежать стороне жизни, пусть это скорее отправляется во тьму, думал он, когда перед ним лежало чуть ли не собранное по частям тело. Но лицо покойного почти не пострадало, оно отрешённо наблюдало за тем, что доступно лишь тем, кто познал анти-жизнь. Скорбь родителей была острой и пронзительной, как один уверенный удар ножом, попавший прямо в цель, и он пытался нащупать эту связь, что связывает генетически людей, насколько она калечит разум людей,

когда её насильственно обрывают?

Почему человеку нужен кто-то, кому посвящать свою жизнь, почему так много людей привязывает к себе своих детей, свои вторые половинки, своих родителей? Незаменимых людей нет, он это знал, и только уход Райана заставлял его испытать что-то подобное горю этих родителей в морге. Чем его связь с Райном отличалась от связи этих родителей со своим сыном, размышлял он? Так тяжело прочувствовать всю эту гамму эмоций, что люди испытывают друг к другу, да даже к тебе самому, но он как эмпат пытался в эти моменты раствориться и впитать их боль. Мало кто сразу принимал смерть, когда она приходит внезапно, но если ты будешь жить постоянно с мыслями *memento mori*, не пропустишь ли ты саму жизнь? Да, когда этот момент настанет, даже если он и придёт неожиданно, ты как будто всегда знал, рано или поздно это произойдёт, я к этому готов. По сути, это было зрело, но стоило ли нам так часто думать о неизбежности смерти в ущерб жизни?

И когда он остался после опознания тела бродить по моргу, безмолвный холод этого замершего мира не давал ему упокоения, но слегка смирял, успокаивал, но без надежды, он просто осознавал в эти моменты права смерти на жизнь, просто как констатацию факта. И прав был Жан, морг был совершенно бесполезным местом для познания жизни или смерти, сюда уже приходят только смириться с тем, что смерть существует, она неизбежна, она повсюду, и просто

принять её как данное. Просто перестать ей противиться, не призывать, но и не отталкивать. Морг был всего лишь стерильной версией кладбища, временным чистилищем перед тем, как выбрать свой путь в рай или ад, или в никуда, в зависимости, во что человек верил. Прогулки по кладбищам и моргам с лицезрением мёртвых тел дали ему отведать неизбежность смерти в смирённом режиме, а также остро почувствовать те бесконечные волны боли, что люди излучают к своим мертвецам. Если убрать эти волны, мы ничем не будем отличаться от животных, которые думают лишь о собственном выживании (за исключением периода детёнышей, когда родительские инстинкты создают связь, или за исключением стайной жизни, когда каждая особь важна для выживания и рутины). И смерть станет обычным рутинным событием, как её воспринимают сотрудники похоронных бюро или больниц. Джулиан, в который раз осознал, привязываться плохо, это ставит нам слишком много ограничений, мы застреваем в тонне привязок и зависимостей, закрытые для всего остального. Как же я небезупречен, понял он, имея не просто привязки, но и одержимости. Но моя скульптура научит меня, как быть независимым, сейчас я в цепях одержимости, но когда я извлеку все уроки, необходимость цепляться за такие банальные вещи, отпадёт сама собой.

Может быть, процесс лишения жизни даст ему понять не просто необходимость смерти, а даст почувствовать её ценность, соответствующую жизни? Он не собирался сам ко-

го-то убивать, в этом не было необходимости, даже ради эксперимента, он не был тем, кто решал, кому стоит жить, а кому нет. Даже назойливые насекомые им крайне редко уничтожались, и хотя он осознавал, сколько за своё время он случайно уничтожил букашек, это никак не влияло ни на него, ни на мир вокруг. Стать свидетелем убийства тоже было рискованно, да и организовать это нелегко, ведь пока ещё не существует стран типа Murderland, где каждый желающий мог поехать в эту страну легальных убийств, выбрать себе персонального душегуба и подготовиться к собственному убийству именно по твоему сценарию. Интересно, был бы спрос на подобные смертельные развлечения? Вероятно.

Он понаблюдал за ритуальным закланием баранов на мусульманском празднике курбан-байрам, но там царил несусветный хаос и беспредел. Многие просто чтили так традиции, но многие верили в необходимость жертвы, и хотя он не заметил, чтобы многие сходили с ума от кровожадности, общее состояние толпы казалось было лишено всякого сострадания. Это было дико и в какой-то степени бесполезно, и хотя жажда власти над чужими жизнями тут не была ключевой, важна была сама ритуальность происходящего, всё же это был пир хищников.

Сатанинские обряды с жертвоприношениями животных, традиции колдунов и ведьм он тоже не исключал из круга своих новых интересов, и среди сатанинских сект были интересные учения, которые давали что-то схожее с тем, что

он ищет. Те же самые последователи Лавея черпали многие идеи, о которых говорил Жан – проявление тёмных сторон в жизни как норма, жизнь в гармонии со своей тёмной стороной, но при этом без умышленного вреда окружающим. Это как с гниением, вроде бы деструктивное состояние, но оно само по себе не зло, оно нейтрально и необходимо. Так же и здесь. Ведьмовские обряды имели долгую историю и разнообразные цели, как раз-таки во время них можно было покинуть землю и соединиться с космическими энергиями, но он понимал, что ничего у него не получится, нужно увлекаться этим, понимать это, желать этого. Так что он довольствовался фильмами и документальными передачами о ритуалах среди сатанистов и ведьм. Конечно, это было не то, но он начал улавливать смысл во всём этом. И хотя цели у них были, как правило, связанные с земной жизнью, интересен был сам процесс, каково это прикоснуться добровольно к обратной стороне жизни.

Но, по правде говоря, трансовое состояние, в которое они впадали (когда не симулировали) ничем не отличалось от того, что давали наркотики. Не зря шаманы должны быть полуживые и обдолбанные во время ритуалов, чтобы находиться одновременно в мире духов и в мире живых. Но они были как не из мира сего, их совершенно не заботили земные заботы, и это Джулиана не устраивало, нужно было сохранять свои знания в мире живых, пользоваться ими, пропускать их через себя. В чём смысл ритуалов? Есть религиозные, есть

в знак благодарности, есть традиционные, это его совсем не интересовало. Есть те, которые проводят ради каких-то целей, всякие привороты и наведение порчи он даже не рассматривал, этим занимаются только ревнивые истерички, и соответственно тут сугубо эгоистичные и материальные итоги. Ему скорее были интересны ритуалы, которые проводили для получения каких-то знаний, открытия новых способностей, это было уже ближе к его цели. По сути, эти ритуалы были с отдачей, только кто из этих ведьм и сатанистов впитывал в себя тёмную сторону жизни на таком уровне, чтобы гармонично жить с этим в живой жизни (тьфу ты, какая тавтология получилась)?

И тогда он изучал буддистов, пытаясь понять, что такое состояние бардо и все эти состояния. Его больше всех интересовало бардо процесса умирания, состояние между жизнью и смертью, именно в этот процесс можно понять больше всех, когда ты уже не принадлежишь миру живых, но ещё не углубился в мир мёртвых. Он сейчас отбросил все мысли о реинкарнации, в которую он не верил, концентрируясь на том, что же ощущают в этом бардо. И есть ведь ещё бардо медитативной концентрации, состояние между бодрствующим дуалистичным сознанием и просветлённым осознанием трансцендентальной мудрости, и всё это с помощью глубокой медитации, и умирать не надо! Но как именно добиться этого состояния, и какие именно откровения к тебе придут во время этих медитаций? Он их начал практиковать, сна-

чала с помощью наркотиков, а потом уже пытался концентрироваться и без них на это состояние, когда твоё астральное тело ищет путь, как выбраться из оков тела. Это было нелегко, его постоянно глючило на начальном этапе, потом он тупо не мог вообще ничего осознать, кроме нагнетающей пустоты, и он сделал выводы, что его подобные медитации не вдохновляют. Ему нужно концентрироваться на чём-то, в компании скульптуры ему было гораздо проще копаться в глубинах своего подсознания, и он решил медитации практиковать в галерее Райана.

Ещё он пытался впитать в себя понятие не рождённой жизни, и это уже было психологически сложно. Он познакомился умышленно с одной девушкой в тяжёлый период, она потеряла ребёнка на последнем месяце беременности. Как влияют на мир не рождённые личности? И снова волна скорби, отчаяния и боли затопили его существование, и когда они гуляли под ручку на кладбище мертворождённых детей и жертв абортёв, это ощущалось ещё сильнее. В чём смысл всего этого, зачем жить с этой печатью трагедии, она ломала жизни этих скорбящих людей и не давала концентрироваться в полную мощь на своей жизни здесь и сейчас. Но какой след оставляют души этих не родившихся детей? Что они знают об этой жизни, несут ли они багаж знаний и с тёмной стороны? Да, что-то они после себя оставляли, даже если не учитывать сейчас все те мысли, которые подпитывали их от тех, кто пережил эти личные трагедии.

Было странно впитывать в себя атмосферу этой тьмы, несостоявшиеся жизни, навечно застывшие в промежуточном состоянии, лишённые желания жить или умирать. Стоило снова отбросить привязанности, они мешали концентрироваться на самом важном, эти люди имели право воспринимать эти смерти как личные трагедии, но, по сути, ни одна душа не принадлежит кому-либо, чтобы это калечило их собственные души. Но в какой-то момент Джулиан ощутил острый приступ зависти, эти души познали то, к чему он сам так стремился, найти эту безразличную гармонию между жизнью и смертью. Только они не могли вернуться в жизнь с этими знаниями, а он мог, и он был намерен дальше окунаться в тайны отрешённой гармонии, чтобы познать и жизнь и смерть.

Были ещё неудавшиеся самоубийцы и те, кто пережил клиническую смерть, это тоже был интересный материал для изучения, правда, тема была настолько обширной, что Джулиан поначалу растерялся. Самоубийцы крайне редко имеют мотивы уйти из жизни раньше времени, не личного характера, обычно их всегда к этому шагу двигают личные несчастья – в любви, в семье, на работе, из-за комплексов, психологических травм, проблемы со здоровьем, одиночество и прочие психологические расстройства. Его скорее интересовали те случаи, когда человеку было скучно и непонятно жить в этом мире, но он не рассматривал также и зажавшихся гедонистов, которые просто с жиру бесились и жаждали ис-

пробовать что-то новое или поняли, что перепробовали всё и им уже неинтересно жить. Ему интереснее были те кадры, которых привлекала тайна смерти, которые желали разгадать её тайну, правда, большая часть из этих людей попадала под категорию психов. Это его не устраивало, ему нужны были те, кто окунался в подобный опыт добровольно и находясь в полном здравом рассудке. Даже если они и не считались психически неуравновешенными, как правило, они были больны эзотерикой и мистикой, что в глазах Джулиана делало их непригодными для нормальной жизни.

Столько было тем для изучения, но так мало что совпадало с его нуждами! Поклонение и поэтизация смерти тоже не подходили ему, ни смерть, ни жизнь не нуждались в этом поклонении, они просто были тем, что каждый должен был принять, и в его случае ещё и поставить между ними знак равенства. Познать одинаково хорошо и смерть и жизнь, не умирая физически, это было тяжело. Но в любом случае он должен был принять какую-то смерть, скорее символическую, чтобы полностью обрести её в себе как необходимость, как продолжение своей жизни здесь и сейчас. Возможно, это могло ему дать состояние комы, либо же после энных попыток глубокая медитация, а может даже ритуальное слияние с чем-то. Но готов ли он был добровольно рисковать тем, чтобы не вернуться назад, когда ещё осознал так мало? Кажется, он уже перестал бояться смерти, но он и не жаждал призывать её здесь и сейчас, во всяком случае, перманентно. Но

и оставить это неизученным, он не мог, каким-то образом ему придётся столкнуться с царством смерти, не повредившись ни умом, и ни поплатившись здоровьем. Он обязательно найдёт методы, как приручить смерть.

На сеансах со своим психоаналитиком он делился своими откровениями, хотя полностью и не обнажал душу, очень уж глубоко придётся копать и объяснять, чтобы полностью отобразить смысл своих поисков. Конечно, в какой-то степени Джулиан с ним соглашался, когда тот втирал ему, что он чересчур увлечён учениями о сверхчеловеке, особенно часто цитируя Ницше. Да, Джулиан не скрывал, что стремится познать идеальное состояние, но ведь сверхчеловек, по мнению Ницше, не должен окунается в противоположности жизни, он не должен проходить этап полной деградации и познавать смерть, чтобы очиститься, так что и эта концепция не до конца подходила Джулиану, чтобы слепо следовать всем её теориям.

Психоаналитик не до конца понимал его, одержимость собственной мраморной статуей выдавала в нём поверхностного нарцисса, да и его желание увековечить свою молодость и красоту и покорить вечность, ошибочно давали тому понять, что он просто был самовлюблённым созданием, помешанным на своей физической красоте. А увлечение смертью касается практически каждого человека в то или иное время, обычно молодёжь или тех, кто соприкоснулся в ней на уровне психологической травмы, но интерес к ней мог

пробудиться и по более незначительным причинам. Так что Джулиан понимал, что он теряет связь с реальными людьми, он отдаляется от них своими откровениями, тогда как они мыслят чересчур приземлённо, даже банально, не способные увидеть истинные перемены в нём. Так что поддержка и такая же самоотверженность Райана были для него настоящей отдушиной.

Познание же жизни заняло у него гораздо меньше времени и ресурсов по одной простой причине, он в какой-то момент вдруг осознал, что испытывает практически те же самые эмоции, что и во время экспериментов познать тайную сторону смерти. Это было странно, даже немного пугающе, и тогда он и понял слова Ланже о том, что гармония между жизнью и смертью и есть познание себя и мира вокруг. Когда он видел, как женщина рождает ребёнка, даруя новую жизнь в этот мир, он испытал практически те же эмоции, что и в тот период, когда тесно общался с женщиной, потерявшей ребёнка. Было дико организовать это, но ему удалось уговорить жену брата (да, да, у него был старший брат, совершенно гетеросексуальный) позволить ему присутствовать во время её вторых родов. Якобы это будет тестом на выдержку, ведь они с Майклом после покупки дома планируют заняться поисками суррогатной матери.

Ему не казалось, что это такое уж радостное событие, ребёнок вылезал с болью, с криками, уродливый и беспомощный, ему предстояло сделать очень многое, чтобы стать лич-

ностью. Но и смерть была лишь недолгой агонией, а потом забирала после себя всё, оставив вновь толпящихся вокруг людей излучать волны бесполезных, но давящих эмоций. Так и тут, волны позитивных эмоций по силе не уступали тем, что люди испытывали на похоронах, и вот и подтвердилась истина о том, что между жизнью и смертью, по сути, разницы нет, это вроде бы и противоположный процесс, но также и идентичный. И если он раньше даже представить себе не мог, как между двумя такими полярными понятиями можно поставить знак равенства, то теперь благоговейное спокойствие не покидало его, он был на пути к истине.

И пока Джулиан пытался на поле боя познать истину анти-жизни, Райан продолжал углубляться в мир искусства и человечности, пытаясь понять, как объединить эти два понятия вместе. Как сотворить из человека идеальное произведение искусства? Как вдохнуть жизнь в арт объект? Он думал о геной инженерии, на том уровне, когда собирали самые лучшие и удачные гены вместе, чтобы создать как можно более красивого, здорового и интеллектуально развитого человека. Ведутся ли подобные эксперименты? И в таком случае, где эти созданные люди? Клонирование точно было бредом, зачем создавать копии тех, кто уже жил? Но если это кто-то уровня Жана Ланже, хотел бы он потерять талант этого художника? Нет, вероятно, в таком случае он даже принял бы клонирование, с этической точки зрения его эти щекотливые вопросы ничуть не смущали, но как это организовать? Кто бы решал, кого стоит клонировать, а кого нет? Люди, чьи работы и таланты стали достоянием общества явно прошли бы кастинг на клонирование, но стоит ли это делать при их жизни или уже после их смерти?

В любом случае, эти размышления никак не влияли на его жизнь и разгадку тайн, которые его досаждали. Ему нужно добиться идеальности человеческого существования здесь и сейчас, его не устраивали футуристические проекты, если

мир будет готов к тому, чтобы очиститься от всего чересчур человеческого и слабого и концентрироваться на создании общества сверхлюдей. Это было бы идеально, считал он, только какими к тому времени должны быть сверхлюди в понятии развитого общества? Если они потеряют тягу к творению, любовь к искусству, то для него это будет нацией роботов, нынешние люди (хотя и не такой уж и большой процент) умели создавать что-то уникальное, неповторимое, личностное, что трогало чувства других, чуть ли не вознося их до божественного уровня. Умение творить вне рамок и умение принимать через себя эти творения до полного слияния с этим творением, было то, что Райан ценил сейчас выше всего.

И насчёт человеческой красоты, мир был сейчас помешан на пластических операциях, они стали доступны практически каждому (кроме самого низшего класса), и в погоне за символами красоты, что диктовали эти тысячи раз переделанные дивы, все эти закомплексованные людишки становились копиями друг друга. Идентичные носы, скулы, разрез глаз, лоб, Райан понять не мог, охота кому-то быть клоном клонов клонов клонов? Он считал, что операции надо делать умело, отталкиваясь на собственную индивидуальность, практически любой изъян можно было исправить своим персональным методом, не копируя клонов клонов. Райан понимал, что не всем везёт с красотой, также как и не все умеют пользоваться своей красотой, а когда она далёкая и неинтересная, смысла от неё нет. Он считал, что красивый человек

обязан ценить свою красоту, и хотя разумом он понимал, что красоту людей невозможно запатентовать и сделать исключительно твоей, всё же его мысли о том, что красота и искусство должны принадлежать всем, не покидали его. Всё равно оценят и поймут её лишь избранные, и для этих избранных будут созданы райские условия в этом уродливом мире.

Но всё равно эти размышления не решали его главной проблемы, как остановить красоту во времени, как обмануть старость, как покорить вечность в идеальном теле и духе. Всё живое подвержено увяданию, а потом и смерти, это было просто фактом, который мы впитывали в себя с младых лет, и на протяжении жизни сталкивались с этим практически ежедневно. Никаких эликсиров молодости не существовало, можно замедлить ход старения и сделать его не таким уродливым и болезненным, но это не сделает тебя вечно молодым и бессмертным. Нужно было искать другие методы, как сохранить красоту и юность, незапятнанными гниением и разрушением.

И тогда он окончательно заболел мрамором, когда в очередной раз сидел вечером в пустой галерее и глазел на скульптуру Джулиана, которая казалась такой безупречной. И при этом в ней было больше жизненной искры после того раза, когда в долгой медитации он наблюдал, как Джулианы слились в одно целое, сделав Джулиана самой идеальной личностью по всем параметрам. Он даже не знал, как называть свой интерес, минералогия или петрология? Это бы-

ло неважно, в мраморе он нашёл то состояние идеальности структуры, которая устраивала его абсолютно во всём. Он всегда любил эту горную породу, в его доме всегда было много мраморных деталей – в ванной, на кухне, в гостиной, да даже в спальне у него имелись мраморные детали или даже целые стены. У него было довольно много мраморных фигурок, которые гармонично вписывались в интерьер его дома, они ему придавали не только утончённость, шик, дороговизну и сдержанность, но и делали красоту нормой его жизни. Он всегда долго любовался мраморными шедеврами, будь то интерьер замка или церкви, музейный экспонат или кухонная столешница знакомого искусствоведа. Мрамор был вечным камнем не только для древних греков или современных скульпторов, но и для него, именно в мраморе он видел идеальную возможность увековечить максимально натуральную красоту. Мрамор был самым живым и самым неповторимым материалом для лепки, и хотя он всегда так считал, именно сейчас он увидел в мраморе божественный смысл, мрамор был материалом, способным удовлетворить даже самых привередливых богов.

Он совершил несколько паломничеств, чтобы вновь вдохновиться самыми прекрасными мраморными шедеврами мира, хотя самые популярные не всегда означали самые лучшие. Но в данном случае возразить он не мог, кто способен сказать что-то дрянное по поводу «Мраморной вуали» Рафаэля Монти или шедевра Джузеппе Санмартино «Христос

под плащаницей»? И разве мог кто-то пройти мимо множества безукоризненных статуй на кладбище Стальено в Генуе? Вся Италия пестрила мраморными шедеврами, да и вообще места, на которые оставила важный след античная история, предлагали довольно обширный выбор лицезрения мраморной красоты. Конечно, он интересовался не только древними произведениями искусства, которые вобрали уже в себя века поклонения, века наблюдения за ужасами развития человечества. Они уже обрели личность, благодаря этой безмолвной мудрости, но их холодная красота, хоть и трогала сердце Райана, но эта красота оставалась для него слишком далёкой и недоступной.

Современные образцы мраморных скульптур пестрили разнообразием, были и те, которые цепляли его не меньше древних работ непревзойдённых гениев. Например, «Анатомия ангела» до абсурда популярного английского художника Дэмьена Хёрста, демонстрирующая идеальное тело ангела, у которого в некоторых местах просматривались мышцы и кости. То есть там отображена внутренняя сторона человеческого тела, далёкая от идеального эстетического восприятия, это было именно то, о чём грезил Джулиан под влиянием Ланже. Одновременно видеть две стороны, жить с этим, воспринимать как норму, и в этом была своя эстетика, своя красота, свой путь к дуальному видению мира. Он предпочитал не напоминать себе об уродливом в нашем собственном теле, фокусируясь на чистоте внешней красоты, но при этом,

принимая красоту именно такой, какая она и была под этими тонкими слоями мрамора или плоти. Конечно, он видел в ней влияние погребальных статуй времён Возрождения, когда даже искусство всем напоминало о мудрости *memento mori*, и элементы смерти стали нередко украшать кладбища и церкви.

Например, знаменитая работа Лижье Рише, изображавшая полуразложившееся тело принца Оранского, находящаяся в церкви Сент-Этьен. И хотя она лишь частично была из чёрного мрамора, она не могла не произвести впечатления на Райана. Тщательно проработанные детали и попытка изобразить в этом нормальность вызывали в нём противоречивые эмоции, вроде бы не было в этом ничего эстетически красивого, скульптура отталкивала своей правдоподобностью. Но она была так искусно вырезана и настолько отрешённо выглядела, что даже Райан на миг задумывался, так ли уродлива смерть? И эта маленькая деталь, этот мёртвый Рене де Шалон держал в руке собственное сердце, этот удивительный факт вызвал в нём бурю эмоций. Что это был за символизм такой, пугающе поэтичный? Принц показывал этим жестом, что возносится на небеса? Или демонстрировал так, что до конца не сдался смерти? Или это был жест, что он покорила вечность, несмотря на то, что тело его подвержено гниению и смерти?

Райан цеплялся за этот странный образ, по легенде памятник принца сначала держал своё настоящее сердце, но

поскольку оно не могло сохраниться в такой среде, его пришлось заменить на гипсовое. И он разглядывал долго-долго этот зловещий шедевр и представлял его с настоящим сердцем, только что из живой плоти, интересно, подарил ли этот кусок настоящей плоти искру жизни этой скульптуре, хотя бы на миг? Вероятно. И Райан вновь вспомнил слияние скульптуры с Джулианом и ощутил схожие ощущения, именно живой человек способен оживить мрамор, лишь живое человеческое сердце способно вдохнуть жизнь в эти холодные мраморные изваяния, стремящиеся к экзальтации. Соединение живого и мёртвого, гармонизация искусственного и натурального, полное слияние камня и плоти для создания идеальной красоты, божественного катарсиса.

После своих европейских путешествий Райан вновь засел в Америке. Он параллельно занимался своими насущными делами, хотя не в полную силу, его окружали профессионалы, ему нечего бояться за свой бизнес. А пополнение его галереи уже скоро осуществится, ведь он за последние месяцы прикупил достаточно работ, что также принял и Жан, который каким-то образом стал его главным советником (но он не платил ничего Ланже, кроме как процентов за съём скульптуры Джулиана, так что пока он так и не добился её покупки). Он теперь методично и придирчиво выбирал мраморные предметы интерьера, решив в скором времени открыть в своей галерее мраморный зал. После работ Ланже у него были невероятно завышенные требования, так что он

даже не рассматривал просто красивые безделушки, ему нужен был в них некий потенциал на искру жизни. Что-то не кричащее об их мёртвой неподвижности, а наоборот, что-то противящееся этой неподвижной мраморной тюрьме.

Он любил реализм в мраморе, хотя не брезговал разглядывать и абстрактные работы, но мрамор был точным материалом, и чаще всего скульпторы лепили из него реалистичные и натуральные работы. Райану нравилось разглядывать их и щупать изгибы линий, текстурную поверхность, гладкость камня, было в этом что-то успокаивающее, но при этом и стимулирующее. Этот камень навевал на него тоску, что мир не идеален, и его шероховатые огрубевшие руки стареющего человека были кошмарным контрастом в сравнении с полированной структурой мрамора. Он старался не думать о своей бренности и увядающей красоте, пытаясь нащупать связь сквозь свои нервные окончания, когда плоть не имела значения. В его руках мраморные фигуры принимали его тепло, и под бликами заходящего солнца он видел в них перемены, а вечером под причудливый свет его светильников он выискивал в них лучшие ракурсы, придающие им живой блеск. Но это не работало со скульптурой Джулиана, она как будто бы требовала зарядиться энергией живого Джулиана, чтобы ответить и Райану своим намёком на то, что и ей присуща тяга к жизни, и что её смерть – не вечное состояние.

Он также начал более пристально изучать мраморные скульптуры и по частям, любуясь отдельно конечностями,

чертами лица, имитацией движений. Ему было интересно впитать в себя эту идеальную красоту, запомнить её, сохранить эти безупречные линии в своём воображении, желая через эту призму начать видеть так же и людей. Это было непросто, разница была слишком огромной, но всё же каждый раз, когда он смотрел на красивого парня, позирующего возле популярной картины в его галерее, он мысленно сглаживал все его неровности, улучшал кожу, подгоняя под рамки эстетического восприятия мраморных скульптур. И хотя у него не получалось испытать те же самые чувства, когда Джулиан и его скульптура вдруг становились единым целым, всё же общее впечатление от красивых людей у него снова повысилось. Это были прекрасные чувства, как будто перед ним постепенно всё уродливое и подверженное тлению обретало безукоризненные формы, отбрасывало всё лишнее и грузное, и готово было воспарить в небо. Но это всё было кратковременной иллюзией, и когда он возвращался обратно в свою реальность, с потными ладонями, волосатыми носами, морщинистыми лицами и кривыми ногами, ему хотелось запереться в своей галерее и поскорее забыться. Потому что мир был настолько кошмарен во всех своих физических проявлениях, что лучше было стать отшельником и истлеть на глазах у своих мраморных зрителей.

Он скучал по чувству влюблённости, когда ты видишь мир сквозь розовые очки (в его случае через мраморные очки), когда красота твоего объекта обожания кажется целостной,

когда ты окутан иллюзиями, и ничто не способно рассеять твой радужный мир химер и миражей. Даже он в своё время не избежал этого самообмана, но сейчас он жаждал вновь повторить это чувство, потому что оно помогало без усилий видеть исключительно красоту мира. Он теперь постоянно вспоминал Джулиана, в этот период они оба были очень заняты и виделись не часто, но оба знали, что их объединяет мраморная нить, всё крепче связывая их. Он мог сейчас себе признаться, что Джулиан был для него особенным, возможно, он даже был в него влюблён, просто в таком возрасте его гормональный мир уже не взрывался и не заставлял его вести себя неадекватно. Он никогда не был из тех романтиков и жертвенных, что готовы были дарить звёзды своим возлюбленным. Но он умел любоваться их красотой, их сексуальным умом, их хитрой амбициозностью, их стремлением развиваться. Всё это в его понимании шло рука об руку и с материальной красотой, от того Джулиан и казался ему идеальным воплощением его мечты. Но это если отбросить его любопытство, крайности и суетливость.

Но он знал, что общий быт и рутина быстро бы уничтожили его красоту и их гармоничное сосуществование. Лео подходил ему гораздо больше как партнёр по быту, организационным делам и домашней рутине, хотя бы потому, что Райан никогда не был в него влюблён. Но Джулиан был всегда для всех хорошим бойфрендом, хорошим партнёром по проживанию, хорошим хозяином, и это удивляло его. Он до

сих пор не мог до конца понять, что сам Джулиан испытывает к нему, и как ему удаётся любить одинаково сильно всех своих партнёров (которых у него было штук пять, если брать длительные отношения). Как он был способен отдавать себя всего своим бойфрендам и при этом умирать от любви к нему самому? Это был нонсенс, как в нём было так много чувств? И он же не был из тех, кто разбрасывался ими! И впервые в жизни он ощутил что-то наподобие ревности, хотя он до этого никогда не ревновал Джулиана к его пассиям, наоборот, ему нравилось, что у того есть серьёзные отношения, и ему всегда нравились его бойфренды (они все были из хороших семей, чистые, порядочные). Но он быстро угомонил свою ревность, потому что сейчас ни один его партнёр не имел значения, когда их связывает мраморная нить, которая и приведёт их к состоянию голого творческого экстаза, к мигу гармоничной красоты и экзальтации.

В Сан-Франциско он попал в мастерскую к одному весьма известному скульптору, который делал в миниатюре целые коллекции. Он видел его коллекцию овощей, которые были сделаны из цветного мрамора, а также небольшие фигурки животных. Но больше всего его поразили маленькие мраморные куколки, вернее процесс их создания. Он видел, как этот скульптор, которого звали Педро, соединяет вместе их маленькие части тел. Педро работал с деталями по собственным методам, он не работал с цельными кусками, предпочитая отточить отдельно каждую мелкую, практиче-

ски ювелирную, деталь, чтобы потом воссоединить в готовую куколку. Райану казалось, что он наблюдает за работой бога, создававшего свои творения, такие маленькие по сравнению с ним, но такие точные, такие слаженные! Ему казалось, что Педро сейчас дыхнёт на них, и куколки раскроют свои кристально чистые глаза, прыгнут со стола и побегут по своим нескончаемым делам.

В то же время Педро занимался ещё одним проектом, он ещё был в полусыром виде, но Райан настоял, что должен это увидеть. Это был проект для музея анатомии в Калифорнии, ему нужно было детально и реалистично создать органы человека в небольшом размере. Это была некая каменная комната, многие скульпторы и художники трудились над своими проектами из других природных материалов, и Педро создавал из цветного мрамора. Поначалу ему казалось, что органы похожи на мультяшные, но потом он всматривался в них и замечал сходство с реальными, и тогда его накрывало чувство брезгливости, что наши тела состоят из всей этой уродливой бессмыслицы. Он трогал их и представлял человека с идеальными пропорциями, у которого также были и реальные органы, но как бы он ни представлял, они не становились живыми в его глазах. Было в них что-то комичное и детское (и дело было не в миниатюрности размера), и когда он держал в своей горячей ладони мраморное сердечко, он вспоминал этого бедного Нидерландского принца де Шалона, который держал собственное сердце, будучи уже под-

гнившим. Сердце было символом жизни, нашим мотором, который давал возможность работать исправно всему организму. В сердце скрывалась тайна жизни, и он представил статую Джулиана с живым сердцем внутри, и на миг скульптура обрела жизненный блеск, нарушив все законы физики, наплевав на все религиозные запреты, утерев нос всем философам-скептикам. Странные мысли у него формировались в голове, но он начинал видеть свет в конце туннеля, что-то близилось к своему завершению.

Когда он вернулся в Нью-Йорк, то первым делом позвонил Ланже со странной просьбой. Он попросил его сотворить Джулиану всю систему органов, все мышцы, кости, сосуды, всю эту анатомическую муть и поместить это в выпотрошенную скульптуру, и потом снова её заделать. Он был уверен, что так она обретёт ещё больше человечности. Жан категорически отказывался потрошить свою готовую скульптуру, иначе она потеряет своё прежнее состояние, он не возвращается к своим старым работам. Тогда Райан попросил сделать новую скульптуру Джулиана, на что Ланже снова ответил отказом, сказав, что дважды не работает даже со своими самыми любимыми натурщиками. Они ему уже всё сказали, он всё вложил, что в них было, это будет просто копия его работы, ничем непримечательная – пустая и мёртвая. Райана разозлила категоричность Жана, но он знал, что только Ланже сможет выполнить его просьбу, чтобы его удовлетворил результат. Он дал себе слово добиться своей но-

вой цели любыми методами.

Райан умел быть авторитарно настойчивым, не зря он управлял столько лет своим здоровенным домом мод, который он организовал практически с нуля, но с множеством креативных идей и желанием добиться успеха. Он знал, что они с Джулианом для Жана были особенными, по крайней мере, здесь, в США, так что он понимал, что рано или поздно своего добьётся. Они виделись теперь так часто, что Ланже уже не улыбался так широко, когда видел его, к тому же Райан имел наглость приезжать к нему в студию без предупреждения, и ничто вежливыми способами не могло его оттуда изгнать. А грубыми методами Ланже никогда не пользовался. Так что Райан всё чаще наблюдал за тем, как Жан работает у себя, и хотя он в эти моменты был отрешённым и молчаливым, это не мешало Райану постоянно комментировать, вставлять своё мнение и даже критиковать! К тому же он часто как-то выходил к теме того, что его скульптуры внутри пусты, и он даже никогда сам не пробовал наполнить их не только своими символическими познаниями, но и оживить их плоть. Но Жан не сдавался. А Райан терял терпение.

– Жан, как ты не понимаешь, – не выдержал однажды он этого давления с собственной стороны (даже тираны устают от собственной тирании), – Джулиан внутри слишком пуст, и ты сам это знаешь! Он совершенно бездушный, ему нужно хотя бы сердце, чтобы пробить своё мёртвое оцепенение! Это – его потребность, и ты сам видишь, что я не выдумываю.

ваю! Создай хотя бы сердце, я уже не говорю о том, чтобы его поместить туда, оно просто должно существовать, даже существующее отдельно от него, оно сделает его более живым.

Жан задумался впервые, как Райан начал донимать его этими темами. Он долго молчал, и Райан уже думал, что он не ответит, и это молчание говорило за себя своим сдержанным, но решительным отказом. – Ты прав, это будет интересная тема, я бы поработал с ней, но со своими новыми скульптурами. Джулиан завершён.

– Нет, Джулиану не хватает витальной искры, разве так сложно подарить ему сердце? – гнул свою линию Райан, видя наконец-то плоды своих трудов. – Тебе не нужно будет расчленять его на мраморные глыбы, оно просто должно где-то существовать.

Жан тогда не сказал ни да, ни нет. Но через неделю после этого он позвонил ему и велел им приезжать вместе с Джулианом в элитную нью-йоркскую больницу. Райан аж испугался, а вдруг с Ланже что-то случилось? Но когда они приехали на место встречи, Жан повёл их в кабинет, прилегающий к моргу. Джулиан уже был опытным в подобных делах, но всё равно ножки у него подкашивались, когда они прошли к столу, на котором лежало окровавленное, но прикрытое тело, только что после аутопсии. Труп был совсем свежим, в воздухе прямо витала остывающая жизненная энергия. Когда Жан стянул с покойника простынь, Райан едва сдержал приступ тошноты, тело ничем не напоминало живого чело-

века, оно ещё не было сшито назад, так что за слоями кожи, мышц и костей он видел органы. Ланже смотрел на них с вызовом, мол, сами довели меня до этого. Он жестом велел надеть им стерильные перчатки, Джулиан сразу повиновался, но Райан так и стоял у двери и отгонял от себя мысли о том, как уродлив этот мир, и почему за красотой скрывается такое безобразие.

– Вы оба знаете, в каких условиях я работаю, – начал свою речь Жан, вглядываясь попеременно в их окаменевшие лица. – Здесь всё свежее, я ещё вижу тень жизни этого человека, чья личность сейчас совершенно отвлекает, и мы на ней не будем концентрироваться. – Он сделал паузу и велел Джулиану сесть рядом с телом. Райан же остался стоять в дверях. – К моему сожалению, и к твоему счастью, я не могу распороть тебя, чтобы взглянуть на твоё собственное сердце, Джулиан, но наши внутренние органы похожи, я не буду наделять их личностью, но мне нужно, чтобы ты прочувствовал сам это. Возьми в руку сердце этого покойника и держи, пока не почувствуешь связь с ним. Мне нужно, чтобы ты мысленно сейчас концентрировался на этой единственной точке, представь, что в твоих руках твоё собственное сердце, твой жизненный эликсир, некий символический сгусток света, что делает тебя живым. Сейчас твоя жизнь зависит от работы этого органа, ты осознаёшь это, поэтому ты живёшь в полном осознании, что твоя жизнь концентрируется в нём. Проживи мигом всю свою жизнь, выбрось всю свою жизнен-

ную энергию и просто замри. Как будто ты в ожидании следующего стука этого сердца, ты сейчас между этими биениями, застывшее состояние между жизнью и смертью, и всё зависит от того, сделает ли оно ещё один удар. Упивайся этим мигом, он ещё твой, в нём сосредотачивается всё твоё естество, весь твой опыт, вся твоя личность лишь в этой паузе.

Джулиан был шокирован не меньше его, это было заметно. Но он послушно взял из рук Жана скользкое сердце из раскрытой грудной клетки безымянного трупа мужского пола и возраста ниже среднего, и взял его в руки в плотно облегающих перчатках. Он держал его крепко, но потом медленно расслаблялся. Сначала пот тёк по его лицу, а потом он заметил и слёзы, но через какое-то время, всё его тело расслабилось, и он как будто представил этот момент замедленного действия, когда сердце делает паузу перед своим следующим стуком. Это было страшное и невероятно расслабляющее зрелище одновременно, Джулиан как будто застыл за миг перед собственной смертью, принимая её как что-то самое естественное. Ланже вдохновился и делал зарисовки в своём планшете, мрамора у него с собой не было. Он явно тоже почувствовал, каким могло быть сердце Джулиана, чтобы вылепить его с идеальной точностью, и вложив в него все эмоции, что царили в этом удушливом помещении, несмотря на холод. Это был момент творческого экстаза для них всех, при этом полный агонии и страхов, но именно этого всегда и добивался Ланже, когда вкладывал весь свой опыт в

создание своего очередного шедевра. И хотя в данном случае он не создавал с натуры, иллюзии пропитали его креативную музу, и никто не сомневался в том, что Жану Ланже удалось заглянуть внутрь Джулиана в прямом и переносном смысле.

Когда Жан закончил и велел Джулиану вернуть на место изъятый орган, тот пулей выскочил из кабинета и явно убежал в сторону уборной. И когда Ланже выбрасывал выпачканные кровью и слизью перчатки в мусорное ведро неуместно салатового цвета, голос его звучал слегка насмешливо. – Расслабься немного, хватит видеть в этом исключительно уродливое, уродство – всего лишь часть нашей жизни, прими её, как и смерть, чтобы понять, насколько всё негармонично без этой обратной стороны. Посмотри на это тело, Джулиан внутри – такой же, но именно вся эта сложная и уродливая система делает его живым, именно таким, каким тебе нравится его видеть, и в каждом из нас имеется подобное уродство. Это всё, – он развёл руками, обводя ими всё затхлое помещение, – всего лишь декорации. Как в фильмах ужасов, на нас давят уродливым и противоестественным, чем-то, что является противоположным жизнью, что вся наша жизненная сторона отторгает, потому что не понимает. Но стоит только отбросить страхи и прекратить видеть в этом что-то противоестественное, как где-то маячит выход из ситуации. Или хотя бы смирение. Всегда помни об этом, нет идеальной красоты без уродства. Нет жизни без смерти. Нет личности Джулиана без его материального кро-

воточащего сердца. НЕТ! Я работал с абстракциями с его скульптурой, ты сам захотел вляпаться в это дерьмо, будучи неготовым к этому, так что советую тебе принять истину, что за абсолютной красотой скрывается весь этот отвратительный ад...

Райан плохо помнил, как доехал в тот день до дома, он даже не хотел видеть скульптуру Джулиана после этого дня, ему казалась, что внутри неё застыли эти страшные мёртвые органы, зачем ему это всё было нужно? Но всё же он задумался о словах Жана, мир красоты не бывает без изъянов, за всё приходится платить, но за миг очищенной и божественной красоты он даже готов был давиться этим морем крови и горой протухших органов! Джулиан с чужим сердцем в руке был воплощением жизненной силы, последним толчком, перед тем как испустить дух, это было очень ненормальное видение, но оно возбуждало в нём самом жажду жизни и творения. Сердце Джулиана воистину было символом жизни, способное заряжать энергией всё вокруг, даже его собственную скульптуру. И хотя Джулиан сидел неподвижно, и никто не мог заглянуть, что в этот момент делало его собственное сердце, он так гармонично вжился в свою роль, что даже у Райана не оставалось сомнений, что в тот момент в его руке пылало его собственное сердце, ещё живое и способное зажигать целые миры. Ему не терпелось увидеть окончательный результат этого жутковатого эксперимента, но он уже не сомневался, что мраморный Джулиан совсем скоро обретёт

своё собственное сердце.

Прошло почти два месяца после того странного происшествия в больнице, когда Жан в надежде на творческую лихорадку вынудил позировать Джулиана с сердцем едва остывшего мертвеца. Это было дико, его никто не предупредил, даже не намекнул, что Ланже способен на такое! Но он уже был более или менее закалённым в подобных делах, хотя до сих пор не понимал, как он выдержал это безмолвное позирование в каком-то морге (или помещении для опознания?) с мёртвым органом совершенно чужого человека в руках. Ещё несколько лет назад он бы явно получил психологическую травму, если кто-то бы заставил его сидеть и позировать рядом с мертвецом, одолжив у того свои органы. Да он бы сбежал бы оттуда сразу же, может, ещё полицию бы вызвал, ведь это пахивало осквернением тела и безумием. Но сейчас он знал, на что идёт Жан, чтобы прочувствовать глубину позирующего объекта или субъекта, чтобы его работы обрели целостность. На что только люди не идут ради искусства или науки, размышлял он. Подобные действия оправданы, когда цель так высока, считал он, хотя он чувствовал себя замаранным чужой одержимостью. Зачем он согласился на это? По правде говоря, он пребывал тогда немного в шоковом состоянии, и бороться против этого у него просто не было ни сил, ни возможностей.

Но он реально тогда пытался представить себя на месте только что умершего человека, каково это держать в руке сердце, которое только что сделало свой последний жизненный удар. Это было как прощание со всей своей брэнностью и материальностью, без сожалений, но и без ожиданий, просто ещё один этап завершился, болезненно, но выносимо, открывая перед ним новые неизведанные горизонты. Он прямо физически ощутил леденящий холод, сковавший все его внутренности, замедляя работу органов и всей его артериальной системы, потому что в это время его тело заполняло вакуум, оно соединялось со смертью, и замедляло свой неутомимый забег, потому что пауза была необходима. Он понятия не имел, как Жану удаётся так быстро настроить своих моделей на такие невероятно глубокие и тяжёлые состояния. Когда Жан закончил свой набросок, оцепенение мигом прошло, и он почувствовал, как будто жизненная сила вновь врывается в его тело с такой скоростью, будто он рухнул на землю с вершины Бурдж-Халифа. Все органы вновь быстро начали работать, пытаясь наверстать это оцепенение, и с гипервентиляцией и выпрыгивающим сердцем в груди он побежал искать уборную, где смачно опорожнил кишечник и желудок, ректально и орально. А потом ещё минут двадцать пытался остановить кровь с носа, возвращаться к жизни было нелёгким делом, кажется, умирать было проще, если ты к этому по-настоящему готов.

В каком-то смысле он пережил это чувство символиче-

ской смерти до такой степени, что его мозг поверил, что его тело умирает, и оно подчинилось ложным приказам мозга, освобождаясь от физических оков. И даже инстинкт самосохранения не смог противиться этим авторитарным командам мозга, хотя обычно этот инстинкт в критические моменты пересиливает всё на свете, даже страстную жажду самоубийцы. Он даже не знал, можно ли это назвать тем самым пройденным этапом, когда он физически пытался принять смерть, сделать её нормой, быть готовым к ней без сомнений. И хотя это не был полноценный опыт, но это дало ему крупицы знаний приручения смерти, а главное, он осознал, что преодолел свои страхи, тёмная сторона его больше не пугала, она манила его также основательно, как и светлая сторона жизни, которую он так любил. Это было довольно странно, потому что он был невероятным жизнелюбом и оптимистом, он жил полноценно и умел наслаждаться каждым моментом в полную мощь, так что это спокойное состояние перехода из жизни в смерть было феноменом, что вновь доказывало, как он подвержен впадению в крайности.

А может быть, это было единственное возможное состояние для человека, который способен принять всё и получать от каждого акта удовольствие, даже от того, как ты умираешь? Жажда новых знаний и получения опыта, видимо, пересиливала всё на свете, и, несмотря на то, что он по-прежнему испытывал яркие и разнообразные эмоции, вся его жизнь как-то сглаживалась и гармонизировалась. Что бы он ни де-

лал, и о чём бы он ни думал, всё логическими цепочками приводило к последующим этапам и соединялось между собой. Он стал спокойнее и увереннее в себе, его перестало метать из стороны в сторону, жизнь была для него днём, а смерть ночью, а он всегда любил одинаково сильно и свет Солнца и блики Луны, всё было необходимо в равной степени. И даже уродливая сторона его прекратила пугать и вызывать отвращение, она просто была необходима для баланса.

И только к себе у него оставались завышенные требования. Начиная познавать гармонию между жизнью и анти-жизнью, автоматически делало его возвышенным в своих опытах (опыт деградации и полного падения тоже был необходим, он был не менее важным, чем экзальтация и стремление к свету). И это требовало от него полной гармонии, абсолютных знаний, глубины действий и стерильной ясности во всём. Он должен был сам стать своей мраморной скульптурой, с одной стороны возвышенным, всепрощающим и стремящимся только вверх, а с другой стороны погружённым в собственную дисгармонию, лишённым какого-либо смысла, погрязшим в самых низших и тёмных тайнах этого мира. Быть сломанным и идеальным одновременно, это была его цель, и он постепенно познавал безграничные возможности этих полярностей, которые, в конце концов, приводили его к чистой и монолитной гармонии.

Джулиан успевал всё в этой жизни, не только гнаться за химерами вечности на пути ко всем тайнам мироздания, но

и успешно справляться со своими дедлайнами на работе. Он сейчас готовился к летнему балу, его впервые поставили ответственным за такой масштабный проект, где будет так много звёзд мирового уровня! Да и вообще такая знать там приглашена, что он понимал, облажаться он не имеет права. Мероприятий в его жизни стало ещё больше, его постоянно куда-то приглашали, и часто на такие сейшны, когда ты просто не можешь отказать. Он был нарасхват, связи создавались моментально, его новообретённая смиренность и мудрость в глазах делали теперь его гораздо более интересным собеседником, к тому же его новая должность автоматически меняла его круг общения, так что все эти наркоманские рейв вечеринки и дешёвые гей клубы под Нью-Йорком остались в прошлом. Он совершенно не стеснялся этого своего прошлого, он умел расслабляться всегда, но, тем не менее, общаться близко с теми, кто так и остался на том же уровне, было уже непродуктивно. Но многие его старые и новые товарищи стали серьёзнее – более ответственная работа, семья, взрослые проблемы, уже не такой огромный энергетический запас, многие из них слегка успокоились. У многих также начинался период гнездования, свадьбы и рождение детей были уже не редким явлением в его кругу общения, хотя большая часть его контактов и имела нетрадиционную ориентацию. Его репутация была не то чтобы безупречной, но она и не была запятнанной, так что он смело двигался вперёд в не менее гнилой мир богатых и успешных мира се-

го, преодолевая все препятствия и никогда не сбавляя оборотов.

Они с Майклом не стали исключением и попали в процент тех, кто желал стабильности в личной жизни, и скреплением их трёхлетия стала покупка нового дома. Большая часть денег была вложена Майклом, Джулиан ведь не зарабатывал миллионов, чтобы позволить себе без кредитных обязательств прикупить в Ист-Хэмптоне особнячок за три миллиона. Конечно, он ещё должен был вложиться в небольшой ремонтный проект, но это всё он планировал чуть позже, потому что нужно было заработать немного денег на это. На самом деле планировка и интерьер его более или менее устраивали, да, были свои нюансы, но они были такого уровня, что они сами могли исправить и создать видимость, что этот дом подходит им. Но он как поклонник современного дизайна желал в более минималистичном стиле обставить дом и даже слегка изменить перепланировку, чтобы дом соответствовал его завышенным эстетическим потребностям и своеобразным вкусам. У него даже на это находилось время, так что в обеденный перерыв он переписывался с архитектором и дизайнером, и они корпели над его проектом, и такими темпами они скоро смогут начать воплощать его мечты (как только они с Майклом ещё немного заработают).

Но большое дело было сделано, и хотя он понимал, что большую часть времени всё же будет проживать в Нью-Йорке, так как его офис находился в Мидтауне, иметь свой до-

мик недалеко от Нью-Йорка было не просто мечтой, но и необходимостью! К тому же Майкл всё чаще хотел выезжать загород, так что он тут бы мог отдыхать от своих бродвейских интриг и танцевальных рутин (да и как ему будет самому там приятно танцевать на песчаном пляже возле самого океана). Покупка дома также была их первой совместной недвижимостью, и было понятно, что дело идёт к браку. Джулиану был важен семейный статус, это часто повышало его репутацию и делало более серьёзным (его возраст автоматически заставлял многих бизнес партнёров относиться к нему скептически). И в следующем году они с Майклом думали расписаться и устроить грандиозное торжество, например в Стеклянном доме Филипа Джонсона в Нью-Канаане или в Доме Фарнсуорт в лесу, в штате Иллинойс. Так что и личная жизнь его развивалась как нельзя гладко.

Он организовал в новом доме новоселье, готовился к нему долго, потратился тоже знатно, но это того стоило, потому что в этот раз на свой личный праздник он пригласил и людей повыше уровня, так что всё должно быть безупречным, они привыкли к шику и блеску во всём. Ему нравилось организовывать новоселье, это было – его имущество, ему всегда нравилось ощущать личностное отношение во время праздника, это был только его праздник и больше никого (Майкл не в счёт, они были стабильной парой, и всё у них теперь будет общим). Он даже выслал приглашения тем, с кем когда-то учился и ладил, но практически не общался, не гово-

ря уже про друзей детства, которых он едва бы смог узнать воочию. Так что публика у него собралась разношёрстная, хотя он и делал акцент на круг своего нынешнего общения. И если ещё учесть всю бродвейскую свору Майкла, которую они попросту не могли продинамить, в доме яблоку негде было упасть. Так что двери дома были открыты, и в саду было продолжение банкета, и была даже идея позже выйти к океану. Увы, они не были настолько богаты, чтобы купить дом с личным пляжем, так что придётся довольствоваться публичным, правда, этот пляж был исключительно для местных. Джулиан планировал позже познакомиться с влиятельными соседями, чтобы было тут с кем общаться и тусоваться, к тому же некоторые уже сами проявили интерес, кто это такой из мира шоу-бизнеса поселился в пустующем доме?

Естественно он пригласил и Райана, это даже не обсуждалось. Жан Ланже тоже получил одним из первых его официальное приглашение на новоселье, но, увы, он как раз в это время улетел на открытие своей выставки в Луизиану, где представил впервые свои абстрактные работы, отдалённо напоминавшие человеческие тела. Скульптура Джулиана вдохновила его перейти в ещё более абстрактный мир, она была как бы на грани между его прежними реалистичными скульптурами и новыми абстрактными и размытыми формами. У них уже с Майклом были зарезервированы билеты на выставку (но не на открытие), он не мог теперь пропустить ни одной работы этого талантливого художника.

Гости были нарядными, улыбчивыми, увлечёнными, и подарки у них были такие хорошие и дорогие (не у всех, конечно, но в целом Джулиан остался доволен). Даже пресса была, так что он дал интервью для одного популярного сайта моды и одного архитектурного издания, так как его дом приковывал интерес своим дизайном. Жаль, он не успел изменить проект до идеальности, но и так пойдёт, дом всё равно был шикарен. День был крайне занятым, каждому гостю нужно было выделить внимание, никто не должен заскучать, всё должно быть в полном порядке (в туалете достаточно бумаги, разбитые тарелки тут же выброшены, музыка не сифонит, выпачканные скатерти заменены и так далее). Нелегко было следить за организационным порядком и быть на виду у каждого, никого не обидев. Он снова ощущал, что суетливость возвращается, ему не нравилось это, суетливость делала его слишком хаотичным и несобранным. Так что он старался свысока смотреть на происходящее, копошащиеся муравьишки на открытии нового этажа в муравейнике, как трогательно и как бесполезно. Но жизнь в высшем обществе диктовала свои правила, и он слепо подчинялся им, потому что ему нравилось принадлежать к самым сливкам общества, от того он и готов был жертвовать многим, чтобы вписаться в это общество избранных с галантным лоском и царственной уверенностью. Сегодня в его мире правила жизнь, и хотя теперь в нём всегда жила и тёмная сторона смерти, это никак не влияло на его любовь к тусовкам.

Когда Райан приехал с Лео, оба накрахмаленные и одетые с иголочки, Джулиан просто растаял на миг, Райан был безупречен, и он сиял, он буквально лучился счастьем! Он так рад за меня, думал Джулиан, чуть ли не до слёз растроганный. Как мало нужно для счастья примитивному человеку, размышлял он, который не ищет гармонии между жизнью и смертью, не растворяется в произведениях искусства, не стремится покорить вечность. Он реально сейчас отбросил всю свою эзотерическую муть и просто наслаждался этим событием. Он был в теле и сейчас был простым человеком, и ему понравилось это чувство, он вдруг отпустил все свои поиски, концентрируясь на этом «здесь и сейчас». Счастливый Райан на его новоселье был тем последним недостающим звеном, которого не хватало ему для того, чтобы сказать, да, это – самый лучший день в моей жизни! Пускай, он – приземлённый, и эти эмоции быстро испарятся, но здесь и сейчас я счастлив, я люблю эту жизнь. Боже мой, и друзья все здесь, такие расслабленные, так рады за меня, Майкл излучает такое умиротворение, он так любит меня, и этот прекрасный дом, он наш, сколько тут коллег, охренеть, как же я люблю свою работу! Всё искрилось позитивом тошнотворной тривиальности.

И когда Райан обнимал его и поцеловал три раза в щеку (не воздух, а именно щеку), Джулиан просто растворился в этой теплоте, в этом мгновении гармонии, ничто другое ему не было нужно, вот этот момент он бы хотел увековечить в

своей памяти и подчинить вечности.

И когда Райан шепнул ему на ухо. – Оно великолепно, я в величайшем восторге, оно прямо как живое! – Джулиан подумал сначала, что он говорит про новоселье или дом, потому что они собрались ведь именно по этому поводу. Но потом утрачивал всякую логику, Райан бы точно не говорил даже про самый прекрасный образец архитектурной инженерии, что он был как живой. И когда Джулиан начал выходить из своего счастливого дурмана, до него начало доходить, что Райан имеет в виду. Его почему-то это разозлило. Он приглашал его сюда как гостя на своё новоселье, это был – его праздник. Он не хотел сегодня погружаться в философские темы и даже с ним он сейчас не хотел разделять все эти тайны, за которыми они гонялись под влиянием скульптуры.

– Я тебе покажу этот шедевр, он у меня с собой! – не менее восторженно продолжал говорить Райан, сжимая в руках шкатулку из чёрного мрамора. Джулиану чуть не поплохело, ему почему-то казалось, что в ней лежало живое, ещё бьющееся сердце, вырванное из своей среды и борющееся за жизнь, стуча в этой клетке, но обречённое на агонизирующий конец. Но этот стук был стуком его собственного сердца, которое сейчас в его разуме, находилось в этой шкатулке. Он едва удержался на ногах, его вовремя подхватил Лео. Райан улыбнулся Джулиану с такой фамильярностью, что Джулиан понял, эта улыбка означала то, что Райан его понял, он понял его восторг и переизбыток эмоций, ведь он сам испы-

тывает к этому объекту примерно те же самые чувства! Но это было не так, Джулиан всеми фибрами своей души чувствовал, что это сердце должно принадлежать мраморному Джулиану, ему не место в этой шкатулке в его современном доме, безучастном ко всем его заигрываниям с темой смерти и вечности!

Когда он более или менее пришёл в себя (пару стопариков водки вернули его к жизни, а потом ещё и таблетка тенамфетамина), он вдруг осознал, насколько их грёзы насчёт его скульптуры неуместны в его жизни, и хотя он никогда не думал, что это – их тайна, сейчас он осознал, что желает скрыть от всех свою одержимость. Это касалось только его и Райана, мраморные идола гармонии и дисгармонии не принадлежали его миру, этому нормальному миру, и иллюзии счастья развеялись, и ему захотелось прогнать Райана и разбить это проклятое мраморное сердце. К счастью, он был крайне востребован в этот вечер (Майкл один не справлялся с потоком гостей, не говоря уже о бытовых проблемах, на уровне ни с того ни с сего засорившегося унитаза в одной из гостевых комнат), чтобы у Райана появилась возможность раскрыть свою мраморную шкатулку. И хотя ему хотелось взглянуть на работу Ланже, он понимал, что должен это делать в присутствии своей копии из мрамора.

Он мог понять восторг Райана, его увлекало всё, что было связано с идеализацией скульптуры, но это была их тайна, это было настолько лично, что ему показалось, что в его ду-

шу вторглась армия гомофобов и калечила его и калечила. Он осознал очень чётко, насколько Райан для него стал отдельным миром, который не принадлежал никому, это был их персональный рай и ад в одном флаконе, и на этом новоселье с шариками, платьями с невероятными вырезами и кейк-попсами это было воистину неуместно. Он понятия не имел, что так ревностно относится к их философским поискам с Райаном, и насколько весь мир далёк от них, когда они вместе, когда они настроены на одну цель.

Именно в галерее Райана Джулиан преобразался и впитывал в себя мудрость своей скульптуры, что двигала его на собственные поиски истины. Именно там он становился идеалом Райана. Здесь или на работе он был для него просто толковым коллегой, интересным собеседником, бывшим любовником, а там он был символом их пути к идеальному состоянию, он был божественным началом, воплощением вечности, и только для одного лишь Райана, потому что только Райан видел в нём этот потенциал! Он вообразить себе не мог уже осуществить свою изначальную идею выкупить скульптуру и держать её в доме, ему было сейчас стыдно за тот день, когда на открытии галереи Райана он гордился тем, что эта скульптура имеет его тело, его лицо, и что он практически так же безупречен! Сейчас же он понимал, какая между ними пропасть, когда он играет в жизнь, а не постигает тайны гармонии жизни и анти-жизни, когда он преобразается, и только Райан был свидетелем того, как они становятся

одним целым. Ему стало невыносимо тоскливо от того, что он так неполноценен, сколько же ему ещё нужно впитать и понять, чтобы отпечатать в себе состояние скульптуры.

После этого осознания праздник ему уже не казался весёлым и значительным, чувство мимолётного счастья кануло в лету, не оставив даже экстатического послевкусия, всё что ему хотелось, так это поскорее всех отправить по домам и преобразиться для Райана в своё идеальное состояние. Ему хотелось увидеть мраморного Джулиана со своим новым сердцем, которое он выстрадал ради него, чтобы сделать его ещё капельку живее и доступнее для них. Конечно, на его поведении и внешности не отразились его тревоги, он был всё тем же гостеприимным хозяином, который не упустит ни одной мелочи и не даст ни одному гостю заскучать. Но он понятия не имел, почему его связь с Райаном и его скульптурой требовала этой приватности и секретности, и даже если Райан просто при других людях обсуждал что-то связанное с их собственным мраморным миром, ему становилось не по себе. Да, он не научился ещё этому безразличному смирению в обществе и не проработал свои эгоистичные качества. Но как же ему хотелось постоянно носить в себе отпечаток мудрости скульптуры, как же ему хотелось покорить и жизнь и смерть, воплотившись в вечном состоянии гармонии.

Под предлогом, что они должны забрать подарок из его дома, Райан с Джулианом удалились с этого праздника. Уже было после полуночи, и хотя отъезд хозяина огорчил гостей (которые ещё остались) и удивил неприятно Майкла, Джулиан не смог сдержаться. «Неужели тебе так важен этот антикварный туалетный столик в стиле чиппендейл, куда нам эту роскошь вообще поставить помпезную в нашем минималистичном раю?», чуть не повысил голос Майкл, хотя Райан даже не планировал их подслушивать. Голова Джулиана не была уже трезвой, он был более дерзким и наглым, к тому же потребность вернуться в его галерею явно была такой же высокой, как и у него самого. Тем более праздник уже завершился, остались только самые стойкие, которые хотели всю ночь танцевать, а они сбегали с вечеринки, как два влюблённых голубка, желающих уединиться ради определённой цели. Только в данном случае цель была куда более осмысленной, чем тупо потрахаться, они были зрелыми людьми и отвечали за свои гормоны головой, чтобы так опрометчиво кидаться друг другу в объятия. Да и с того дня, как они в последний раз имели физическую интимную связь, прошло уже много лет. Но оба были окрылены чувством интимности, их внутренние миры сейчас пересекались, и это было гораздо круче влюблённости или страсти. Их души пели в унисон,

когда их мысли занимала общая цель.

Когда элитное такси довезло их до сияющего блеска здания One Vanderbilt, их энтузиазм и радость никуда не испарились, так что они бегом добрались до галереи, и тело не слушало Райана, так что Джулиан взял из его трясущихся рук ключи, и сам отворил все замки. Холодный кондиционированный воздух обдал их своей свежестью, гладкие стены просыпались, а вместе с ними открывали глаза и дрейфующие в оцепенении картины. Они медленно ступали по этому храму искусства, чтобы оказаться наедине со стражем этого музея. Мраморный Джулиан сегодня казался не таким холодным и отстранённым, и Райан знал, что это только потому, что здесь находился Джулиан из плоти и крови, именно он наделял его жизненной энергией, а сам брал взамен толику идеальной красоты, способной задержать вечность. Они как будто уединялись в собственном мире, оставив планету Земля со всеми своими проблемами позади, это был их уголок, где они познавали премудрости жизни и смерти, место, где они возвышались в заоблачные дали, и их гидом была мраморная скульптура.

Джулиан молча разделся и забрал из сумки Райана мраморную шкатулку. Райан замороженно следил за его движениями, такими плавными и уверенными, но при этом в них скользило некое нетерпение. Когда искусно отделанное сердце оказалось в бледных руках Джулиана, который под светом белых светильников сам казался выделанным из мрамора.

ра, ему захотелось остановить время и просто любоваться тем, как преображался весь мир вокруг. Джулиан буквально светился, ореол вокруг него рисовал очертания нимбов, его жизненная энергия была неземной, и Райану казалось, что он способен вновь поверить в сказки, что бывают идеальные концы, и такие дающие надежду слова «и жили они долго и счастливо» можно продлить до бесконечности. И вдруг вся человеческая натура и недостатки Джулиана сглаживались, мраморный Джулиан вбирал в себя весь его антропизм, раскрывая его возможности божественного воплощения.

Даже атеистическое мировоззрение Райана не выдерживало этой красоты, этой реинкарнации чистого света, только что сошедшего из мрачных подземелий ада. Ничто не могло сейчас нарушить гармонию, которую излучал живой Джулиан с мёртвым сердцем своей мраморной копии. Они вместе создавали то идеальное состояние, которое всю жизнь так стремился познать Райан. Он знал, что именно мир искусства способен ему будет подарить подобные чувства, но познав однажды этот катарсис, ты готов продать душу и взрывать целые миры, лишь бы обессмертить этот миг, наполненный голым творческим духом. Именно в этот миг ломались все барьеры и открывались триллионы возможностей, и лишь одно не давало покоя Райану, как сохранить в себе эту память навсегда, при этом, не сойдя с ума и продолжая жить своей полноценной жизнью здесь и сейчас. Создать рай в собственном разуме и в окружающем мире одним лишь

этим восхищением чистой красотой, абсолютной гармонией, божественным слиянием.

Чары быстро рассеивались, Райан хотел в уборную, организм требовал утолить свою жажду, присесть на миг, и его это раздражало, во время созерцания высших сил весь физический дискомфорт не должен иметь значения! Как же были несовершенны наши тела, почему всегда нужно потакать каждому капризу этого бестолкового сосуда из плоти и крови? Его раздражал его возраст, и он в очередной раз кинул взгляд на Джулиана, который уже примостился к своему двойнику и как будто бы предлагал ему вернуть назад его сердце. Картина была прекрасной, две стороны жизни и анти-жизни соприкасались так близко, что практически мутировали друг в друга.

– Ну же, живи, мечтай, твори! – шептал Джулиан Джулиану (Райан аж запутался уже, кто кому говорит, насколько они были сейчас неразделимы), протягивая тому мраморное сердце. А потом поднялся на цыпочки и поцеловал своё мраморное отражение, так медленно, так сосредоточенно, что галерея наполнялась странной эротической атмосферой. – Я никогда не скрывал того, что именно я – самое прекрасное существо на этом свете, – говорил Джулиан уже скорее Райану, несмотря на то, что смотрел в глаза скульптуре, как будто это была его утерянная возлюбленная. – Живя в своём теле, я не способен воспринимать себя со стороны, но он помогает мне в этом, боже мой, он прекрасен, я бы сливался бы с ним

в экстатических оргазмах денно и нощно, потому что только он способен был бы прочувствовать меня насквозь. Разве это не счастье, иметь способность видеть себя не только через то, как нас воспринимают окружающие люди, которые все чужды тебе, даже если вы приручили некую связь, но и воочию? Он наполняет меня смыслом и учит меня принимать все крайности мира сего, он меня кидает то в рай, то в ад, а потом сглаживает весь мой опыт и делает равносильным, и я расту и расту, то ползком в небо, то на крыльях святости под землю, он – отражение моей божественной сущности. Я никогда не чувствовал себя таким живым, и мой огонь, мой жизненный потенциал возрождает его! Я весь горю энергией!

После этого Джулиан начал изгибаться и извиваться возле своей скульптуры в имитации ритуальных танцев (кто-то бы назвал их современными, но Райан в некоторых вещах был крайне консервативен). Это было по-язычески дико и волнующе, он был похож сейчас на жреца, который впал в транс-овое состояние благодаря контакту с конкретным божеством. В его движениях была сплошная резкость и скорость, пока он не замедлил свой темп, и Райана обдало волной жара от уровня сексуальной энергии, что медленно сковывала его с ног до головы, особенно концентрируясь в самой низшей чакре. И когда он поймал почти не запыхавшегося Джулиана и соприкоснулся с его блестящим обнажённым телом, ему казалось, что тот сияет мрамором, его кожа была так гладка,

так безупречна, а горящие глаза смотрели сквозь него.

Райан не мог противиться сексуальному жару, они занялись любовью прямо на полу, и Джулиан постоянно держал контакт глаз, то с Райаном, то со своим мраморным отражением. Райан был настойчивым и на грани грубости, но тело Джулиана поддавалось ему во всём, оно прямо скользило под его руками, поцелуями, фрикциями его полового члена, это был не звериный восторг, а творческий процесс. Они как будто создавали этим сексом экспериментальное полотно, все органы чувств улавливали некую новизну, это был секс с ангелодемоном, огненная страсть похоти пробуждала в нём самом демоническое создание, но непорочность и свет очищали эту вульгарную похоть до кристальной белизны. Он задыхался от собственной беспомощности и от того чувства, что ему подвластно в этом мире всё, он утопал в противоречиях и крайностях, пока наконец-то не выстрелил своим оргазмическим фонтаном, отпустив все эти эмоции, не уступающие по силе тому, что человек испытывает перед моментом, когда гильотина отрезает ему голову.

Нелегко было возвращаться в суровую реальность примитивности, но Райан понимал и то, что испытывая такие противоречивые и интенсивные эмоции, можно просто раствориться в этом, исчезнуть, и его разум повредится. Он примерно понимал сейчас, что испытывает Джулиан во время своих медитаций на скульптуру, или Жан, когда создаёт свои творения, глубина и мощь их чувств была недоступной

простому человеческому мозгу. Но эти моменты были так редки в его собственной жизни, и только Джулиан способен был заечь его и дать прикоснуться к вечности. Только как жить с этими чувствами постоянно? Повторится ли когда-нибудь это сказочно-болезненное состояние? Он был весь выжат, и если Ланже и Джулиан ощущали после этого прилив энергии (несмотря на усталость тела), то он был измождён во всех смыслах. Но это было такое ощущение, от которого даже не склонный к зависимостям сильный духом человек не способен отказаться.

– Нам нужно придумать, как вернуть Джулиану его сердце, – говорил повседневным тоном Джулиан, изящно надевая на свои прямые и стройные ноги, укороченные по моде брюки.

– Нет, – оборвал его Райан, – ты прекраснее всех без одежды, особенно рядом с ним...

– Но ты же столько раз твердил, что нет ничего прекраснее человека, одетого в твою собственную одежду, и никакое обнажённое тело, даже если по всем параметрам совпадающее с твоим идеалом, не способно затмить целостное восприятие человеческого индивидуума, одетого в шмотки нашего бренда...

Райан на миг задумался, а ведь это так, его одежда, созданная по его видению идеальных людей, преображала даже тех, кто имел телесные изъяны. – Ты испортил свой образ, твои трусы другой фирмы, любая лишняя деталь способна убить

целостность образа, и тогда лучше обнажёнка. – Он улыбнулся после этих слов, заметив, как нарциссичное эго этого блондина смакует его комплименты. Но он действительно был сегодня неотразим, ушла его суетливость и хаотичность, он был собранным и однокусковым. Но теперь его занимали и более серьёзные темы, Райан и сам задумывался, станет ли Ланже потрошить свою скульптуру по его просьбе, чтобы внедрить ей сердце. Это будет символический акт, который приблизит мраморное изваяние на один шаг ближе к жизни, это было крайне важно на данном этапе развития, на данном этапе их странного треугольника.

– Мы с тобой не скульпторы, – продолжал свою тему Джулиан, которую Райан проигнорировал, потому что ещё не придумал, что ответить, – но я не думаю, что это дело можно поручить кому-то кроме Жана. И дело даже не в дикости просьбы, мне всё равно, что о нас подумают, мир искусства полон чудаков. Только Жан знает эту скульптуру, и только он сможет передать ту энергию, что он вложил в создание сердца, чтобы Джулиан не отторгал его как инородный предмет.

Райан и сам это понимал, он знал, что Жана будет нелегко уговорить притронуться к своей готовой скульптуре, чтобы изменить её, даже если эти изменения будут изнутри, легче будет попросить его сделать новую скульптуру, но ведь он не работал с теми же самыми моделями два раза! Но сделал же он ему сердце, не просто же так ему валяться или украшать стеклянные музейные столы (да и не собирался он вы-

ставлять его на всеобщее обозрение, это было слишком личным), так что, судя по логике, Ланже уже пошёл против своих принципов. Он дополнил свою готовую скульптуру, и теперь она была неполноценной. Он уже знал, на что будет давить, чтобы Жан завершил свою работу.

Когда Джулиан был уже полностью одет и поправлял возле стеклянного бокса со спрятанной внутри ценной картиной свои мокрые от пота волосы (он носил их полудлинными), за окном уже рассветало. Нью-Йорк озарился красным заревом, и смешавшись со светом мощных ламп, Райан вдруг снова видел красивого человека перед собой. Человека. Иллюзии рассеивались, ночь уступала дню и вместе с ней приходила эта нормальность заурядной жизни. Но Райан был окрылён своим сегодняшним опытом, хоть и на восстановление сил уйдёт достаточно времени, он наконец-то начал прощупывать возможности, которые создавались у него на глазах под воздействием слияния двух Джулианов. Как будто он посмотрел пилотную серию нового сериала, позволившую заглянуть в то, что его ждёт уже в реальных сериях. И это не раздражило его, а в лишний раз напомнило, что он был на верном пути.

Когда он уже провожал Джулиана к дверям, тот неожиданно развернулся к нему и поцеловал в губы. Агрессивно и жадно, но недолго. Райана это не удивило, они оба испытали сегодня что-то невероятное, и это лишь укрепило их связь, которая никогда и не исчезала, просто сейчас она обретала

иные формы, окутанная мраморным идеализмом. Помолчав немного, Джулиан сказал. – Я не думаю, что нам стоит обсуждать наш креативный поиск истины перед другими. Вчера на моём новоселье ты вторгся в мой обычный мир, и на тот момент я просто ощутил, насколько всё это безлико и брэнно, а ты меня дразнишь вечностью, и всё остальное истекает под яркостью тех обещаний, что сулит нам наше покорение гармонии. Райан, это – наш мир, только наш! Никто не способен вторгнуться к нам, потому что нам никто и не нужен! Моя любовь к тебе, к себе, к возможностям, которые открывает моя скульптура, не имеет ни границ, ни форм, она составляет вечность. И я до сих пор задыхаюсь от тех чувств, что мы создаём в наших успешных попытках покорить вечность, на пути к гармонизации наших душ. С тобой я прекращаю существовать, и живу и умираю и возрождаюсь по кругу, вернее одновременно. Райан, я становлюсь своим и твоим мраморным идеалом, и это делает меня богом!

Райан расчувствовался, Джулиан раскрыл ему глаза, помог ему обрести смысл жизни, и Джулиан отдавал себя всего ему, потому что только Райан способен был узреть в нём этот потенциал, эти безграничные возможности, и его сердце встрепенулось. Он чувствовал себя неуязвимым в объятиях этой всепоглощающей любви, которая открывала ему путь к вечному созерцанию красоты. Он и сам ощущал, эти отношения не для посторонних глаз, это была только их тайна, в которую лишь периодически вплетался гений Жана Ланже.

Но всё, что происходило в этой галерее между ними или в одиночестве, когда они погружались в мраморное отражение Джулиана, это никого не касалось. Джулиан явно ещё имел в виду и сексуальный контакт, который мог позиционировать как измену, но для Райана это было лишь логичным шагом для того, чтобы ещё сильнее закрепить связь. Оба они знали, что это неизбежно, и как бы их тела не противились естественным потребностям и нуждам, разве могли они себе отказать в этом божественном слиянии, которое привело их к этому общему экстатическому трансу? Они были так близки к тому, чтобы вывернуть весь опыт жизни и анти-жизни, чтобы преобразиться в чистую гармонию.

Джулиан никогда не чувствовал себя таким уверенным и лёгким одновременно, он и представить не мог, что можно жить настолько осознанно и при этом глубоко, всё у него получалось, всё доставляло радость. Он умел довольствоваться малым, но при этом не просто мечтал глобально, но и знал, как осуществить в общих чертах свои мечты. Он поймал птицу феникс за хвост, и пока она освещала его своей божественной энергией, он был заряжен на всё, что бы он ни делал. Он расцветал на глазах, и его преображение замечал весь мир. Ему казалось, что у него появились крылья, которые даже прятать не нужно, потому что все и так видят, что он был ангелом в человеческом обличье. И даже его внешность преобразилась, он излучал теперь не просто холодную красоту, теперь он излучал и тепло благолепия, и это его гармонизировало. Он чувствовал, что ничто не способно остановить его в осуществлении своих целей, он парил к ним, разметая с лёгкостью все преграды.

Всё у него теперь было чётко структурировано, его магазин в голове уже не просто стал самым большим и престижным торговым центром, он уже стал целым городским торговым комплексом, так что неудивительно, что и в жизни у него всё получалось, и всё было на своём месте. На работе он успевал так много, и работал так успешно, что задумался

о повышении, ему уже было мало этих высот, он справлялся с каждой проблемой так чётко и продумано, но при этом на такой скорости, что с ним уже вскоре начал консультироваться генеральный директор. Джулиан метил на его место, он просто уже знал, что за ниже должность ему будет неинтересно бороться. И хотя он обожал работать в своём отделе, ему становилось тесно, потому что в таком состоянии он мог абсолютно всё. Он задумался о том, стоит ли инсценировать подставу для директора, чтобы выручить его, но не совсем тайно, а при обстоятельствах, что внутри фирмы это заметят. Генеральным директорам ошибок не прощают, он был здесь гость, он проработал тут всего неполных два года, чтобы пустить корни. Но Джулиану нравились методы работы директора, тот достаточно быстро добивался желаемых результатов, которые порой могли переплюнуть собственные ожидания. Несомненно, такой человек и должен управлять такой огромной компанией. Но эти знания не умаляли его амбиций.

Он задумался, стоит ли амбициям доходить до подлости и предательства, и что может принести подобный опыт? Можно ли построить счастье на чужом несчастье? Можно, потому что каждый человек был всего лишь крошечной точечкой, которая имеет для тебя значение только недолгий период времени. Он теперь не привязывался к людям, они влияли на его жизнь косвенно, но всю работу по развитию делал всё равно он сам, если, конечно, это не была связь свыше,

как у них с Райаном. Но взвешивая все плюсы и минусы возможной подставы Джулиан пришёл к выводам, что враньё – не самое лучшее, как можно добиться расположения. Лучше просто втираться в доверие, до такой степени, что создастся глубокая связь, и даже если с его стороны там будет проглядывать лишь корыстная сторона, это всё равно будет связью. Он должен зарекомендовать себя на работе самым незаметным, чтобы все в верхушке его ценили и признавали этот факт, и тогда при малейших проблемах начать колебать веру акционеров в компетентность начальника.

Но поскольку самый большой пакет акций принадлежал Райану, Джулиан понимал, что ему даже не нужно никого предавать и выдумывать спектакли по разоблачению, чтобы получить долгожданный пост. Он был уверен, что Райан со временем уступит, когда сам углубится в работу своей фирмы, потому что пока его занимала лишь собственная галерея. Так что ему и не придётся плести интриги, хотя энергии у него хватило бы даже на дворцовые перевороты. Джулиан понимал, что его рост и развитие должны быть синхронными, плавность и постепенность его не устраивали. Он должен покорять вершины так же быстро и качественно, как и приручать красоту и вечность.

Личная жизнь тоже бурлила эмоциями, после покупки дома и новой вспышки публичности об их паре с Майклом, ему нравилось играть в идеальную семью, к тому же он реально чувствовал себя с Майклом уютно. И хотя это не был

тот человек, с которым бы он смог покорять вечность и выворачивать наизнанку душу в поисках самого грязного и самого священного, Майкл был его гарантией нормальности и успешности. Он чувствовал себя крайне романтично, когда они прогуливались после сытного ужина в элитном ресторане с их новым питомцем, немецкой овчаркой Доди. Вот и закончились их споры о том, какую собаку им приобретать, ведь его семья сама решила подарить им собачку, и хотя покупка овчарки в их планы не входила, они приняли её как знак и постепенно привыкали к новой ответственности. Часто они дома принимали гостей, так что времени вдвоём у них было не так и много, хотя он одинаково комфортно себя чувствовал как в толпе бешеных людей, так и в полном одиночестве ночного пляжа.

Близость с Майклом не стала менее холодной или отстранённой после того, как они с Райаном возобновили свой сексуальный контакт. Потому что, по сути, он всегда всю свою жизнь сравнивал своих любовников с Райаном, именно Райан был его первой любовью, его путеводителем в мир высокой моды, его покровителем и его началом собственного божественного познания. Так что абсолютно все его любовники уступали Райану во всём, он привык к этому, и держал эти воспоминания как что-то сокровенное, как кусочек райской жизни, за которой он подглядывал, и теперь трепетно лелеял эти воспоминания. Он теперь понимал, что осознанно прятал свои чувства к Райану, потому что думал, что они одно-

сторонни, и почти сам поверил в то, что перерос этот период. Но после того как в его жизнь ворвалась скульптура, можно было не скрывать переполняющих его чувств к Райану. Он впервые за столько лет смог признаться Райану в любви, когда Райан воспринял его слова всерьёз. И более того, эти слова звучали для Райана как музыка, как что-то, чего он так жаждал и сам. Теперь он адекватно относился к собственной влюблённости, которую уже язык не поворачивался так называть, потому что влюблённость была построена на гормонах, а с Райаном он давно уже вышел на новый уровень, их отношения теперь основывались на общих высших целях.

Джулиан был очень занятым, его энергии хватало на множество дел, а компенсация в виде сна теперь была не такой уж и большой потребностью. К тому же он прекратил долбаться, только когда он позволял себе медитацию и уединение со скульптурой, он мог рискнуть затуманить свой разум, чтобы расширить быстрее горизонты и окунуться в новый опыт как можно безболезненнее. Он следил за своим телом и питанием, так что пылал здоровьем, хотя вне мира моды он и походил на анорексика с первого взгляда. Его стали ещё чаще приглашать на светские рауты, и он уже выборочно относился к этим приглашениям, выбирая, что важно ему для карьеры или новых контактов, связанных с его интересами. Он старался всегда быть с парой, поднимая так свой престиж, к тому же Майкла постоянно хотели фотографировать, так что он попадал потом на многие фото с репортажей этих вечери-

нок. Он всегда любил внимание, правда, он никогда не искал его просто ради самого внимания, ему нужна была цель, почему он заинтересует публику, потому что он не считал себя пустым и поверхностным позёром.

Он видел, как люди тянутся к нему, как он становится всё интереснее, его никогда уже нельзя было застать врасплох, он соблюдал деловой этикет с рафинированной долей фамильярности, и так непринуждённо у него это выходило, что он моментально цеплял людей даже из самого высшего общества. В арт кругах он был кем-то вроде звезды, особенно среди самих художников, которые высоко ставили скульптуры Ланже, и ему даже предложили несколько раз позировать для работ других художников. Он согласился только один раз, но понял быстро, что этот молодой художник совершенно неверно толкует его личность, и размазня его оказалась такой же бесполезной, как и все его высокопарные философские речи, явно заученные из умных книжек. Никто никогда не сможет отобразить его сущность как Жан Ланже, он это знал, да все это знали, так что бесполезно было даже пытаться превзойти гения.

Порой он пересекался на этих мероприятиях с Райаном. Он не позволял эмоциям нахлынуть, так что со стороны они казались лишь прекрасно воспитанными коллегами. Но иногда их взгляды ловили друг друга, и в них вспыхивало то особое узнавание любовников, то стремление покорить вечность вместе, и после этого они были заряжены энергией

друг друга на протяжении всего вечера. Оба они знали, что не желают этой совместной публичности, потому что людям свойственно всё опошлять и приземлять, никто никогда не сможет понять, что именно их связывает, и насколько мнение всего мира не имеет значения. Даже на открытиях галерей, где были выставлены работы, от которых у них обоих наворачивались слёзы, и не хватало дыхания, даже они были неким вариантом чистилища, по сравнению с тем, что им давал мир галереи Райана, которая открывала им двери ада и рая одновременно, марая и освящая их в противоречивых ощущениях. Оба могли контролировать себя на людях, оба ценили ту тайну, что они хранили добровольно от всего мира, и хотя оба они жили такими полноценными и яркими жизнями, они были лишь временным путём к настоящей жизни, которая ждала их тогда, когда мраморная копия Джулиана раскрывала им их потенциал.

Но больше всего он гордился тем, что преодолевал свою хаотичность и избавлялся от нервирующей суетливости, которая всегда выводила из себя Райана. В последнее время слишком часто на это указывали не только самые близкие, но и даже малознакомые люди. И хотя он работал над этим уже очень давно, сейчас этот изъян уходил автоматически, он просто стал более зрелым и сосредоточенным на важном. Все мелочи он больше никак не воспринимал, просто фон, который не влияет на его жизнь, не отвлекает его, и ему даже удалось побороть свою зависимость от телефона. Хотя жи-

вя в таком динамичном мире гаджетов и коммуникаций, не зависеть от телефона не так-то просто, речь тут скорее шла о психологической зависимости. И хотя он, как и прежде был крайне внимателен к деталям, эти мелочи не меняли его жизнь, а просто придавали ему дополнительную осторожность и внимательность к людям. Но теперь он не нервничал из-за пустяков, не собирался часами на мероприятия, не бродил бесполезно по дому, пытаясь организовать уборку и не пытался влезть во все интриги друзей и друзей друзей. Даже Майкл заметил эти положительные перемены, хотя Джулиану и казалось, что его бойфренду иногда не хватает его непредсказуемой импульсивности, утрирования ситуаций и нервных поисков нужной шмотки за пять минут до выхода. Это были типично бабские качества, и он успешно справился с ними, слишком много времени они требуют, а теперь он не видел смысла в любой бесполезности. Он взял под контроль всю свою жизнь, и это новое видение собственной жизни его более чем устраивало.

Одержимость собственной молодостью тоже уже сбавляла обороты, скоро ему уже исполнится 32, но он никогда ещё не чувствовал себя настолько молодым и красивым. Не было больше паники торчать часами у зеркала и депрессовать по поводу новых морщин, убивать свои прыщи или сетовать, что любимый крем уже не приносит такие хорошие плоды. Не было постоянных дёрганий Майкла, сфотографируй меня там и при этом освещении, нет, мне нужны крупные пла-

ны, погоди, ещё с этого ракурса, а в этом наряде, ой, сотри, я лохматый, я точно не выгляжу толстым в этих брюках, ой, ну кто так фотографирует, полбашки мне снёс, и так далее. Теперь он был тем человеком, который редко смотрится в зеркало по одной простой причине – потому, что он хорошо себя знает и всегда помнит, как он выглядит. И ему не нужно убеждаться в своей неотразимости, разглядывая часами своё отражение, также как ему не нужно выискивать с лупой свои изъяны и смаковать их в своей болезненной пытке. Он как будто держал знания о своей красоте глубоко внутри, ему не нужны были доказательства или одобрение от других, и это его успокоило, он в безопасности, его красота физическая следует его духовному развитию, потому что одно от другого неотделимо.

Но он не исключал факт старения в жизни людей, гниение и медленный распад были той обратной стороной жизни, люди расплачивались своей любовью к жизни обречением умереть. Обмануть смерть было непросто, как и замедлить процесс старения, но так ли это будет важно, когда перед тобой открываются знания совершенно нового уровня? Как и у всех людей, в его окружении было полно людей более преклонного возраста, и он волей-неволей становился свидетелем их постепенного физического увядания. Даже с Майклом он наблюдал за эти четыре года совместной жизни, как у того появляются всё новые морщинки, сохнет кожа, размножаются родинки или седеют волоски. Он принимал это

сейчас более смиренно, хотя эстетически это был неприятный процесс, лишённый красоты, потому что в нём не было жизни, наоборот, старение было признаком смерти. Его скульптура дарила ему чувство вечной молодости, при этом такой молодости, которая вобрала в себя весь опыт, начиная с рождения и заканчивая умиранием, в процессе обогнув весь этап старения и увядания. Это всё он вберёт в себя и останется неотразимым, потому что тогда физические законы не будут иметь смысла. Он пока не понимал до конца, как дойдёт до этого чистого состояния, но знал, что этот момент непременно настанет ещё при его жизни.

Его скорее тревожило то, что Райан боролся против увядания красоты немного иначе, он не желал принимать опыт гниения, необходимый для принятия смерти, тем самым ограничивая себя полноценным единством знаний. Одержимость Райана красотой завораживала его, и он чувствовал себя воистину избранным, когда Райан им восхищался, сравнивая с неземным ликом его мраморной скульптуры. Ему хотелось хотя бы ради Райана задержать физическое старение, желания Райана были настолько сильными, что заражали и его, и беспокойное чувство страха иногда кидало его в жар, потому что когда-нибудь этот момент настанет, и Райан увидит, что он стареет и увядает.

Старение самого Райана они никогда не обсуждали, это просто было человеческим фактором, обыденным фактом, но ему казалось, что сам он не имеет права стареть, и что

он обязан найти формулу вечной молодости, во всяком случае, именно так считал Райан. Его это настораживало, почему только он должен соответствовать идеалам? Но Райан для него был идеален, даже стареющий, ему и в голову не приходило расстраиваться из-за его старения, он принимал его зрелость всегда как должное. Но сам он чувствовал себя загнанным в угол, складывалось впечатление, что в обмен на то, чтобы лицезреть свою красоту и молодость в мраморе, он продал своё право на старение и увядание Райану. И как он сможет избежать этого, он не знал, но он это сделает любой ценой, он просто знал, что у него нет выбора, и его мраморное отражение укажет ему путь, как сохранить навсегда вечную молодость.

Его безразличие к траурности смерти, что воспевают люди, начало поражать Майкла, ведь до этого он так не любил обсуждать те вопросы, которые были ему страшны или непонятны. Он терпеть не мог смаковать смерть, болезни и прочие ужасы мира на уровне войны и климатических изменений. Сейчас же ничто не могло расстроить его до этого оплакивающего состояния жалости, любая несправедливость в мире, любая болезнь друга, любая смерть в его окружении теперь была всего лишь фактом, которые необходимы для равновесия жизни. Майкл переживал, что Джулиан станет чёрствым и бесчувственным, но ему это точно не грозило, он ощущал столько же эмоций ко всему вокруг, сколько и раньше, просто вещи, которые раньше ему казались неудоб-

ными или страшными, он теперь воспринимал смиренно. Он принимал их без оговорок, так же спокойно, как и рождение племянницы или подписание мирного договора на Ближнем Востоке.

На репетиции Майкла современной версии балета «Жизель» он улёгся спокойно в гроб, доказав тем самым Майклу, насколько он теперь спокойно относится к антуражу смерти, его ничто больше не пугало, кроме страха как-то разочаровать Райана. Или то, что скульптура отвергнет его, и он никогда не сможет познать до конца её тайны, блуждая всю оставшуюся жизнь как серый призрак, лишённый всякого смысла, без целей и привязок, проклятый урод, чья душа не нужна ни жизни, ни смерти.

Он даже обсудил с юристом своё завещание, где выделил внимание пункту, что делать с его телом. Его семья, как католики (но не шибко религиозные) требовала захоронения тела, но только ему распорядиться, что делать с его телом после смерти, хотя пока что он не видел своего конца, он ещё не готов, он найдёт способ не умирать. Скульптура Джулиана дразнила его вечностью, и он раскусит её тайны. Он решил завещать своё тело Жану Ланже, чтобы тот смог уже сделать полноценную скульптуру с каждым органом, с каждой веной внутри, с каждой перекрученной мышцей. И Ланже заполнит его статую этими мраморными внутренностями, вдохнув в неё ещё больше жизни, это будет прекрасная кода почтить его. Но когда он вышел в тот день от юриста, сердце его ли-

ковало, он был вечным, вечным, вечным, и в теле и в духе, он был в шаге от того, чтобы принять вечность!

Он даже решил пригласить Жана к себе в гости, ведь тот тогда продинамил новоселье, обещая, что обязательно найдёт время как-нибудь, чтобы посмотреть, что за домик он облюбовал как своё семейное гнездо. Джулиан понимал, что для Жана это был всего лишь оборот вежливости, этот скульптор никогда не стремился к фамильярным отношениям со своими американскими знакомыми (почему-то Джулиан не мог назвать Жана своим другом, слишком много тайн в нём было, а между друзьями это непозволительно). Он понимал, что придётся проявить настойчивость, чтобы тот уже не отвертелся. Жан всё время находил отмазки, Джулиан знал, что на нейтральной территории или в его мастерской он бы с радостью его принял, даже без Райана, но на чужой территории (личные пространства) он чувствовал себя некомфортно. А Джулиану нужно было именно это чувство защищённости, что именно он был тот, кто ведёт разговор и контролирует его.

Конечно, он даже не надеялся узнать тайны этого странного человека, который всем пытался внушить, что в нём вообще нет никаких загадок, но ему хотелось, чтобы Ланже оценил его, как он за последнее время вырос. Тут он был в своей среде, здесь никто на него не давил, никто не засасывал в мраморные призрачные сады, и это должно было сыграть ему на руку. Жан согласился забежать к нему только тогда, ко-

гда Джулиану удалось с помощью главного редактора архитектурного журнала, в котором вышла пухлая статья про его дом выцепить на несколько недель раньше каталог с образцами итальянского мрамора, где можно было заранее зарезервировать заинтересовавшиеся виды. Так что всё было готово к приёму гостя. Джулиан даже выбрал день, когда Майкл был на сцене, и пока его возлюбленный вернётся домой, пройдёт много-много часов, всё-таки они сейчас жили не на Манхэттене.

Просто одетый, скромный, улыбчивый, Ланже вскоре стоял на его пороге и делал комплименты отделке дома и стильному современному фасаду. Внутри они обсудили качество кожаного дивана, на котором сидели, поспорили о бежевом цвете стен (цвет марципана или морской гальки?), пролистали с интересом каталог и нахваливали антипасты, которые прямо таили во рту. Даже без Райана они смело могли поддерживать эти темы вежливости, и Джулиану нравилось, что наконец-то он может сам вести разговор, потому что при Райане он был всегда в стороне, и Жан явно прекрасно понимал, почему Джулиан себя так уверенно чувствует. Не стоило так явно показывать своё превосходство и довольство, Джулиан понимал. Иначе Жан может просто уйти, или закрыться или игнорировать то, что так для него важно.

Итальянские закуски и коктейли Манхеттен всё же сдвигали дело с мёртвой точки, не век же им тут обсуждать длину ворсинок ковра под ногами, или какое флоат-стекло лучше

использовать для столов. И хотя Джулиану было интересно общаться с таким всесторонне развитым и адекватным собеседником, он жаждал узнать что-нибудь, что помогло бы ему лучше понять посыл собственной скульптуры, ведь её сделал именно этот художник. Было даже странно, что между ними не сидит его мраморный двойник, как будто они были простыми людьми.

– Ты изменился, – наконец-то признал Ланже, и эти слова дали в голову Джулиану, как залпом выпитый бокал абсента. – Ты преодолел свои болезненные страхи, не готов ли ты вновь посетить мою выставку в МОМА? Мои скульптуры скоро переезжают в Лос-Анджелес. Думаю, ты бы уже понял гораздо больше. Ведь для тебя гармония и дисгармония теперь стали чем-то вроде синонимов...?

Это было неожиданно, Джулиан почему-то давно не вспоминал те чувства, которые накатывали на него после взаимодействия с теми скульптурами, которые вывернули его душу в Париже много лет назад. Он не успел ответить, как Жан продолжил. – Теперь ты понимаешь, что скульптуры были всего лишь символом твоего расставания с Райаном? И только поэтому ты их так болезненно воспринял, но именно это помогло тебе познать их глубже, так как ты лавировал между жизнью и не-жизнью в тот период. Даже в красоте ты видел уродство, даже в жизни замечал лишь то, что ведёт к тлению, и это создало практически фобию, когда ты оттолкнул это своё анти-существование. Сейчас вы с Райаном вновь на од-

ной волне, думаю, вам была необходима пауза, чтобы прийти к этому состоянию открытыми и готовыми окунуться в новый опыт. Ты поглощён этим, не замечая, что всем управляет Райан, он идеализирует тебя только потому, что одержим скульптурой, но тебе никогда не стать ей, ты же это понимаешь?

Эти слова быстро сняли с Джулиана чувство опьянения, это было больно, потому что он считал, что они с Джулианом неразделимы, и что он дополняет мраморную скульптуру, а она его. Жан был не прав! – Ты её лепил по моему подобию, вообще-то, и она не просто переняла мои качества, она впитала частичку моей души. В ней гораздо больше меня, чем ты думаешь, она и есть – моё отражение, только у меня есть преимущество перед ней, я – живой, и какой бы она ни была прекрасной, мудрой и гармоничной, живой она никогда не станет.

– Именно, – согласился с ним Жан, совершенно не задетый его резкими словами. – Цени жизнь, пока она у тебя есть, ведь только живой человек способен познавать мир, где есть место и жизни и смерти. Может быть, я и не прав, что разделяю вас, ведь ты – идеальное воплощение жизни, как и твоё мраморное отражение – идеальное воплощение смерти, вместе вы образуете прекрасное гармоничное нечто, что, вероятно, способны излучать лишь боги, если бы они существовали. Но будь осторожен со слиянием, и хотя я вижу, что ты уже отпустил все свои хаотичные привычки и способен

нащупать по-настоящему важное, так легко попасться в ловушку непогрешимой безупречности, что обещает скульптура. Её красота – мертва, и даже если тебе кажется, что она познала все божественные тайны и пребывает в вечной экзальтации на пути к нирване, тогда спускайся с небес на землю и помни, что это всего лишь кусок мрамора. Хочешь ли ты сам превратиться в кусок мрамора?

– Ты слишком буквально воспринимаешь нашу связь, – встревожился не на шутку Джулиан. – Наше слияние скорее как символический акт, я просто стремлюсь к этому, используя этот образ, так гораздо проще, когда ты видишь своё идеальное отражение, которое, кажется, познало все премудрости мира сего. Это мой путь развития, мой и Райана, а мраморная скульптура всего лишь – символ нашего восхождения!

– Кто ты такой без Райана, когда ты остаёшься наедине со своей скульптурой? – вдруг на удивление резко спросил Ланже, глаза его блестели чёрными демоническими вспышками. – Что она тебе говорит? Почему ты так стремишься к этому идеалу, ради чего? Ты же это делаешь только ради Райана, ты пытаешься ему угодить, ты готов на всё, чтобы стать его идеалом ещё при жизни. Он одержим твоей скульптурой, её состоянием добровольного принятия вечности, и её неземной красотой, доступной лишь миру неживых. Ему не хватает только твоей жизни, чтобы скульптура стала для него идеальной, как ты не понимаешь, что он заходит слиш-

ком далеко? Настоящее искусство должно открывать третий глаз, это – моя цель, дать почувствовать полноту этого мира со всеми её плюсами и минусами. Но ничто не способно покорить вечность на двоих, ничто не способно разрушить чары смерти, чтобы дать насладиться этим чувством иллюзорной вечности.

– Даже если это продлится всего лишь миг, я готов продать душу за этот миг прямо сейчас! – вскричал Джулиан, вскакивая с дивана, опрокинув при этом свой допитый бокал с Манхеттенom. – Я готов подчиниться всему, но заморозить этот последний момент слияния, это чувство покорения гармонии, которое и станет моим билетом в вечность, моей замороженной красотой в бесконечности.

– Мне казалось, что ты любишь жизнь и не стремишься умереть, – ответил Ланже после небольшой паузы, голос его уже звучал уравновешенно. – Можешь себе представить, каким искушениям подвержен я сам, когда создаю свои работы, которые покорили вечность и заморозили красоту навеки, если выражаться твоими словами? И осознание, что именно я являюсь творцом этой вечности, делает меня выше богов, это чувство ни с чем несравнимо, в нём так легко утонуть, забив на всё на свете, просто раствориться в собственном иллюзорном божественном эгоизме. И как только ты начинаешь осознавать, что ты поймал момент идеального состояния, тут же с другой стороны манит деградация, полное падение. Как только ты сдаёшься какому-то состоянию,

даже самому возвышенному, ты прекращаешь не только развиваться, ты прекращаешь существовать.

– Главная моя тайна не является вопросом, как познать гармонию между жизнью и анти-жизнью, которую ты пытаешься до сих пор раскусить, перевоплотив её в сохранение красоты и покорение вечности, а в том, что стоит только заиграться в богов, как ты теряешь всё, потому что где разгадывается одна тайна, приходят новые. Никогда не останавливайся, именно это и твердят мои скульптуры. Познавай мир, покоряй смерть, цени жизнь, но, даже побывав на самом дне или в священном раю блаженства, двери не захлопываются, всегда есть новый путь, каким бы ты великим опытом себя не напичкал. Начала и конца не существует, жизнь равно смерть, помни это.

– У нас с Райаном – одна цель, и ты не совсем понимаешь наши поиски, – оправдывался Джулиан, его крайне задела эмоциональность и глубина слов Жана, который сам разоткровенничался с ним о таких важных для него самого материях. Он снова сел на диван, расслабив максимально своё тело, чтобы показать, что он совершенно спокоен и не задет откровениями своего собеседника. – Я стремлюсь только к развитию, я не терплю статичность, мои поиски никогда не закончатся, мраморная скульптура – всего лишь образец для подражания для меня, и не в том плане, что я пытаюсь стать ей, а как поиски идеала, только вперёд, ломая все рамки и наплевав на ограничения.

– Но идеальное состояние Райана не совпадает с твоим, даже если тебе кажется, что вы на одной волне, – снова под-
нял тему Райана Жан, вставая сам с дивана. – Он лепит из
тебя свой собственный идеал, ориентируясь на мою скульп-
туру, и это – не твоя цель, а его, помни это, пока не поздно.

Уже поздно, осознал вдруг Джулиан, он вдруг понял, что
давно уже катится в ад на райских крыльях. Но это было доб-
ровольное снисхождение, он попал в сценарий Райана, кото-
рый следовал своей цели, а он был всего лишь актёром, или
скорее пешкой, но что может быть слаще, чем смерть муче-
ника, который добровольно и с радостью отдаёт свою жизнь
за свою веру? Конечно, он драматизировал всё после слов
Жана, потому что тот никогда так не разговаривал с ним,
почти поучал его как ребёнка, и с таким наплывом эмоций!
Конечно, его это в какой-то степени встревожило и напуга-
ло, но сейчас он пытался отогнать эти тревоги, всё под кон-
тролем, они с Райаном на равных в своих исследованиях, и
на самом деле он занимался бы тем же самым и без Райа-
на. Просто без Райана не было бы и этой скульптуры и этого
долгого пути исцеления страхов, которые помогли ему стать
тем, кем он являлся сейчас. Поэтому это и был их общий
мраморный мир, ведущий их к вечности.

Как будто прочитав его мысли, Жан спросил уже в две-
рях. – Почему именно ты? Почему не он сам? Что будет с
ним самим, когда он подчинит твою красоту вечности и оста-
новит иллюзорное время?

Джулиан понимал, что Ланже и не ждёт ответа, потому что сразу после этого вышел из особняка и направился к дороге, явно выискивая или вызывая такси. Джулиан закрыл руками лицо и пытался вспомнить то чувство уверенности, которое наполняло его до визита Ланже. Почему этот ненормальный скульптор снова поколебал его веру, зачем вызвал эти эмоции? Но ответ почему-то нашёптывали его страхи, но он отгонял его и отгонял, потому что это было неправдой. Но он знал. Он знал то, чтобы Райану покорить вечность, ему придётся умереть. И самое ужасное было то, что он всё равно страстно желал этого. Он очень надеялся, что это будет лишь символическая смерть, но других вариантов, как покорить вечность и запечатлеть в ней идеальную красоту он не знал. Оставалась лишь надежда, что его скульптура знает больше его.

Райан заставлял себя работать, ему было непросто концентрироваться даже на том, что ему нравилось, новая выставка в одном из залов (помещение у него было большое, ему даже не приходилось убирать почти ни одну работу, которые он решил оставить как постоянные экспонаты) до сих пор была в процессе организации. Если бы он работал также быстро, как и с первой выставкой, она давно уже бы открыла двери для посетителей. К тому же ему так и не удалось уговорить Ланже создать для него (или продать или одолжить на время) ни одной новой скульптуры, да и что бы он чувствовал по отношению к ним после того, как у него создавалась такая связь с мраморным Джулианом? Не будут ли они все казаться ему ненастоящими, пресными и бесполезными? Вряд ли, Жан не умел работать плохо, но именно скульптура Джулиана была главным украшением и стражем его галереи, и ни одна скульптура, даже пера Жана Ланже не сможет затмить её могущества. Так что идея открыть мраморный зал откладывалась на неопределённое время.

Ему нужно было собраться и активнее заниматься всеми организационными делами, потому что многое зависело исключительно от него, даже его заместитель не мог многое начать делать без его указаний или подтверждений. А ведь искусство было смыслом его жизни, тогда от чего он забросил

своё рвение просвещать людей прекрасными образцами высокого искусства? Все его мысли были заняты скульптурой Джулиана и самим Джулианом, это было совершенно ненормально, он никогда не зависел эмоционально так сильно от какого-либо человека, вещи или идеи. А сейчас все эти три понятия объединились в одно и терзали его своими обещаниями, которые только он мог раскрыть, и вот он и сосредотачивал всё своё внимание на раскрытии этой тайны.

К тому же существовал ещё его дом мод, где он по-прежнему числился креативным директором и имел крупный пакет акций. Он прекрасно знал, что он останется там до самой смерти креативным директором, потому что это место может принадлежать только ему, пока он ещё жив, ведь это он создал эту фирму! Это плохо повлияет на репутацию бренда, если ещё при его жизни кто-то другой будет назначен его преемником. Акции он продавать не хотел, они ему были нужны для дополнительного дохода, хотя денег у него было так много, что он мог смело от них избавиться и вложить эти деньги в то, что ему действительно сейчас было интересно. Но зачем, его всё устраивало, лучше уж быть ему единственным монополистом и решать, как будет развиваться его фирма, чем набить карманы деловых дядечек, которые будут пихать его бизнес под рамки моды ширпотреба, пускай и с кусачими ценами и элитным именем. Как и в искусстве, он не планировал заниматься массовым рынком, насколько это было возможно, чтобы успешно содержать такой масштаб-

ный и переменчивый бизнес, да и в наши времена, когда всё так быстро развивается, мир моды был в крайне шатких позициях. Даже многие великие имена с трудом выживали в этом бешеной гонке, как хорошо, что сейчас ему не нужно было думать о выживании или стратегии и планах, как оставаться на плаву и развивать свой бизнес. Ему хватало этого сполна со своей галереей.

Была ещё одна деликатная проблема, связанная с Джулианом, который как-то обмолвился, что он слишком хорош для своей должности, и что его ценят на таком уровне, что он постепенно становится правой рукой генерального директора. И он уже записался на быстрый университетский курс управления малым и большим бизнесом, и с соответственной корочкой он готов бороться за место заместителя директора. Как-то очень быстро он захватывал власть в его фирме, Джулиан был слишком молод и неопытен для того, чтобы управлять успешно его фирмой. Но он рос, ох, как он в последние годы вырос, возможно, скоро Райан и сам поймёт, что Джулиан созрел на такой ответственный шаг. Но пока что Райан не хотел рисковать, возраст Джулиана может смутить многих деловых партнёров, но стоило его проверить, возможно, правая рука генерального директора воистину докажет, что выполняет куда более ответственную и сложную работу, чем сам директор. В способностях Джулиана он не сомневался, но не один он решал такие важные для фирмы вещи.

Он созвал по этому вопросу совет, понимая, что ему ни-

кто не любит возражать, но тема была серьёзной и ответственной, никто не хотел рисковать из-за прихотей Райана, загубить такой успешный бизнес. Да, ему возражали крайне деликатно, но всё же возражали, Джулиан был слишком юн и не имел соответственного образования, он был идеален в торговле, коммуникациях и рекламе, но управлять такой огромной фирмой ему будет не по зубам. Но ведь как тут возразишь Райану с контрольным пакетом акций? Было решено в итоге после трёх часов дебатов поручить Джулиану на полгода несколько ответственных проектов, которые были уровня генерального директора, и совет будет наблюдать за его работой, но вмешается только в том случае, если в этом будет острая необходимость. Они также будут судить уровень вовлечения других коллег и партнёров, как много реальной работы будет выполнять сам Джулиан, а также насколько он умело будет распределять обязанности среди своих подчинённых. Ресурсы, консультации, связи, финансы, всё будет ему доступно, но как умело он распорядится этими возможностями, будет зависеть только от него.

И главной проверкой будет то, как он будет принимать решения, насколько верными они окажутся, насколько высокой окажется его ответственность, и что важно, сможет ли он и финансово улучшить ситуацию, обзавестись новыми полезными связями и повысить престиж и репутацию фирмы. Если работа будет выполнена нормально или удовлетворительно, то он не готов к повышению. Если он выполнит всё

блестяще и уложится в сроки, тогда он пройдёт испытательный срок, и Райан сможет его назначить заместителем генерального директора, в их компании такие должности были актуальны, так как они были крупной компанией. Райан прекрасно знал, что Джулиан своих шансов не упустит, сделает всё возможное и невозможное, но докажет, что он достоин повышения. И Райан понимал, что пробравшись так высоко к власти, тот уже сам сможет заполучить заветное кресло генерального директора, и вряд ли у него уйдёт на это так уж много времени. Джулиан был достоин самого лучшего, если серьёзно работал над своим развитием.

Из-за своих навязчивых идей и того, что он постоянно отсутствовал дома (предпочитая даже работать и ночевать в своей галерее), отношения с Лео у него просто сдувались. Их отношения всегда основывались на партнёрстве, не было между ними никогда сильных чувств или сексуального влечения, но общие взгляды, схожий жизненный опыт и совместный богемный быт объединяли их не хуже феромоновых периодов. Так что сейчас оба понимали, что они зашли в тупик, и их семейная ячейка развалилась. У них не было общих детей (у них вообще не было детей) или животных. С имуществом у них тоже не должно возникнуть проблем, так как они никогда не вкладывали деньги в одну и ту же недвижимость, напротив, если один покупал квартиру в Гринвиче, то второй приобретал домик в Бруклине. Единственная заставка могла быть с антиквариатом и произведениями ис-

кусства, даже Райан не помнил всего, что покупалось на его деньги, а что на Лео, и это им придётся мирно решить, что кому достанется. Даже в его галерее в One Vanderbilt были выставлены работы Лео, эти ему точно придётся выкупить, тут было всего несколько картин, которые бы он согласился снять.

У него здесь также были свободные помещения, которые он намеревался перестроить под квартиру, хотя это здание и считалось исключительно офисным. По идее, так будет лучше для всех, если он переберётся сюда, одинокий холостяк, и никто не будет мешать ему созерцать тайны вечности в присутствии Джулиана. Мраморного Джулиана. Но как только он реально прикинул, как именно он организует свой переезд и уход от Лео, он вдруг понял, что может сюда чаще приглашать Джулиана из плоти и крови. А может даже тот захотел бы перебраться сюда? Почему его это так волновало? Неужели он хотел видеть его каждый день? Что за сентиментальные старческие сопли лезли ему в голову? Нет, Джулиан ему нужен исключительно для того, чтобы видеть его рядом с мраморным истуканом, ведь только тогда оба обретали полноту существования, и неважно живого или неживого.

Скандалов с Лео у него не было, разве что один раз оба они проявили слишком много эмоций по отношению друг к другу, нарушив условный кодекс их изысканного и уравновешенного спокойствия. Райан вспылил, что Лео спалился много раз со своим новым мальчиком, и уже не только

в Европе, это совершенно было лишним в их отношениях. Они не любили попадать в скандалы, это дурно влияло на профессиональную репутацию и уважение, и хотя никто не шумел по поводу того, что Лео в последнее время часто замечен в компании молодого дизайнера, известного по имени Куини, как-то очень спокойно это воспринималось. И когда Райан предъявил претензии Лео по этому поводу, Лео вдруг тоже взорвался:

– Да весь бомонд только и шепчется, как о тебе и твоём мальчике на побегушках, твой Джулиан стал в каждой бочке затычкой, везде ты его таскаешь, слюни пускаешь! Всегда нахваливаешь, и выставил посередине своей первой выставки его скульптуру, и думаешь, что никто не заметил твоей старческой похоти?

Райана ужасно задел тон Лео, он мигом успокоил свои эмоции, потому что знал, что Лео врёт, никто не думал о нём и Джулиане, они всегда тщательно скрывали свои отношения, а сейчас их попросту нет, они так давно не были в интимных отношениях! Но ведь в последние месяцы всё изменилось, они возобновили свой секс и регулярно занимались им во время своих встреч, которые также становились более частыми и в какой-то степени романтическими. Но что была романтичность и жажда секса по сравнению с тем, к какой цели они двигались вместе? Это было всего лишь одной частью их многослойных отношений, довольно мизерной, но жутко приятной. Скандал не удался, увидев сдержанную ре-

акцию Райана, Лео быстро извинился и сказал, что утрирует слухи о нём и Джулиане, но он-то знает всю правду. И ему неприятно это, потому что он знает, что у них был бесконечный роман много лет назад, и когда ты возвращаешься к своим бывшим, это намекает на то, что именно этот человек и был твоим настоящим человеком, твоей недостающей половинкой.

Это было некое благословение от Лео, что он спокойно отпускает его, явно не понимая всю глубину его сложных отношений с Джулианом, которые становились всё более возвышенными и целенаправленными. Райан вообще не понимал этого понятия, что люди живут в невероятных чувствах вместе, потому что этот период был очень недлительным, и потом рутина и спящие гормоны делали своё дело, пары распадались или жили несчастливо. Жить вместе по любви было как минимум неразумно и непрактично, но поскольку и Райан в своё время гнушался одиночества, ему было удобно с Лео. Теоретическая жизнь с Джулианом десять лет назад вызывала у него ужас, как они могли бы тогда ужиться? Джулиан же был по уши в него влюблён, такой незрелый и суетливый, всё ещё познающий жизнь и влезающий всюду, куда нужно и не нужно. Но сейчас их объединяло что-то гораздо выше, и ничто не могло разрушить сейчас этой связи, потому что они зашли слишком далеко, и они оба понимали, что пойдут до конца, чтобы познать вечность.

Вот так мирно он и съехал к себе в галерею, где присту-

пил к организации ремонтных работ, чтобы ему обустроили квартирку. Он был аскетом в плане пространства, терпеть не мог переизбыток деталей и загромождение, так что ремонт не должен был занять слишком много времени. Хотя минимализм ведь требует не меньше времени, чем доскональный реализм. Но это было неважно, главное было, что он начал сжигать постепенно все мосты, которые отвлекали его от смысла его жизни. Сначала работа, потом личная жизнь, ничто ему скоро не будет мешать познавать тайну вечности и неземной красоты. Он не мог жить как Джулиан, когда его занимали такие мысли, потому что вся жизнь казалась пресной и лишённой красок, всё теряло смысл в свете его навязчивых идей. Он даже где-то завидовал Джулиану с его амбициями и нескончаемыми проектами, тот всегда находил себе всё новые цели, когда покорял старые. Он никогда не давал себе передышки, он буквально дышал жизненной энергией, и это было прекрасно, эта освежающая искра была как живая вода для мраморной статуи, тогда как сама она выступала в роли молодильных яблок для самого Джулиана. В нём было так много энергии и света, что неудивительно, что всё вокруг расцветало рядом с ним.

На самом деле ему хотелось, чтобы Джулиан больше времени уделял познанию своих возможностей во время медитаций на скульптуру. Но тот так быстро и хорошо справлялся даже во время их редких встреч (хотя сейчас они встречались раз в неделю стабильно, но ему хотелось чаще), что

мгновенно отбрасывал весь свой накопленный в реальной жизни негатив и просто растворялся сам в себе. Но, тем не менее, Райана радовали успехи Джулиана, и что он всё всегда успевал и не жаловался, обходя препятствия и добираясь до целей, даже если перед этим придётся много раз упасть. Это и была сущность Джулиана Берга, заряжать энергией весь мир и двигаться только вперёд, всегда иметь цели, всегда уметь видеть свет, всегда излучать любовь. И хотя в последнее время Жан говорил, что свет Джулиана потускнел, так как он слишком буквально воспринял необходимость принятия анти-жизни, Райан не замечал этого, Джулиан уже при жизни становился воплощением его идеального человека, но слишком недолговечным, и это его совсем не устраивало. Райан знал, что никогда не остановится, даже если ему потребуется вся его жизнь.

Поскольку сейчас ничто не мешало Райану сосредоточиться на самом важном (относительно не мешало, ведь он всё-таки довольно много работал по организации выставки и всё же участвовал в рабочей жизни своего фэшн бренда), нужно было наконец-то решить вопрос с мраморным сердцем. Оно не могло вот так болтаться без дела, оно принадлежало скульптуре, так что он всё сильнее давил на Жана, что тот создал её неполноценной. Это было сердце скульптуры, почему тогда оно находится у него в руках, негодовал он? Разве он бросает свои проекты полусырыми, разве он может выставлять в галереях незаконченные работы? Ланже всегда

было, что ему возразить, но Райан не сдавался, и дебаты велись уже такими острыми, что Жан избегал с ним встречаться, даже по более официальным вопросам. И Райан решился на более радикальные меры.

Райан приехал в мастерскую к Ланже без предупреждения, но зная точно, что тот сегодня находится именно там. И приехал он в этот раз без бутылки дорогого вина и корзинки с французскими закусками, в этот раз в его корзинке лежал всего лишь один предмет, и был он изготовлен из мрамора. Когда удивлённый Жан принял его, окружённый глыбами светло-серого мрамора, Райан уже понял, что не прогадал, он застал этого самоуверенного скульптора врасплох, когда тот был в творческом процессе, он знал, что Жану нельзя мешать, так что тот будет несобранным и не таким сильным в плане морального духа.

Когда Райан уверенным шагом направился к зажжённому камину (во многих старых домах Нью-Йорка они были не просто частью интерьера, но и функциональными устройствами, дарующими тепло и чувство романтики), Жан насторожился, потому что Райан с ним даже не поздоровался и не снял верхнюю одежду. И когда он вытянул из корзинки, в которой всегда приносил дорожные закуски мраморное сердце, Жан побледнел.

– Какой смысл болтаться этому куску мрамора в моей галерее? – кричал Райан, чтобы его звонкий голос эхом отдавался в этом огромном полупустом помещении. – Моя га-

лерея – никакая не кунсткамера, и нет в ней места всяким уродствам или мёртвым органам. Ты только раздражил моего Джулиана этой живительной искрой, а что толку, он даже не может ощутить своё сердце, потому что оно принадлежит не ему! Так что лучше быть подальше от искушения, нафиг сжечь его и забыть весь этот бред.

– Постой! – крикнул Ланже, как Райан и предвидел. – Ты не можешь уничтожить его, я его сделал, и мне распоряжаться его дальнейшей судьбой.

– У нас с тобой даже контрактов не было, касаясь этого сердца, – напомнил ему Райан. – С чего бы мне тебе его отдавать? Какой оно имеет смысл для тебя, отдельно от Джулиана? Да это просто кусок отделанного мрамора, вот что это, как и сама скульптура Джулиана, которая так нуждается в этом символе жизни!

– Не надо его уничтожать, – снова попросил Жан. – Ты меня достал своими просьбами, но в этот раз я тебе уступлю, но у тебя окончательно крыша едет, это сердце не сделает Джулиана более живым! Ты лучше довольствуйся настоящим Джулианом и не пытайся из моего мраморного совершенства создать бога, мы не нужны этим скульптурам, они полноценны даже без нашего присутствия!

– Ты прекрасно знаешь, насколько Джулиан – исключительный случай, – ответил ему Райан, пытаясь скрыть улыбку, что так быстро одержал победу. – Скульптура нуждается в этом, я нуждаюсь в этом, Джулиан нуждается в этом, и, в

конце концов, ты нуждаешься в этом! Кому как не тебе не желать бессмертия своего творчества, а ведь это и есть наша цель! Все художники – эгоисты, и ты хочешь стать уникальным, потому что твои работы отображает тебя самого, а все мы хотим быть признанными, исключительными. Жан, кого бы ты из себя ни строил, ты ничем не отличаешься от толпы бездарных позёров, которые только и выискивают в сети свои имена. Разве ты не хочешь стать частью этого? Разве ты сам не мечтаешь покорить вечность?

– Мой эгоизм не играет никакой роли в твоём безумии, – парировал Ланже, забирая из рук Райана свой анатомический шедевр. – Я не хотел этого делать по одной простой причине, это – дурной знак. Всегда, когда я менял свои готовые работы и вмешивался в их внутренний мир, случались несчастья, они как будто проклинаят меня за то, что я переиграл в богов. Остановись, они твердят, ты уже довёл нас до совершенства, мы познали всё, так зачем же ты вмешиваешься? Я предупреждаю тебя, ничем хорошим моё вмешательство не закончится. Но я умываю руки, это будут ваши несчастья, в данном случае я просто посредник.

– Как скажешь, – ухмыльнулся Райан, посмеявшись в глубине души над суеверностью Ланже. Но дело было сделано, осталось только договориться, в какой день мраморный Джулиан получит своё сердце.

Джулиан волновался после того, как Райан сообщил ему, что Ланже сдался и согласился внедрить его скульптуре мраморное сердце, что-то в этом было неопишимо извращённым, хотя он не понимал что именно. Да, его слегка выбил из колеи тот случай в морге, но всё равно ему становилось не по себе, когда он представлял, как Жан будет потрошить его скульптуру. И обязательно ли ему при этом присутствовать? Да, конечно, он должен не только смотреть на это, но и прочувствовать, и он понимал, что опыт будет сильным, наверное, ни с чем несравнимым, возможно даже болезненно экстатическим, но разве это не будет высочайшим символизмом того, что они даруют жизненную силу его мраморному отражению? Все пережитые по этому поводу эмоции окупятся, потому что результат должен создать между ними ещё более глубокую связь. Конечно, он понимал, что это реально лишь символический акт, и они не пробудят этим чудовище Франкенштейна.

Ему было из-за чего париться помимо предстоящей хирургической операции скульптуры, потому что после того, как совет директоров обсудил возможность его повышения, он был по горло в новых проектах, и никогда они ещё не были такими сложными, масштабными и ответственными. Но ведь именно этого он и хотел. Он не желал топтаться на ме-

сте, его возможности сейчас были безграничными, острота его ума и скорость восприятия информации поражали даже его самого. Он был неутомим и никогда не сдавался, неприятности его только закаляли, не оставляя ни одного психологического шрама. Вся материальная сторона жизни была для него реализуемой, всё было возможно, и ничто не стоило того, чтобы сдать или сбавить обороты. Он просто по-другому не умел жить. И снова эти крайности давили на него, либо всё, либо ничего, но в этот раз он пытался смягчить своё развитие, принимая тот факт, что когда-нибудь может настать тот момент, и он потеряет всё. Как тогда в Париже, до того как он забрёл впервые в галерею Жана Ланже, когда он сам стал пустотой. Сейчас он мог сохранить при этом бешеном энергетическом жизненном темпе часть этой пустоты, этой всеразрушающей смерти, и именно это гармонизировало его и давало понять, насколько все его победы на самом деле бранны. Но эти мысли, тем не менее, не позволяли ему забыть на свои цели, раз уж всё, по сути, тлен, так чего и стараться? Нет, наоборот, это лишь подстёгивало его жить как можно полноценнее и развивать себя в этих рамках земных нужд, он двигался к своим персональным успехам, к тому, что развивало его максимально полноценно.

Несмотря на загруженность на работе и частые отлучки в Европу и в Азию, он успевал быть любящим бойфрендом, потому что и эта сторона жизни была важна для него. Да, существовал Райан, который всегда был вне рамок, вне кон-

курении, но это была тайная сторона жизни, которая никак не влияла на его реальность. Ему нравилось заботиться о своём бойфренде, ему нравилось быть с ним в людях, он так гордился им и никогда не стеснялся проявлять к нему искренние чувства. И нет, он не был полигамен, просто любовь к Райану, не вписывалась ни в какие понятия, чтобы обсуждать её в его банальной реальности. Когда они приглашали гостей к себе, все замечали, насколько они с Майклом счастливы вместе, и это было правдой, когда Джулиан забывал о том, насколько эта часть его жизни была мизерной и банальной по сравнению с тем, когда он раскрывал весь свой потенциал вне рутины. И забота о доме, обустройство новых комнат, ремонтный проект, всё это занимало его с таким энтузиазмом, что эмоции так и бурлили вокруг него вспышками всех цветов радуги.

Они договорились уже с Майклом, что как только он получит своё повышение (он даже не мыслил, что провалит задание и останется на своей прежней должности), они сыграют свадьбу. Они уже зарезервировали дату и потихоньку готовились к своему великому торжеству, которое обязательно будут иллюстрировать лучшие журналы моды и культуры, избрав для свадебной церемонии Дом Фарнсуорт, построенный по проекту легендарного Людвига Мис ван дер Роэ в интернациональном стиле. Да, это будет престижно и шикарно, но и дорого тоже, но денег на такие события он никогда не жалел, свадьба же только раз в жизни (он считал, что брак

может быть только один, и нужно быть готовым к нему, осознав, что ты нашёл нужного человека, с которым ты захочешь провести всю свою жизнь).

Но, а после свадебного торжества уже были и планы пополнения в семье. Джулиан был из тех, кто считал преступлением, если ты не пользовался своим генетическим превосходством и не оставлял после себя потомство. Он всегда знал, что он хорош, причём хорош практически во всём, разве мог кануть в лету такой идеальный материал? Конечно, в этом проскальзывал эгоизм и чувство превосходства над другими, но ведь он не откровенничал на темы своей избранности, где ни попадя, чтобы его посчитали чересчур зазнавшимся и высокомерным. Да и это было только его мнение, и ему было всё равно, если с ним бы кто-то не согласился, он ценил людей с высокой (но не завышенной) самооценкой, они, как правило, добивались в этой жизни своих целей качественнее и быстрее. Он уже провёл все необходимые анализы и из выбранных суррогатных матерей проверил тест на совместимость, и из пяти барышень ему предстояло избрать потенциальную мать своего ребёнка. Майкл пока не торопился с этим делом, он был из многодетной семьи и не стремился разбрасываться своим семенем, да и не будет ли им достаточно ребёнка Джулиана, который всё равно будет и его ребёнком? Для Майкла генетика была не так и важна, Майкл любил Джулиана, и будет любить его детей так же крепко, как и его самого, в этом не сомневался никто. Но пока что

это радостное событие они решили держать в тайне, нужно сначала добиться повышения и сыграть красивую свадьбу, пока их не накрыла вся эта молочно-пелёночная эра, которую Джулиан тоже предвкушал с заядлым энтузиазмом.

В тот день Джулиан себе покоя не находил, и в итоге ушёл раньше с работы, решив поработать дольше на выходных, потому что смысла от него всё равно не было. Он думал только о том, как пройдёт операция по трансплантации сердца, это была та зона, которая была для него тёмным лесом, всё, что касалось мраморной скульптуры, было для него новым опытом, который был непредсказуем даже для него. Возможно, к нему даже вернулось что-то наподобие страха, это должен быть ключевой момент в раскрытии тайны вечности, он предчувствовал важность этого торжественного мига, и если что-то пойдёт не так, это будет катастрофа! И тогда его накрыла паника, впервые за то время, как он начал видеть в Джулиане своё мраморное отражение, он ощутил свою беспомощность и страх потерять те возможности, которые маячили перед самым носом. Ему даже пришлось себя угостить таблеткой метамфетамина, ведь он просто уже начал терять контроль над телом. И когда она начала действовать, реальность возвращалась с невероятной точностью, а перспективы неудачи растворялись в наркотическом тумане, и это было хорошо, сейчас нужно было верить в успех.

Было решено, что Жан будет работать не в своей студии, чтобы не перевозить скульптуру туда и сюда, а в помеще-

нии, где сейчас велись ремонтные работы под новую квартиру Райана. Там был беспорядок, везде валялись мешки с цементом, разнообразные инструменты, и тонкий слой строительной пыли, растревоженный их шагами, ложился даже на них самих. Джулиан почему-то счёл необходимым нарядиться, даже нацепив на себя бархатную бабочку, да и в салоне красоты он побывал перед этим только ради того, чтобы выглядеть безупречно рядом со своей статуей, которая как будто бы требовала от него поддержки и веры.

– Ты бы ещё во фраке пришёл! – воскликнул удивлённый Райан, который был одет в спортивный костюм, поверх которого он накинул защитный плёночный плащ против строительной пыли. Да и сам Ланже был одет в привычную мешковатую одежду, которую никто никогда бы не запомнил, если бы пришлось опознавать его в связи с каким-нибудь преступлением. Но было уже поздно переодеваться, у него не было с собой ничего, да и он всё равно считал, что торжественности момента не помешает его нарядный вид.

Приготовления казались мучительно долгими. Джулиан места себе не находил, ему казалось, что Жан реально приготавливает все инструменты для хирургической операции, каждый молоточек, каждый ножичек ему казался телепортированным прямиком из фильмов ужасов, ему было невероятно дурно, голова кружилась, воздуха не хватало. Ему даже пришлось присесть, чтобы успокоиться, если бы он не принял мет, он бы уже, наверное, вообще валялся в обмороке,

давно он не ощущал такого бессилия, такой пугающей неизвестности. В голову лезли бредовые мысли, на уровне, что Джулиан может быть внутри пустым, и на самом деле у него имеется лишь тонкая мраморная оболочка, но это было не так, его скульптура была заполнена мрамором. Как Жан это будет делать, просто всунет мрамор в мрамор, но ведь он задает тогда сердце камнем, и оно потеряет свою форму? Но Ланже был профессионалом, наверняка, у него что-то придумано, как справиться с этим заданием.

Когда скульптор начал свою работу, Джулиан начал сходиться с ума от этих звуков, каждый скребок, каждый удар молоточком отдавался в нём, как барабанный гонг перед военными действиями. И видя, как мраморная крошка летит на осыпанный строительной пылью брезент, ему уже начинало казаться, что с него сдирают кожу. Это было настолько медленно, и настолько ярко ощущалось каждое движение Ланже в нём самом, что у него не оставалось сомнений, что он и скульптура связаны на неземном уровне, потому что сейчас Жан Ланже дробил как будто бы и его грудную клетку. Но это надо было пережить, он просто знал это, это – его путь к свободе, никто не мог пережить за него этот опыт, он принадлежал только ему. Пыточные инструменты продолжали свою работу, всё больше обнажая мраморное тело изнутри, безупречность мрамора была вне конкуренции, даже по частям и изнутри эта скульптура была без изъянов.

По мере того, как продвигалась работа, скульптура всё

больше принимала абстрактные черты, её отрешённость переходила и к Джулиану, хотя физически он страдал так, как никогда в этой жизни. И хотя он понимал, что это были надуманные страхи и иллюзорная боль, просто символический жест в жажде обрести живительную искру, это имело настолько крепкие корни, что окутывало весь мир вокруг. Райан в углу наблюдал за ним, но не вмешивался, хотя Джулиан уже давно сидел в полуобмороке, роняя кровавые сопли и солёные слёзы, держась обеими руками за сердце. Но глаза его были широко раскрыты, он наблюдал за тем, как этот скульптор, возомнивший себя богом, потрошил его скульптуру, чтобы вдохнуть в неё ещё больше жизни. Это была необходимость, он знал это, и старался не упустить ничего из того, что творили волшебные руки Жана Ланже.

Когда полость в грудной клетке скульптуры была уже достаточно глубокой, уверенными руками Жан взял закутанное тряпьем мраморное сердце и приложил к груди своей скульптуры. Джулиану казалось, что оно бьётся в его руках, пробуждённое теплом своего творца (Жан почти никогда не работал в перчатках, ему нужно было ощущать мрамор без посторонних предметов, живой контакт был необходим для того, чтобы создать связь с рабочим материалом). Он даже нашёл в себе силы, чтобы встать на ноги и подойти ближе, сейчас волшебство захлебнёт его в потоке эмоций. Он чувствовал кульминационную боль, которая вела прямоиком к экзальтации, как процесс родов, ничто несравнимо с болью

и напряжением рожениц, но результат стоит всех мучений мира сего, ведь на свет выталкивается новая жизнь. Джулиан замер, его мраморное отражение получало свой главный дар, символический орган нашей души, сейчас важна была каждая микросекунда. Он до конца не понимал, то ли время остановилось, то ли оно молниеносно пронесётся вперёд, он застыл в этом мгновении и просто смотрел, как создатель его мраморного двойника вдыхает в него огонёк жизни.

Ланже действительно превзошёл все их ожидания, насколько ювелирно он сработал, особенно если учесть, что это был первый его подобный опыт. Сердце крепилось в мрамор, но не утопало в нём, растворяясь в мраморном единстве, оно как бы образовывало вокруг себя некий вакуум, так что получалось так, что оно не было зажато мрамором со всех сторон, а как будто парило в нескольких сантиметрах от всего остального мрамора. Это было удивительно, как оно держалось? Но из него выходили тонкие нити, артерии и вены, что крепились к мрамору, и Джулиан осознал, что сердце будет всегда в нём, оно не будет поглощено остальным мрамором. И он понял, что неплохо было бы ему сделать и остальные органы, но сердце было нашим мотором, оно было главным, может быть, мраморному Джулиану этого и будет достаточно. Он глаз не мог оторвать от того, как оно блестит внутри его грудной клетки, переливаясь в лучах заходящего солнца, пылая жизнью. Боже мой, думал он, я как будто и не жил никогда, и сейчас это сердце наконец-то начало биться внут-

ри меня, и я возродился, наконец-то я вижу мир во всех его проявлениях! Наконец-то взору моему открылись все цвета, все ощущения, меня переполняет переизбыток эмоций, я взрываюсь от чувства полноценности, я завершён!

Медленно Жан заделывал мрамором безупречную грудь скульптуры, которая была слегка размытой формы, так что мышечная система там практически не угадывалась. Уязвимость Джулиана исчезала, он снова был собран и отрешён, он вновь принадлежал сам себе, Ланже больше не имел над ним власти. Весь процесс они сидели молча, все слова были бы лишними, и хотя они не оживляли алхимическими путями человеческий труп, ощущения были куда торжественнее и параднее чем, если бы они создали целую армию зомби. Наконец-то Джулиана отпускали все страхи, и тот пережитый в морге опыт становился всего лишь пройденным этапом, тем, что породило этот кульминационный момент, это идеальное завершение и первый шаг на пути к вечной свободе. Ничто не могло теперь убить идеальную гармонию, излучаемую скульптурой, и Джулиан, как никогда резко ощутил её своим истинным отражением, осталось только найти вход в зазеркалье и слиться со своим отражением. Ведь без своих теней и отражений мы были лишены человечности и индивидуальности, безликие призраки, временно бороздящие просторы физических миров. Но Джулиан поймал тень своего отражения и больше никогда её не упустит, рай и ад были лишь промежуточными состояниями, а истина открывалась

в гармонии.

Когда скульптура снова выглядела так же, как и до операции (но это только на первый взгляд), никто никак не мог сбросить этой церемониальной ритуальности, все были выжаты до предела. Джулиан первый встал и подошёл к скульптуре, проведя окровавленной рукой по её только что заделанной груди, пытаясь нащупать биение сердца. Он его слышал, ведь его собственный сердечный ритм сейчас отдавался гулким эхом внутри его скульптуры, и ему казалось, что вокруг сменяются времена года, а он всё стоит, и жизнь и смерть борются за свои права в этом мире, а он всё стоит, покорив вечность, заморозив свою красоту, отдав частичку души этой скульптуре. У нас одно сердце на двоих, думал он, у скульптуры теперь есть душа, я разделён, но я никогда себя не ощущал настолько цельным, настолько совершенным.

– Ты его выпачкаешь, – услышал он в своём оцепенении голос Райана, который вцепился в него, чтобы оттащить в сторону. Он был весь в холодном и липком поту, сгустки крови украшали его костюм, и он заметил розовые разводы на мраморном Джулиане, и это было хорошо, он окропил его символически и своей кровью, у них теперь была одна жизнь на двоих. Райан методично штудировал тряпкой, бережно вытирая только что отполированное тело скульптуры от пыли и пятен естественного происхождения, и через несколько минут она вновь сияла своей безупречной чистотой и недоступной красотой. Волшебство медленно угасало, но Джу-

лиану уже было всё равно, оккультный экстаз отпечатался в нём на всю жизнь, в нём теперь жила капелька вечности.

Жан быстро собирал свои инструменты, он так и не вымолвил ни одного слова, вид у него был очень серьёзным, даже почти холодным, но понятное дело, он пошёл против своих принципов, они снова вовлекли его в их безумный мир на двоих, одержимые вечностью этой скульптуры. Никто ему не предложил остаться выпить, все понимали, что сил на это ни у кого не осталось. Когда Жан уже собрался уходить, он посмотрел на Райана своим пронзительным взглядом (которого обычно были достойны лишь его мраморные шедевры) и тихо произнёс. – Даря ему бессмертие, вы лишаетесь сами жизни, ваша одержимость доведёт до того, что она высосет из вас всё жизненное, что в вас есть. Только это ни на йоту не приблизит его к миру живых, он так и останется этим мраморным истуканом, испивая вашу кровь и жизненную энергию. Вечность не ищут в материальных объектах, и ваши символические игры зашли слишком далеко.

– Дружище, – улыбнулся ему искренне Райан, он воистину сиял в этот миг, – мы ведь всего лишь люди, это ты у нас играешь в богов, мы ничего не творим, мы просто пытаемся познать себя и этот мир всеми доступными способами. Пускай, это было всего лишь пафосное представление, полное символизма и скрытых идей, но человеку ведь проще укреплять веру, когда он видит перед глазами образы. Мы не планируем обменивать свою жизнь на смерть скульптуры, чтобы

познать все тайны, мы просто вдохновляемся ею для того, чтобы развиваться и идти верным путём, и мы воистину шагнули далеко сегодня, спасибо, Жан за проделанную работу. Я никогда не сомневался в твоих гениальных способностях, но сегодня ты превзошёл сам себя, браво, божок Ланже, да воспоёт хор ангелов хвалу великому богу, и да ринутся демоны обратно в подземелье, увидев твой лик. Спасибо за то, что дал нам возможность заглянуть за кулисы, как работают боги над своими творениями.

Ух ты, сколько сарказма, думал Джулиан, и, видя, что Жан лишь сильнее бледнеет, он понимал, что нужно включить свою обаятельную дипломатичность и смягчить ситуацию, но голова его была пуста, сил совсем не осталось, так что он просто тупо наблюдал за тем, как Ланже покидает галерею Райана, так и не ответив. Может, Райан был и прав, а может и в словах Жана была своя правда, но он ощущал такую гармонию внутри, что всё это казалось таким незначительным, таким бытовым, таким мелочным. После дикого шока, мучительных страхов и предынфарктного состояния он испытал настоящий очистительный катарсис, смысл жизни был сформулирован, теперь ничто не остановит его постоянно пребывать в этой гармонии завершенности.

После успешной скульптурной операции, Райан ощущал себя на подъёме. Он был заряжён тем состоянием, когда ты наконец-то поймал кусочек мечты за хвост, и она до сих пор от него не ускользнула. Это было некое постоянное чувство эйфории, но оно не было связано с его физическим состоянием, лишь косвенно оно касалось его тела, не уместаясь в рамках материального осознания. После символического акта придания жизни Джулиану из мрамора, Райан был способен воспринять его красоту в другом свете, она уже не казалась ему исключительно мёртвой и недоступной, сейчас она казалась такой реальной, что практически ломала все законы физики, воплощаясь в реальность этого мира. Он начал чувствовать всё более ярко и глубоко, и увядание и уродство мира сего казались ему каким-то слабым фоном, зато за всем прекрасным он наблюдал с повышенной эстетической чувствительностью.

И хотя его разум до сих пор противился понятию смерти, понятию уродства, в момент его очистительной экзальтации всё это казалось таким размытым, таким незначительным. Они вдохнули жизнь не только в скульптуру, но и в самих себя, в гармоничные образцы мира Жана Ланже. Именно такими и были люди в его понимании, вернее должны быть, правда, Райан до конца не понимал, как принять гниение как

норму этой жизни. Но он даже представить себе не мог, насколько он на самом деле проработал свою тёмную сторону, в нём был такой потенциал, что Джулиану со всеми его экспериментами и желанием окунуться в мир анти-жизни и не снилось.

Вдохновлённый последними событиями, он окунался в мир новых возможностей, он буквально сиял буйным потоком энергии, и взор его подмечал все невероятные проявления красоты. Он снова стал деловым и бродил по галереям, участвовал в аукционах, его широко раскрытый третий глаз сейчас улавливал тончайшие признаки гениальности, и постепенно его коллекция шедевров современного искусства обрастала новыми именами и образцами. Ему даже не было жалко отдать Лео работы, которые тот потребовал назад при делёжке имущества. Он откапывал такие работы, что уже не держался зубами и когтями за старые, хотя в его понимании некоторые из них и должны были стать постоянными экспонатами в его галерее.

Познав такие истины, ему не терпелось показать миру ту красоту, которой он был достоин, её поймут всё равно лишь те, кто созрел к этому, а серая масса, которую не трогало настоящее искусство, его мало интересовала. Он бы не сожалел ни капли, если бы эти люди в один прекрасный день исчезли навсегда, оставив правление Землёй тем, кто ценил её и понимал глубоко. Его галерея была святилищем для светлых душ, не подверженных примитивным банальностям в

качестве смысла жизни, те произведения искусства, что он выставлял сейчас и намеревался выставить в скором времени, были источником просветления, гармонизирующим хаос в душах людей. В какой-то степени и он чувствовал себя богом, когда отбирал те работы, которые будут выполнять функции просвещения.

Это был пик его социальной жизни, открытие новой галереи, и хотя он в целом не считал человечество просветлённым, многие были готовы к тому, чтобы принять частичку вечной красоты в своих душах, и он чувствовал, что нашёл своё предназначение. Даже его успешный дом мод сейчас казался лишь генеральной репетицией перед настоящим спектаклем. Его галерея света была завершением этапа чистилища, райские врата раскрывались в доме Райана Смита. Он даже не замечал того, что многие из новых работ были пропитаны духом такого отчаяния и тщетности глубинной пустоты, потому что все они, в конце концов, улавливали то чувство гармонии, которому их научил видеть Жан Ланже. Сейчас даже тема смерти, по сути, излучала прекрасный финал, и даже период тления размывался в его глазах эстета, когда цель была достигнута, гармоничное сосуществование полярностей, и это было прекрасно.

Ему даже не нужна была реклама, его первая выставка имела такой успех (и скульптура Жана Ланже сыграла в этом одну из ключевых ролей), что все с нетерпением ждали, какие новые сюрпризы готовит Райан в этот раз. Да, пришлось,

конечно, заинтриговать всеми этими модными словечками в пресс-релизе, да и рекламная кампания всё же велась от лица его команды менеджеров, и они разбрасывались громкими словами. Но именно он был творцом этой галереи, именно он решал, что будет актуально. Он не думал о своей выставке, как о чём-то модном и современном, это было вне временных рамок и вне трендов.

Он настолько ощущал себя творцом, что уже диктовал свои правила, нелепые по отношению к ведению бизнеса, что его директор ему и говорил. Он, например, хотел, чтобы по определённым дням в галерею можно было войти только по дресс-коду, и дресс-кодом всегда будут костюмы его фирмы. К тому же неплохо было бы внедрить фейсконтроль, и не впускать некрасивых или пустых людей, но ведь критерии красоты очень индивидуальны, кто будет судить, кто сможет пройти, а кто нет? Да и как это объяснить, в мире нарастающей толерантности ко всему (в том числе и к уродству, увы и ах), он что, будет сам лично стоять и решать, кто получит проходку? Это было глупо. Сейчас стоило избегать расизма во всех его проявлениях, и Райана в итоге убедили в нелепости его задумок. Да, он сам может считать, что угодно, но он, как публичная личность, должен сохранять свою репутацию незапятнанной, иначе это крайне негативно может повлиять на весь его бизнес. Он не стремился сейчас заработать денег, эта галерея была его отдушиной, смыслом его материальной жизни, и если мир не созрел узреть красоту, которую

он предлагал ощутить и прочувствовать, тем хуже для самого мира. А избранные всё равно оценят.

Его новый холостяцкий статус не изменил практически ничего, в последнее время он так мало уже общался по душам с Лео, что это просто как-то автоматически и ушло. Они даже не давали официальных комментариев по этому поводу в первое время, и лишь спустя несколько месяцев в прессе появилась скучная новость о том, что два великих человека в мире искусства разошлись мирным путём. Никто туда не копал, никто не выискивал в этом компромата, никто не выливал грязь, но в своих кругах, Райан это знал, имя Джулиана не раз всплывало, когда говорили о нём. Но слухи эти действительно были сдержанными, да и кого сейчас этим удивишь? И чего ему сейчас стесняться того, что у него может быть кто-то помимо Лео? Тут загвоздка скорее заключалась в том, что Джулиан был в серьёзных отношениях, тоже с весьма известным в своих кругах человеком. В его солидном возрасте иметь статус разлучницы, конечно, никуда не годилось. Но ведь они не были с Джулианом в отношениях, их связь была гораздо выше того, что сейчас пытались сформулировать под таким размытым понятием как «личные отношения». Он чувствовал себя прекрасно с этой тайной, она была лишь для них двоих, Джулиан был его вдохновением, его вратами в вечную жизнь, его отражением мраморного идеала, который принадлежал лишь ему одному.

Райан только сейчас ощутил стабильность в своей жизни,

когда понял, что ему не надо никуда спешить, всё что он сейчас делал, было его желанием от начала до конца, погоня за статусом, деньгами и связями у него завершилась, а он теперь мог жить расслабленно. И мыслить тоже. Ничто больше не могло перевернуть его мир, всё он воспринимал спокойно, всё было ему по зубам, он жил в своё удовольствие, и он был полон решимости идти до конца в своих поисках вечности. У него больше не было ориентиров или авторитетов, он был творцом своей жизни, и именно он лепил её по своим прихотям. И новое мышление способствовало успешности гармоничной жизни, никогда он не ощущал вкус свободы таким сладким и уместным.

Через месяц после мраморной операции они встретились с Жаном Ланже, до этого не поддерживая целых четыре недели контакт, и это было для них рекордом, им всегда было, что обсудить с великим энтузиазмом. Инициатором встречи стал Ланже, Райан понимал, что тот должен отпустить первым весь негатив, что был высказан в тот злосчастный для него день (а для Райана блаженный), и оказался прав, избрав эту тактику. Судя по общему кругу знакомств, Жан Ланже пропал с радаров на этот месяц капитально, и Райан догадывался, что у того либо наступил творческий кризис, либо его переполняют креативные идеи, которые он пытается сформулировать. С творческими людьми такое случалось, особенно с безумно талантливыми. Райану было наплевать на чувства Жана, но талант он загубить не

имел права, то, как он умел видеть во всём гармонию, даже в самых ужасных вещах, было воистину божественным качеством. И то, что он был таким продуктивным, было положительным моментом, Райан не был ревнивым в плане произведений искусства, чем больше людей смогут приобщиться к истинной красоте, тем лучше становится сам мир. И только скульптура Джулиана принадлежала лишь одному ему, но при этом он готов был делиться ей, как исключительным объектом красоты, но всю глубину мог познать лишь он один. Ему нравилось, наоборот, как ею восхищаются, как замечают эту отрешённую красоту, даже не понимая, какие тайны она хранит в себе. Эти тайны были лишь для него и Джулиана.

Они встретились с Жаном в небольшом уютном кафе, где подавали замечательные испанские десерты. И когда им принесли сладчайший туррон и тающий во рту шоколадный мигелитос, Райан искренне улыбнулся Жану, тем самым поколебав его суровую сдержанность, и тот в ответ ему тоже криво улыбнулся. Кажется, не существовало никаких обид между ними, они вновь были в тех эстетично-дружеских отношениях, что и прежде. Конечно, не обошлось без банальностей, и пока они обсудили последние не связанные с ними самими новости, им уже успели принести новые порции десертов, в этот раз классический чуррос, который был просто киллером стройных тел.

– Я начал работу над новой серией скульптур, – признался

Ланже, впившись зубами в маслянистую палочку чуррос. – И всё благодаря вам с Джулианом, вы меня вдохновили на то, чтобы работать над телами, ещё более натуральными. Я изучаю анатомию, чтобы со строжайшей точностью придавать внутренней системе человека форму. Я начинаю работать с каркаса, со скелета человека, потом леплю мышцы, артериальную систему, органы, это такой трудоёмкий и длительный процесс, и всё это из безупречного белого мрамора, отполированного до блеска. Даже изнутри человек в моём мраморе выглядит идеально, это невероятно!

– Я долго ломал голову, как максимально обнажить его внутренности, но при этом оставить и жизненные признаки. У меня будет одна экспериментальная модель, слои её мраморной кожи будут легко отгибаться и обнажать всё, что находится внутри, не хотелось бы роботизировать её, но, кажется, выбора у меня не будет. Остальные же фигуры будут стоять в разной кондиции, кто-то полностью обнажающий свои внутренности, кто-то лишь частично, и с разными уровнями гниения. Пышущие здоровьем с идеальной анатомией, а кто-то подверженный болезням или трупным поражениям. Это будет некая реальность наших человеческих тел, ведь это мы и есть, разве может пугать то, что находится в нас самих? Да и ты же знаешь, что я не умею даже уродство показать уродливым, всё будет сглажено до гармоничного восприятия, даже самые труповатые скульптуры. Спасибо за идею, Райан, я и представить не мог, что это возмож-

но воплотить в жизнь, но это будет что-то! Я теперь смогу показать не только образы, но через язык тела и необходимые эмоции.

– Поздравляю, – не скрывая улыбки, ответил Райан, помещивая свой приторный кофе, который всё равно казался ему горьким после всех этих испанских десертов. – Я знал, что тебе будет тесно в рамках всех этих экстатических и райских кущей, жажда выставить смерть нормой – у тебя в крови. Я начинаю понимать твою одержимость этими темами, необходимость смерти позволяет нам глубже понять жизнь, ты прав насчёт этой гармонии, она связывает эти два понятия, благодаря этому я смог узреть истинную красоту и обрести смысл. Если бы все мыслили как ты, Жан, уродство давно бы уже мутировало в красоту, а смерть стала бы уместным продолжением жизни, и наши первобытные страхи прекратили бы существовать. Конечно, это не совсем новая идея показать в скульптурах человека изнутри, но твои идеи отличаются от всех, кто пытался поработать в этих спорных темах. В твоих скульптурах уродство и гниение обретают свою славу, и грань между прекрасным и ужасным стирается, всё сольётся в этой гармонии противоположностей. Жан, наконец-то, я с чистым сердцем могу заявить, что я познал тайну крайностей, что ты доносишь под соусом гармонии. Я теперь понял, что такое застывшая навеки красота, корни у неё растут прямым из ада, но нимб её тянется к райским садам.

– Я очень рад, что ты это понял, не пытаюсь видеть толь-

ко то, что ты хочешь видеть в окружающем мире, – ответил спокойно Жан, поддержка Райана была ему важна. – Может быть, всем нам нужна была эта безумная встряска с этим внедрением сердца, я ведь сам тогда ощущал, как будто потрошу Джулиана не в мраморе, вернее, мне казалось тогда, что они едины, и без жертв не обойтись. Боже мой, я никогда не был ни суеверным, ни набожным, но мистичность момента захватила тогда меня, и да, я чувствовал себя богом, я всегда творец во время созданий своих работ, но тогда я ощутил что-то схожее с раскаянием, как будто я должен ради каких-то уроков наказывать свои прекраснейшие творения. И все это понимали, мои творения принимали это наказание, потому что за этим последует что-то невообразимо прекрасное. Это просто перевернуло весь мой внутренний мир, наконец-то я узрел в этой вашей одержимости с Джулианом что-то свыше. Но я как творец видел эту интимную нить, что связывает вас с Джулианом через тело посредника в виде скульптуры, и от переполняющих вас чувств я прямо задыхался, даже я, как бог был лишним в вашем мире! Джулиан прекрасен, береги его, такого как он, ты никогда больше не найдёшь.

Было что-то предупредительным в последних словах Ланже, но он волновался зря, путь, на который он ступил с Джулианом, был уже лишён всех терний и подводных камней, они видели свет и стремились к нему, несмотря ни на что. – Ты – великий человек и творец, я ценю твои советы и ис-

кренность. И я очень надеюсь, что твоя выставка произведёт фурор и даст избранным узреть твои послы, которые настолько глубоко запрятаны, что лишь самые стойкие или созревшие к этому готовы будут погрузиться и уловить эту гармонию между красотой и безобразностью. – Помолчав немного, Райан напоследок спросил Ланже. – Если бы у тебя была возможность оживить свои скульптуры, ты бы это сделал?

Вопрос удивил Жана, но было заметно, что он сам когда-то задумывался об этом. После паузы он ответил. – Нет. Тогда бы я потерял контроль над своими творениями, тогда бы я перестал быть богом, и все наши неполноценности и недостатки давили бы на нас. Я не готов на это, не сейчас.

– А я готов, – улыбнулся лукаво Райан, запахивая осеннее пальто. – Мраморный Джулиан на пути к тому, чтобы вобрать в себя жизненную энергию, Жан, я на пути в рай, Джулиан обретает вечность!

Ланже вновь ничего не ответил, даже не спросив, какой из Джулианов обретает вечность, ведь Жан уже и сам понимал, что Джулиан всего один, мраморная скульптура была его отражением, его недостающей стороной, и рано или поздно они сольются в единое целое.

Жизнь Джулиана продолжалась в том же бешеном ритме, маленькая передышка вернула ему силы, и он снова бросился осуществлять все свои проекты. После сердечной эпопеи он слёг на неделю с бессилием и болями в груди, понимая, что слишком буквально пережил тот божественный опыт. Майкл взял выходные (к счастью, у него был репетиционный период, а не выступлений) и обхаживал его, и это было так сладко! Дома он быстро пошёл на поправку, окружённый любовью своего жениха и пса, который рос не по дням, а по часам. Там он расслабился до такой степени, что позволил забирать подолгу телефон, и просто тупо валялся, смотрел фильмы, ел деликатесы, приготовленные или заказанные Майклом, занимался ремонтным проектом дома, заказывал детские вещи и спал до обеда. Ему нужна была эта пауза, когда он просто ощущал себя рутинным человеком, тело иногда требовало такого отдыха, без всех возвышенных мыслей или преодоления страхов смерти. Но он понимал, что быстро заскучает в этих тепличных условиях, когда мозгу не давали активности того уровня, к которому он привык. Ему нравилось жить в постоянном движении. Анти-стрессовая обстановка стала настоящим испытанием для него уже на шестой день. И на седьмой день он полностью вернулся к своей привычной активной жизни.

Только ту неделю он не позволял себя вспоминать тот пережитый опыт, конечно, ему не удавалось это на сто процентов, но всё же после болезни (врача он так и не вызвал, так что диагноз он даже не получил) он смог спокойно окунуться в свои воспоминания. Он мог уже более адекватно воспринять случившееся, что же, собственно говоря, произошло в тот день, когда его мраморное отражение получило своё собственное сердце. А произошло то, что они в тот миг стали одним целым, и это было пугающе-чарующим опытом, он сам был из мрамора, он был идеален, от состояния полусмерти к состоянию полужизни, и всё то время, что Жан работал, он застрял в этом чистилище.

Он был древним камнем, впитавшим в себя миллионы лет, ещё до появления человека, вся мудрость этого мира была подвластна ему, всё было под его зорким оком. А потом вдруг весь накопленный опыт растворялся в миге невинности и неведения, и любознательность познать всё и новизна каждого момента сокрушала его со звериным неистовством. А потом на него вдруг снизошло озарение, он был голым искусством, вершиной творческой мысли, которые и возвышали всё материальное вокруг. Его душа была везде, он был космическим образным потоком вдохновения, он был безымянной музой этого мира, он расширял зашоренность и узколобость примитивизма, вторгаясь в самые души людей и вдохновляя их на творение с чистым сердцем. А потом его озарило тяжкое бремя вечности, он был мраморной непо-

движностью, всё было ему видно, но ничто его не касалось, всё вокруг было бесконечным фоном, подвижным или неподвижным, даже это было неважно. Но когда в груди мраморного Джулиана забилось сердце, он вдруг вновь ощутил искру интереса ко всему, ах, с такими знаниями, с такими возможностями можно сделать всё! Его мраморная красота была вечной, его глубочайший опыт не знал границ, он пережил и жизнь и смерть и не сломался, и да, он был живым, теперь он был живым.

Было странно сейчас вспоминать эти образы и то неописуемое состояние, особенно если учесть, что в момент операции он был практически в отключке и страдал от физического дискомфорта, едва способный уловить хотя бы отдалённые отблески реальности. Это было их боевое крещение на двоих с мраморной скульптурой, искупление грехов и полное очищение, заснеженная белизна его мрамора отражалась теперь и в нём самом, и лишь под покровом ночи белизна темнела, обнажая весь его опыт общения со смертью. После этого он как будто бы начал мысленно считывать эмоциональный фон людей и предугадывать их мысли. Никакой сложной науки в этом не было, люди были такими предсказуемыми, такими поверхностными, и стоило чуть-чуть покопаться, как из них лилось всё их дерьмо, страхи и неудовлетворённость смешивались с завистью и одержимостями, как же ими было просто манипулировать. Но были люди глубинные, непредсказуемые, интересные, чтящие искусство, креа-

тивно подкованные, мир не был пропащим, даже такой мир имел шансы на то, чтобы познать гармонию крайностей и обновиться в этом всепоглощающем опыте завершенности. И везде таилась своя красота, даже в самых крайних проявлениях зла, только серая унылость одинаковостей давила на этот мир, не давая развиваться, но Джулиан сейчас воспринимал всё это как фон.

Он мог подолгу ночами сидеть в своей ванной комнате возле тяжеловесного зеркала с элементами ар-деко, и, разглядывая своё отражение так долго, пока черты его не сглаживались до мраморной идеальности. Он смаковал свою вечную неотразимость и застывал в полной отрешённости, мраморная статуя, которой до фени всё на свете, она просто выше всего. А потом глаза его начинали блестеть энергичным огнём, и он вдыхал в собственное отражение искру жизненной воли, и электрические волны так и плясали вокруг него. Боже мой, он был живой, каждую ночь он себя воскрешал из своего мраморного оцепенения, озарённый светом безумной жизнерадостности, как человек, пролежавший десять лет в коме и осознававший себя все эти годы. Жизнь была невероятно прекрасной, умирать было больно, но возрождаться ещё больнее, но самого главного он не терял, его жажда возрождаться и принадлежать миру живых была всё такой же высокой. И вместе с этим возвращением в мир живых возвращалась вся физическая сторона, и даже его кажущееся безупречным тело выдавало свои мелкие разочарования.

У него до сих пор были проблемы принять именно свою реальность распада, его тело гнило, как и все остальные человеческие тела, и, возвращаясь из мира мёртвых и из идеальной вечности, это было очень болезненным откровением. Он ненавидел вынужденное старение, оно противоречило его понятию эстетической красоты, это было то, что должно было находиться в нём всегда, в каком бы состоянии он ни пребывал. Он принимал необходимость тления и разрушения, но его божественный мир из мрамора был этого лишён, и когда он лишался поддержки своего отражения, действительность поражала глубиной дисгармонии, и ему хотелось протестовать и никогда не возвращаться в гниющее тело, которое было обречено на полный распад. Он должен остановить это. Или принять этот процесс и пройти его терпеливо до конца. Или начала. Пока это начало и конец не сольются в одно целое, образовав безупречную вечность, где он будет богом во веки веков.

Джулиан часто навещал Жана в его мастерской, который усиленно работал над своей новой коллекцией скульптур, которую планировал выставлять в одном из залов Райана. Это был успех для них обоих, Джулиан чувал это, и ему не терпелось увидеть готовый результат его творений, которые он загадочно назвал «манекены по ту сторону жизни». Он долго рассматривал следы разложения, так искусно вырезанные в мраморе, и думал, если даже мрамор спокойно принимает эту сторону жизни, почему я противлюсь? Это так кра-

сиво, уродство жизни руками Ланже прекращает существовать, оно трансформируется в состояние красоты, смогу ли я сам свой медленный распад превратить в настоящее произведение искусства?

– Что будет с тобой через десять лет, двадцать, пятьдесят? – спросил один раз Джулиан Жана, который сосредоточенно работал над приданием формы тонкой кишки. – Или ты думаешь, что ты – вечен? – В его голосе звучал и сарказм, и обида, и несправедливость.

Ланже ответил не сразу, он всегда давал себе время сформулировать ответ, если вопрос казался ему чересчур сложным или психологически неудобным. Но при этом прекращать работу он не стал. – Я не думаю об этом, годы идут, но я не акцентирую на этом внимание, мне всегда комфортно здесь и сейчас. Но даже я сам осознаю, что и моей вечности придёт конец, только зачем думать об этом тогда, когда все возможности мира открыты перед тобой? Меня не беспокоит моё собственное старение, я создаю вечно молодые скульптуры, в них я тоже обретаю собственную вечность. Я столько раз вместе со своими скульптурами переживал смерть, что и она меня не пугает, она и есть – обратная сторона моей жизни, её постоянное присутствие гармонизирует меня, и никакие страхи или неуверенность не способны пробиться сквозь эту пелену завершённого состояния.

– Но тогда почему мне нельзя мечтать о мраморном бессмертии, тогда как ты у нас бог и тот, кто будет жить вечно

в своих произведениях? – Джулиан начал себя вести совсем по-детски.

– Да потому что именно я – творец! – вдруг неожиданно громко и эмоционально ответил Жан, перестав ковыряться ножичком в кишках, и нарушив невозмутимость этого ленивого декаданса. – Потому что не о теле же речь, мне всё равно на него, я стремлюсь познать истину вне материальных рамок, когда тело уже становится незначительным, просто временный инструмент для осуществления наших целей. Когда ты познаёшь этот мир в его крайностях, и одинаково толерантен и к жизни и смерти, бренность физических тел тебя уже не волнует. Помни о бессмертии души, об опыте разума, оставляя телесные страсти временным этапом, помни, что слово «время» является противоположностью вечности, забудь про время. Все мы стареем, это – истина, почему ты думаешь, что должен стать избранным и быть вечно молодым? Почему ты считаешь, что именно твоя красота заслуживает бессмертия? Гниение – такой же необходимый процесс как исцеление, они образуют промежуточные этапы между жизнью и смертью, мне казалось, что ты уже проработал эти вопросы!

– Проработал, – устало ответил Джулиан, уставившись в пустые глазницы ближайшей скульптуры, – и уродство разложения является синонимом красоты жизни, благодаря твоим работам я воспринимаю это проще, спасибо, Жан. Но вечность мраморного Джулиана принадлежит по праву и

мне, я знаю это, в обмен на то, чтобы ему чувствовать себя живым, хотя бы иногда, он создаёт для меня вечную красоту. Жан, ты не прав в одном, бренность человеческих тел для нас не является проклятием. Между нами происходит что-то неопишное, мне кажется, что я уже – вечный, и осталось только остановить начавшийся после 25 лет процесс разложения. Боже мой, Жан, покорить вечность можно и нужно в теле, иначе какой от этого смысл?

– Вы всё делаете с Райаном образно, символически, – напомнил ему Ланже, окончательно забросивший свою работу. – Твоё тело не нуждается в вечности, только образность и память о теле должны уйти в вечность, ты так любишь эту жизнь, ты невероятно прекрасен, когда ты живёшь, по-настоящему живёшь, а не пытаешься угнаться за вечной молодостью. Да и зачем тебе это, это Райан тебя обработал? Ты зреешь красиво, твоя красота телесная всегда будет с тобой, и ты сам это знаешь, так почему противиться естественности, которая нам необходима для того, чтобы полноценно извлечь жизненные уроки в виде опыта? Мраморный Джулиан мёртв, помни об этом, только твоя энергия и неутомимый буйный дух намекают на некие искорки жизни, когда вы находитесь рядом. Но без тебя он мёртв, просто кусок мрамора, и без тебя не существует никакой экзальтации или погружения в дебри ада, только ты сам это делаешь, а мраморная скульптура, просто символ твоих поисков вечности.

– Вот именно, со мной она оживает, ты прав, – согласил-

ся с ним Джулиан, которого встревожили слова Жана, что навязчивая мысль сохранить свою молодость действительно шла от Райана, до этого он никогда не давал этой мысли стать доминирующей в его жизни. – Также как и от нее, мне передаётся её мудрость, её опыт, её голый творческий дух, её безграничные возможности, и её покорение вечности. Вместе мы дополняем друг друга, и ты это знаешь сам! Никогда твои скульптуры не были такими прекрасными, с Джулианом ты воистину себя ощутил богом, потому что ты вдохнул в него жизнь через меня, и это – твой величайший шедевр. Мы с ним неразделимы, потому что гармонизируем друг друга и даём то, чего нам самим не хватает. Мне не жаль отдавать ему свою жизнь ради того, чтобы покорить вечность.

– Не играй со словами, – перебил его Ланже. – Только кому ты готов отдавать жизнь, куску мрамора или всё же Райану? Вы и так безупречны, посмотрите друг на друга, это вы друг друга гармонизируете! Никто вам и не нужен, мои мраморные изваяния стали всего лишь поводом для вашего сближения, и теперь у вас есть всё, чтобы вместе покорять вечность, и не надо никому ничем жертвовать. Твоя красота вечно будет жить в моём мраморе, разве тебе этого недостаточно? Разве не этого ты хочешь?

Жан не понимал всего, потому что между ним и его мраморным отражением образовалась уже такая связь, что ничто не способно было оборвать её или сделать тусклее. Только находясь друг в друге, они способны были покорять веч-

ность и нести бремя опыта как победоносное знамя. Ничто не помешает им пойти до конца, добившись той неуловимой гармонии, когда жизнь и смерть сталкиваются в экстатической агонии.

Рабочая, социальная и личная жизнь Райана теперь концентрировалась в одном месте, всё движение происходило в его галерее, и это сохраняло его энергию на то, чтобы углубляться в свой новый мир, на который ему раскрыла глаза скульптура Джулиана. Порой посередине ночи, ему казалось, что он тут не один, живое присутствие мрамора внушало ему благоговейный трепет, это не пугало его, а скорее очищало пространство от его нервозности, накопленной за день. Но лишь слабые искорки жизни вспыхивали время от времени здесь, без присутствия Джулиана скульптура как будто впадала в спячку и прекращала интересоваться земными делами Райана.

Но рядом с Джулианом всё менялось, она обретала уверенность, силу и жажду власти, её мертвенность уходила на второй план. Всё уродство мира сего не имело значения в его галерее, скульптура Джулиана была идеальным воплощением человека будущего, именно за такими безупречными телами и стоило гоняться всему миру, но без генетической чистки это было труднореализуемо. Но он-то нашёл свою формулу идеального тела, два соединённых Джулиана и раскрывали секрет вечной красоты, вечного эстетического блаженства, только что нужно было сделать, чтобы эта формула работала на постоянной основе? Ведь для того, чтобы он это

смог прощупать, обоим Джулианам нужно быть рядом всегда, в этом полумедитативном состоянии, но ему этого было мало, это не решало до конца проблему. Но он отыщет решение, оно уже у него крутилось в голове, осталось только сформулировать мысли и сделать шаг, последний шаг к мечте, к их с Джулианом мечте.

Боже правый, его никто никогда не делал таким лёгким, таким понимающим, таким счастливым (он даже готов был впадать в эти банальности и потреблять слово «счастливый»), каким его делали Джулианы. Когда он встречался с Джулианом не в своей галерее, чувства его были более сдержанными, и он поражался даже иногда, что он вообще в нём нашёл, чтобы думать о нём всё своё свободное время? Но в выставочном зале Джулиан из плоти и крови сбрасывал свою заурядную человечность и переходил в эшелон ангелов. Да, ему ещё было далеко до божественного уровня, но людское воплощение было уже им проработано, ему было тесно в образе человека. Но пообщавшись с ним подольше на нейтральной территории, чары рассеивались, и он уже заставлял себя искать в нём того ангела, который выше всего человеческого. Не всегда ему это удавалось, особенно, когда прошло достаточно времени, как тот был заряжен своим мраморным отражением. И это его ужасно расстраивало, и всё шло к тому, что Джулиану придётся перебраться в его галерею, но у него же была такая активная жизнь во всём, у него же нет времени! И хотя Джулиан всегда говорил, что на визиты в

галерею он находит время всегда, реальность была таковой, что в последнее время они стали видеться только один раз в неделю, а для подпитки нужно было ежедневно проводить эти негласные ритуалы!

Иногда Райана обурежала такая неизъяснимая волна нежности по отношению к Джулиану, что на миг все поиски в погоне за вечной красотой казались напыщенными и глупыми. Потому что вот он был, здесь и сейчас, это прекрасное создание, принадлежащее ему именно в этот момент, почти идеальное, но всё же человеческое, и что из того, это было нормально! Хотелось послать все свои мечты и амбиции и просто наслаждаться тем, что это создание делало его жизнь такой осмысленной, такой яркой, такой разнообразной! Желание видеть его, слышать его голос, ощущать прикосновения были мучительно острыми, и Райан готов был проклясть себя, но покориться судьбе, теперь и он познал в этом мире настоящую любовь, и лучше поздно, чем никогда. Эти моменты ни с чем несравнимой радости, неконтролируемых позитивных эмоций и откровенной глубины отбрасывали в сторону все его принципы, все его нужды, все его проповедуемые идеалы, и весь мир концентрировался только в одном Джулиане, даже без своей мраморной тени. Искушение остаться в этой плоской реальности воистину было сильным, но даже эти вспышки нежности и понимания, в конце концов, испарялись и открывали его взору не самую привлекательную картину.

Это больше проявлялось в мелочах, но они накапливались и выбивали его из колеи, открывая дорогу таким недостойным чувствам, как раздражительность или брезгливость. Да, он не устраивал истерику, когда видел впитавшуюся в кожу грязь под ногтями Джулиана, когда они однажды ужинали в ресторане (Джулиан приехал с деревенской вечеринки, которая воистину оказалась деревенской). Но это болезненно отдавалось в его мозгу, это мигом разрушало эту идеальность, которой могло и вовсе не существовать (кроме как в его воображении). Или когда на театральной премьере Джулиан был плохо побрит, Райан просто захотел пересесть. А гнойный прыщ на его подбородке в гостях у Ланже, а шатающийся зуб во время интервью его фэшн бренда, а вздутый живот после сытной трапезы, что пуговицы брюк лопались, а новые морщины на лице? Ужас. У него сложился свой собственный образ, как должен выглядеть Джулиан, и если его внешность не соответствовала этому образу, что-то у него переклинивало, вся романтизация и идеализация казались иллюзорными, открывая взору банальные изъяны, присущие всем человеческим телам, даже кукольным азиатам, которые, казалось, законсервированы во времени. И в такие моменты Райан отталкивал Джулиана, и ему хотелось поскорее вновь увидеть его рядом с мраморной скульптурой, которая вбирала в себя все изъяны жизни, питаясь этой энергией.

В один день, когда незадолго до показов он забежал в офис, они остались вдвоём после собрания в зале для со-

вещаний, и Райан, который до этого успел побывать у одного коллекционера и прикупить несколько полотен в стиле абстрактного экспрессионизма из 1960х годов, был особенно восприимчивым на детали после такого одухотворённого культурного опыта. Мать божья, мать честная, у Райана аж скулы свело, Джулиан выглядел старым! Он поверить не мог, что перед ним этот безупречный образец человеческого тела, усталость легла на Джулиане не только синяками на щеки, впавшими щеками, шелушившейся кожей и болезненным блеском глаз, но и свежими морщинами, воистину они окончательно разрушали гармоничный образ Джулиана, кто вообще был этот человек?

– Сколько тебе лет? – спросил вдруг Райан, совершенно не вслушиваясь, что Джулиан ему объясняет, чем в этот раз супер VIP места отличаются от стандартных VIP на показе.

Джулиана смутил этот вопрос, он даже переспросил сначала, явно решив, что не так расслышал, и когда Райан более чётко и с нажимом повторил его, он ответил мрачно. – Мне тридцать три. Переломный год...

– Тогда почему мы выглядим как ровесники, если тебе всего 33 года? – взорвался Райан, ситуация была совершенно ненормальной, Джулиан не имел права стареть, просто не имел.

Джулиана задела слова Райана настолько сильно, что это отразилось в виде мертвенной бледности на его лице, а также слегка дрожащими руками. Райан нажал на больное место,

Джулиан сам ненавидел старость, и это было на руку Райану, ему нужно было скорее найти метод, как остановить этот позорный процесс. Ангелы не стареют, только если они не падшие и не проваливаются в ад за все свои неисчислимые грехи, или за то, что позволили уродству и гниению овладеть своими телами. А настоящие ангелы могли только мутировать в богов, которым подвластно и время и неземная красота.

– Я очень устал, – оправдывался Джулиан. Что за фигня, он всегда перед ним оправдывается, снова становясь закомплексованным щенком, считая мнение Райана всегда авторитетным и верным, даже если это противоречит его собственным принципам. Иногда Райану казалось, что Джулиан без него вообще ничего не представляет, и всё, чего тот добился, было только благодаря ему. Это он лепил жизнь Джулиана, это он взрастил эти его небоскрёбные амбиции, это он вдохнул в него тот уровень счастья и жизнерадостности, что освещал его путь, это он вбил ему в голову никогда не сдаваться. Джулиан был продуктом Райана, и божественная искра проскользнула в душе Райана от этого осознания, что он отчасти был творцом. И как только творца не устраивало что-то в своём созданном материале, он должен был это исправить, пока не пошли необратимые процессы. И пока что он мог только отправить его в галерею, чтобы оставить все свои земные шлаки и передать их мраморному Джулиану, который сжирал абсолютно всё земное и человеческое, даже

такой мусор, ему было всё равно, чем питаться, лишь бы это исходило от живого человека.

Конечно, через несколько дней внешность Джулиана вновь преобразилась, он прекрасно знал, как много тот работает на своём испытательном сроке. Но он ведь сам этого хотел, знал, на что идёт, знал, как мало времени у него будет на что-либо другое. Когда Райан сам начинал свой бизнес, он буквально жил этим, спал и видел свою империю моды, работая и работая, и труды его в итоге окупались сполна. Только он не был тогда таким опытным, таким всезнающим, таким открытым к покорению вечности, как был Джулиан. Джулиану всё было по зубам, хотя бы потому, что Райан так считал, и это уже была достаточная мотивация для него. Джулиан даже сам не ведал, что был запрограммирован под нужды Райана, вся его жизнь, по сути, была во славу Райану, и все его успехи эхом отражались в некоей отцовской гордости Райана. В период, когда они минимально общались, Джулиан пытался всеми возможными путями доказать, насколько он независим. И сам не понимал, насколько делает всё возможное, чтобы Райан им гордился. Вся жизнь Джулиана основывалась на желаниях Райана, так почему Райан не мог в таком случае манипулировать его процессом старения? Почему бы ему не заморозить его красоту в вечности? Это было новым логическим этапом в их отношениях.

Райан и сам не до конца осознавал, какую власть имеет над ним Джулиан. Сотворив однажды что-то прекрасное,

нелегко отпустить это из своей жизни, ведь люди по своей природе были собственниками, они хотели всё самое лучшее сохранить навсегда не только в своих воспоминаниях, но и в реальности. Райан зависел от того, как развивался Джулиан, победы Джулиана принадлежали и ему, а неудачи просто не воспринимались, потому что неудачи Джулиана никогда не докатывались до самого дна, когда уже невозможно оправиться. Единственный случай был тогда, когда Райан умышленно отталкивал от себя Джулиана после того, как решил не нарушать принцип, которого он придерживался всю жизнь – никаких отношений на работе. И Райан тогда отфутболивал этого невероятно надоедливого прилипалу, считая, что Джулиан был всего лишь его временной игрушкой.

Он только сейчас мог бы с гордостью назвать Джулиана своим партнёром (причём практически во всём), но тогда он не воспринимал его всерьёз, но при этом сам зависел от этой игры, я его создал, как же он выползет из дерьма? Это закалило тогда Джулиана, это как будто был тест, чтобы выйти на новый уровень, с которым тот справился, может и не совсем блестяще (пост-депрессивный травматизм всё же влиял на жизнь Джулиана и по сей день), но с проходным баллом. С новым обновлённым Джулианом Райану было проще, тот остался гибким и глубоким в отношениях, но ушла эта назойливость, это слепое и фанатичное обожание, что мешало их отношениям стать равными. А ведь равные отношения излучают гармонию, взаимоуважение и общие цели теперь

были основой их связи, и вот, к чему в итоге они пришли в этом обновлённом статусе? Они были в шаге от покорения вечности!

Несмотря на невероятно загруженную жизнь и тысячи забот, Джулиан никогда не чувствовал себя таким расслабленным, таким возвышенным даже в простых рутинных делах, и при этом таким всемогущим. И только благодаря тому, что Райан, наконец-то, начал ценить его и видеть в нём личность. И не было чувства приятнее, чем видеть восхищение и уважение в глазах Райана, когда тот смотрел на него. Это было невероятно, он мечтал об этом всю жизнь, прекратить быть для Райана исключительно сабмиссивом, их новый статус равноправия в отношениях опьянял его и позволял достичь даже самых нереальных целей. Желание жить и развиваться, никогда ещё не было настолько сильным, как сейчас, когда Райан, в конце концов, смог ответить взаимно на его чувства. Ничто теперь не могло его сломить, это знание было иммунитетом против любого несчастья, и чувство влюблённости, коему он снова позволил пробудиться в пепле своих старых воспоминаний, делала его крайне восприимчивым к глубокому чувственному анализу окружающего мира. Обалдеть можно, это было ни с чем несравнимым чувством, ощущать постоянную связь с Райаном, ощущать его поддержку, желание, гордость, веру, Райан идеализировал его в своём видении, и у него не было выбора, он становился на самом деле идеалом Райана, потому что он не мог никогда разочаровать

Райана, своего божественного наставника. Он не давал себе ни малейшей слабину, потому что он себя никогда не простит, если снова потеряет доверие Райана, он ценил чувства Райана здесь и сейчас, желая потакать каждому его капризу, потому что даже его мельчайшие капризы вели к вершинам, достойных сверхлюдей. Именно Райан дал ему возможность сбросить с себя человеческую личину, даже ещё находясь в теле. Воистину с Райаном он принимал свою избранность без сомнений.

Какое-то время он даже испытывал что-то наподобие ревности, причём ревновал он к своей мраморной скульптуре, что было неправильно, слишком много восхищения и внимания было именно к мрамору, тогда как он, всё же связанный корнями с жизнью человеческой не был способен излучать исключительно идеальность. Он старался, как мог соответствовать тому, каким Райан видел его, каким он сам хотел себя видеть, но всё же промахи случались, и хотя он никогда не доходил до полного падения, осознавать свою брэнность было больно. Но потом он вновь и вновь пересматривал цель своего воплощения и осознавал, его брэнность временна, он уже отыскал ключ к разгадке, как откинуть её, осталось только повернуть его в нужную сторону и отдаться потоку, направляющему его прямоком в вечность. Его образное слияние со скульптурой и было этим решением, этим осуществлением бесконечной сказки, просто ему осталось проработать до конца это всепоглощающее слияние с ней, чтобы до-

тронуться до звёзд. Какая там может быть ревность в таком случае? Мраморная скульптура была именно тем образцом вечной жизни, к которому он не просто стремился, а к которому его уверенно вели. Мраморный Джулиан был его недостающей стороной, его всепоглощающим опытом, его гармонизацией, а его жизненная энергия освящала эту недостающую сторону и объединяла весь накопленный опыт, всю совокупность крайностей в одно единое целое, полностью лишённое дисгармонии.

Иногда он ловил себя на мысли, что слишком приземлён в своих чувствах к Райану, он испытывал их такой аврал, что они прямо физически сбивали его с ног. Но что было материального в возвышенном чувстве восторга к самому идеальному человеку на земле? Его жажда тактильного контакта была всего лишь частью его физического воплощения, это было нормально, но это было скорее второстепенным в его отношениях с Райаном, они были куда более высокими, чем постоянные мысли о сексе или чувствах собственника, когда они принадлежали только друг другу. Истинная любовь никогда не была заурядной пошлятиной, она была не только общими интересами, сексуальным контактом и общим бытом, она была глубокой связью, которая создавала вместе новую реальность. И в этой новой реальности Джулиан и пребывал постоянно, в улучшенном варианте своей жизни, где у него имелись безграничные возможности и проходка в вечность. Он вспоминал теперь, как образовались его чувства к Райа-

ну, всё ведь начиналось с банальной влюблённости неразвитого мозга, это был тотальный краш и обожествление. И возможность покорить этот краш было для него мечтой номер один не только тогда, но и по сей день. Да, ему только сейчас удалось вывести эти отношения на равных, но он сейчас сожалел тому, что они так много времени провели врозь, что мешало им познать истину ещё десять лет назад?

Прав был Ланже, его скульптура их связала нерушимыми жилами, она была их боевым крещением, благодаря ей он побывал и в раю и в аду, став целостным, став избранным. И хотя, казалось бы, что она уже исполнила свою миссию, свела их и дала всё необходимое, чтобы вместе покорять новые высоты, её присутствие стало обязательным, практически давящим в их отношениях, она ни на миг не отпускала их, и если кто-то из них пытался ослабить с ней связь, их жизни рушились. Почему она до сих пор имела такую власть над ними, когда они были такими просвещёнными? Когда они приняли свои чувства и слили их в гармоничный клубок любви? Когда они познали жизнь и смерть? Эта привязанность была мистически зловещей, они зависели от куска мрамора, по сути, когда преодолели вместе столько препятствий? Когда она потеряет власть над ними? И если это случится, не разрушит ли это их с Райаном жизни, не оборвёт ли эту связь, не сотрёт ли ту память, которая была способна привести их к вечности? И он вспоминал тогда те ощущения, что вызвали у него скульптуры Жана в Париже, вывернув

его душу наизнанку и окунув в пустоту анти-жизни, которую он сейчас принимал как необходимость развития, как необходимость гармонизировать жизнь, но он жил столько лет с этими страхами! И когда он думал о том, как сильно влияет мраморный Джулиан на их с Райаном жизни, из пустоты виднелись иссохшие руки, пытаясь засосать его в свою всепоглощающую пустоту. А ведь и в пустоте его могла ждать вечность, и эти аналогии вечностей у него вызывали приступы паники, что если в погоне за вечностью они обречены на эту ненасытную пустоту?

Эти проблески страха особенно чутко он начал испытывать после разговора с Райаном, когда тот ему неожиданно предложил жить вместе. Почему-то такой вариант он даже не предвидел!

– Ты же понимаешь сам, – начал тогда Райан излюбленную тактику сразу внушить, как будто это были твои собственные мысли, – что нам не хватает этих визитов сюда четыре раза в месяц. Ты слишком быстро теряешь свою идеальность, когда погружаешься в свою рутинную жизнь. Ты загрязняешься этой хаотичностью и теряешь гармонию, здесь ты мог бы практически ежедневно очищаться и быстрее покорять вечность. Что тебе мешает принять это невероятное предложение и пребывать в нашей эстетической святости постоянно? У меня есть квартира здесь, она почти готова и ей хватает просторов даже для наших нужд, даже для наших потребностей в пространстве. И я сам хотел бы тебя видеть чаще, ты

меня вдохновляешь.

У Джулиана чуть не замерло сердце, и снова момент настал, когда мечты сбывались! Сколько раз он себе представлял этот день, когда Райан сделает предложение им стать парой официально и начать совместное проживание? Это была настолько заурядная мечта, которая охватывает каждого по-настоящему влюблённого (или одинокого) человека, но что толку было противиться её мощи? Для Джулиана чувства подразумевали постоянный контакт, постоянные прикосновения, постоянные бытовые опыты, в этом не было ничего дурного, по сути, но с Райаном эта тривиальная часть материальной жизни мигом опошлялась. Их до сих пор связывала любовь к красоте и искусству (не говоря уже о более высоких целях), но не будет ли это означать, что и у них начнётся этот обыденный период? Да и почему он вообще думает об этом, когда сделал свой выбор и имел жениха и свадьбу и ребёнка не за горами, он просто не мог принять это предложение.

– Но ты же знаешь, – начал он вновь оправдываться, как это обычно и бывало в разговоре с Райаном, – у меня же есть Майкл, мы въехали в новый дом, у нас скоро свадьба, ребёнок потом родится, я..., я люблю его...ведь. Да. Люблю, именно. – Ему хотелось высказаться более уверенно или красиво, или спросить, готов ли Райан признать его официально как своего партнёра в таком случае, но мысли не формулировались, а блуждали, он ощущал напряжённую нервную

ность, с которой было затруднительно справиться.

– Ты спокойно можешь жить в своих семейных отношениях с Майклом, – ответил Райан, тем самым подтвердив, что он даже и не думает о том, чтобы им стать парой, и это почему-то его глубоко задело. – Ты можешь спокойно успевать разделять свои обязанности, ты ведь не обязан ночевать здесь каждую ночь, ты можешь продолжать любить своего Майкла, организовывать свои пафосные свадьбы, которые непременно обязаны украшать страницы Вог и даже играть в перфектных папаш, эта твоя жизнь никак меня не касается! Но ты сам знаешь, насколько остро тебе необходим контакт с мраморным Джулианом.

– Я бы мог забрать его к себе домой, – неуверенно промямлил опустивший взгляд Джулиан, сразу поняв, что совершил непростительную ошибку.

– Ты ещё мне предложи переехать к тебе! – взорвался-таки Райан. – Будет у нас такая весёлая жизнь на троих! Запряжешь меня потом менять пелёнки своему ещё не родившемуся дристу, учить вас с Майклом гей камасутре, отправишь меня на мастер-класс, как прокормить двух прожорливых пидарасов, давай, создадим свой идеальный семейный шведский вариант отношений! Мраморный Джулиан принадлежит этой галерее, и это даже не обсуждается. И никто никогда не сдвинет его с места, пока я сам этого не захочу.

Язвительность и сарказм Райана ранили Джулиана, это

ведь он сам предложил им жить вместе, а сам ставил такие условия, оскорбляя его нормальную жизнь! Он что, не имел права быть счастливым вне жизни Райана? Иногда ему так казалось, и он пытался всячески заглушить чувство вины, он не был виноват в том, что отказывал Райану. Не был. Это было безумием, как он бросит всю свою успешную жизнь, свою гарантию нормальности, свою энергичную жажду побед, и променяет на что? Да, он даже себе не мог больше лгать, что безумно желает отношений с Райаном, нормальных человеческих и тёплых отношений со всеми их атрибутами. Почему Райан не мог дать ему эту нормальность, почему ему нужно было всё возвышать и подгонять под свои идеалы? Почему Райан не мог просто любить его даже с недостатками? Ведь он так старается, он делает всё, чтобы стать его идеалом, но в глазах Райана он мало старается, до сих пор топчется где-то на задворках вечности! Райан любил не его одного, он любил его, когда он сливался со своей мраморной копией, и он понимал, что пути назад нет, ему придётся сплестись воедино с ней, чтобы Райан, наконец-то, сказал всем несуществующим или мёртвым богам, что этот момент настал, и я познал счастье и гармонию, которые объединились в единый образ Джулиана. И может быть, этот момент стоит всего того дерьма, что он испытал в этих отношениях, и сколько ему ещё предстоит перенести, ведь всё не имеет значения, кроме как самой цели. Да и не было ли это и его собственное желание стать единым организмом с мраморным Джу-

лианом, чтобы узреть красоту вечности? Он ведь и сам становился всего лишь обиденным человеком без мраморного отражения, его душа будет химически кастрирована, если он добровольно оборвёт связь с ним.

– Я буду чаще здесь появляться, – решительно произнёс он, – и буду оставаться, в том числе и на ночь, когда у меня больше свободного времени для мистических созерцаний. Ты же знаешь, что я готов был бы совсем отказаться от своей нормальной жизни, если тебе это было бы по-настоящему нужно. Райан, только с тобой я по-настоящему ощущаю себя личностью, только с тобой я могу прощупать свою божественную искру. Ты мне открыл такие возможности, которые невысказанно даже осознать простым смертным, и я мечтаю только о вечности на двоих с тобой, но это ведь не значит, что мы должны отказываться от всего мира, он нам нужен.

Ну вот, вот и настал тот позорный миг, когда он признался Райану, что хочет с ним банальных отношений, и что он готов продать душу, чтобы тот его любил, чёрт, как по-ребячески это звучало, какой он всегда был незрелый с Райаном! Об него только что вытерли ноги, и при том, что он только что мысленно сопротивлялся предложению Райана, он всё равно повёл себя как сопливый щенок, власть Райана над ним была неоспорима. И самое обидное было то, что все эти сантименты были напрасными, Райану было глубоко наплевать на все его земные потребности по отношению к нему, мало того, он считал их его недостатками! И вот он

опозорился и в очередной раз доказал, что не способен был отказать Райану.

И Райан даже не удостоил комментариями его признание, ответив только на деловую часть его ответа. – Хорошо, теперь организовывай своё время так, чтобы хотя бы несколько ночей в неделю принадлежали нам. Я не сомневался, что ты сделаешь правильный выбор, что на самом деле для тебя важно. – Помолчав немного, он вновь повторил. – Ты меня вдохновляешь.

Райан был с ним резким, даже он сам это понимал, от того он и решил приплести сюда банальный комплимент о вдохновении. Но Джулиану хотелось верить, что это были не просто слова. По любому, Райан теперь относился к нему по-другому, он больше не был его назойливым любовником, гонимым тому в сыновья, он был его путём к идеалу, и эти мысли компенсировали всё на свете, потому что в итоге всё вело к тому, что именно он сам становился целью Райана. Именно он. Райан не мог без него теперь жить, и это грело ему душу. Поэтому ему нужно было довериться Райану, ведь Райан знает, что им обоим нужно, и хотя с одной стороны внутри он бунтовал, что с его мнением не считаются, другая сторона вопила в упоении, повторяя как заклинание «ты ему нужен, он живёт тобой».

Но эта тема также обнажала ещё более скользкий подводный камень, на котором он не хотел так часто заикливаться, но не мог остановиться. Желание Райана ему чаще нахо-

даться в галерею (а ещё лучше и жить там) было ведь связано с тем, что он терял свою идеальность вдали от скульптуры. И это означало не только то, что он становился более приземлённым, беспорядочным или до тошноты предсказуемым, это касалось и его телесного увядания. Когда Райан тогда спросил почти со злостью об его возрасте после запарного собрания по приказам, это было как обухом по голове, и это из уст Райана! Кто угодно мог бы сказать ему об его физических недостатках, но только не Райан. Ведь он чувствовал себя таким избранным, таким целостным, таким красивым в его глазах!

Это была опасная тема, он знал, что преобразается рядом со своей скульптурой, вбирая всю её безупречность мрамора, но это было скорее преображение образное, но оно влияло, в том числе и на материальную сторону. Он сиял, он молодел, он излучал красоту, достойную высочайшего искусства, когда слияние было полным. Они уже несколько лет жили в благословении скульптуры, сколько ещё лет они могут откладывать кульминационный момент слияния? И что, собственно говоря, после него произойдёт? Но ему не стоило думать об этом в рамках материальной жизни, когда этот момент настанет, им покорится вся физическая жизнь, время прекратит существовать, и Райан считал, что тогда они и заморозят навеки его красоту. И его телесная красота мутирует во что-то новое, во что-то более высокое, в этом он не сомневался. Но это будет гармоничное продолжение, воз-

можно, даже постепенное и плавное, ведь он уже даже сейчас ощущал, что процесс был запущен. Главное было не поддаваться сомнениям и не прекращать этот путь, сомнения всегда приводили к разрушению.

И всё же, и всё же, страх старения усилился у него после того разговора на работе, и набирал чудовищные обороты после того, как они договорились, что он будет чаще оставаться в галерее Райана. Он снова с истеричным остервенением начал скупать чудо средства, предотвращающие старение, несколько раз в неделю ходил к косметологу и в салоны красоты, и даже задумался об уколах красоты. Но это было уже некой крайностью, да и он знал, что его черты слегка изменятся, а ведь Райан его считал идеальным именно сейчас. Но он вырослел, или уже правильнее было говорить, старел, и ничто не могло остановить этот физический процесс, и это у него вызывало чувство безнадежного отчаяния. Кому нужно было продавать душу, в каких уголках ада искать собственный портрет Дориана Грея, в каком райском саду воровать яблоки Идунн? Он всегда имел склонность к комплексам и подгонял себя под рамки идеального тела, индустрия моды была беспощадна к тем, кто таковые не имел, но всё же он знал, что смог бы пережить принятие старения организма, которое отражалось на внешнем виде, если бы и Райан это принял.

Райан сам старел, он, может, и не выглядел на свои 60, но, тем не менее, в нём уже включился такой путь к разло-

жению, что Райан был ближе к смерти, чем к жизни. Почему Райан не относился так к собственной красоте, почему не хотел заморозить собственную молодость? Или Райану уже было поздно отыскивать этот источник и испивать из него прохладные воды очищения от гниения? У Джулиана была идеальная внешность по мнению Райана, но вплоть до того момента, как организм прекратил развиваться и включил в себе медленный обратный процесс, плавно ведущий к смерти. Разве многим дана идеальная внешность в этой жизни? Ему была дана, и он не имел права не воспользоваться тем, что предлагала ему его скульптура, они оба это понимали. Он изначально был избранным, Райан заставил его в это поверить. И то, что Жан Ланже свёл их так быстро в этом экзотическом поиске, сделав его своей моделью, это было не просто так, судьба вмешалась и направила их на тот поворот, который и вёл их к лучшему пути, к их высочайшему развитию.

Он знал, что ему надо больше отдыхать, чтобы выглядеть лучше, меньше нервничать, не переносить болезни на ногах, не переутомляться, не пропускать спорт и не питаться всякой гадостью. Он максимально сейчас контролировал свои занятия спортом, диету и строго следил за тем, чтобы потреблять минимально лекарств. Он постепенно отказывался от наркотиков, они быстрее истощали организм, ломали иммунитет, а также преждевременно старили. Бывали дни, когда он просто бы ломался, если бы не таблетки, но всё же он

не позволял себе теперь просто оторваться в клубе или на элитной вечеринке, хорошенько перед этим бахнув чего-нибудь весёленького.

Иногда внутренний голос шептал ему притормозить, остановиться на миг, скинуть с себя лишний груз, избавиться от ненужной ответственности, но другой голос конфликтовал с ним, говоря, что если он прекратит это движение, то его цели, одна за другой, будут распадаться, как кусочки мозаики. Он не мог жить без вечного движения, без этой материальной нормальности с дедлайнами, поисками лучших вариантов и целым вагоном ответственностей. Развитие было смыслом его жизни, всё шло всегда к тому, чтобы шагнуть ещё на одну ступень вверх, в этом и был секрет его жизненной искры, за которую так цеплялась его мраморная скульптура. Именно это делало её такой живой в галерее Райана, и в обмен она ему отдавала каплю своей застывшей красоты. Может быть, он и был чересчур хаотичным и буйным, слишком мечущимся в крайностях, слишком эмоционально разбросанным и чересчур глубоко утопающим в собственных страстях. Но именно этого и недоставало Джулиану из мрамора, они были созданы друг для друга, их слияние воистину способно было сотворить чудеса. И когда он думал о том, как они могут быть друг другу полезными, все страхи старения испарялись, потому что он уже находился на финальной стадии своего преобразования, осталось только отбросить страхи и завершить этот последний этап, приняв в себя образную

гармонию, которой подвластны и жизнь и смерть.

После того, как Джулиан начал часто оставаться в его галерее (и ему было неважно, как он там своему Майклу объяснял свои отлучки, особенно на ночь), Райану стало спокойнее, энергия Джулиана подпитывала мраморную скульптуру, идеализируя его мир. Это хорошо влияло на всех, Джулиан выглядел не по-земному хорошо, он преобразался и сиял не только жизненной энергией, но и этой сдержанной красотой, которая была присуща только истинным произведениям искусства, но никак не живым и стареющим телам. Наконец-то, у Джулиана снова сглаживалась его суевливая хаотичность, такая разрушительная для полноценного образа истинной красоты, неугомонный нрав Джулиана могло выровнять только что-то неживое, пропитанное насквозь смертью. Джулиан даже представить не мог, насколько образная смерть ему к лицу! И теперь Джулиану хватало времени зарядиться той недостающей частью своего упорядоченного существования, и безупречный мрамор оживал под его ритуальными медитациями, и вместе они порождали настоящее творчество, достойное создания мира. И он был единственным свидетелем этого преобразования, оно происходило исключительно для него одного, и эмоции его били через край, как будто ему было позволено наблюдать за совокуплением богов, от чьего союза образуется новый мир без недостатков.

Мир, в котором не будет места тупым человеческим созданиям, утопающих в своём примитивном дерьме и не видящих ничего дальше собственных испражнений.

Их реальные отношения с Джулианом тоже менялись, они становились ближе, потому что Джулиан всё больше соответствовал его идеальному образу сверхчеловека, и лёгкость в общении теперь стала такой, что Райан всё меньше сдерживал в себе чувств, он доверял Джулиану теперь практически всё. Джулиан был таким податливым во всём, когда они находились вдвоём в его галерее под зорким взором мраморного хранителя, и осознание того, что он был творцом этой экстатической гармонии в Джулианах, вновь и вновь заставляла его ощутить себя на одном уровне с богами. Они так много разговаривали обо всём на свете – об его одежде, об искусстве, о деликатесах, о путешествиях, о красоте, о семейных ценностях. Но всё равно их разговоры были пропитаны некой эстетической сдержанностью, несмотря на полное доверие, они как будто скидывали здесь с себя все примитивные желания и гораздо полнее представляли свой мир, гораздо полноценнее, в нём не было места вульгарной банальщине, хотя они и замечали её в своей жизни. Но тут это не влияло на них, это был некий кружок интеллектуалов, где не нужно было подстраиваться под тривиальности человечества, здесь можно было просто быть собой.

Раньше ему казалось, что Джулиан часто подстраивается под его вкусы или даже нужды, чтобы соответствовать ему

максимально полноценно. Это было нормальное поведение влюблённого человека, по сути, с одной стороны ему было лестно, но с другой стороны это было как-то по-детски наивно, это рушило собственную индивидуальность Джулиана. Возможно, взгляды и интересы Джулиана сформировались благодаря ему, но сейчас это уже был другой уровень, Джулиан жил этим, а не просто играл в то, что ему это приятно и приятно. Они оба были сформировавшимися личностями с разным опытом, но всё же их объединяло очень многое, и связь их непрестанно росла по мере того, как влияние мраморного Джулиана охватывало их жизни всё более цепко. Они теперь оба жили под благословением мрамора, который указывал им путь к просвещению.

Существовал ещё вопрос секса, для них секс никогда не был табу. Что бы Джулиан ни имел с Майклом, какой бы у них ни был близким контакт и общие семейные ценности, Райан всегда знал, насколько Джулиан нуждается в сексе с ним. Когда они прекратили спать на много лет, он видел, что тому было тяжело, в том числе и из-за этой физической зависимости от любви с ним. Сексуальный контакт был таким же закрепителем отношений, как и общие интересы или внешняя привлекательность, и у них изначально была очень хорошая совместимость, и с опытом они всё лучше познавали тела друг друга и улучшали качество секса до предела. Но, конечно, главное было желание, он именно хотел Джулиана, а Джулиан хотел его, от того они и могли работать над тем,

чтобы их секс сносил крышу. То, что у них была не такая частая связь, как оба хотели (Джулиан в тот период вообще был секс маньяком, ему нужно было всё время и по много раз), закаляло и заставляло их ещё сильнее скучать по телам друг друга в этом сладком томлении. Конечно, Райан не зависел настолько от секса с Джулианом, но всё же эта часть его жизни была не просто приятным воспоминанием, а чем-то осознанно сокровенным, гармонизирующим его существование по сей день.

Сейчас же ничто не могло мешать им ещё глубже познавать тайны телесных наслаждений, особенно если учесть, какая у них была связь неземного уровня. Джулиан давно уже научился контролировать свои эмоции, свои движения, свою тягу к экспериментам, он как будто бы имел теперь нюх, каким должен быть следующий жест, следующая эмоция, и Райан также понимал, что именно нужно делать, чтобы лишить секса его вульгарной основы. И теперь уже не было так очевидно, что Райан вёл процесс (хотя он так и считал до сих пор, просто потому что Джулиан всегда был в их отношениях низом, и это касалось не только секса), их равные отношения помогали им проникнуть всем сердцем в дебри телесных усад, которые граничили с опытом чистейшей экзальтации. Секс стал неотъемлемой частью их жизни, как и медитации с мраморной скульптурой или аристократичные беседы в обществе шедевров мирового искусства. Секс стал физическим символом их трёхмерной связи (наравне с мен-

тальной и духовной), он как бы закреплял их единение в мире телесном.

Но, несмотря на эту нормальность отношений (теперь они не утопали исключительно в разговорах о том, как им познать вечность), они совсем не приземлились, их мир не оброс человечностью, наоборот, сейчас вся «нормальная» сторона их отношений доказывала их лёгкую адаптацию к своей цели в рамках физического мира. Со стороны их отношения тоже не изменили статуса, один только Ланже знал о них больше, даже Майкл не догадывался о том, что Джулиан ведёт двойную жизнь, в этом он был уверен. Майкл не был таким уж и сообразительным в глазах Райана, да и вообще Джулиан никогда не встречался с человеком, умнее его. Ну, за исключением самого Райана, вероятно, Джулиан всегда всех сравнивал с ним, и это никогда не работало в пользу его даже самых идеальных бойфрендов.

Райан не боялся публичности, но он не настолько интересовал публику, чтобы за ним охотились и тыкали пальцем, что вот он, этот похотливый старикан, что увёл из семьи Джулиана Берга! Да, в его окружении шептались, Лео был прав, но ведь их особая связь всегда была подмечена, по сути, что изменилось? Он имел такой статус, что ему не привыкли говорить в глаза гадости или осуждать, а то, что делали сплетники за спиной, это никак не влияло на его жизнь, мнение неудовлетворённых трусов его не колышет. Но теперь можно было наконец-то прекратить лгать себе и делать

вид, что Джулиан ему нужен только для одной цели, и что он не скучает по нему, ведь это было не так. Он нуждался в нём, и потребность их связи усиливалась, и никак им было не насытиться друг другом. Но он понимал и то, что это было из-за того, что Джулиан в присутствии своего мраморного отражения гармонизировался и соответствовал его идеалу. Всё раздражение, мелочность и неудовлетворение улетучивались, и именно поэтому их отношения складывались как нельзя хорошо. Это было верным решением им видеться чаще, Джулиан пока не был готов полностью переехать к нему, но пока что ему было достаточно и этих встреч. Джулиан за время, проведённое вне его галереи, не успевал сильно загрязниться, и хотя первые минуты после возвращения он ронял тут свои искры хаотичности, слияние с мрамором быстро помогало ему обрести целостность.

Это был их период медового месяца, пускай, не в классическом понимании этого словосочетания, но оба они успокоились, приняли друг друга такими, какими они были (хотя Райан и подгонял Джулиана под свои стандарты телесной и духовной красоты), и ничто не могло остановить их наслаждаться этими прекрасными днями. Каждый из этих дней теперь был наполнен смыслом, каждый из них направлял их ближе к своей цели, и от этих мыслей ему становилось так легко на душе, что он готов был даже признаться сам себе, что любовь прекрасна, даже к человеческому созданию. Но его любовь не проста, она выше примитивных норм, что спо-

собны испытывать простые людишки, его любовь была божественного уровня, ведь она вела его к вечности. Они теперь говорили на одном языке, все непонимания и конфликты остались в прошлом, перед ними, наконец-то, чётко была сформулирована общая цель, и каждый из них усердно работал над тем, чтобы двигаться к ней. Он понимал, что логично будет, если после этого мирного и счастливого затишья настанет некий кризис, но он уже знал, что он будет последним, перед моментом кульминации, воплощением их мечты. И хотя пока что у него были лишь смутные образы, как достичь этого наивысочайшего состояния, с каждым днём его понимание росло, а его решимость крепла, и если и вера Джулиана не дестабилизируется, ничто не остановит их.

Его покой нарушил визит в галерею Жана, который позвал их обоих на ужин и посвящение. Что это было за посвящение, тот не уточнил, но важность просьбы заставила его подкорректировать свои планы и перенести встречу с арт дилером, который специально прилетел из Венеции. Он до сих пор часто общался с Ланже, от того и знал, что происходит в жизни этого продуктивного скульптора, но вот этот недосказанный сюрприз явно не сулил ничего хорошего. Его собственнические мысли заставляли его укреплять иммунитет, если это будет касаться скульптуры Джулиана, он отстаит свои права на неё, даже если потеряет с ним дружбу.

Ужин оказался слегка нервозным, Ланже торопился, от того сервировка была совсем не безупречной. Не хвата-

ло приборов, названия блюд были перепутаны, тёплую еду унесли слишком быстро, а в десерте был аллерген, который не подходил Джулиану. Разговоры тоже были какими-то равными и несосредоточенными, хотя они как могли, соблюдали столовый этикет. Все хотели поскорее покончить с этим провальным ужином и уже приступить к осуществлению того, почему их, собственно говоря, сюда пригласили.

И когда они оказались в самой мастерской, вдали от запахов еды, грязных столовых приборов и хаотичных разговоров, от которых болела голова, Райан ощутил тревожное возбуждение, когда рассмотрел все стоящие скульптуры разной степени обнажения и разложения. Хм, может быть, так выглядят морги рая, думал он, разглядывая неподвижные застывшие мраморные изваяния, застрявшие где-то между жизнью и смертью. Их присутствие было грузным, каким-то неестественным, Райан не видел в них той искры света, которая могла от контакта с ними спровоцировать очистительный катарсис, их мертвенность была печатью несовершенства, им не хватало жизненной искры. Примерно так он ощущал себя рядом с мраморной скульптурой Джулиана, когда живой Джулиан давно не создавал с ней контакт или противился этой связи (к счастью, сейчас это уже осталось в прошлом). И до него теперь дошло, что Жан имел в виду под освещением, им недоставало жизненной энергии, только почему он сам не мог вдохнуть в них этот луч света?

Ланже как будто прочитал его мысли, даже решив из-

бежать предисловия и лишив торжественности такого пафосного момента. – Ребята, мне нужна ваша помощь, мои скульптуры готовы к выставлению в твоей галерее, Райан, но им не хватает жизненного вдохновения, и я бы хотел, чтобы ты, Джулиан, помог подтолкнуть их из тенистой стороны анти-жизни к зелёным лугам жизни. Райан, если ты готов, ты тоже можешь помочь, но мне кажется, что у тебя недостаёт опыта делиться своим жизненным светом с моими творениями.

Райан уж точно не собирался участвовать в этом оккультном ритуале чёрной магии, потому что он был уверен, что обычным воображением тут не обойдёшься. Он всегда был наблюдателем, он вёл процесс и получал результаты, но движения всегда исходили от Жана или Джулиана, поэтому он и тут умывал руки, но он в любом случае собирался посмотреть на этот спектакль, как бы Жан ни организовал его.

Жан тем временем продолжал объяснять свои желания, уже обратившись к Джулиану. – Думаю, ты на всю жизнь запомнил не только свою первую встречу с моими скульптурами в Париже (как жаль, что я тебя в тот момент не видел), но и тот случай в морге. Именно он вдохновил меня на серию этих работ, как я уже вам и говорил, поэтому отчасти и вы – творцы этих скульптур, и вы оба причастны и ответственны сейчас за то, как мы их презентуем миру. Поскольку я впервые работал с мёртвой стороной физической жизни, мне было не так легко прощупать их дуальную гармонию между

жизнью и анти-жизнью, и вот они застряли в анти-жизни, и всё, что от тебя требуется, так это освятить их и на жизненный путь. Помани их к себе, стань их учителем и источником света, иначе тьма их окончательно поглотит, и ничто не сможет пробудить их мертвенность.

Жан смотрел Джулиану в глаза, который сосредоточенно пытался скрыть свою суетливую нервозность, ведь она так раздражала Райана, но поскольку тот так и не ответил, Ланже уже выдал более подробно, что от него требуется. – Метод с органами сработал безупречно, даже когда ты держал чужое сердце в руках, когда я лепил его мраморную копию, так что тебе просто предстоит сделать то же самое. Даже проще. В этих тазах сложены человеческие органы и образцы тканей, они совсем свежие и в хорошем состоянии, но у нас немного времени, прежде чем тут начнёт вонять. Ты просто будешь ходить с конкретным органом, костью или мышечной тканью и будешь ими касаться этих же мраморных мест моих скульптур. Но не бесцельно, а с мыслями о том, что ты как творец освящаешь эти места и придаёшь им искорку жизни. Не мне тебе объяснять, короче, ты сам прекрасно знаешь, что такое делиться своим жизненным энергетическим запасом. Думаю, ты меня понял. – Ланже помолчал немного, явно удивлённый таким длительным молчанием любившего потрещать Джулиана, но потом выдал и последнее своё условие. – Но ты знаешь, что с твоей стороны требуется жертва, чтобы начать инициацию. Ты явно хорошо помнишь, как

из тебя истекла жизненная энергия в виде крови и прочих телесных жидкостей. Это было платой. Так что и сейчас ты должен заплатить. Или это может сделать Райан.

Джулиан посмотрел с надеждой на Райана, но тот стоял невозмутимо и всем своим видом показывал, что не собирается играть с ними в чёрную магию. Осознав, что он остался без союзника, Джулиан робко спросил, ведь он никогда не любил проявление физической боли. – А срезанный ноготь подойдёт?

– Категорически нет, – сразу же ответил Ланже. – Как и срезанные волосы или выдавленные прыщи. Ты должен почувствовать эту жертву физически, чтобы она имела значение. Самым простым вариантом будет тебе порезать руку, неужели ты в юном возрасте был лишён опыта селфхарма? Это несложно.

Джулиан на самом деле никогда не вредил физически своему телу, Райан это знал, но даже если у него бы и имелся когда-то давно подобный опыт, это всё равно не подготовило бы его к этому моменту. Он помолчал немного и ответил решительно. – Я слишком люблю своё тело, чтобы причинять ему боль. Мне никогда не было нужно заглушать душевные муки этим бессмысленным занятием. Но я понимаю необходимость жертвы, всё в порядке, я готов к этому. Давай сюда свой нож, а то мне уже становится дурно от разложения органов в этих зловещих тазах смерти!

И Джулиан остался верен своему слову, ножик с рукоят-

кой из слоновой кости в его руках орудовал без колебаний или страха, и уже с первого разреза на запястье левой руки ему удалось задеть так глубоко, что кровь хлынула довольно сильно. Он сморщился от неприятных ощущений, но и это не ослабило его решительности. Райан заворуженно наблюдал за этим, зрелище было одновременно отталкивающим и соблазнительным, но сейчас ему казалось, что Джулиан воистину был творцом этого полуразложившегося морга на окраине рая.

Со стороны казалось, что Джулиан и в этом профессионал, как будто он занимается подобными чёрными делами ежедневно, его уверенность и сосредоточенность не знали ни капли сомнения. Время как будто остановилось, они оба сейчас с Жаном понимали, что творец сейчас Джулиан, он исправляет недостатки Ланже, из-за которых скульптуры были обречены на вечную смерть, не впитав всего необходимого опыта, чтобы излучать гармонию. У них на глазах застыла магия, и мертвенность скульптур начинала сдаваться.

Джулиан брал орган из тазов с нечистотами (Райан не мог иначе воспринимать органы мёртвых людей) и направлялся с ними к скульптурам. Он водил конкретным органом по внутренностям скульптуры, пока его собственная кровь окропляла и безупречный мрамор, и слизистые внутренности мертвецов. Он несколько раз заклеивал свою рану, потому что не хотел потерять слишком много крови. Но как только его крови оставалось мало на мраморе или на органах, он снимал

повязку и вновь освящал их своей жизненной силой. Джулиан смотрел только на то, что делал, его взгляд был сосредоточен на работе, которая казалась для него рутинной и практически конвейерной. Когда, по его мнению, было достаточно медитировать с одним органом, он швырял его назад в таз и приступал к следующему. Его траектория тоже была продумана, он двигался от самой сильно раскрытой скульптуры, у которой виднелись практически все внутренности до тех, у кого только недоставало лишь конкретных кусочков. Он ни разу не отвлёкся от важности своей миссии, ни разу не заговорил, и даже ни разу не кинул взгляд в их с Жаном сторону. Он отработал добросовестно от начала до конца.

Когда он закончил, магическая атмосфера медленно испарялась, только сейчас Райану не казалось, что он попал на заброшенное кладбище обители блаженных, сейчас он узнавал тот живительный блеск скульптур Ланже, они были завершёнными. Это было великолепно, завершённость их образов, несмотря на телесные недостатки, была неопишуемой. Боже мой, Джулиан сейчас был творцом, он дорос до того, чтобы оживлять эти невоодушевлённые объекты высокого искусства, он сейчас олицетворял вечную красоту, от которой прямо кровоточили глаза, потому что это было не по зубам простым смертным. И только связывающая их с Джулианом нить смогла позволить Райану не только наблюдать за этим, но и пережить этот опыт. Кажется, даже Жан остолбенел, за несколько часов весь его пустой мрамор превратился

в сады наслаждений.

После того, как Джулиану позволили принять душ и переодеться, Райан долго не мог вернуться в реальность, его заорожило то, что сумел сотворить Джулиан, в котором было так много жизни, что он был способен животворить даже мраморные скульптуры. Какое всё-таки сокровище он отыскал, теперь у него не осталось сомнений, что они на верном пути, и красота Джулиана и их покорение вечности неизбежны. Ясности стало ещё больше, загадка гармонии практически решалась у него на глазах.

После странного случая в галерее Жана Ланже, Джулиан воистину какое-то время ощущал себя творцом, и это новое чувство было великолепным. Он понимал необходимость этой грязи – гнилые органы, агония скульптур, кровавые жертвы, жажда вкусить хотя бы частичку жизненной энергии в лапах смерти, всё это было необходимой обратной стороной, чтобы понять жизнь. Джулиан уже не боялся принимать образно смерть, она не была ужасной, но без маячившей рядом жизни, она была бесконечным гниением, разрушающим и ведущем в бездну пустоты. Это противоречило концепции жизни, поэтому он не колебался принять вызов Жана, чтобы вдохнуть луч света в мраморные разлагающиеся тела, потому что их принятие смерти убивало гармонию, что он носил в себе, побывав на обеих сторонах. Он был в трансе, когда работал в качестве бога и исправлял недостаток фантазии Ланже, это была большая жертва, но его связь с мраморным Джулианом давала ему возможность гармонизировать каждую скульптуру, которые на тот момент ничем не отличались от мешков со строительным мусором.

После этого странного опыта он почувствовал себя гораздо увереннее, как будто у него теперь была полноценная власть над мраморным Джулианом, они были на равных теперь все, его жертва теперь сгладила всю его нерешим-

тельность и подтолкнула его к тому, чтобы не бояться брать слишком много. Он знал, что теперь слияние с мраморной копией будет другого уровня, он способен будет погрузиться в те дебри, что его пугали или сковывали, сейчас же он был открыт принять всё. Только так можно дойти до конца.

А в своей обыденной реальности Джулиан не знал покоя, доказывая то, что он достоин своего нового поста, он просто даже не давал себе повода усомниться в своих способностях. Он целенаправленно двигался вперёд без усталости и без сожалений старых ошибок (а ошибка становилась старой сразу после того, как он её совершал), он изначально уже себя запрограммировал на успешный финал, и другие варианты просто даже не рассматривал. Он часто обращался за помощью, это было правдой, но на работе старался не показывать свою беспомощность, консультации всегда исходили от тех, с кем он не работал на данный момент. Он понимал и то, что Райан сейчас не был лучшим советчиком, его методы в некоторых вопросах устарели, а сам он доказывал современный подход нового поколения, который необходим для управления таким крупным бизнесом. Параллельно у него шла заочная учёба, где он узнавал теорию, которую сразу и практиковал, и несколько преподавателей оказались такими толковыми, что он у них брал консультации по поводу своей работы. Его энтузиазм был велик, ему действительно было интересно узнавать что-то новое, связанное с его работой и то, что могло ему пригодиться для покорения новых вер-

шин. Его острый ум, быстрое усвоение материала и умение моментально пользоваться приобретёнными знаниями были его гарантией успеха, хотя не всегда всё шло гладко, но всё было решаемо, ни разу он не запарол что-то до такой степени, что это сочтут аргументом против его повышения. Но останавливаться было нельзя ни на секунду. Потому что если он сейчас сдастся, второй такой возможности может не быть, по крайней мере, в ближайшее время точно.

Усталость иногда была такой, что он засыпал в туалете или в такси, он пополнял искусственно свой энергический запас только тогда, когда иначе не мог выжить, потому что ни одна таблетка не могла избавить его от затуманенности мышления, да и восстанавливаться после их приёма было всё тяжелее. Он давно уже забыл, почему начал эту беспощадную карьерную гонку, и стоила ли она вообще всех этих усилий, но это же были только полгода, от того он убедил себя, что эти шесть месяцев возможно выжить в любом темпе. Ему нравилось, как скептицизм начальства постепенно сменялся уважением, ему нравилось, когда окружение замечало его успехи, ему хотелось кричать о том, как он велик всему миру, потому что хотел вдохновлять людей на такие же подвиги

Пускай, он был позёром и нарциссом, это была его натура, но он ведь также умел быть сострадательным и чувствовать эмпатию, желание хвастаться своими успехами было лишь одним из проявлений его яркой жизни. Он не привык быть в тени и прятать своё мнение в самых сокровенных уголках

своей души, признание и уважение не давали ему зазнаться, и не сносили ему крышу, наоборот, только подстёгивали его двигаться вперёд. Он заслужил всё то, что имел сейчас только благодаря собственному труду и амбициям, а также поддержке и вдохновению Райана, если бы не Райан, сомнительно, что его жизнь пестрила бы настолько яркими красками и событиями. Райан стал не только его карьерными возможностями, способностью любить и путём в высокий мир искусства, Райан стал его персональным идиолом, и он жил все эти годы под его кулуарной святостью. И сейчас он был приближён к этой святости, избранный ученик, символ чистоты и вечной красоты, его недостающая половинка.

После того, как он обещал чаще появляться в галерее Райана, на собственную семью времени стало ещё меньше, но он его находил в своём плотном графике, потому что любил Майкла, который был его гарантией нормальной жизни, его человеческой стороны. Он был особенно романтичен с ним, потому что ему не хватало обычных плотских нежностей, общих шуток, бытовых радостей, мечтаний об их будущем. Он чувствовал себя в такой безопасности рядом с ним, окружённый уютом и заботой, и это быстро восстанавливало его жизненный тонус, его глубоко успокаивали мысли о том, что у него всегда будет это убежище, что бы ни происходило в его жизни, это была безопасная гавань, в которую всегда можно вернуться. Майкл, дом, собака, любимые вещи, ремонтный проект, все эти простые вещи давали ему чувство покоя,

такого человеческого и примитивного, это сглаживало его бешеную энергетическую рабочую волну и регулярные тусовки в высшем обществе. Тут он мог быть просто собой, расслабленным и не думающим ни о чём глобальном. Его семья была неким аналогом сна, необходимым для адекватного существования и помогающим восстановить силы, но ведь сон ему нужен в очень дозированных количествах, а то глядишь, впадёшь в кататонию, и проспичь половину жизни.

Вопрос секса его мало волновал, вернее даже будет сказать, что он не позиционировал секс с Райаном как измену Майклу, потому что секс с Райаном был не земного уровня, чтобы его сравнивать. Это как если бы попросить глубоко верующего человека сделать выбор в пользу веры или в пользу семьи, и, не колеблясь, тот выберет веру. Так и здесь, божественная искра, что пылала между ними, не способна была конкурировать ни с одним земным любовным опытом. Он любил и желал Майкла постоянно, он был его любимым человеком, самым родным и необходимым, но Райан стоял на пьедестале, где даже императоры казались жалкими, Райан был его недостающим звеном гармоничного существования, а скульптура была символом их небесного союза. Им не нужна была семья, официальный статус, да даже проживание вместе, они были выше этих понятий. Ему сполна хватало всего этого в отношениях с Майклом, поэтому их сексуальный контакт с Райаном не считался даже изменами, они просто скрепляли вместе ещё крепче свои души, свои разумы,

свои тела, ещё ближе к общей цели.

Мир его сейчас концентрировался на конкретных заданиях, хотя третьим глазом он подмечал всё, что происходило в глобальном мире и в более узком кругу. Ему нравилось быть в курсе событий всего, ему нравилось быть вовлечённым в мир своих друзей, своих коллег, своих членов семьи, да даже конкурентов или врагов, это тоже было его дверью в нормальность, он жил так полноценно, он всюду пускал свои корни, ведь это был его мир! Никто не мог лишить его этого наслаждения динамичной жизни, ведь именно в движении и была жизнь, зачем нужно было останавливаться, когда ты способен сам создавать иллюзии своего мира на таком высочайшем уровне? Да, он понимал, что изолирует себя от того, что ему неприятно, вся тупость, необразованность, инвалидность, жестокость, бедность, войны, болезни, всё это было далёким фоном этого мира, не влияющим на его восприятие. Раньше он больше переживал из-за мировых проблем, жалел больных, сочувствовал бедным странам, даже участвовал в некоторых благотворительных кампаниях, но после того, как сторона анти-жизни в скульптурах Ланже указала ему на гармонию двух крайностей, его мнение к несчастьям мира сего изменилось. Он понимал, что каждый человек сам в ответе за уровень своего счастья, за уровень своего вовлечения в жизнь и развитие мира, и пока человек не изменит отношение к себе, все эти гадости мира никуда не уйдут. Конечно, не всем так повезло, не у каждого в жизни появлял-

ся такой человек как Райан Смит, и не каждому скульптуры Жана Ланже были способны донести свою бессмертную мудрость. Но в целом уровень счастья на этой планете зависел исключительно от каждого человека, увы, не все готовы быть счастливыми.

Он всегда знал, что чем больше делаешь и чем меньше свободного времени у тебя, тем больше ты успеваешь. Это касалось абсолютно всего, от того в его философии не было погрешностей, он уделял своё время не только безжалостной погоне за желанным рабочим местом и волшебному миру Райана, но и социальной жизни, так что был частым гостем на разных светских мероприятиях. Открытие элитного ресторана, фуршет в музее искусства, приезд фэшн иконы из Парижа, балетные премьеры, концерты под открытым небом, ужины у арт дилеров и меценатов, даже этого ему хватало сполна. Он чувствовал, что его тело было роботом, оно давало сбой только тогда, когда он сам начинал в это верить, а так оно функционировало и функционировало, потому что оно было запрограммировано на подобное существование. Он хотел успеть всё, к тому же эта сторона жизни ему помогала расслабиться и отвлечься от рабочих вопросов.

Но он чуял, что в подсознании он так себя вёл в последнее время, чтобы максимально избавить себя от искушения не поддаться чарам скульптуры, чтобы забросить свою человеческую жизнь, и поддаться соблазнам познать вечность здесь и сейчас. Он боялся, что вечность вырвет его из этой дина-

мичной нормальности, от того он и пытался жить, жить и жить, познавая жизнь во всех её аспектах и оттенках. Он был переполнен жизнью, зная, что этого от него требует скульптура, это была плата за то, чтобы прикоснуться и слиться с её анти-жизнью, которая гармонизировала его до предела. Без своей активной реальной жизни он не мог заряжать с такой лёгкостью своё мраморное отражение. Это даже как бы не обсуждалось, он просто знал, что должен это делать, это была плата за взаимное сотрудничество, и его устраивала эта сделка и не вызывала никаких сомнений, он принимал это как одну из своих обязанностей.

Но вот в галерее с Райаном время шло совсем по-другому. Иногда он приходил чуть раньше, когда ещё последние посетители рассматривали выставленные там произведения искусства, и было так непривычно, что кто-то кроме них с Райаном разглядывает его скульптуру. Он чувствовал, что она не открывается им, никто из них не зацепил тонкие струны её души, чтобы она обнажила весь свой гармоничный опыт жизни и смерти. Его поражал её невозмутимый покой, хотя она была пропитана опытом крайностей, пик жизни и смерти смешались вместе, в конце концов, неважно, родился кто-то или умер, всё одинаково имело значение, всё одинаково было незначительно. Эго его красоты уже не имело значения, когда люди, разбирающиеся в искусстве хвалили прекрасное телосложение, манеры и лицо его скульптуры, он носил этот отпечаток красоты и в себе, но только рядом с этой скульп-

турой, он мог гармонизироваться и сбросить свою человеческую личину. И даже стоя воровато в полупустом зале, он как будто бы был чужим здесь, не открываясь до конца мрамору, потому что это был слишком интимный процесс, требующий полного погружения.

Наедине с Райаном было так легко, так изысканно, так правильно. Он не просто был собой, он из себя вытягивал всё самое лучшее и был этим улучшенным вариантом себя, слияние со скульптурой делало его совершенным не иллюзорно, а на самом деле. Его преобразование было завершённым и плавным, и ему казалось, что он взирает на мир из обители богов, прямо не касаясь дел этого мира, но всевидящий, всезнающий, и при этом безразличный к этим мелочам. И только тот, кто созрел принять его благословение или проклятье (которое тоже работало в итоге как благословение, опыт нужен всякий), он давал возможности раскрыть свой потенциал. Его ничто не раздражало, ничто не отвлекало, ничто не пугало, ничто не тревожило, и что удивительно, при этом он с Райаном мог беседовать на совершенно приземлённые темы, он как бы оставался в человеческом теле, но разумом был уже выше уровнем. Райан в окружении двух Джулианов расцветал сам, глаза его горели творческим огнём, он бурлил энергией и знаниями, он был охвачен страстью покорить вечность, и это была наивысшая цель всего его существования. Это была и цель Джулиана, вместе они ступили на этот путь, и вместе они переживут катарсис. Что будет дальше,

не имело значения, они преобразятся, даже если потеряют человеческие тела.

Когда Джулиан оказывался после стольких часов в выставочном зале под холодным дождём ветреного Нью-Йорка, мысли об осуществлении их с Райном мечты уже слегка приземлялись. Он не готов был лишиться тела ради высшей цели, он знал, что есть другой метод, как преобразиться, и отказывался верить в то, что последняя жертва будет воистину последней. Заряженный своей земной и материальной жизнью, он выходил оттуда совсем другим, более собранным, более спокойным, он был заряжен на какое-то время на жизнь вне суеты, вне спешки, но потом природа брала своё. Он снова становился сгустком нескончаемой энергии, потому что знал, что ему надо успевать жить, его жизнь нужна его мраморному идеалу, который вёл его судьбу в вечность. И как бы Райана не раздражала его сумбурная и бешеная энергетика в этой жизни, они оба понимали, насколько она является ключевой в том, чтобы гармония между ним и мраморным Джулианом была стопроцентной. Он был таким всегда, но только сейчас он осознал, почему он был рождён с переизбытком энергии и наполеоновскими амбициями, чтобы однажды позировать своему мраморному идеалу для обретения смысла жизни.

Но всё уже шло к тому, что он получит долгожданное повышение, он работал блестяще, и не только быстро и качественно, но ещё демонстрировал нестандартные решения

проблем. Тем самым он доказал, что свежая кровь иногда необходима в самых верхушках фирмы, чтобы смягчить за-костенелость и консерватизм правления. Конечно, ему не де-лали поблажек, испытание воистину было сложным, но его оптимизм и вера в себя заставляли многих им восхищаться. Но генеральный директор его не щадил, ведь сейчас шла борьба за то, достоин ли он стать его правой рукой, тот не хотел себе неопытного юнца с амбициозным гонором, а на деле пустым. Так что всё было оправдано.

Поскольку он общался с Райаном, который до сих пор участвовал во всех этих собраниях фирмы (глобальных или креативных), то он знал и то, что он на хорошем счету, испытание он пройдёт, в этом он может даже не сомневаться. Многое зависело от Райана, и Райан давно уже позволил ему играть в больших боссов в своей фирме, по сути, он мог да-же так не вылезать из шкуры, чтобы доказать, как он хорош, но он никогда не умел жить вполсилы. Он не любил халтуру или недоделанную работу, он не любил скидывать на других то, что считаешь сложным, он терял гораздо больше энергии именно тогда, когда забрасывал проект или выполнял что-то некачественно. Не то чтобы его пилила совесть потом, нет, но чувство неудовлетворения, как будто он живёт только в половину жизни, не покидало его. Он не привык к полутонам и к тусклым оттенкам, он жил ярко и лучше уж было впадать в крайности, чем проживать опасно, как будто он брал в аренду свою собственную жизнь. Потому он так и старался,

потому что по-другому жить не умел и не хотел. А то, что он получит уже на днях подтверждение своего повышения, в очередной раз доказывало, что он на верном пути. Он не удивлялся и не испытывал какие-то гиперэмоции по этому поводу, это было заслуженным следующим этапом его жизни.

Он заранее никогда ничего не праздновал, но поскольку он был уверен в том, что его повысят, то уже организовал в честь этого на работе банкет. А через неделю всё было готово к свадьбе в штате Иллинойс. У него всё в жизни в последнее время происходило быстро, два важных события станут символом нового этапа, и именно в нём он уже планировал сосредоточиться на том, чтобы слиться ещё глубже с мраморным Джулианом, чтобы получить обещанную награду. Он понимал, что где-то его мышление развития в материальном мире было несколько шаблонным и стереотипным, но и что с того, у каждого свои критерии, как развиваться. Кто-то вот посвящает себя семье, кто-то забивает на всё, но прокачивает карьеру, кто-то весь в творчестве и забивает на быт, но большая часть людей просто выживает, болтаясь между всеми этими понятиями, и лишь изредка получая вспышки животельной энергии, наполняющих их существование смыслом. Он же был тем, кто успевал всё.

Ему было мало одной цели, ему нужно было всё и сразу. Но не поднесённое на блюдечке с золотой каёмочкой, а заслуженное потом и кровью, победы имели значение только в

том случае, если он преодолевал весь путь самостоятельно. Раньше он гораздо больше времени проводил в некоем расквашивании, отдых и бессмысленное веселье были для него нормой. Хотя и сейчас он тоже умудрялся тусоваться с размахом и находил методы, как расслабить и тело и дух, но всё же сейчас он не тратил своё драгоценное время на то, что не приносило никаких плодов. Сейчас он грамотно распоряжался своим временем, и после покорения одной цели, уже ставил другую. Он уже видел, как и что он будет делать, когда станет заместителем генерального директора, чтобы занять его пост. Да, не сразу, с таким спешить не стоило, нужно почувствовать себя стабильно и уверенно так высоко, чтобы не облажаться, и когда осознание придёт, я созрел, тогда и стоит осуществлять план. Он был полон сил завершить последний этап своей жизни, чтобы в очищенном состоянии ступить на тропу преображения.

Райана всё беспокоила тенденция топтаться на месте, вроде бы вот ты поймал свою мысль, но она не спешила проявляться полностью, ты как будто видел только её тень, ты понимал её очертания, но вглубь не мог заглянуть. И при этом динамичность жизни была бешеной, это странное двусмысленное состояние не давало ему покоя, то ли он развивается слишком быстро с Джулианом, то ли они затянули с последним шагом? Вокруг все замечали его изменения, он стал более чувствительным и интуитивным, и многие это связывали с тем, что он встретил свою любовь. Эти слухи не влияли на него, но его слегка расстраивало, что его поведение могли интерпретировать как банальную влюблённость. Те чувства, от которых он захлёбывался пеной безумия, сливаясь с гармонией Джулианов, они были куда возвышеннее, куда темнее чем то, что люди привыкли подразумевать под тривиальной влюблённостью.

Его новый выставочный зал открывался как раз после свадьбы Джулиана, всё было готово к открытию, остались только последние штрихи, и его снедало нетерпение, как изысканная арт публика в этот раз примет его собрание работ молодых художников? В этот раз он не выставлял признанные работы, а откапывал новые имена и давал возможность талантливым молодым художникам зацепиться в жестоком

мире арт рынка. И как только ажиотаж сползёт, и ему снова понадобится реклама, они с Жаном Ланже готовы будут выставить его самые скандальные и грандиозные работы – гротескные гниющие тела из мрамора. Райан ставил на эту выставку очень много. Он знал, что ему очень повезло, что его галерея уже изначально имела большой спрос, благодаря связям, деньгам и хорошему вкусу. Но чтобы нормально функционировать на постоянной основе, придётся удивлять публику и не давать ей заскучать, так что он осознал, что как только он отошёл от дел в одной фирме, так его засасывала новая, это был его азарт, его возможность навязать людям восхищение конкретными художниками и их работами. И здесь он был творцом, и картины под его патронажем доходили до самых сердец светской публики, любители современного искусства скоро станут восхищаться его вкусом, и он будет иметь власть решать, что именно будет в моде в современном искусстве. Конечно, не он один, но он всегда мечтал попасть в этот кружок избранных (например, он имел членство в гильдии моды и имел слово в создании новых трендов), чтобы образовывать арт мир.

Было удивительно, с какой лёгкостью и упорством они брали с Джулианом новые вершины, они всегда умели чётко формулировать свои цели, которые переделывали в более детальные планы и следовали им без всех этих бессмысленных плаваний по течению. И самое приятное было то, что они именно этого и хотели, они себя знали очень хорошо, от

того и могли строить свою жизнь по своему желанию. Важность его миссии была до сих пор для него святой, мир искусства всё-таки был тесно связан с его высшей целью. И хотя сейчас его уже мало волновало мнение других людей и то, как они развиваются, тут уже скорее играла его роль творца. Это как сидеть в пещере Али-Бабы с самыми большими и красивыми драгоценными камнями, но лишь ты один видишь эту неземную красоту, и какой тогда от неё смысл? Но то, что они переживали с Джулианом и их конечная цель, это уже было другим делом, это был другой уровень, другое измерение, и этот процесс был до мучения интимным. Этот рай был создан на двоих, и туда даже был заказан путь самому Ланже, который, в принципе, и подтолкнул их в объятья этого гармоничного единения через мраморную скульптуру. Им уже не нужно было искать идеал, они уже нашли его, осталось только сохранить способность жить с этим идеалом навсегда.

На последнем собрании перед принятием решения, повышать ли Джулиана, Райан блистал не только своей сияющей энергией, но и речью. Все знали, как Райан относится к Джулиану, и всегда относился, но на работе давно уже не циркулировали слухи о том, что этот наглый Джулиан всё себе насосал. Да и кто будет при самом Райане распускать эти грязные сплетни? Райан прекрасно знал, что был бы первым, кто спустил бы этого наглеца с небес на землю, если бы Джулиан не тянул эту должность. Он тянул, все это понимали,

придаться было практически не к чему, осталось только поздравить его официально и сменить ему кабинет. Только генеральный директор имел свои сомнения, слишком уж коротким был испытательный срок, чтобы получить сразу это место. И вообще-то он не говорил, что ему нужен заместитель, но ведь акционеры решали такие дела, каких должностей не хватает в их фирме. Да, он как не кто другой видел, куда смотрит Джулиан на самом деле, и с покровительством Райана всё было в этом мире возможно, даже стать генеральным директором такого крупного дома мод в 35 лет.

Во время официального собрания и на банкете, Райан старался держаться слегка отстранённо, но был вежлив и радужен. Это был праздник Джулиана, все хотели поздравить его, все хотели быть рядом, все думали втираться ему в доверие, нечего ему было вмешиваться в этот карьерный восторг, он уже пережил все свои самые яркие моменты в этой фирме. Джулиан был на удивление хаотичным, энергетические вспышки прямо с ног валили, он был переполнен спутавшимися клубками чувств, которые не мог чётко сформулировать, и они переплетались между собой и создавали цепные реакции, заряжая его ещё большей хаотичностью. Райан ненавидел, когда Джулиан был в таком состоянии, яркие события накладывались в его жизни одно на другое и не давали ему времени и сил принять их и перестроиться.

Как же Джулиану сейчас было необходимо оказаться рядом с мраморным идеалом, тот мигом бы выровнял его су-

етливый переизбыток энергии, и Райан бы просто смотрел бы на Джулиана и не замечал бы ничего вокруг. Боже мой, как же избавиться от этих крайностей, Джулиан так быстро загрязнился жизнью из-за своих нервотрёпок, жизнь его менялась стремительно быстро. Но Райана это не волновало, Джулиан был обязан упорядочить свою жизнь, потому что в такие моменты он был слишком далёк от идеала, и это откровение глубоко ранило Райана, ему казалось, что он выбрал неверного человека для осуществления своей цели. Но он знал, что именно Джулиан был символом преображения, потому видеть его таким приземлённым, таким обыденным, таким человеческим было особенно сложно, он идеализировал его и подгонял под свои стандарты, и то, что он видел сейчас, полностью противоречило этому. Ему хотелось уйти из этого бесполезного цирка, что он и сделал. И он был уверен, что Джулиан понял причину его раннего ухода.

Свадьба была тем ещё кошмаром в его понимании, хотя только для него одного, потому что всё на самом деле было по-человечески безупречно, прямо не придраться. Каждая мелочь была продумана до фанатизма, каждый гость был пешкой в сценарии Джулиана, каждое слово цепляло, казалось даже, что каждый шелест ветра был спланирован им заранее! Свадьба была настолько искусственной, что люди даже начинали верить, что это всё происходит на самом деле. Красота, шик и дороговизна ослепляли. Конечно, декорации и наряды были выше всяких похвал, ведь они принадлежа-

ли его фирме, а в его одежде даже простые люди преображались, и снова чувство божественного начала в себе заставляло его взирать на этот праздник с поста творца. И всё крутилось вокруг самой прекрасной пары на свете, именно так все думали здесь, хотя тут было полно зажатых скептиков, но по сценарию Джулиана каждый должен был молиться на эту свадьбу и завидовать, что у них никогда не было и не будет подобного опыта. И влюблённость между Майклом и Джулианом, казалось, прямо взята из романтической мелодрамы, от которой плачут поголовно все домохозяйки.

Райан пытался пробиться сквозь сценарии Джулиана и узреть в нём тот голый творческий дух, что вдохновляет его на высокие мысли, но под слоем радужной паутины и спутанных клубков, с которыми уже озорно играли котята, было не пробраться к самому главному. Боже мой, как можно под такой идеальной внешней красотой быть настолько хаотичным и негармоничным? Это разрушало его целостность, его показная жизнь и материальная безупречность были лишь игрой, но его было не обмануть. И проблема была в том, что Джулиан воистину испытывал шквал эмоций, и хотя при общении с ним не была практически заметна его нервозность и непоседливость, Райан знал, что каждая из этих эмоций – настоящая и яркая. Джулиан сейчас пылал такой жизнью, что она, казалось, уже сама себя не может вынести, он перебарщивал с этим, он рушил сам себя, и от этих мыслей Райана бросало в дрожь, Джулиан был настолько осквернён раз-

рушительной стороной жизни, что он боялся, что это неоправдано.

Конечно, он взял себя в руки, он не планировал устраивать сцены или искать повод ускользнуть раньше времени и не дожидаться неофициальной части. Он даже пытался себя заставить наслаждаться этой изысканной сервировкой, этим интуитивным выбором блюд, этим сказочным освещением и этой белизной нарядов. Это всё трогало его израненную душу эстета, но из-за перемен в Джулиане вся еда казалась безвкусной, а украшения унылыми, и даже живой оркестр с безупречным звуком вызывал только головную боль, как будто это был харш нойз в подпольном клубе. Ему казалось, что он попал в зачарованный сад, где каждый человек продолжал делать вид (или даже верить), что он живой, хотя на самом деле они все были скульптурами Ланже, разной степени гниения. Мертвецы, которые не осознали свою смерть, бессмысленное существование вне жизни и вне смерти, и это было печально. Но всем было весело, всем было интересно, все радовались за Джулиана и Майкла, и он не удивится, если Вог признает эту свадьбу лучшей среди однополых пар.

Он наблюдал также за Майклом, который нервничал более искренне, да и было заметно, что ему не так тут и уютно, слишком много официальности, слишком много этикета, слишком много прикованных взглядов, а ведь это был их с Джулианом праздник, и эта нелогичность заставляла Майкла прятаться в свой кокон. Райан никогда не ревновал Джулиана

на к Майклу, и даже сейчас он смотрел на них, влюблённых и воркующих голубков со светлым будущим и морем возможностей, и не мог ощутить ничего кроме бренности момента. Насколько это всё было временным, материальным, банальным и предсказуемым. Эта свадьба была символом нормальности Джулиана, он доказывал себе, что его человеческая сторона не менее важна в этой жизни. И в этот момент Райану казалось, что для Джулиана нет ничего важнее, чем смаковать своё счастье в этом тривиальном акте высших целей в глазах материалистов, это была ода восхваления самому себе и своей физической жизни. Джулиан сейчас был соткан из плоти и крови, настолько он это хорошо сейчас осознал, и вся его мраморная subtilitas идеализма куда-то испарилась, оставив только внешнюю оболочку, наполненную лишь звуками циркулирующей крови и запахами свежего мяса. Где его обещанная награда? В какой момент врата вечности захлопнулись перед его носом, оставив после себя лишь приторный душок вечерних духов и шелест шёлковых лент?

Когда у них появилась возможность более или менее поговорить с Джулианом без свидетелей (а не просто обменяться стандартными репликами вежливости), эмоции в Райане уже не кипели в котле адского пламени, но разочарование, что Джулиан в такой, казалось бы, великий день стал закоренелым материалистом, до сих пор не покинуло его. Джулиан сиял этой своей приземлённой радостью, и хотя усталость

ощущалась уже даже в его поведении, искорки суетливого счастья боролись внутри него с разрушительным электрическим зарядом. С ним даже сидеть рядом было тяжело, это было именно то, чего Джулиан больше всего боялся, он сам в себе создавал дисгармонию, которую он так кропотливо и методично в себе убивал в тандеме с мраморной скульптурой (и под присмотром Райана). Куда подевалось его покорение жизни и анти-жизни, где его уверенность, что жизнь и смерть равны? Он сейчас был просто жалкой внешней копией чего-то реального, оставив в себе только то, что можно было сохранить на поверхности. Джулиан сейчас потерял своё дно, не было в нём никакой глубины, потому что он даже не был трёхмерным, всё важное отскакивало от него и ни на что не влияло. Это было ужасно.

– Джулиан, – вздохнул Райан, сил кричать не было, – что случилось с твоей красотой?

Джулиан первым делом потрогал свою причёску, провёл рукой по лицу, поправил безупречно сидящий костюм, потом взял зеркало и проверил, не просвечиваются ли синяки под глазами под толстым слоем грима. Нет, внешность его была неотразима, даже живительный блеск в глазах сейчас был доказательством того, насколько он был безукоризненным в этой материальной жизни. Жизнь выиграла, Джулиан выбрал свою сторону, потеряв не только свою индивидуальность, но и право излучать гармонию. Поняв, что его внешность неотразима, он кокетливо поднял свою руку и прикрыл

ею ладонь Райана. – Мне кажется, что моя красота сегодня вне конкуренции, я никогда себя не чувствовал таким красивым и желанным. Райан, жизнь прекрасна, у меня есть всё в этой жизни!

– Кроме души, – ответил резко Райан, сбросив с себя его костлявую руку, пропитанную автозагаром.

– Ой, да брось ты, – махнул театрально рукой Джулиан, сев на ближайший стул в стиле модерн, – ты когда-нибудь вообще можешь расслабиться, прекратить грузиться и просто наслаждаться моментом?

– Джулиан, я никогда ещё не видел тебя таким пустым, – сказал правду Райан, схватив в нервном возбуждении очередной бокал с шампанским. – Я тебя видел практически во всех жизненных ситуациях, в том числе и на твоих праздниках, где ты веселишься до упаду, наслаждаешься своей красотой и избранностью, даришь всем по лучику любви и пытаешься впитать в себя целый мир и при этом не лопнуть. Даже во время твоих убойных вечеринок, твой жизненный огонь не был пустой и приземлённой фантазией, ты всегда видел и чувствовал всё так глубоко, что аура твоей собственной жизни обрастала не только крыльями и радугами, но и божественным лучом творения. Сейчас у тебя даже ауры нет, ты просто симпатичное пугало в моей одежде и с самовлюблённой одержимостью иллюзий материалиста.

Кажется, Джулиан его услышал, он прямо дёрнулся как от удара током, слова ранили его не только своей прямоотой, но

и своей искренностью, никто не любит слышать правду, если она рушит наше собственное мнение о нашей избранности и безупречности. – Я просто играю, Райан, это – свадьба, я не собираюсь тут устраивать философский кружок любителей блеснуть своими метафизическими опытами, это – мой праздник, и это тебе не какое-то бракосочетание для райской книги судеб, это просто такой материальный символ нашей с Майклом любви. Вот и всё. Зря ты ищешь во всём смысл, иногда просто приходится впадать в бессмысленность, потому что она и создаёт часть нашей материальной жизни, вместе с рутинной.

– И что в это время делает твоя душа, твоя жажда покорить вечность, твоё слияние с голой гармонией? – спросил серьёзно Райан. – Ты же понимаешь даже своим сейчас пустым мозгом, что временного суицида не бывает? Суицид, это такое понятие, которое подразумевает конец жизни, иначе это назовут попыткой суицида.

– Райан, я не изменился! – в глазах Джулиана уже виднелись слёзы, его голос звучал высоко и резко. – Я всё также в процессе познания вечности, это – просто внешняя оболочка, мой смысл жизни совпадает с твоим, ты это прекрасно знаешь! Мне всё равно на всю эту мишуру, это просто чёртовы традиции, и улыбаюсь я, потому что это – моя роль, я – грёбаный жених, и мне на самом деле посрать на весь этот белоснежный рай!

– О нет, – ответил уже мягче Райан, – это и есть – твоя

жизнь, это и есть – твои идеалы, это и есть – твоя жажда покорить вечность; в самых банальных актах ты лишь раскрываешь свою натуру, пустую и холодную. Даже все твои горящие эмоции всего лишь показывают твою неспособность стабилизировать свой внутренний мир, он у тебя такой хаотичный, что в тебе никогда не сможет ужиться гармония. Это – твой уровень, это – твой пик экзальтации, самая роскошная гомосексуальная свадьба в США, самый красивый жених, самый успешный сотрудник моей фирмы, не разорвись от переизбытка эмоций, ведь они и составляют смысл твоей жизни.

Джулиан примолк, явно обдумывая, что ответить на обвинения Райана, но его лёгкость испарилась, ему уже даже было трудно играть роль самого счастливого и успешного в мире жениха (или уже супруга), но Райан увидел в этом надежду. Человек, который реально довольствуется миром материализма, он постоянно счастлив, ему больше ничего и не надо, но Джулиану было некомфортно осознавать, насколько приземлённость рушила то великое, что он взрастил в себе благодаря своей скульптуре. – Может быть, я просто – хороший актёр, – пытался снова оправдать свою пустоту Джулиан. – Мне не нужно сейчас раскрывать свою душу перед всеми этими зажратыми материалистами, Райан, нас окружают люди, которым пофиг на те ценности, о которых ты сейчас говоришь. И это – элита, избранные псевдоличности, перед которыми ты заискиваешь в своей галерее, думая, что их там

что-то торкнуло в твоих картинах, а на деле они просто приходят туда поболтать, блеснуть знаниями, которые почерпнули из интернета за час до визита и будут дронить на то, что великие критики обозвали шедеврами. Райан, этот мир совсем не идеален, и я с радостью сбегаю в наш мир, что мы с тобой создали, потому что меня самого тошнит от того мира, в котором мы вынуждены существовать. Думаешь, я не мечтаю покорить вечность? Думаешь, я желаю всю жизнь прожить в этом псевдоцирке, где всем посрать на всё на свете, кроме как материальных развлечений, бессмысленных и пустых?

– Открой глаза, посмотри какая гниль вокруг, всё вокруг искусственно, и если ты думаешь, что я не замечаю всего этого мусора, то ты глубоко ошибаешься. Я играю, я постоянно подстраиваюсь, потому что только так ты можешь что-то иметь. Быть собой на сто процентов мы не можем в этом мире, этот мир лишён индивидуальности и глубины, здесь всё на поверхности или подвержено безумию, гниению, разрушению! И знаешь, что самое важное? Не критиковать, не прятаться, не жаловаться, что наш мир – это огромная клоака, а гордо существовать в этой клоаке как царь, потому что всё это – лишь декорации. Я не собираюсь ломаться или прятаться от настоящего мира, чтобы созерцать вечность, потому что я никогда и не смогу её остановить, если не буду погружен во весь этот живой опыт! Райан, ты сам знаешь, насколько моей скульптуре важно, чтобы я был пропитан всем

этим мирским говном, думаешь, я не хочу ей поскорее всё это скинуть?

– Ты используешь скульптуру только для того, чтобы очиститься от дерьма, которого ты успеешь нахвататься в этом загрязнённом мире? – не верил своим ушам Райан. И хотя Джулиан пытался донести до него совершенно иную мысль, Райан сейчас был в обвинительном настроении, потому что его разочарование, что Джулиан может быть небезупречен затуманивало его разум.

– Что ты несёшь? – взорвался теперь и Джулиан, голос его дрожал, руки тоже, его взъерошенный вид при всём этом искусственном параде вызывал у Райана прямо отторжение, перед ним сейчас сидел человек, типичный представитель homo sapiens, с гнилой душонкой или отсутствием оной. – Ты же знаешь, насколько я ценю эти сеансы наедине со скульптурой, только они раскрывают меня по-настоящему, и я могу сбросить всю эту театральную среду клоаки, боже мой, Райан, даже то, что сейчас происходит, я горжусь этим! Это – часть моего опыта, я впитываю в себя жизнь во всех её проявлениях, чтобы оживить нашу чёртову скульптуру! В обмен на то, чтобы получить хотя бы те крупинки гармонии, которые постепенно ведут меня к вечности...

Лучше бы Джулиан всё это время молчал, все его оправдания казались такими наигранными, такими бессмысленными, сегодняшний день был настоящим испытанием для него, вера в Джулиана поколебалась настолько, что он не был уве-

рен, не потерял ли он сам смысл жизни. И чтобы добить Джулиана и сделать и тому ещё хреновее, он напоследок сказал, прежде чем покинуть этот застывший брачный сад фейковых наслаждений. – Посмотри на себя, ты уже десять лет как гниёшь, и процесс только ускоряется. Смой весь этот вечерний грим, сними с себя этот элегантный костюм, и что от тебя останется? Ты думаешь, что твоя красота вечна? Да ты уже сейчас видишь, насколько ты не безупречен, и то, что тебе временно смогла дать скульптура, когда ты с ней на самом деле сливался, ты давно уже растратил это на свои показушные свадьбы и кич рабочими трофеями. Я всегда восхищался твоей красотой, я никогда не скрывал этого, я видел тебя идеальным, а в гармонии с мрамором, так и вовсе божественным, но сейчас всё, что я вижу, так это стареющего мужчину, который считает, что природа наградила его не только идеальной красотой, но и вечной молодостью. Нет, Джулиан, не наградила, и мои мечты сохранить твою красоту вечной ты разрушил в один миг, показав мне свои истинные приоритеты.

После этого он резко встал и направился в сторону белой цветочной арки, которая использовалась как вход на территорию любви и красоты (тьфу ты, Райана тошнило от этого наигранного пафоса). Джулиан пошёл за ним, было видно, что он на грани истерики, и Райан был доволен, он именно эти эмоции и хотел вызвать в Джулиане. Он понятия не имел, захочет ли он когда-нибудь его снова видеть, но он хотел этих

сожалений в нём, он хотел, чтобы Джулиан, наконец-то понял, что не всё вечно. А если уж Джулиан воистину созреет выбрать вечность и сохранить свою красоту, он знает, что нужно делать. В этом он не сомневался.

– Да что тебе вообще от меня надо? – кричал Джулиан, жестикуюлируя как ненормальный, тем самым подчёркнув свою несдержанную суетливость, которой Райану прямо не хватало, чтобы убить его идеалы. – Что ты себе возомнил? Хватит играть в богов, Райан, мир не крутится только вокруг тебя! Да, я старею, и ты тоже, все мы на пути к нашему гниению, я признаю это, но и ты признай! И мы не можем изменить это, не можем! Смирись уже с этим!

Джулиан продолжал в том же духе, только Райану уже было до фени, он сажился в одно из дежуривших рядом такси и направлялся в аэропорт (на частном самолёте, организованном для гостей из Чикаго ему уже не удастся улететь, но он больше не мог оставаться тут ни на миг). Некоторые гости наблюдали за этой неловкой сценой, и Райану стало теперь ещё и стыдно за Джулиана за то, что на собственной свадьбе, ах, на самом главном событии в мире моды и шоу-бизнеса, тот сам довёл себя до этого состояния. Стыд и срам. Как же Джулиана бомбило, ведь слова Райана попали прямо в точку, старение и увядание красоты были не только самым главным его страхом, но и самого Джулиана. Но он знал, что с этим не нужно мириться, и если Джулиан всё-таки поймёт это окончательно, Райан спасёт не только красоту Джулиана, но и его

душу. Что бы сейчас Джулиан ни говорил, они оба знали, что вместе способны пробудить божественную искру, исходящую от слияния Джулианов. Теперь не осталось никаких колебаний, никаких сожалений, Райан знал, что надо делать.

Казалось бы, после повышения на работе, свадьбы, волны публичности, больших премий и миру, улыбающемуся только ему одному, всё это должно было сделать Джулиана счастливым, но на самом деле, он давно не чувствовал себя таким опустошённым и одиноким. Он не мог вынести того, что Райан снова вычеркнул его из своей жизни, вообще практически без причин. Он понимал нутром, это – временно, ты ещё можешь всё исправить, но задетая гордость и осознание того, что Райан просто им пользовался и подстраивал только под свои собственные стандарты, вызывало в нём некое сопротивление. Он был сыт по горло соответствовать идеалам Райана, чёртов Райан лепил его жизнь до самых мелочей, до самых внутренностей, каждая мысль, его личная мысль, фильтровалась Райаном, и только Райан решал, достойна ли она жизни. Райан не был идеален, и вот он нашёл его и пытался прожить его жизнь, только так, чтобы полностью соответствовать собственной идеологии, и что же доставалось Джулиану самому? Что это было? Он просто был пешкой Райана и жил исключительно по его сценарию? Почему каждый раз, когда они отдалялись друг от друга, это не казалось избавлением, а походило на добровольную ампутацию? Нормальный человек не способен просто так отрезать себе руку или ногу, и Джулиан чувствовал, что делает это

снова, потому что дал повод Райану усомниться в нём. Райан больно уж быстро терял веру, не было ли это спланировано заранее, чтобы ускорить то, что он уже изначально задумал? Момент кульминации приближался, всё теперь зависело только от него, готов ли он будет сделать этот последний шаг.

Нет, убеждал он себе, пора остановиться, пора просто жить в своё удовольствие, я свободен от любой зависимости, никто и никогда больше не будет диктовать мне, какой должна быть моя жизнь. Я не хочу больше быть идеальным, я хочу быть обычным человеком, просто примитивным созданием, таким же, как и миллионы других представителей человеческой расы. Почему каждую микросекунду своего существования нужно быть идеальным во всём? Почему нельзя дать себе расслабиться и просто жить? Кто вообще решал, как должен выглядеть или вести себя идеальный человек? Почему мнение Райана было самым важным? Райан пользовался им всю жизнь и не позволял развиваться так, как он сам бы этого хотел. Он был убеждён ещё с зелёных лет (они познакомились, когда он ещё учился), что Райан и есть тот человек, за которым он последует хоть на край света, хоть в медвежьих углы. И так оно и было, хотя он давно уже сам созрел и имел успешную жизнь. Он всегда считал себя таким независимым, таким оригинальным, таким открытым ко всему новому, но на деле это была лишь диктовка Райана, и стоило ему только свернуть в узкий проулок, которого не

было на карте Райана, как его внутренний магазин рушился, ниспадая руинами на его собственную жизнь. Почему жизнь без Райана так быстро несла его в пропасть, почему он снова видел у своих ног манящие тени из пустоты, которые хватались за него так цепко, что это был вопрос времени, как долго он сможет противиться их смертельному зову превратиться в горстку праха?

Почему тогда в Париже, когда он впервые лицезрел скульптуры Жана Ланже, он не покинул в панике галерею, оставив в этой разрушительной тьме все свои разбитые иллюзии по отношению к Райану? Почему они не взяли эту плату, лишив его эмоциональной зависимости от Райана, который так легко обрывал свои корни, если он вдруг прекращал играть по его сценарию? Почему Райан не мог принять его таким, каким он был на самом деле? А может, настоящего «его» и не существовало? Может, когда он лишился благословения и контроля Райана, его жизнь и была тем самым вакуумным мраком, что исходил из мраморных скульптур? Наверное, сейчас его мраморная копия покрылась трупным окоченением и взирала пустыми глазницами уже не насквозь, а в никуда, оставив весь жизненный опыт в пустынном ничто, царство смерти побеждало всегда и везде. Мысль эта заставляла его ёжиться, потому что он сам, добровольно, убил эту скульптуру, которая могла стать его дорогой в вечность. Он уничтожил эту красоту, тем самым дав отсчёту собственного разложения быстро пробираться вперёд. И он

не только сейчас позволил смертности взять власть над его существованием, но и уничтожил возложенную на него красоту, это даже было хуже осквернения, хуже богохульства, хуже инцеста, хуже детоубийства, он посягнул на самое святое, он истребил красоту и эстетику. Он был недостоин нести в себе печать благословения.

Его разрывали мысли о мёртвой беспомощности мраморной скульптуры, о том, что Райану он никогда и не был нужен как личность, он был нужен ему только как улучшенная копия самого Райана. И то, что он загубил такие возможности, сводило его с ума. Его вера в красоту как будто бы покалебалась, так ли важно искать её в этом уродливом гниющем мире, думал он, разглядывая в отражении зеркала свои новые морщинки, седые волоски и лопнувшие сосуды. Какой толк противиться этому угнетающему процессу старения? Старость стоит за его спиной, и с каждой секундой его внешность обрастает всё новыми морщинами, всё новыми изъянами, пока не истлевет до разложения, и вот уже смерть с косою стоит за ним и не просто предлагает тебе прогуляться до пустоты, а ведёт тебя, не даёт тебе шанс сопротивляться. Я хочу умереть молодым, сколько раз по молодости и глупости мы загадывали себе это желание, чтобы избежать переживаний, неудач, смертей или старения.

Джулиан вспоминал свежие трупы людей, чьи жизни обрывались мгновенно, и перебирал в памяти эту застывшую навеки искру жизни, которая уже не несла в себе никако-

го смысла, просто замороженная в вечности вспышка света, запятанная в хрустальный гроб. Какой опыт несут в себе эти покинувшие так рано этот мир личности? Сожалел ли он всему тому, что он пережил за свою жизнь? Нет, ему и этого было мало, его жизнь была так коротка, так тесна, и столько всего в этой жизни ещё надо было пережить, испытать, впитать и сохранить в качестве опыта, что даже ста лет ему не хватит. Старость и осознание собственного гниения и есть цена того, чтобы пропускать через себя всю эту живительную энергию, полную движений и вверх и вниз, и другой цены не существует. Но ведь на какой-то миг ему казалось, что он нашёл другое решение, и они с Райаном были почти у цели, чтобы остановить время, так почему же сейчас леденящая пустота пробирается в дебрях его ещё тёплых и пульсирующих кишок, напрямик к сердцу? Почему цена за то, чтобы просто жить в этом материальном мире, требует заморозить свою собственную душу? И как можно в таком случае что-то чувствовать, как получать наслаждение от яркости жизни с заледеневшей душой?

Почему вдруг его перестали пьянить собственные успехи, почему он не смаковал своим нарциссическим эгоизмом обожание к себе, почему не купался в лучах любви и признания, почему не ощущал важность уважения людей, на которых он ещё недавно молился, почему его маленький бытовой рай вдруг стал нудной тюрьмой? Ответ всегда на всё был одинаковым в его жизни. Потому что ты лишён благослове-

ния Райана, а без него твоё существование бессмысленно, и все твои достижения и победы окутаны пеленой бездушия. Райан ушёл вместе с цветным миром, и как бы ты ни жаждал вновь пропитать свою жизнь яркостью и разнообразием красок, это невозможно, потому что этот мир был чёрно-белым, и даже все эти оттенки серого не способны были вдохнуть в неё хоть каплю выразительной свежести. Боже мой, если он сейчас позволит себе всё глубже увязнуть в этой депрессивной жиже, то даже его болезненное состояние Парижа, когда скульптуры Ланже вытащили его из чудовищного статичного ада назад в динамичную жизнь, покажется ему всего лишь репетицией перед настоящей душевной атрофией.

Он знал, что надо просто создавать видимость своей жизни, просто верить, что всё хорошо и всячески убеждать себя, что он принял верное решение, наконец-то, он оборвал свои абьюзерские отношения и избавил себя от зависимостей. Всё кричало о том, что влияние Райана плохо влияет на его личность, и сейчас он просто обязан был принять свою свободу и быть счастливым. Он уже проходил подобный опыт, справится! Надо просто убедить себя, что Райана не существует, а даже если и существует, то не в его жизни, просто какое-то далёкое воспоминание, случайный прохожий, никак не влияющий на его настоящее и тем более будущее. Тогда, после первого расставания, он медленно возвращался к жизни, окружённый любовью, заботой, интересными событиями, новыми людьми, рабочими стрессами – из нейтральной

стагнации к динамичной и полной экспрессивности жизни. Но каждый раз, когда он что-то делал, его мысли блуждали в опасную сторону, а что бы на это сказал Райан? Да, у него даже тогда был период бунта какое-то время, я буду назло Райану поступать так, именно так, как хочу сам, и я буду счастлив, счастлив, счастлив, всем чертям назло! И он жил в этой показной яркости, полный иллюзий и веры в то, что он сам творит и делает себя счастливым, но это была игра, его собственная игра, а он всегда был хреновым режиссёром, чтобы сыграть блестяще такую вымученную роль.

Но всё чаще и чаще предательские мысли его заставляли вернуться к Райану – одобрил бы он это, достаточно ли он хорош для Райана в этом, а Райан бы как поступил и так далее. И потом когда рабочая жизнь с Райаном постепенно их подталкивала к более частому и близкому общению, Джулиан учился заново доверять Райану, и скоро их отношения изменились, Райан снова было его учителем, его покровителем, его примером для подражания, его персональным богом. И хотя их личные жизни больше не переплетались, Джулиан слишком часто находил себя размышляющим, что подумает Райан, замечал каждый знак внимания от него, каждое проявление эмоций. И это заряжало его надолго, ах, он был важен Райану, и мечты, что когда-нибудь они смогут быть вместе (даже без мыслей о банальной жизни стандартной гей пары) окутывали всё его естество. И хотя он убеждал себя, что его устраивает, когда их отношения с Райаном поддержива-

ются на расстоянии, и у него своя жизнь, и он никогда не променяет её ни на что, в глубине души он знал, стоит Райану только поманить, и он готов будет броситься в бездну. Может, и хорошо, что Райан добровольно отдалился от него, и у Джулиана даже не было такого сильного искушения, но ведь после того, как он стал натурщиком Жана Ланже, статус их отношений изменился, и в его жизни снова не было ближе человеческой души, чем Райан Смит.

Но сейчас-то всё было иначе, сейчас он не позволит Райану вновь доминировать над своей жизнью. Он прозрел, он понял, что никакого Джулиана Берга не существует для Райана, и есть только более красивый, более молодой, более целеустремлённый Райан Смит в теле Джулиана Берга, символ экзальтации и обещания вечной жизни для Райана Смита. А ведь он считал, что после слияния со скульптурой, его индивидуализм тысячекратно преобразился, что даже душа Райана казалась клонированной копией клона в четырнадцатом поколении. Но потом его третий глаз улавливал, что душа Райана и не сосредоточена в одном теле, она повсюду, и она направляет его в своей мраморной непогрешимости к состоянию полной гармонии.

Но хватит ему горевать о разбитых надеждах, он всего лишь разбил иллюзии, которые никогда не способны сделать твою жизнь реальной, и рано или поздно ты в них погрязнешь окончательно, либо найдёшь в себе смелость заглянуть правде в глаза. Ему будет лучше без Райана, его не существо-

вало в жизни Райана, а он был живым, он был отдельной личностью, и даже мраморный двойник не способен ему будет вернуть веру в свою избранность для Райана. Пускай, Райан ищет путь к своей вечности в этом мраморном покойнике, мраморный Джулиан был идеалом Райана, а не он, он не собирается подпитывать прожорливую скульптуру, его жизнь, его энергия принадлежали только ему, пускай, и Райан это осознает, что не бывает в этой жизни идеалов, и ничто не вечно под луной.

Со стороны вряд ли было заметно, что его жизнь внутри разломалась на множество винтиков и гаечек, которые периодически выкатывались из него и терялись в хаосе мироздания, и никто и никогда уже не сможет вернуть его в прежнее состояние без всех этих креплений. Да, пришлось извиниться за истерику на свадьбе, но у какой невесты не сдавали нервы на торжестве? У него было множество причин радоваться своим новым статусам, своим новым достижениям. К тому же, как они с Майклом и договаривались, вскоре после свадьбы они пошли в клинику репродукции и подписали контракт на создание новой жизни от его семени. Он надеялся, что новые отцовские обязанности и чувство ответственности за крохотную жизнь помогут ему быстрее принять свою реальность. Он больше не хотел мечтать, он больше не хотел гнаться за идеалами, он больше не хотел испытывать неземную любовь, потому что всё это оказалось иллюзиями, венецианской маской прокажённого инвалида. Сосредоточен-

ность на простой жизни поможет ему заполнить пустоту, которую оставил в нём Райан, которая разрасталась в нём с бешеной скоростью, как раковые клетки, пока он силой воли не заставлял её хотя бы на время остановиться. И останавливал момент и просто жил, жил, жил, только куда делось буйство красок?

Он знал, что на одной силе воли не уедешь далеко, поэтому решил устраивать себе испытания, чтобы укрепить свою решимость жить счастливо без влияния Райана. Это было непросто. Он решил проигнорировать открытие нового выставочного зала Райана Смита, потому что он не мог сейчас его видеть, раны ещё не зажили, чтобы искушать судьбу или заставлять себя испытать вновь те страдания, то чувство утраты, как будто его навеки изгнали из райского сада. И вроде бы ты адаптировался к настоящей жизни, к своей реальности, только чувство тоски и воспоминания о блаженных днях давят на тебя и не позволяют насладиться своим настоящим. Он знал, что время лечит, и надеялся на то, что эта фраза так популярна не с бухты-барухты. Но он понимал, что где-то в его душе ещё теплилась некая вера, и что он может ещё всё исправить и вновь позволить Райану стать его смыслом, его марионеткой, его билетом в вечность, поэтому лучше было себя обезопасить.

И за несколько дней до открытия выставки он улетел в командировку в Париж, дел там всегда было много, приближались очередные показы. Майкл полетел с ним, и там они, на-

конец-то, смогли снять себе маленький замок на Лазурном берегу и насладиться своим медовым месяцем. Конечно, не месяцем, но Джулиан уже заскучал после первой недели, ему не хватало динамики своей бешеной рабочей жизни, он скучал по Нью-Йорку, по званым ужинам, по музейным вечерам, по вечерним прогулкам под защитой небоскрёбов. Но ведь главное было, что в день открытия выставки он был далеко от Нью-Йорка, он выдержал первое испытание, и очень надеялся, что следующие пройдут столь же гладко.

Они игнорировали друг друга с Райаном максимально в этот период, Райан никак не прокомментировал его отсутствие на открытии экспозиции, но Джулиан и не извинился, что не придёт, хотя официальное приглашение им с Майклом уже давно было выслано (а ведь их столик мог достаться другим, желающим попасть на это изысканное мероприятие). И по возвращению в Нью-Йорк, Джулиан делал всё возможное, чтобы им лично не пересекаться. Благо, Райан почти не появлялся в офисе своего дома мод, так как был занят работой в своей галерее. Он чувствовал, что Райан считает, что первый шаг к примирению должен сделать он, но Джулиан зарёкся плясать под дудку Райана, и от того их осязаемое молчание затягивалось. Он понятия не имел, думает ли о нём Райан, и если да, то в таком же негативном ключе? Его не должно было это волновать, тот период жизни с Райаном и так затянулся, он был на новом этапе, обратного пути не было.

Но он так и не научился искренне улыбаться и испытывать миллионы ощущений одновременно, он больше не излучал тот бешеный свет энергии, она вся теперь концентрировалась в нём самом, но не позволяла себе выбраться наружу, маринуя только его одного. Всё в его жизни было по-прежнему, столько побед за один год он никогда ещё не накапливал, и вот, наконец-то, освобождение, он был независим, он строил свою жизнь так, как сам этого желал, он больше не слушался тех, кто пытался жить за него. Но почему тогда его жизненная энергия, которая так раздражала своим буйством красок Райана, теперь увяла и посерела? Где он потерял свою лёгкость и прозрачность? Да даже его суетливая хаотичность раньше озаряла его жизнь, и жизни его близких всеми цветами радуги, затапливая в вырвиглазных вспышках неугомонного бесчинства, сейчас же его невозмутимая сдержанность показывала лишь скучную и заурядную зрелость. А ведь он всегда умел воспринимать этот мир с детским энтузиазмом, и никогда ему не надоедало творить что-то новое, покорять высочайшие вершины и при этом испытывать ураган ярчайших ощущений. Неужели этот момент настал, и он просто повзрослел? Неужели он теперь будет таким всегда? Неужели он никогда больше не сможет быть частью этого мира, а не просто наблюдателем?

А потом на него накатывало такое сожаление, что он ненавидел себя, что даже утратил возможность рыдать, в этой прострации сильные эмоции не позволяли вырваться нару-

жу. И он сидел тогда дома возле своего любимого зеркала в ночной тиши и проклинал свою жалкую жизнь и ненавидел своё старение. Да, он уже не был тем вечно юным 25-летним парнем, который покорял все вершины. Перед ним сидел зрелый мужчина, который только сейчас понял, что груз жизни лежит на его плечах, и поскольку он никогда не ощущал этой тяжести раньше, сейчас это просто валило его с ног и заставляло усомниться в том, что жизнь – это дар. Ответственности станут ещё больше, сожаления будут пилить его, а его увядающая красота станет очередным напоминанием, что цена жизни – смерть. Почему ещё каких-то пару месяцев назад его красота была благословением? Куда она вообще делась, кто этот мужчина средних лет, вздыхающий перед зеркалом? Чёрт, он не был избранным, он не был особенным, он не был красивым, да у него даже личности не было! К 35 годам было уже поздно создавать себе индивидуальность, он был обречён на жалкое существование бессмысленного мира клонов.

Но почему, когда он сливался со своей мраморной скульптурой, чувство совершенства становилось не только мифом, оно становилось его реальностью? Он видел в мраморном Джулиане себя, это же был он, и вместе они создавали то, что не дано было даже Райану, который считал себя создателем этого слияния! Но было бы слияние с мраморным отражением без покровительства Райана чем-то неземным и гармоничным? Джулиан не знал ответы на эти вопросы. Как бы

ему сейчас хотелось плюнуть на всё и пробраться в галерею Райана (ключи он до сих пор хранил), чтобы очиститься от всех своих земных печалей и принять гармонию от мраморного совершенства. Но Джулиан держался.

Прошло ещё несколько месяцев, ничего не менялось, жизнь Джулиана по-прежнему тускнела, и его увядание красоты было настолько очевидным, что он даже вновь ощущал некую закомплексованность и неуверенность в себе. У него больше не получалось погружаться со стопроцентным энтузиазмом в работу, всё у него выходило теперь как-то неестественно, как-то вымученно, хотя это могли подметить только самые близкие. Но никому не позволялось теперь заглядывать ему в душу, которая кишела целым гнездом задущенных змей. Но некоторые змеиные детёныши в полуразбитых яйцах выживали и продолжали своё беспощадное дело, они душили его изнутри и заглушали каждое чувство, каждую эмоцию. Он жаждал омыться в собственных слезах, истечь собственной кровью, захлебнуться в тонне собственного дерьма, просто чтобы пробить в себе этот канал, который закупорил его возможность чувствовать, заморозил его гарантию жизни. На что он променял свою проходку в вечность? Где та пустая беззаботная жизнь, о которой на свадьбе кричал Райан, считая, что именно это и делает его живым, делает его счастливым? Куда всё это делось? Было ли это когда-то? Может, это был сон? И сейчас он просто проснулся и осознал, что он никогда больше не сможет видеть снов?

Он мечтал забыть Райана, просто вычеркнуть из жизни все воспоминания о нём, но что тогда останется от его жизни? Его жизнь была пропитана присутствием Райана всегда и в таких количествах, что тут даже никакие психологи не помогут ему упорядочить своё существование и сделать жизнь вновь его собственной, как до знакомства Райана. Зрелость и взросление были мучительными, вся жизнь теперь концентрировалась в этом болезненном осознании тлена, и даже мысли о суициде вызывали в нём не больше эмоций, чем приготовление на завтрак классической яичницы. Ещё недавно ему было позволено взлететь так высоко, что он понятия не имел, насколько глубоким будет его падение. Он лишился своих дивных крыльев, которые навсегда остались лежать в тени мраморной скульптуры в затемнённой галерее Райана. Он знал, что они там есть, и искушение вновь ощутить их груз за своей спиной сводило с ума.

И вот в это время он получает красивый официальный конверт с VIP билетами на открытие нового зала в галерее Райана. Приглашение от Жана Ланже, ведь именно его скульптуры там будут выставлены. Чёрт, в этот момент Джулиан вдруг ощутил свою прежнюю нервозность, все эмоции, замороженные в этот период, на него нахлынули таким шквалом, что он прямо физически начал задыхаться. Я – живой, думал он, великая милость богов, это – прекрасно, быть живым и чувствовать весь тот ужас, что сковывает тело, выпрыгивая наружу. Всё плясало вокруг него огненными бли-

ками всех цветов радуги, его душа только что пробудилась из комы, только зачем, кто позволил ей вновь стать частью этой жизни? Это ничего не значит, это было просто приглашение на открытие выставочного зала, на которое он даже не пойдёт. Но он обязан Жану так многим, он не может не пойти, просто не может, и он это сделает ради Ланже, только ради него. Да, он будет игнорировать Райана, ему вообще уже всё равно на этого сноба, чего ему вообще о нём думать?

Сумбурные мысли пытались выстроить защитную стену из иллюзий, только за этот период он так устал блокировать себя, ведь взросление, в том числе подразумевает и принятие реальности. А какова же была реальность? А такова, что он пойдёт туда не из-за Ланже, и то, что он в этот момент осознал, что по-настоящему живёт, было спровоцировано только одной лишь вспышкой безумной любви, что он его там увидит. Увидит. Да, увидит. Его! Чёрт, он пойдёт туда за своими сломанными крыльями, потому что нет смысла в его нынешней жизни, нет смысла в его будущем, если он будет жить и знать о том, как гниют его крылья под покровительством его мёртвой мраморной копии. Решение было принято, ему подходит жизнь, а не анти-жизнь, а полноценно он мог жить только в тени величия Райана. Боже мой, он был готов на всё, что угодно, лишь бы вернуть его расположение, да, теперь он созрел покорить вечность!

Кажется, такого блаженного волнения он даже не испытывал перед тем, как наряжался на собственную свадьбу. Он

весь сиял, все его признаки старения как рукой сняло, он узнавал эту сияющую энергией суетливую личность с гордой походкой и женственными манерами. Его оглушало чувством неопишуемой радости, он сделал свой шаг, он принял решение, и теперь осталось только в блаженстве идти к нему через объятия Райана, через мраморную скульптуру, прямоком в чёрную дыру, которая окажется пиком его бессмертия. А если уже поздно? Если он уже так загрязнён, что пути назад нет, пугали его навязчивые мысли, делая его ещё более нервным? Но он сразу поймёт это, когда окажется там, и тогда уже пан или пропал.

Весь его вечерний туалет, все непринуждённые разговоры с Майклом в такси, вся скучная проверка охранников и вся эта трескотня у входа со знакомыми проскользнули перед ним как в тумане. Ни на чём он не был сейчас способен фокусироваться, ему только нужно было увидеть его! Живительный огонь его натуры покорял людей вокруг, его окружали такие интересные люди, такие умные, такие перспективные, такие успешные, но сейчас все они были серой массой, отвлекающей его от жизненно важной миссии. Сейчас он просто хотел увидеть Райана, и тогда уже решать, что ему дальше делать со своей жизнью.

Райан нашёлся быстро. Он же был владельцем этой галереи, без него не обойтись! Он заметил его в другом конце коридора, беседующим с коллекционером из Ирана, который недавно скупил целую кучу полотен экспрессиониста

Барнетта Ньюмана. Райан не видел его, и он мог со своего наблюдательного поста любоваться сдержанностью Райана и его ни с чем несравнимой харизмой. Джулиану казалось, что он получил обухом по голове, или как будто он залпом выпил все двадцать вёдер с шампанским, выставленных в банкетном зале. Ох, разве можно получать эстетические оргазмы, разглядывая человека? Ах, можно, потому что Райан был выше человека, он наполнял свою галерею смыслом, божественной искрой, абсолютным смирением! Никого другого больше не существовало для Джулиана, аура Райана окутывала всё пространство и вползала в него самого, распутывая железные клубки внутренностей и выбрасывая трупы задушенных змей. За один миг душа Джулиана была исцелена, она вернулась в своё прежнее предсвадебное состояние, и всё вокруг вновь благоухало цветочными ароматами и пестрило яркими красками. Джулиан вновь был в своей стихии.

Его внимание всё время кто-то отвлекал, да и не мог он просто стоять тупо как истукан и пялиться как на произведение искусства на владельца галереи. Он всё ждал подходящий момент, чтобы подойти к Райану, даже не зная, что сказать, но может, одного взгляда будет достаточно? А что если Райан посмотрит сквозь него и не узнает, а что если он стал для Райана всего лишь примитивным случайным прохожим? Что если он потерял свой шанс, и благословение богов уже не будет предложено ему? Паника накрыла его, живот крутило, но Майкл был рядом, и это его автоматически успокаива-

ло, он справится. И вот перед самым началом официального открытия и торжественных речей с поднятием бокалов, их взгляды случайно встретились. И зацепились. Они залипли друг на друга на целую минуту, и через этот взгляд они обменялись таким глубоким мысленным потоком, что Джулиану всё сразу стало ясно, Райан не просто узнал его, он понял его намерения. И Джулиан как будто бы даже прочёл в его глазах, что Райан ждал этого, и ему одиноко в тени мраморного мертвеца. И вечность ждёт их, и красота спасёт мир, и его крылья не успели сгнить. Счастье вылилось в одно это мгновение, когда их взгляды проникали в души друг друга, символизируя готовность к новому, последнему этапу.

Несмотря на то, что Райан добровольно загнал себя в эту ситуацию, он ощущал неудовлетворение и даже некое сожаление. Он понимал, что это ещё не конец, а тот самый кризис, который должен коснуться их обоих, чтобы они окончательно приняли решение. Теперь сомнений не оставалось, либо Джулиан созреет на этот шаг, либо окончательно оборвёт с ним связь. Во второй вариант он слабо верил, Джулиан не мог жить без него, он знал, насколько жизнь Джулиана неполноценна вдали от мраморной скульптуры и его самого, поэтому скоро настанет тот день, когда оба они поймут, хватит этих мук, хватит этих сомнений.

Он старался не сожалеть тем словам, что он наговорил во время такого счастливого события, как свадьба, ведь он добился того, что Джулиан наконец-то понял, в чём его проблема, в чём его изъян, чтобы ступить на путь вечности с полной уверенностью. Считал ли он так на самом деле, или просто его неудовлетворение и эмоции на тот момент одержали верх над его разумностью? И считал и не считал. У Джулиана были проблемы с гармоничным восприятием себя и мира вокруг, это было правдой, и его сторона жизни была настолько буйной и беспорядочной, что не давала ему никак нейтрализовать её, и только под воздействием скульптуры Джулиан знал, как её обуздать в себе. Только очищаться приходилось

слишком долго, а сеансы повторять всё чаще, Джулиану было всё сложнее сохранять в себе эту гармонию в динамичном потоке жизненных событий.

Джулиан заверял его, что это – временно, просто сейчас на него сразу многое навалилось, но с ним всегда так было, жизнь людей, которые постоянно искали, как развиваться с годами только усложнялась. За одним вызовом следовал другой, ещё более серьёзный, а после него даже если тебя и ждала передышка, то только ради того, чтобы набраться сил для нового покорения вершины. Джулиан растрачивал себя на эту энергичную часть жизни, лишая себя гармонии и целостности, от того для него была так важна медитация со скульптурой. И только тогда Джулиан становился произведением искусства, вне времени, вне пространства, вне категорий, высшее достижение человечества, приближённое к божественному понятию. Именно к этому Райан и стремился, не сам покорить вечность, а через Джулиана пройти весь отрезок пути от жизни к смерти, чтобы раствориться в этом вечном созерцании красоты.

У него самого появилось свободное от Джулиана время просто пожить и погрузиться в материальный мир, ведь даже организация художественной выставки была понятием, принадлежащим миру физическому, хотя конечная цель касалась, в том числе и метафизических понятий. Дел было много, нужно было всё предусмотреть, кое-что даже переделать, и всё в спешке, но всё равно из-за неграмотного расчёта фи-

нансиста он потерял много вложений, которые всё же надеялся отбить с новой экспозицией. Жить за стенкой своего офиса и непосредственно галерей было удобно, но тяжело было концентрироваться на чём-то другом. Все дела, касающиеся его бренда одежды, он решал по телефону, и крайне редко сам появлялся в офисе. Ни разу он там не встретил Джулиана. Даже когда тот там находился, им не довелось столкнуться даже в людных коридорах.

Так что весь этот месяц с лишним, Райан концентрировался на том, чтобы открыть арт миру своё новое видение, которое он назвал «что манит нас из вечности...». Райан осознанно выискивал глубокие работы, которое хорошо отображали некие застывшие фрагменты, которые были вырваны из динамики жизни или вытолкнуты из дебрей смерти на поверхность в этом статичном состоянии, которое окутывало созерцателя чувством постоянства. И как раз-таки в абстрактных работах было сложнее уловить этот миг, концентрирующийся в некой точке вечности, от того Райан так фанатично и выискивал именно условный трансцендентализм в работах никому не известных авторов. Это был рискованный шаг, ни одного яркого имени, ни одного скандала, так что финансово выставка могла оказаться провальной.

И в этот раз Райан не следовал советам Ланже, это был именно зал Райана, он нашёл все эти работы, чтобы ещё сильнее обнажить и углубиться в те темы, которые не давали ему покоя уже столько лет. Он окружал себя аналога-

ми их с Джулианом практики познания вечности, и хотя это были слабые копии того состояния, что он переживал в компании Джулианов, всё же это были необходимые декорации для более полного погружения. Этими работами он обнажал свою душу и показывал, из каких высоких целей состоит его жизнь, к какому финалу он сам стремится. Это было желание покорить вечность через случайные миры, каждая картина была окошком в чей-то чужой опыт, какими путями люди ищут свою собственную вечность.

Всё прошло красиво и элегантно, Райан даже не ожидал такого оживлённого интереса, но ведь он в последнее время считался экспертом по арт-рынку, его мнению доверяли, его советов слушались, его картины хотели видеть, так что ничего удивительного не было в том, что в целом выставка оправдала ожидания публики. К тому же это поставило его на одну ступень с филантропами, которые брали под своё крыло начинающих художников и давали им возможность развиваться, предоставляя средства, рекламу и хорошие отзывы. Не то чтобы Райану это было так важно, но его репутация в арт мире повысилась, и ему уже пришло предложение устроить на Рождество благотворительный бал, касающийся темы талантливых художников, у которых нет имени. На его официальные приглашения откликнулись практически все, кому он их разослал, даже те люди, на которых он и не надеялся. Это был успех Райана как организатора и бизнесмена, а также как искусствоведа, и стабильность его галереи ста-

новилась всё более безопасной.

Райан не сожалел, что решил отойти от своего основного бизнеса, иначе ему не удалось бы за такой короткий срок добиться успехов в своём прибыльном хобби. Нет ничего прекраснее чувства, когда ты занимаешься любимым делом и при этом зарабатываешь этим. Он бы не расстроился, даже если финансово его проекты провалились, но это бьёт по самооценке, как будто ты тут старался исключительно для себя, что тоже не плохо, но ведь его цель – просветить как можно больше людей тем, что он считал настоящим живым искусством. Ему нравилось быть авторитетом, потому что это в очередной раз доказывало его избранность, его тонкий вкус и его интуитивное восприятие мира. И главное было то, что он никогда не делал попу, никогда не выставил что-то, что вызывало массовую дичку (разве что кроме скульптуры Ланже, но это был отдельный феномен, который арт общество по-прежнему пыталось раскусить, почему мир скульптур Жана Ланже является таким уникальным). Работы, выставленные в его галерее, заставляли людей задуматься о собственных вкусах, о собственных приоритетах, что было крайне важно в формировании личности, в формировании собственных вкусов, в формировании собственного внутреннего мира. Он был творцом этого мира, и взирал, как чужие люди впитывают чужие эмоции чужих картин, понимая, что именно он свёл их всех сюда и предоставил этот бесценный опыт. Игра в богов никогда не прекращалась, иг-

ра в богов никогда не прекратится.

Лоск дорогих тканей, изысканные запахи вечерних туалетов и блеск интеллекта в глазах лаконично характеризовали открытие выставочного зала «что манит нас из вечности...». Райана пришли поздравить такие интересные и занятые люди, что он почти расчувствовался, готовый проявить слишком много эмоций. То ли ещё будет, думал он, представляя, какой фурор тогда произведёт выставка Жана Ланже с его ещё не до конца разложившимися скульптурами. Всё шло по задуманному сценарию, все проблемы решались мгновенно, да и он мог в этот день расслабиться и доверить всю работу своему директору по проекту. Сегодня был его праздник, он не был обязан работать, а только получать поздравления, заводить связи и следить за тем, чтобы и гости могли ощутить присутствие праздника. До чего же это была его среда, думал Райан, удовлетворённый успехами и тем, что он ощущает себя в нужное время в нужном месте, этот миг принадлежал ему, и хотя не это должно стать его вечностью, воспоминания о подобных моментах делали его жизнь более целостной, более упорядоченной.

И только отсутствие Джулиана делало это торжество неполноценным, это было то маленькое звено, которое бы ему дало возможность дать высший балл по всем пунктам этому мероприятию. Это было для него неожиданно, и даже больно. Он не ожидал, что Джулиан сможет продинамить столь важное для него событие, и при этом, не предупредив

заранее. Он смотрел постоянно на установленные на его столике две таблички (с именами Джулиана и Майкла), а потом вперил свой взор на вход, периодически заглядывал в телефон, но ничто не отзывалось импульсами на его призыв доставить ему Джулиана прямо сюда. Поначалу он надеялся, что Джулиан просто опаздывает, но странно было то, что он в таком случае не предупредил заранее (по работе они несколько раз после свадьбы общались по телефону и онлайн, так что он понимал, что Джулиан не игнорировал его на сто процентов), что будет не вовремя. Волнение уже сказывалось на его поведении, и он с трудом удержался, чтобы не позвонить ему самому. Но здесь были коллеги с его фирмы, кто-то из них мог знать, когда Джулиан явится, и в чём причина его опоздания, ведь обычно тот был крайне пунктуальным. И когда он поймал директора по рекламе, тот заявил, что Джулиан улетел в Париж в командировку, а потом у него медовый месяц где-то в Европе.

Райан едва смог скрыть эмоции, он даже не знал об этом! Почему его никто не предупредил? Разве нельзя было сообщить заранее, что ты не придёшь, он сидел за столиком как последний идиот с двумя призраками, фу, как непрофессионально! Он со злостью швырнул в мусорное ведро таблички с именами Майкла и Джулиана и пригласил туда тех, кто был следующий на очереди приблизиться к его величию. Что за чёрт, он почему-то себя чувствовал так глупо, как будто его кинули на свидании в дорогом ресторане, где он собирал-

ся сделать предложение руки и сердца. Мелкий сучонок сделал это специально, уж Райан в этом не сомневался, но это было так неуважительно! Неужели Джулиан сделал свой шаг и принял решение оставить Райана в прошлом?

Почему-то от этих мыслей Райану стало страшно, потому что в таком случае, где его обещанная награда покорения вечности, где его застывшая в моменте красота? Потому что если Джулиан действительно решился на это предательство, тогда все жизненные приоритеты Райана окажутся на грани полного краха, и ему придётся искать новые методы, как достичь смысла своей жизни. На миг ему стало боязливо и некомфортно, бездна ада разверзалась, и шипящие демоны выглядывали оттуда и пялились своими пустыми глазами на него, сквозь него, к скульптуре Джулиана, которая совсем скоро уже будет принадлежать исключительно смерти. Нет, Райан этого не допустит, он никогда не смирится с таким исходом, он отыщет метод, как спасти своё воплощение красоты, и вместе с этим познает вечность.

Райану пришлось какое-то время подстраиваться под новую реальность, которую он сам и создал. Он был уверен, что Джулиан явится на это открытие, и они снова уловят эту искру, и всё будет прежним. Это молчание и игнорирование были красноречивее истерик, обвинений или ругани, именно это отношение и показало, что Джулиан выбыл из игры. Скорее всего, Джулиану просто понадобится больше времени всё осознать и принять, но Райан же знает, что рано или

поздно Джулиан сдастся.

Но в этот период ему было больно и одиноко. Он чувствовал себя каким-то брошенным и старым, и впервые за всю жизнь он чётко осознал, я старею, я уже не молод, смерть не за горами, а я в полной прострации, у меня больше нет вариантов, как покорить вечность, как сотворить красоту в гармонии. Он оказался не подготовлен к этому моменту, у него не было заготовлено ни одного запасного варианта. Конечно, это не поколебало его веру в то, каким именно должен быть финал в осуществлении смысла его жизни, он знал свою миссию, просто на тот момент он не знал, какими методами эту миссию завершить. Это был удар судьбы, неверный поворот, из-за которого он вдруг себя ощутил хаотичным, бессмысленным и старым. В 60 лет чувствовать себя растерянным и потерять цель жизни, такое вообще возможно? Нет, конечно, нет, это просто временное помутнение, утешал он себя, мир ведь не зацикливается на одном Джулиане, он найдёт другой способ, как покорить вечность.

Он пытался работать со скульптурой Джулиана, он знал, как ей жизненно необходима энергия живых людей, и он нередко сам бродил по своей галерее в рабочие часы, чтобы наблюдать за этим взаимодействием, как посетители галереи разглядывают скульптуру Джулиана. На несколько недель он даже установил табличку, в которой было указано, что этот музейный экспонат отзывается на тактильные прикосновения. Это имело такой спрос, что через пару недель ему при-

шлось прикрыть лавочку и беседовать с Жаном, чтобы тот дал советы, как мрамору вернуть былое величие и блеск. Но это был хороший опыт для скульптуры, она впитывала в себя разнообразные мысли и чувства незнакомых людей, которые вкладывали в неё капельку индивидуальности.

Но это почему-то не возвращало скульптуре той живой искорки, которая пугающе походила на Джулиана из плоти и крови. Наоборот, она становилась какой-то более обшарпанной, усталой, как будто ей всё надоело, и она просто хотела, чтобы её оставили в покое. Да, она впитывала в себя чужой опыт, но он как будто от неё отталкивался, не абсорбируя глубоко все эти хаотичные вспышки чужих мыслетформ. Несколько раз Райан устраивал возле неё семинары, где выступали арт критики, художники, дилеры, профессора и журналисты, и этот дух интеллигенции и избранности благоприятнее влиял на мраморного Джулиана, но тем не менее, он от этого не становился более живым, и его внутренний мир всё глубже исчезал под безукоризненными слоями мрамора.

Райан, как не кто другой понимал эту скульптуру и надеялся, что ему самому удастся вернуть её к этой иллюзорной жизни даже без присутствия Джулиана, но все его попытки потерпели поражение. Для атмосферы Райан развесил фотографии Джулиана, разложил его личные вещи (он ведь тут часто оставался на ночь) и даже одел на саму скульптуру, которая была с идентичным телосложением, рабочий костюм

Джулиана. Он слушал его голос на записях или пересматривал видео, где Джулиан был таким лучистым, таким жизне-радостным. Он бродил по этому храму одинокого маньяка, который, казалось, одержим одним лишь человеком, но ведь у Райана была цель, он не просто так вёл себя как потерявший голову от любви неудачник.

Но в эти моменты он особенно ярко ощущал своё одиночество, и как ему не хватает присутствия живого Джулиана. Всё вокруг было мёртвым без него, и скульптура никак не реагировала на этот фарс одного актёра. Он сидел на кровати, которая до сих пор пахла одеколоном Джулиана, и впитывал в себя эти осколки воспоминаний об их нежном и одновременно неистовом сексе. Он гладил надетую на скульптуре униформу Джулиана, и прикосновения к ткани ещё острее заставляли его вспоминать всю их тактильность, всю их физическую связь. Он слушал его любимую музыку и танцевал один, или в объёмах скульптуры, и в своей мучительной истоме онанировал и кончал так болезненно на гладкий мрамор скульптуры, которая никак не реагировала на его попытку осеменения.

Он был обречён без Джулиана, всё катилось к чертям без него, жизнь не возвращалась ни к нему, ни к скульптуре, но решительность его по-прежнему была высокой, он найдёт метод, как пробудить в скульптуре жизнь. Но кто мог помочь ему в этом? Он вроде наблюдал так долго за этим слиянием, за этим божественным обменом живой и мёртвой энер-

гией, только какая роль была у него? Он был создателем этого слияния, но как ему самому стать живым Джулианом для этой скульптуры? Одних знаний было мало, да даже воспоминаний и испытанных чувств не хватало, чтобы поделиться со скульптурой той пленительной силой жизни, что исходила от Джулиана. И тут он понял, что жизнь Джулиана была для него загадкой, и не была она поверхностной, раз тот сумел создать такой контакт с мраморным идеалом. Они вместе создавали нечто неопишное и невероятно мощное, лишь человек в слиянии с искусством и с самыми светлыми помыслами был способен пробудить этот огонь жизни и создать что-то выше жизни или смерти. Они вместе создавали процесс творения, вечный огонь, который вовлекал и его в эти дебри вечной красоты и вечной гармонии. Он не мог потерять этот источник вдохновения, он не мог позволить себе это падение, вся жизнь со всеми его победами теперь казалась далёкой размазнёй, но он отыщет нить к вечности, обязательно отыщет.

Конечно, он пытался найти замену Джулиану, но у него даже ни одного варианта не было, кто мог бы его заменить хотя бы на личном уровне. Он приводил молодых парней, не менее красивых, чем суетливый Джулиан в мире (Джулиан становился идеально красивым лишь тогда, когда его сглаживала скульптура), но они не понимали даже его примитивных желаний, что тут говорить о том, чтобы причастить их к своей великой цели? У него даже встать на них не мог,

и когда он показывал им своё любимое произведение искусства (скульптуру Джулиана), ни разу он не уловил того узнавания, которое охватывало людей, которые начинали болеть работами Ланже. Были у него и серьёзные люди, которые боготворили скульптуры Жана, но даже если Райану в какой-то момент начинало казаться, что они понимают, о чём он говорит, то только до определённого момента. Как только он попытался раскрутить тему покорения вечности, никто не мог до конца понять его задумки, и у него всё падало, невозможно было так быстро найти человека, с которым образовать неземную связь. Не так легко найти человека, который станет не просто твоим вдохновением, а осуществлением смысла жизни. И он бросил эти попытки, осознавая преимущества Джулиана над всем миром. Никто его не сможет никогда заменить, и все методы пробудить скульптуру к жизни приносят только ещё больше разочарований.

Последней его надеждой был Жан Ланже, именно он создал этот шедевр. Ланже знает мраморного Джулиана и изнутри и снаружи, он сможет ему помочь, он поймёт его и вытащит их обоих из ада отчаяния, из глубин смерти. Они часто с ним общались, так как скоро должны были презентовать его работы, обсудить им всегда было что, несмотря на то, что Жан не занимался организационными вопросами. Скульптор мог сейчас позволить себе просто творить. Когда Ланже зашёл к нему в выставочный зал в час закрытия, и сразу последовал к своему творению, у Райана аж сердце за-

мерло, сейчас что-то произойдёт, Ланже позовёт его, и душа мраморного стража вернётся! Но когда Жан повернулся резко к Райану, вид его был суровым и усталым.

– Ты должен помочь ему, – не дал высказаться Жану первым Райан, – ему не хватает энергии жизни, Джулиан давно не появлялся здесь, и всё у меня тут рушится, покрывается невидимой паутиной, медленно двигаясь к тлению. Достучись до него, призови назад из мёртвых садов мрака обратно в жизнь, ты, как творец лишь способен пробудить в нём эту искру жизни!

Жан долго смотрел на Райана, не моргая, и этот сосредоточенный взгляд со скрытыми эмоциями не сулил ничего хорошего, это Райан уже давно изучил. – Это вы с Джулианом создали этого вампира, ему не нужна моя жизненная сила, я давно уже потерял власть над этой скульптурой, честно говоря, я даже её не узнаю, когда я в последний раз видел её, в ней ещё не было так много Джулиана. Сейчас мне кажется, что передо мной Джулиан, просто впавший в некую ритуальную кому. Райан, ты воистину алхимик, но ты создал что-то, не вписывающееся даже в мои понятия гармонии жизни и анти-жизни.

– Да, я создал сам эту гармонию, – хвалился Райан, он сейчас был творцом этой скульптуры, а не Жан. – Я отыскал ключ к разгадке вечной красоты, я соединил твои понятия жизни и смерти в это воплощение всех идеалов, это что-то выше человека, что-то выше произведения искусства, я иду

против физики, я иду против божественных заповедей, я иду против космических законов. Жан, ты не можешь позволить разрушить этот феномен, который не вписывается ни в одни рамки материальной жизни. То, что я пытался сейчас описать смертными словами – ничто, но ты же сам знаешь, ты же сам чувствуешь эту голую гармонию, этот творческий огонь, этот холодный лёд вечной красоты, это не может погибнуть под слоем твоего бессильного мрамора!

– Нет, Райан, – ответил спокойно Ланже, – ты сам сказал, что ты создал это. Ты – творец, ты знаешь, как исправить это сломанное состояние и вернуть Джулиана из пустоты, я отказываюсь вмешиваться в твои божественные замыслы. Райан, я никогда не создаю что-то настолько прожорливое, что готово сжирать жизни целиком. Мои скульптуры дают возможность заглянуть в обе стороны жизни и смерти, и когда этот опыт сливается в одно единство, тогда и случается катарсис, тебя торкает, и скульптура становится символом твоего принятия мира, принятия себя, принятия дуальности природы. В моих скульптурах – загадки и отгадки жизни и смерти, это и есть смирение и осознание вечности. Райан, то, что ты делаешь сейчас с Джулианом, противоречит изначальной идее этой скульптуры. Не бывает вечной красоты без вечного уродства, не бывает!

– Бывает, – поправил его Райан, – если ты вовремя остановишь время и выберешь, когда начинается твоя вечность. Жан, я – творец, и я знаю, когда остановиться. Я познал тай-

ну и жизни и смерти, я познал тайну и красоты и уродства, всё готово к исполнению моей миссии, только осталось соединить энергии жизни и смерти. Мы должны вернуть Джулиана к жизни, мы должны это сделать вместе.

– Да, вы должны это сделать вместе. Но с Джулианом, – ответил ровным тоном Ланже, демонстративно глянув на часы, с явным намёком, что ему пора бежать. – Только не скорми Джулиана целиком этому мраморному демону, – посуровел вдруг Жан, проведя рукой по застывшему в отрешённости лицу скульптуры. – Райан, я надеюсь, что ты знаешь, что делаешь. И Джулиан тоже. Но ты – творец, это – твой сценарий, это – твои актёры, это – твои пешки, но я умываю руки, что бы ты там ни задумал.

Последняя надежда Райана рухнула, когда он наблюдал за трусливым уходом Жана. Он не поможет ему, но видимо это было уже невозможно, Жан Ланже уже не был создателем этой скульптуры. Но теперь Райан чётко осознал, что без Джулиана его миссия провалится. И ему остаётся только ждать, когда тот созреет на свой последний шаг. Ничто не могло уничтожить его идею, она сметала всё на своём пути, она уже давно обрела форму и отбросила тень, дело оставалось за малым. Ему нужен живой Джулиан, и когда он вернётся в его объятия, всё и завершится. Конец, ведущий к новому началу.

Теперь каждый день он проживал в ожидании того момента слияния, когда Джулиан вернётся. Он знал, что этот

момент настанет, и ему ничего не оставалось, как терпеливо ждать. И он даже смирился с этим, ждать было не так уж и болезненно, если не заглядывать в мёртвые глаза мраморной скульптуре, если не прекращать верить, что ещё не поздно оживить эту гармонию. Теперь ожидание было смыслом его жизни. Он знал, что может в любой момент отыскать Джулиана и убедить его вернуться, но он знал, что это не сработает, пока сам Джулиан не осознает свою готовность. Иначе они снова будут конфликтовать, он будет давить на Джулиана, и тот его будет раздражать своими темпераментными истериками и вспышками хаотичного беспорядка, пока они вновь не разругаются. И тогда уже точно окончательно. Нет, терпение приносит спасение.

Конечно, он не переставал надеяться на то, что Джулиан явится на открытие выставочного зала Жана Ланже в его галерее, к которому он особенно тщательно готовился. Творчество этого скульптора было ключевым в его жизни, и он хотел максимально отобразить то, что он испытывал перед работами этого гения, этот дух жизни и смерти в гармоничной интерпретации. Но даже это он делал как будто на автомате, хотя и осознавал значимость этого момента, это был символ его очередного триумфа, его последним этапом перед тем, как ступить на путь вечности. Осталось только дождаться, осталось только не прекращать верить. Он испытывал так мало эмоций в этот период, как будто скульптура Джулиана лишала и его жизни, как будто они вместе увяда-

ли, и Райан был уверен в том, что Джулиан, который так пытался навязать сам себе счастье своей примитивной жизнью, испытывал сейчас схожее моральное разложение и упадок. Это была плата за бездействие, за то, что они посмели затянуть этот процесс, когда цель была чётко сформулирована. Но возможно именно это бездействие и было той самой передышкой перед финишной прямой, хотя никто из них и не осознавал её необходимость. Но это уже не имело значения, имело значение только сохранить веру, удержать идею.

Новая выставка Жана Ланже произвела фурор, это несомненно, но никто и не ожидал от него другого, их успешный тандем доказал вновь, насколько они схожи друг с другом, и насколько их мнение о том, каким должно быть настоящее искусство точно совпадает. Всё шло естественным путём, и ажиотаж, и повышенный интерес, и скандальные изречения были абсолютной нормой для этого события. Он знал, как важны на данный момент эти скульптуры для Жана, но для него они были далёким символом чего-то утерянного. Но его Джулиан поможет отыскать это утерянное, и тогда вернётся гармония, и Райан всё вспомнит, и Райан всё поймёт. А пока он с радостью встречал гостей, беседовал с посетителями, принимал поздравления и отвечал на вопросы. Всё шло как обычно, он никуда не торопился, он не нервничал, он не заглядывал вперёд. Но когда он уже собирался вместе с Жаном приступить к обязанностям торжественного открытия, тут он его и заметил.

Энергия Джулиана впиалась в него тысячами молний, боже мой, он узнал её, это и была та искра, что оживляла его скульптуру, как ему не хватало этого для полноценного существования! Смерть вдруг отошла в сторонку, цветы в его душе распускались, врата ада захлопывались, демоны падали назад в свои могилы, мир засиял яркими красками. Они не могли долго отпустить друг друга взглядами, это было то самое узнавание, та самая гармония, которая ломала все барьеры и препятствия, концентрируясь на одном только желании – я пойду за тобой хоть на край света. Джулиан изменился, что-то в нём как будто было сломано, но после того, как их взгляды узнали и приняли друг друга, вся его вымученная пустота рассасывалась, и его внутренний магазин явно принимал новые эксклюзивные товары и подписывал миллионные сделки. Им обоим было тяжело в этот период, но этот период стал для них необходимым опытом, это было их последнее испытание, они прошли все тесты и не потеряли веры. Они были созданы лишь для этого момента, познать вместе вечность, остановить гниение, сохранить навечно гармонию, пробив свой путь к экзальтации, к высшему познанию всего.

Всё остальное уже было не так и важно. Они так и не заговорили за весь вечер, но их глаза постоянно имели контакт, они улавливали тот узнаваемый огонь единения, и никакие слова, никакие прикосновения не были нужны. Было странно бродить по выставочному залу со скульптурами Ланже,

которые стояли стройными рядами и показывали красоту уродства в разной степени разложения. И Джулиан бродил по другому концу зала, и его живительная искра озаряла лица этих живых мертвецов, которых он когда-то освещал. Они как будто узнавали его, преклонялись перед своим творцом, сливались в неестественной гармонии, принимая и жизнь и смерть как дар свыше, как необходимость своей целостности. Это был сад между раем и адом, это был пир, где и ангелы и демоны сосуществовали в гармонии друг с другом, это был завершённый сам в себе мир, в котором не было ни одной лишней детали. Они шли по разным дорожкам с Джулианом, но сердца их стучали в унисон, души их пели в предвкушении вечного счастья. Всё начиналось со скульптур Жана Ланже, всё ими и закончится. Райан сейчас навсегда попрощался с тем миром, который он знал, впереди была целая вечность.

Когда Джулиан вернулся домой после открытия выставочного зала с работами Ланже, он знал, что надо делать. Не нужно было ничего ждать, не нужно было ничему противиться, всё шло плавно и правильно, почему нужно снова что-то откладывать? Джулиан и так слишком многое пропустил, утонув в серости существования, этот опыт опустошил его, но сегодняшняя надежда вновь раскрыла ему глаза, крылья манили его, он научится летать, он познает вечность. И почему бы не сегодня? Чего ещё ему было ждать в этом своём просвещённом состоянии? Райан его ждал, мраморный двойник был готов принять его в свои объятия для полного слияния, и теперь он ничего не оставит для себя, всё отдаст мраморному отражению, и всё примет от него. Только так можно добиться единения, только так позволительно заглянуть за врата жизни и смерти, находясь в теле. Он не знал, каким он вернётся сегодня назад, и вернётся ли вообще, но он знал одно, это будет его преобразование, его дорога в вечность, и только Райан знал, как это осуществить. Джулиан созрел, мрамор его манил.

В квартире горел свет, Майкл уже лёг спать, а Джулиан всё стоял в прихожей и наблюдал за своим внешним преобразованием, он сиял в предвкушении болезненного экстаза и сладострастной агонии. Он знал, как сейчас важно его при-

нятие крайностей, его подход жить на полной мощности, он вбирал в себя весь накопленный опыт из чувств и эмоций и ощущал, что это практически невозможно в себе удержать. Он был почти целостным, для человека он сейчас излучал что-то воистину священное, но ему было мало оставаться в рамках человеческой жизни, ему было мало принимать в себя все земные радости. Это был пик его телесной красоты, и никогда она уже не будет такой ангельской, такой исключительной, такой гармоничной, но сейчас ещё он был человеком, и ему было тесно в этом телесном коконе, запрограммированном на старение и истлевание.

Напоследок он заглянул в их с Майклом спальню, и хотя они сейчас в основном жили в доме в Ист-Хэмптоне, эта спальня была такой уютной, такой интимной, он всегда здесь находил утешение и набирался сил, это был их маленький рай на двоих. На Джулиана нахлынула меланхолия, он уже тосковал по этому месту, понимая, что уже не принадлежит ему. Майкл был хорошим человеком, но слишком принадлежащим этому месту, этой стране, этой планете, не с ним он сможет покорить вечность, не с ним. Но благодарность за прекрасные годы нахлынула на него, и он сел на постели и взял своего супруга за руку, впитывая последний опыт земной любви. Майкл не спал, ответив на это прикосновение, а потом он сел на постели и спросил удивлённо:

– Джулиан, ты чего не спишь, скоро рассвет, почему ты ещё в пальто?

– Тихо, – шепнул Джулиан, выскальзывая из этого тёплого и уютного мира без сожалений. Он впитал в себя всё, что мог благодаря этому семейному гнёздышку, которое ему помог построить этот прекрасный человек. – Ничего не говори. Ложись спать, скоро будет новый день, полный чудес. Жизнь прекрасна, я пробудился из своей спячки, мне так хорошо и легко! Майкл, всё будет хорошо. Я люблю тебя.

Он поцеловал его нежно, но решительно, это было прощание, которого он так и не смог избежать. Ему сейчас не был важен весь мир перед великой миссией, но это была его маленькая слабость, последняя слабость, и этим поцелуем он закрепил свой уход из мира комфорта, из мира земных забот, из мира реальности.

Он шёл пешком, вдыхая аромат любимого города, даже ночью в Нью-Йорке ощущалась эта знакомая динамика, мороз приятно щекотал его лицо, ноги осторожно ступали по только-только заледеневшим дорожкам, и всё увереннее он ступал, всё быстрее. Никогда не дремлющие рекламные щиты блистали ярким светом и манили принять все развлечения этого порочного и одновременно культурного города. Тусклый свет фонарей освещал ему путь, лёгкий снежок ложился узорами на его кашемировое пальто, и эти снежинки принимали образную смерть и преображались в капли воды. Джулиана ждало схожее преобразование, он переходил из одного состояния в другое, время настало. Всё готово к последнему шагу, чтобы завершить эту реальность.

Когда он открыл своим ключом двери галереи Райана, там ещё пахло людской вечеринкой, изысканный дух шика пронзал его ещё не остывшей энергией от человеческих тел, это была обитель живого искусства, и он вошёл в этот храм, освящая здесь всё. Он стремился к своей недостающей половине, разрывающей его гармонию; и стоящие полуразжившиеся скульптуры из мрамора приветствовали его на равных, они теперь были такими же живыми и мёртвыми, как и он сам. Его мёртвая сторона манила его из главного зала, его жизнь сейчас концентрировалась в его собственном горячем теле, которое готово было разорваться на части от переизбытка энергии, в нём было слишком много жизни, одному ему не уместить её в этом теле. И вот он вошёл в зал, где мраморный Джулиан взирал не него своим полуживым светом, жаждущий принять от него эту жизнь, а он так стремился испить из его мёртвого источника, чтобы нейтрализовать свою бешеную энергию, чтобы утихомирить свой переизбыток жизни.

Когда он слился в объятьях со своим идеальным мраморным отражением, со своей недостающей стороной анти-жизни, он ощутил, как тело его успокаивается, утопая в безмолвном покое мрамора. Он смотрел в глаза своему отражению и ощущал, как мрамор теплеет, как он переливается живительным блеском, это было такое умиротворение, осознание счастья, замороженного в одном миге. Все его хаотичные эмоции теряли мощь и обретали идеальные формы, слива-

ьясь между собой, и он чувствовал всё и ничего, и тело его в слиянии с мрамором передавало энергию и принимало эту холодную идеальность красоты. Ничто не имело значения, только это слияние, и он летел вверх и вверх и падал вниз и вниз, и его крылья вновь были живыми, они несли его к вершине вечности, к застывшему воплощению красоты.

Он мог стоять так минуты, часы, дни, годы, и сезоны бы сменялись один за другим, смерть приходила бы и уходила, а он всё стоял бы в этом моменте голого творческого единения, открытого экстаза, и ничто не влияло бы на его новый мир, принадлежащий только ему одному, ведь он стал одним целым с Джулианом, он стал идеален! Но тут он почувствовал прикосновение к крыльям, и наваждение спало, за спиной стоял Райан и наслаждался вместе с ним этим неземным моментом. Если это была вечность, то почему она закончилась?

Как будто прочитав его мысли, Райан сказал невозмутимым тоном. – Потому что такое слияние может быть только временным, стоит вам только отцепиться, отойти на несколько метров в свои собственные миры, как вас поглощает реальность. Ты утопаешь в жизненных реалиях, мраморный Джулиан – в иллюзорных мирах смерти. Джулиан, вы больше не можете жить друг без друга, вы – одно целое, только так можно стать полноценным, только так можно отбросить всё истлевшее, всё проходящее, только так мы обретём вечность. – Райан разглядывал Джулиана, который уже полно-

стью повернулся к нему, и его гармоничная красота ослепляла Райана, который выдерживал его божественный лик лишь потому, что Райан сам был творцом этого чуда. – Ты ещё никогда не был настолько красив, настолько молод и зрел одновременно, в тебе сосредоточено сейчас всё самое лучшее из жизни и анти-жизни, но этот момент продлится недолго. Джулиан, ты сам знаешь, что у нас больше никогда не будет этого очистительного катарсиса, который способен завершить это проклятье, разрушить всю дисгармонию и позволить вечности отпечататься на твоей красоте. Только сейчас, только сейчас.

– Да, Райан, – покорно ответил Джулиан, не опуская от него своего лучезарного взгляда, который мог одновременно переманивать ангелов в ад и демонов в рай. – Поэтому я и здесь. Мы пришли завершить то, что должны. Мы на последнем этапе, осталось только принять своё предназначение. Наш последний шаг на пути к вечности, наш собственный ответ реальному миру.

– Ты всё верно понимаешь, мальчик мой, – говорил Райан уже голосом наставника, его непоколебимость поражала Джулиана, Райан сейчас воистину был творцом, который создал что-то гораздо прекраснее его самого, гораздо прекраснее, чем он сам мог вообразить, но Райан всё равно оставался создателем этого чудесного феномена. – И ничто уже не остановит нас. Я ждал, ждал, когда ты поймёшь это, когда ты сам созреешь на это, Джулиан. Тебя ждёт великое пре-

ображение, твоя красота убийственно прекрасна, ничто не способно уничтожить этот миг, ничто не отберёт у нас нашу вечность! Джулиан, даже врата рая и ада не способны принять твой божественный лик, мы выше этого, мы – создатели гораздо более прекрасного мира, мы с тобой одни!

– Да, Райан, – отвечал Джулиан, сияющий в тени горячей эйфории своего учителя, своего личного бога, своего спасителя. – Мы пришли к этому вместе, мы создали эти возможности, и ничто не остановит нас.

После этого Райан подошёл к нему, и он снова оказался в физической реальности, и Джулиан понимал, сейчас настанет время реальных вещей, последнего шага в этом физическом мире, чтобы добраться до вершины. Но он готов на все испытания, это будет последним, что он сделает перед преобразованием. Он готов будет вечно стоять в объёмах скульптуры, сливаться с ней, пока не станет ей навсегда, и его жертвы не будут напрасными.

– Джулиан, – начал Райан издалека, хотя Джулиан и знал, что у Райана нет ни времени, ни терпения ходить вокруг да около, – ты же знаешь свою главную проблему, почему ты так быстро загрязняешь ту гармонию, что даёт тебе слияние со скульптурой. Твой переизбыток энергии, твоя хаотичность, твои крайности, вся твоя буйная жизнь и есть твой самый большой изъян. Она загрязняет твою красоту и делает тебя таким человеческим, таким примитивным, а ведь я узрел в тебе твою избранность, твоё неземное происхождение. Ты

сам тонешь в своей жизненной энергии, ты живёшь слишком быстро, ты разбрасываешься эмоциями, ты не способен даже на миг ощутить себя целостным и гармоничным без присутствия мраморного Джулиана. Вам постоянно нужно с ним обмениваться энергией, своим опытом, но ты и сам видишь, что ты не справляешься. Ты не можешь жить в мире без благословения своего мраморного отражения, иначе ты теряешь всё, а разве позволительно, таким как ты, не воспользоваться шансами, данными свыше? Именно тебе даётся возможность застыть в своей вечной красоте, именно тебе, Джулиан, и ты уже знаешь, что так продолжаться больше не может.

– Я останусь здесь, – ответил решительно Джулиан, уже предчувствуя, куда заведёт их этот разговор. – Я останусь здесь навсегда, навсегда, Райан, мне ничего больше не нужно, кроме как познавать свою гармонию!

– Нет, Джулиан, это невозможно, и ты это понимаешь не хуже меня, – вздохнул Райан, взяв его за руку уверенным жестом собственника. – Ты не сможешь даже здесь пребывать в постоянной медитации со своей скульптурой, я же тебя знаю. Вам надо вовеки соединиться, так, что ничто и никогда уже не сможет разлучить вас. Вы должны стать единым целым, воплощением самого лучшего из мира жизни и из мира смерти, только так ты станешь вечным. Только так ВЫ станете вечными. Вы должны обмениваться своими жизнями, ты переймёшь его анти-жизнь, а он твою жизнь. Вы символически передадите друг другу жизнь и смерть, и только

тогда этот момент настанет, застывший идеал вне времени, вне пространства, и ваша слившаяся красота станет символом вечности, символом гармоничной экзальтации. Вы обменяетесь сердцами, и это будет последний акт, скрепляющий сделку с высшими силами.

До Джулиана сразу дошёл смысл слов Райана и их торжественная правдивость. По-другому быть и не могло. Он прекрасно помнил тот день, когда впервые держал в руках только что остывшее человеческое сердце, представляя, что вот он и есть, символ его жизни, его неугомонной энергии, практически разрушительной в буйстве своей яркости. И как оно, освящённое его жертвой, прижилось в груди мраморного Джулиана, сделав их ещё ближе, ещё понятнее друг другу. Они уже в тот день стали неразрывными, он выстрадал это сердце, оно принадлежало ему, он уже тогда это понимал, когда наблюдал за тем, как оно гармонично сливается с мраморным телом скульптуры. Это было его сердце, только оно могло избавить его от переизбытка жизни, оно гармонизирует его и даст всё то, что необходимо, чтобы избавиться от всего лишнего. Это был его единственный путь к спасению, это был его путь истины, это была та самая жертва во спасение. Мраморное сердце звало его, желая вытеснить тот жалкий, вечно спешащий кровоточащий мешок из мяса, что орудовал в его теле и загрязнял его, не давая дышать, не давая видеть, не давая возможностей быть собой. Это было самым логическим завершением, это будет окончательный

обмен энергиями, окончательный обмен символами жизни и смерти.

– Если тебе надо, можешь себя чем-нибудь одурманить, – говорил Райан, подходя ближе к мраморному Джулиану, чьи руки уже покрывали тонкие латексные перчатки. – Я здесь – творец, мне будет очень непросто концентрироваться, если ты не погасишь свою суетливую хаотичность. Ты должен быть спокоен, это будет плавный процесс передачи собственной жизни и принятия образной смерти.

Боже мой, каким повседневным тоном Райан говорил о таких вещах, но ведь Райан должен быть очень спокойным, он собирается повернуть великое дело не в теле трясущегося старика и нервного труса, а как настоящий творец, исправляющий изъяны своих творений. Это будет больно, почему-то мелькала всё время мысль, хотя Джулиан пытался заглушить её насильно, она была ни к чему, она не имела значения. Он рылся в своей сумке, понимая, что уже выдаёт свою нервную суетливость, это сейчас всё испортит, Райан не сможет работать, когда он в таком состоянии, он ненавидел сейчас свою жизнь, перед таким ответственным моментом всё запороть, потому что ты был дёрганный псих? Ни за что на свете! Он отыскал кристаллический мет, метадон, фентанил, кокаин, сейчас пригодится всё, думал он. Боже мой, ну и адская смесь, но это заглушит хаотичность и неуверенность, это притупит боль, это просто необходимо. Я не могу испортить момент слияния с вечностью.

Когда он вдохнул и проглотил всё, что нашлось в его сумке, сердце его колотилось ещё быстрее, жизнь наполнялась яркими красками, но также приносила и покой. Он уже был на пороге вечности, он уже был открыт объятьям жизни и смерти. Когда он в последний раз вытер свой воспалившийся нос, Райан уже работал. И он делал это методично и уверенно, шаг за шагом, мраморная крошка аккуратно шелушилась, падая на пол. Звук был ужасным, он резал не только по ушам, но и по его нервам, ему казалось, что ему самому сдирают кожу. Он так хорошо помнил эти ощущения, когда Ланже внедрял как опытный хирург его мраморному двойнику сердце. Но мраморный Джулиан не страдал, он был готов добровольно к этому последнему акту. Мраморное сердце принадлежало ему, совсем скоро оно заменит его собственное, и это и будет момент полного слияния, момент образной смерти. Он так и не дал развиться мысли, что смерть может быть не только образной, сейчас даже это не имело значения, сейчас только работа Райана отдаляла его от созерцания вечности. Неземная красота мраморной скульптуры ослепляла его, он как будто бы наблюдал за интимным процессом создания новой жизни, собственной жизни, он был и свидетелем и участником одновременно, и его переполняло умиротворение, это было наивысшее творчество, и он сам был этим творчеством, сам был этим творцом.

Джулиан не ощущал уже времени, наблюдая за скрупулёзной работой Райана, который старался как можно нежнее

раскрывать грудную клетку скульптуры, действуя методами Жана Ланже, за чьим процессом он в своё время наблюдал. И вскоре путь был открыт, и Райан твёрдой рукой доставал из заснеженной от мрамора груди символ его преображения, его мраморное сердце! Это и был источник света и тьмы, это и было то самое недостающее звено, чтобы ему никогда больше не загрязняться в суетливой стороне жизни. Это был его путь полностью принять теперь и анти-жизнь, и ни одна пустота не способна будет развернуть свою пасть, когда в его собственной груди будет безмолвно и образно стучать это мраморное сердце. Оно принадлежало ему. Мраморное сердце было не просто символом его вечности, оно было тем вместилищем, где концентрировалась его душа.

Когда Райан велел ему сесть на пол, прислонившись к мраморному божеству, Джулиан взял из рук Райана своё мраморное сердце и закрыл глаза, понимая, что ждал этого момента всю жизнь. Это была его вечность, его застывшая красота, его принятие жизни и смерти, его новый мир, созданный Райаном. И Райану было нелегко работать для них хирургом, но он был творцом, это была его обязанность исправить их. Райан помог ему раздеться, и делал он это так отстранённо и так интимно одновременно, прикосновение бога перед тем, как его самого посвятят в ранг божественных сущностей. Всё было готово к тому, чтобы обменяться им сердцами, осталось только поднести в дар свой кровавый сгусток из мясных трубок и сосудов своему отражению в

мраморе. Границы мира сужались, чудеса случались, дорога в Зазеркалье разверзлась перед ним, теперь не существует его отражения, он слился с ним, мраморный Джулиан и есть он, и они всегда были лишь единым целым, только это и было их полноценным состоянием. Всегда. Вечность начиналась сейчас.

Он не смотрел больше на Райана. Его глаза были закрыты, а его руки сжимали своё мраморное сердце, наркотики и сила воли блокировали все болезненные ощущения, это отмирала всего лишь материальная жизнь, а она была всего лишь маленькой частичкой полноценного существования, это была маленькая жертва для богов. При жертвоприношениях в древние времена быть жертвой считалось большой честью, жертвы шли на своё ритуальное убийство с верой в вечную жизнь, с верой в то, что именно они пригляделись их богам. И они улыбались и восхваляли своих богов за эту возможность, они кричали и в экстазе и в агонии, потому что это и был последний этап перед полным очищением и погружением в преображённую вечность. Весь мир вокруг восхвалял эту жертву, звёзды на небе сияли только для него, стерильный снег за окном падал крупными хлопьями, чтобы воспеть оду этому безупречному мрамору, что крошками ниспадал на него, благословлял его, давал силы пережить этот опыт. Физическая боль была ничто перед величием цели, мраморное сердце в его руках уже почти было готово освятить его раскрывающуюся грудь, чтобы скрыть навсегда это уродство

из плоти и крови, и навсегда зажечь огнём гармонии в божественном слиянии нового мира.

Но острая физическая боль иногда затуманивала экстатические и наркотические мечтания Джулиана, и он раскрывал свои горящие безумием глаза и видел, как Райан тем самым ножом Жана Ланже с рукояткой из слоновой кости орудует в его груди в процессе вырезания сердца. Это было невыносимо, насилие над его телом было оскверняющим, Райан сейчас не походил ни на какого бога, а скорее на дьявола, который в неистовой жажде крови пытался зацепиться за его символ жизни, орган, где концентрировалась его душа, позволяющий жить так ярко, так полноценно. Пятна крови уже образовывали лужу, такую яркую, такую живительную, такую лишённую загадочности. Он сейчас видел только физический процесс, и ему было тошно от осознания, что он на это согласился добровольно.

Нет, хотел вскрикнуть он, Райан, прекрати, мы совершили ошибку, это всё бред, мы никогда не добьёмся вечности, ты просто спятил, ты меня убьёшь, и нет после смерти никакой жизни, никакой вечности, только вечное тление! Но уже было поздно, он уже не помнил, как пользоваться голосом, как двигать конечностями, кроме как произвольных судорог, которые периодически сковывали его тело в муках агонии. Но он ещё соображал, ещё понимал реальность, значит, как-то можно было остановить этот ад? Что это было вообще? Как он согласился на это ритуальное убийство? Или су-

ицид в стиле модерн? Райан был просто одержимым маньяком, который помешался на своей идее, как он раньше этого не понимал! Его жажда красоты было просто непринятием старения, и он спроецировал на него эти страхи, а он повёлся на эти сказки о вечной молодости, и обрёк себя на это бессмысленное заклятие, чтобы стать очередным произведением искусства Райана! Он воистину станет со своим мраморным отражением самым лучшим шедевром галереи Райана, но уже сделает это посмертно.

И тут он вспомнил тот самый момент, когда сердце его сковало страхом от близкого контакта со скульптурами Жана Ланже в Париже. Когда он осознал, насколько пугающе дисгармонична та пустота анти-жизни, что раскрыла перед ним свою волосатую пасть, кишашую безголовыми демонами, и даже их перемальывала эта тьма пустоты, ничто не могло в ней задержаться надолго. Что его тогда так напугало? А может в скульптурах он увидел этот самый момент, который происходил сейчас? Может, в той мрачной галерее он увидел свой конец, и попал под страх своего проклятья, которое носил все эти годы, пока уже не смог противиться этому наваждению, и сейчас оно пришло за своей жертвой? Он умирал ради идеи, ради искусства, ради вечной красоты, ради эстетического оргазма Райана Смита. Он умирал вечно, он познавал вечность, вот она какая, никогда нескончаемая сторона анти-жизни, а его жизнь медленно перетекала в мраморного демона или бога, давась собственной красотой, выплё-

вывая свою собственную идеальность. Терпи, хотелось ему сказать, родиться так же болезненно, как и умирать, мы это делаем вместе, ты мне помогаешь умирать, а я тебе помогаю родиться, только где же наше возрождение, как дотянуться до чистоты гармонии нашего слияния? Где мы встретимся, где воссоединятся наши души?

Это было нестерпимо, что бы он там ни фантазировал сейчас в поисках вечности и одурманенный суицидальной смесью наркотиков, его сердце по-прежнему отказывалось сдаваться и прекращать биться. Нет, оно всё ещё в панике билось под резкими ударами ножом этих ярко голубых перчаток Райана, оскверняющих его тело и отбирающих этот символический мотор, который принадлежит только ему, ему одному. Почему так больно, где мой воздух, где моя способность видеть чётко, когда нос прекратит улавливать запахи сырого мяса, почему это глупое сердце до сих пор сжимается и стучит в этом неистовом темпе? Остановись и узри своё предназначение, пытался Джулиан убедить его. Перед тобой целая вечность, ты не принадлежишь мне, ты принадлежишь ему, этому мраморному воплощению мёртвой красоты, а моё сердце здесь, где-то рядом, я его ещё недавно сжимал, только руки мои больше меня не слушаются, а глаза затуманиваются кровавой пеленой. И эти звуки извлечения моего сердца постепенно заглушает хор скорбящих ангелов, их вой проводит меня до самого рая, или ада, или пустоты, где существует лишь тьма. Но осталось только чуть-чуть до-

терпеть, моя жизнь всё ещё теплится под священными движениями Райана, создателя моей вечной красоты. Осталось только сохранить эту энергию на последнем биении сердца, чтобы затаить дыхание и уже открыть глаза с мраморным сердцем в груди. Только это мраморное сердце способно рассеять все иллюзии и дать поверить в созданную нами вечность. Я верю, я живу, я в мраморе, и я в плоти, моё сердце принадлежит тебе, и я принимаю твой мраморный дар, я приближаюсь к огню между жизнью и анти-жизнью, но он уже не обжигает меня, он ведёт меня на путь гармонии, чистоты и святости. Я идеален, я очищен, я преображён, я коснулся вечности, и ничто не способно остановить её, ведь на то она и вечность, чтобы быть вечной. И с мраморным сердцем в груди я неуязвим, я принял эти дары, я воплотился в своё идеальное состояние. Мраморное сердце, я принял тебя.

Возможно, Джулиан уже был мёртв, когда Райан вытащил его горячее сердце, поднёс его к свету и приложил к груди мраморной статуи. А потом сделал самое логичное на свете, он вернул в свой дом гармонию, когда мраморное сердце в груди ещё тёплого Джулиана идеально вошло в его выпотрошенное тело. Джулиан себя уже видел со стороны, он был везде, он был и собой и мрамором, он был богом, он был творением и творцом, все тайны мироздания были ему доступны, всё застыло в этом мгновении вечного счастья. В момент, когда он принял мраморное сердце, материальная

жизнь прекратила своё существование, открыв дорогу собственному миру, лишённого всего уродливого, всего дисгармоничного, всего устаревшего. Он был свободен от всего на свете, он был творцом своего мира, только он один, и он был целостным, теперь в нём не было недостатков, мраморное отражение гармонизировало его, он достиг наивысшей цели! Но стоит только засомневаться, как трясина пустоты из самых глубин мрака сгущалась над ним, рассеивая все иллюзии. Это просто была смерть, и нет никаких вечностей в красоте и в гармонии, есть только прожорливая тьма смерти, а все сказки о катарсисах и экзальтациях были всего лишь борьбой со страхами смерти, которая в итоге побеждала всё. Но он будет ей противиться, ничто и никогда не разрушит его собственный мир, в котором царит его вечная красота. Никакие страхи и неуверенность не смогут лишить его этого последнего убежища, ведь он застыл в вечной гармонии.

Когда праздник закончился, Райан почувствовал не только облегчение, но и прилив сил, лучше дня было и не представить для того, чтобы соединить в одно целое Джулианов и сохранить вечную молодость в одном гармоничном миге. А потом хоть конец света, хотя полное забвение, его цель будет достигнута. Он знал, что и Джулиан больше не мог терпеть. Их вцепившиеся взгляды красноречиво кричали о том, что оба неистово жаждут покорить вечность, и ни одна преграда не смогла теперь остановить их. Он придёт, и всё начнётся, и всё закончится, а в вечности уже будут неактуальны такие понятия как начало и конец, линейное время исчезнет.

Его знания теперь были полными, откровение озарило его прямо в галерее, когда они с Джулианом бродили по залу с новыми скульптурами Ланже, и воспоминания о том, как они их освещали, раскрыли ему глаза. Энергия Джулиана освещала эти мраморные изваяния, только она смогла пробудить в них эту искру жизни, он отдавал частичку себя и дарил её этим каменным истуканам, и сам при этом преображался. Мёртвая часть красоты навеки отпечатывалась в нём, это было самое полноценное сотрудничество, которое только возможно в рамках этой жизни. Тот, у кого слишком много жизни отдаёт её тому, в ком слишком много смерти, и наоборот. Красота Джулиана скрывалась в этом священ-

ном акте обмена энергиями, осталось только символически завершить сделку. Мраморное сердце, которому позировал сам Джулиан, принадлежало ему, он тогда уже пережил символическую смерть, и его настоящее сердце отвергало его, стремясь наружу, чтобы вернуться к своему истинному владельцу, к мраморной скульптуре. Это была ошибка природы или богов, и теперь Райан, как создатель должен был исправить это и создать своё идеальное видение.

Теперь ничто не мешало им сделать последний шаг, он был готов окунуться в вечность, он был готов вечно созерцать собственную нерукотворную красоту. Он мысленно уже давно готовился к этому моменту, и теперь, когда он настал, он был так спокоен, так решителен, так целеустремлён. Возбуждения и радости не было, невозмутимое принятие истины сейчас затмевало все эмоции, которые он сполна сбросит с себя, когда свершится главное событие его жизни, то, для чего он и был рождён. Сейчас важна была сосредоточенность, нельзя было отвлекаться ни на что другое, он сейчас был заряжен этим прекрасным праздником красоты уродства, этим восхищением элитарной публики, а главное, негласным согласием Джулиана, хотя они даже не перекинулись ни одним словом. Их связь нерушимо вела их к мраморной скульптуре, мраморное сердце ждало своего истинного хозяина, чтобы завершить ветхий этап и двигаться к последней вершине.

Мистическая аура окутывала его терпеливое ожидание,

всё было готово, жизнь и смерть стояли за спиной мраморной скульптуры, и ждали кульминационного момента слияния, который создаст он один. У него обострились все органы чувств, он улавливал малейший шорох, ощущал тончайшие ароматы, замечал все детали вокруг, и это давало ему полное восприятие реальности, ведь именно в этой реальности ему и предстоит создавать свой последний шедевр. Он всегда был творческим человеком, но такой шедевр не способен будет создать даже сам Жан Ланже, который и подтолкнул их с Джулианом к осуществлению этой мечты. В его галерее будет создаваться то искусство, которое даже ослепляет ангелов, сегодня он не играл в богов, сегодня он был таковым, сегодня он создавал свой собственный мир.

Джулиан даже не заметил, что он всё это время стоял в центральном зале, совсем близко к скульптуре. Но Джулиан так нуждался в этом медитативном очищении, снедаемый собственной энергией, он спешил скинуть с себя лишние искорки суетливой жизни, чтобы медленно гармонизироваться. Это было дивно, Райан мог вечно смотреть на это. Если бы этот момент можно было бы сохранить в вечности, может быть, он бы и отменил это последнее преобразование энергий, символический обмен сердцами. Но он знал, что никто из них не способен сохранить этот момент в полусыром состоянии, это было последнее божественное вдохновение перед великим делом. Он глаз не мог оторвать от прекрасного лица Джулиана, или от прекрасных лиц Джулиана.

нов, они олицетворяли сейчас всё то, что было давно утрачено человечеством, а именно способность пропускать через себя красоту, впитывать её и очищаться в лучах её божественной силы. Но он не должен был позволить этому мигу красоты ослепить себя, впереди было очень важное дело, ничто не сможет сбить его с пути, даже созерцание этого блаженного покоя.

Когда он объяснил Джулиану, что они должны сделать и почему только так они могли поступить, он боялся, что сторона жизни Джулиана вновь возьмёт верх, и в своей беспокойной энергичности тот всё испортит. Но Джулиан был очищен присутствием скульптуры, он впитал в себя весь необходимый опыт, и, узнав, что такое жизнь без своего гармоничного продолжения в мраморе, он понял, как пуста она была. Райан сейчас не мог выказывать ни капли сомнения, потому что это даст Джулиану надежду, что существуют другие методы покорить вечность. Но это был его сценарий, и только он знал, как может закончиться реальная жизнь, чтобы дать возможность развиваться сказке. Он сделал всё верно, Джулиан не противился судьбе, он принял её с гордо поднятой головой, потому что Джулиан и сам знал, что это было единственным решением. Да, без жертв не обойтись, да, будет больно, да, будет противно, да, будут сомнения, но это нормально, чтобы выйти на новый уровень, нужно пройти все старые без единой ошибки. Джулиан стерпит всё, потому что цель была выше небес, выше божественного нимба,

Райан превзошёл сам себя, создав реальность из своей божественной игры.

Райан помнил, как Жан Ланже работал с мрамором в его галерее, как он бережно, но быстро соскабливал слои мрамора, чтобы сделать отверстие для того, чтобы закрепить внутри сердце. Именно за ним Райан и лез в сокровенный склеп этой скульптуры, на тот момент походящей как две капли воды на Джулиана, с этим его живым блеском в глазах, и ему казалось даже, что стоит только присмотреться, и он увидит эти нервные беспричинные движения, похожие на подёргивания. Но мраморный Джулиан не ощущал боли и насильственного вторжения в храм своей души, наоборот, мрамор поддавался методичным движениям его ножа, крошась на пол, как самый чистый снег, ослепляющий своей белизной.

Он работал так точно, так чисто, так уверенно, и когда он дотянулся до мраморного органа, который выглядел как живой, просто замороженный вне времени, Джулиан, всё это время наблюдавший с остервенелым безумием за его работой, изменился в лице. Джулиан стал ещё более неземным, какая-то неживая искра озарила его статный лик, пока глаза его в агонизирующей истоме пожирали мраморное сердце, которое манило его, ведь оно принадлежало ему. И совсем скоро оно окажется в самом надёжном месте, вместо его собственного сердца, которое уже давно принадлежало этой мраморной скульптуре, безмолвно наблюдавшей за этим сокровенным интимным процессом. В этом мраморном серд-

це сейчас концентрировалось всё преобразование Джулиана, именно в нём кроилась тайна его гармонии.

В церемониальной тишине, окружённый впитавшими в себя миллионы разнообразных эмоций картинами, Райан долго смотрел то на застывшее в предвкушении искорки жизни мраморное сердце, то на зловещую дыру в груди мраморной статуи, то в горящие предсмертным блеском глаза Джулиана, которые обжигали его своей стеклянной чистотой голубизны. В руках Райан держал мраморное сердце, которое всё это время ждало, когда же его вернут в свой истинный храм и зарядят жизненным нектаром. Это было его сокровище, алхимический символ слияния жизни и смерти, ожидающее позволения войти в вечность. Невозможно было не поддаться этому наплыву чувств, пульсирующая жизнь Джулиана сейчас соединялась со статичной энергией скульптуры, концентрируясь в этом прекраснейшем мраморном сердце. Лишь только сияющая мраморная дыра скульптуры отчётливо показывала, что дело ещё не завершено.

Когда Джулиан вырвал у него из рук своё мраморное сердце, Райан не противился этому, оно было по праву его, пострадавшее ценой жизни, очищенное ценой смерти, знак их возрождения. С какой жадностью Джулиан прижимал своё сердце, которое истосковалось по нему, не давая полноценно жить. Но сейчас все иллюзии рассеются, и Джулиан получит назад свою награду за то, что ни жизнь, ни анти-жизнь так и не сломали его, он находился между двумя этими поняти-

ями, ломая рамки реальности и нереальности, Джулиан входил в преображённый мир Райана свободным от всех привязок и заблуждений. Никогда он ещё не наблюдал за таким полноценным созданием полотна, где Джулианы были центральной темой, никогда ещё мир не видел такого искусства, и он как художник сейчас в своей минималистской манере должен был сделать последние штрихи, вдохнув в них недостающие краски жизни и смерти. Он стоял на границе между мирами и творил и наблюдал за собственным творением, переполненный чувствами перед познанием вечности.

Когда Джулиан уже сидел, прислонившись расслабленно к своему мраморному близнецу, бережно храня в руках мраморное сердце, Райана даже не отвлекал наркотический запах, который заглушал предстоящую боль жертвенно настроенного Джулиана. Это было больше жертвы, это было принятие всего и прощание с этой дисгармоничной реальностью, и рука Райана не дрогнет. Только не сейчас. Только не здесь. Он всегда мог себя дисциплинировать, даже при самых тяжёлых обстоятельствах он не паниковал и не терялся, а сейчас не было ни одного препятствия, и всё прямо застыло в предвкушении момента, когда рука творца закончит начатое дело. У него уже был опыт, он осквернял ради священной цели мраморное тело, и теперь ему предстояло сделать то же самое, только с телом из плоти и крови, ещё живым и тёплым, но не менее податливым, чем мраморное, в этом он ни капли не сомневался. Всё прошло так плавно, так быст-

ро, так правильно, он был заряжен своей первой победой, которая давала ему силы пройти последнее испытание, и хотя волнение его граничило между предвкушением экстаза и страхом неудачи, он заглушал его на фоновом режиме, ведь любое сомнение могло привести к провалу.

Декоративный ножик с рукояткой из слоновой кости был весь освящён мраморной крошкой, но он не затупился, острие его по-прежнему предназначалось для точных и глубоких движений. Райану никогда не доводилось в своей жизни даже препарировать лягушку, не говоря уже о заклании домашнего скота на ферме, он всегда был городским мальчиком из хорошей семьи, который не был достоин этой грязной работы плебеев. Но он помнил запах скотобоен на мясных рынках, жалобное бление последних секунд жизни закланных животных и пятна крови, на фартуках и руках мясников, которые вбирали в себя последние живительные капли издыхающих зверей, чтобы трансформировать эту энергию смерти к нам на тарелки в изысканных ресторанах. Это была плата за прожорливость и жадность несовершенного человечества, к которому он тоже принадлежал, до сего момента.

Он отгонял от себя образы знаменитых картин с тушами животных Сутина и Рембрандта, сейчас был не лучший момент смаковать энергию смерти в её самой уродливой форме. Но ведь ему предстояло выступить в роли мясника, и ему придётся преодолеть свой последний урок, принять уродство как необходимую сторону красоты, ведь именно в этом

кроилась гармония. Ланже всю жизнь показывал гармонию между крайностями в своих работах, только в ней и заключалось идеальное состояние, и пока он не примет это уродство, его понятие о настоящей красоте будет неполноценным. Он уже почти принял это, когда бродил в соседнем зале по галерее, где красота соседствовала с анти-красотой, показывая, что за красотой всегда стоит её противоположность. Гниющие органы были такой же нормой, как и полные жизни и любви глаза молодого человека. И в идеально чистом и красивом теле Джулиана тоже жила эта противоположная сторона, с которой ему сейчас предстоит познакомиться так близко, чтобы впитать этот опыт и омыться его кровью. И тогда и он пройдёт свой последний тест, тогда ему и будет дозволено завершить свой собственный идеальный мир.

Он даже сам удивлялся, насколько легко орудовать ножом в человеческой плоти. Да, чувство, что он оскверняет что-то священное, слегка отдавалось болезненными сожалениями в его разуме, но не сильнее, чем когда он раскрывал грудь мраморной скульптуре. Это был тот же самый процесс, ему придётся на время обнажить уродство Джулиана, чтобы провести эту необходимую для существования обоих Джулианов операцию. Только она спасёт их от вечного забвения, только она сможет соединить их половинки вместе, чтобы довести до его собственной реальности, где вечность и экзальтация станут синонимами.

Даже в предсмертной агонии плоти Джулиан выглядел

идеально, живительные искры бурлили сквозь него, но уже не хаотично, не буйно, а смиренно двигались к своей цели, окутывая ауру мраморной скульптуры, которая в такой же агонии с затаенным дыханием ожидала момента слияния. Перед его взором, под движением его рук раскрывались все тайны жизни и смерти, и проникать ножом в податливую плоть было так просто, так неизбежно. Даже сейчас Райан не чувствовал времени, оно как будто остановилось, чтобы не мешать ему завершить последний этап, где время уже не способно будет диктовать свои собственные правила. В его мире не будет ни старости, ни увядания, в его мире всё будет концентрироваться на миге вечной красоты, на гармоничном восприятии всего.

Ножик его с острым лезвием, не зная усталости, проникал всё глубже, разрывая сначала кожу, потом мышечные ткани и задевая вены и артерии. Райан не хотел задеть аорту, желая как можно меньше оставить следов крови, потому что это будет мешать его видимости, он и так не слишком хорошо разбирался в анатомии человека. Но крови было много, она была такой ослепительно насыщенной, такой горячей, что Райан даже через латексные перчатки ощущал её обжигающую мощь. Торчащие клапаны, тонкие слизкие трубки, и эти бешеные ритмы отвлекали его, но это была обратная сторона красоты, он сейчас пачкал себя этим уродством, чтобы преодолеть последние протесты, что красота не способна существовать без этого вот кровавого пульсирующего ужа-

са. Никогда он ещё не видел Джулиана настолько некрасивым, когда был вынужден смотреть на то, что являлось его временным жизненным символом, который уже не принадлежал ему, мраморное отражение билось вместе с Джулианом в агонии, в предвкушении новой жизни. Смерть и возрождение сейчас соединятся, но пока он не извлёк этот бешеный мышечный сосуд, источник загрязнения переизбытком жизни Джулиана, ничто не способно будет захлопнуть врата этой несовершенной реальности, поэтому его рука не дрогнет. Только не сейчас.

Больше всего его отвлекали эти агонизирующие последние попытки борьбы Джулиана, его тело как будто решило в какой-то момент сопротивляться до последнего, потому что так оно было запрограммировано, инстинкт самосохранения был заложен в нас на генетическом уровне. Это было отвратительно, все эти хрипы, судороги, толчки, кровавые захлёбывания, запах испражнений, но Райан терпеливо впитывал в себя теперь и эту крайность, иначе его знания будут неполноценными, его понятие о красоте будет искажённым, и это разрушит гармоничное видение. Наблюдение в замедленном темпе за умиранием тела Джулиана давало ему необходимое развитие, это была плата за предстоящую вечность, цена за создание идеальной красоты в полном гармоничном слиянии. Он и не думал, что этот нож не был создан для того, чтобы резать мясо, ему было неудобно работать физически, работа требовала огромной концентрации и физической си-

лы, он то и дело натыкался на мешающие кости, но старался обходить их стороной, чтобы ничто не мешало ему орудовать в мягкой среде. Даже мышцы казались налитыми из свинца, он просто долбил уже своим ножом, как будто пилил дерево. Но цель была всё ближе, он уже видел под всеми этими рваными тканями, венами и артериями этот нежелающий покоряться мясистый мешок, которому было не место в этой осквернённой груди Джулиана, но уже через считанные минуты он вернётся к своему хозяину.

Когда он уже достаточно раскрыл грудную клетку Джулиана, чтобы ухватиться за сердце, оно ещё выдавало свои предсмертные пляски. Джулиан был живым и тёплым, сила его воли не давала ему покинуть Райана в такой ответственный момент. И на этом голом энтузиазме, на этом страстном желании, Джулиан ломал вновь и вновь все законы физики, он входил в новую реальность Райана очищенным, его энергия до сих пор давала ему силы завершить начатое. Это вдохновило Райана, потому что Джулиан не мог пропустить этого момента, когда он, создатель этой красоты, вернёт мраморному Джулиану это окровавленное горячее сердце. Это был их момент, счастье разрывало его изнутри, когда непослушные уставшие руки разрезали последние связывающие сердце вены и артерии, чтобы изъять этот чужеродный орган и вернуть на место. Когда сердце Джулиана было в его руках, ему ещё казалось, что оно бьётся, но возможно, это сам Райан уже пульсировал энергией жизни, которую ей переда-

ло это последнее священное деяние перед полным очищением. Даже сейчас Райан был поражён, какое оно живое, какое оно настоящее, этот маленький уродливый сосуд, в котором концентрировалась вся жизнь Джулиана, разрушая его гармонию. И в этот момент ни одно сожаление не способно было вычеркнуть значимость этой жертвы. Райан дожил до того момента, когда мог сказать, да, я не просто верю в чудеса, я их создаю.

Когда он вручал мраморной скульптуре пылающее жаром сердце Джулиана, такое беспомощное и маленькое вдали от человеческого тепла, мраморный страж весь светился в предвкушении этого мига, когда его мёртвая сторона навсегда рассеется в этом жизненном даре Джулиана. Оно вошло в раскрытую грудь так легко, так гладко, задержавшись на креплениях в виде мраморных артерий и мышечных тканей, и капли крови и слизи медленно стекали внутрь, символически омывая эту последнюю жертву перед возрождением. Как же много энергии было в этом умирающем сгустке из трубок и мышц, как же она не подходила Джулиану при его жизни, и как гармонично вписалась в этот сияющий белизной мрамор высочайшего качества. Райан отошёл в сторону и любовался проделанной работой, это было неопишимо, глаза его были влажными от той боли, что вызывала эта красота. Ничто не могло теперь убить эту скульптуру, она проглотила в себя сердце Джулиана и стала чем-то выше жизни и смерти, она была между этими понятиями, и навсегда останется в

этом состоянии. Это и была та самая вечность, которой он так жаждал. Райан не мог поверить в реальность этой красоты, этого идеализма, даже он, как создатель не был готов узреть это чудо, но его ждало самое последнее дело, чтобы захлёбываться в экстазе вечной красоты, созданном по его собственному божественному проекту.

После этого Райан наклонился к Джулиану, который полулежал практически в той же позе, как Райан его усадил, чтобы пережить свою последнюю агонию, свой последний катарсис перед тем, как принести в жертву вечности свою красоту. Его жизненная энергия до сих пор вихрями вертелась вокруг тела, делая его почти что идеальным, лишь дыра в груди, из которой ещё изливались последние капли старой жизни, только эта пустота была лишней в его образе, он был почти завершён, он был почти идеален. Глаза его были приоткрыты, взирая на свой новый мир с умиротворённым блаженством, его лицо было светлым и выразительным, как будто в тот момент, когда его сердце из плоти и крови возвращалось его мраморной половинке, божественная сила навсегда оставила этот отпечаток перехода, отразившись на нём в идеальной чистоте. Даже смерть преклонялась перед его красотой, не тронув этой чистоты и невинности, всё было бесильно перед чарами той нити, что соединяла Джулианов, и теперь не существовало ни мраморного Джулиана, ни Джулиана из плоти и крови, они стали единым целым.

И вот он, этот символ последнего преобразования, Райан

поднял с пола мраморное сердце, которое закрасилось алыми пятнами, выглядя ещё живее, ещё реальнее. Внедрить его дрожащими руками в Джулиана было так же просто, как и при работе с мрамором, оно вошло в эту рваную полость настолько идеально, что Райан теперь не сомневался в своём божественном происхождении. Он только что создал свой великий шедевр, мраморное сердце стало недостающим звеном, чтобы распрощаться навсегда с этой уродливой реальностью, Райан покорила вечность, Райан теперь будет пребывать вечно в этой красоте гармонии.

И когда Райан встал под светом ламп, чтобы узреть плоды своих трудов, чтобы его взгляд смог объять преображённые тела обоих Джулианов, крик радости сильным хрипом вырвался из его переутомлённого тела. Слезы хлынули из его глаз, и все человеческие эмоции обрушились на Райана, разрывая на части в своей буйной яркости блаженства. Теперь была очередь Райана освобождаться от всего земного, от всего устаревшего. Он переходил в свою собственную вечность, где наградой было созерцание красоты, которая концентрировалась на том, что он создал из Джулианов – мрамор в плоти и плоть в мраморе, величайшее произведение искусства, открывающее границы миров, и очищение от всего уродливого, от всего смертного. Дисгармонии больше не существовало, пустота и ничто останутся навсегда в этом гниющем суетливом мире, который лишь вспышками дразнил моментами счастья и гармонии. Но Райану удалось зацепиться за

одну из этих вспышек, чтобы придать ей собственную форму, лишив её всего примитивного и человеческого, и в этой вспышке фокусировалась вся его душа, которая стремилась за границы тьмы и света, притеснённая даже в рамках жизни и смерти. Эта вспышка создала новый мир, его мир, и Райан всё сильнее погружался в созданную им красоту, и лики Джулианов сливались в это гармоничное настоящее, и ничто и никогда не было способно разрушить этот голый момент экзальтации, эта красота была вечной.

Но человеческое тело не способно было устоять перед подобной красотой, душа Райана Смита сливалась сейчас с этой вечной гармонией, но даже тело создателя, не способно было выдержать этой запредельной красоты. И в своём экстагическом состоянии, Райан, созерцающий только что созданный им блаженный мир, незаметно покидал своё стареющее и истлевающее тело. Теперь и сердце Райана в агонии делало свои последние жизненные сокращения, не способное удержать в себе этот переизбыток очистительной энергии, оно взорвалось, соединив агонию с катарсисом, символически закрыв двери этого несовершенного мира, которому не было места в вечном созерцании красоты Райана.

Эпилог

Тусклый послеобеденный свет февральского морозного дня идеально гармонировал с внутренним миром Майкла, который сидел в Центральном парке, пялился на заледеневшие воды озера Жаклин Кеннеди и медленно покачивал коляску со спящим ребёнком. Каждый день для него был тусклым и серым, каждый день он заставлял себя соблюдать свою бессмысленную рутину, чтобы продолжать своё жалкое существование. И всё ради этого мирно пыхтящего в коляске создания, единственного, что у него осталось от Джулиана. Джулиан его покинул два месяца назад, ушёл по-английски туда, откуда не возвращаются. А этот маленький комочек в синей коляске родился через две недели после трагедии, заменив ему на время весь здравый рассудок.

Почему, спрашивал он себя, почему, почему? Как такое могло произойти, почему в моей семье, как мне пережить эту травму? Почему такие ужасы случаются не просто в этом мире, а в моей жизни? Почему мой вечный источник энергии, мой свет, моё вдохновение покинуло меня так рано, разрушив в один миг весь мой гармоничный мир? И это в момент, когда у нас должен родиться ребёнок, как он мог поступить так с нами? Как он мог бросить нас? Все чувства были живы, и только тоска по утраченному счастью была постоянным напоминанием того, что они бессмысленны, в этом мире боль-

ше не было Джулиана, и никогда уже не будет. Как можно было улыбаться или радоваться своим карьерным успехам или красоте мира с дырявой душой? Ему казалось, что и у него вырвали сердце, и что не только один Джулиан стал жертвой маньяка, одержимого его красотой.

Когда ему сообщили о случившемся и попросили приехать в галерею для опознания, он сначала решил, что это какой-то розыгрыш, и что это просто какая-то жуткая инсталляция для экспозиции. В какой-то степени это было так, Райан создал из Джулиана арт объект, достойный украсить лучшие музеи мира. Он никогда не забудет зловещий блеск мраморной скульптуры, в груди которой алело сердце его Джулиана. Это было не передать словами, это было настолько нелогично, настолько уродливо, настолько искажённо, что даже на какое-то время отвлекло его от созерцания ещё более отвратительной картины. Джулиан с мраморным сердцем внутри был не реалистичным кадром из фильма ужасов, уродливость смерти поразила его в этом состоянии, сделав его игрушкой дьяволов, которые забавлялись этой сценой во всей её проклятой чудовищности.

И всё же, и всё же, лицо Джулиана было блаженным, смерть не исказила его чистоты, его зверской жизненной силы, и это зрелище непокорности, ещё сильнее взволновало Майкла, Джулиан не покорился даже смерти. Майкл старался ступать осторожно, чтобы не вляпаться в пятна крови, боже мой, она была везде, это было целое представление

с жертвоприношением, это было невыносимо зловеще. Ему хотелось поскорее вынуть этот адский мраморный орган из Джулиана и вернуть ему его настоящее сердце, и глупая надежда обуяла его безумием, что тогда его Джулиан оживёт. Но надежды больше не появлялись в мире Майкла, все они рухнули в этой галерее смерти.

Следствие было очень недолгим, и, в конце концов, Майклу объявили, что Джулиан Берг покончил жизнь самоубийством. Он был знаком с одним из следователей (он был супругом одной из прима-балерин, с которыми он часто танцевал в паре), от того он и смог тогда попасть на место преступления и увидеть своими глазами этот ад. Потому что словами было невозможно объяснить, что там произошло. Увы, на полицию уже с самого начала принялись давить, и официально и было решено объявить о том, что Джулиан покончил с собой (перед этим приняв смертельный коктейль из наркотиков), а Райан Смит умер от сердечного приступа (эта часть, по крайней мере, была правдивой). Интересно, как можно вырезать себе сердце, размышлял Майкл, не понимая, почему надо было скрывать правду? Райан был монстром и убийцей, и он не собирался молчать об этом.

Но, по правде говоря, никто его не слушал, все сочувствовали его горю, пытались утешить, считая, что он слегка тронулся умом из-за этой трагедии. Так что официальная версия звучала так, что Джулиан Берг проник в галерею Райана Смита и по непонятным причинам лишил себя жизни,

и сердце Райана не смогло выдержать этого страшного зрелища. Джулиан был по уши влюблён в Райана, только он и слышал, у него просто кукуха съехала из-за Райана, но какая трагедия, какое горе, такой потенциал пропадёт! Репутация у Джулиана была хуже некуда, мало того, что самоубийца, так ещё и позёр! Майкл понять не мог, как они все могли верить, что Джулиан был способен на такое, и хотя он и сам видел, что тот в последнее время был депрессивным и вёл себя странно, но Джулиан и был самой жизнью, он никогда не смог бы пойти на это.

Да и что было размышлять об этом, Джулиан не мог сам себя выпотрошить и вытащить сердце, чтобы внедрить его в этого мраморного пожирателя душ. Это Райан убил его Джулиана, и он негодовал, что его даже нельзя наказать, и он очень надеялся, что Райан страдал в последний момент, и что последние его минуты жизни были не менее ужасными, чем последние мгновения Джулиана. И утешение, что Джулиан был задурманен, когда это происходило, тоже грело ему душу, может, это было не так страшно и больно? Был ли Джулиан одинок в этот последний миг, думал ли о нём, какой был смысл ему покидать этот мир? Увы, после аутопсии Майкл узнал, что Джулиан умер не до того, как началась эта беспощадная расправа. Он не мог без боли думать об этом, и только сильнейшие колёса давали ему оцепеневшее забвение, где все переживания сливались в некую точку, которую невозможно было сдвинуть с места, она просто висела мрач-

ной тучей над его головой в своей ленивой неподвижности.

И только после того, как ему позвонил Жан Ланже, с которым он был лишь шапочно знаком, попросив о встрече, Майкл начал складывать воедино недостающие кусочки пазла в общую картину. Майкл был шокирован откровениями Ланже, понимая, что совсем не знал Джулиана и о том, что происходило в его жизни в последние годы. После того, как Жан слепил из него мраморную копию, они с Райаном были одержимы идеей сделать Джулиана таким же идеальным, как и его скульптура. Они искали метод, как увековечить эту красоту в вечности, и жизненная энергия Джулиана подпитывала мёртвую энергию мраморной скульптуры, и наоборот. И эта трагедия была кульминацией их навязчивой идеи, символический обмен сердцами открывал им ворота в вечность. Даже сам Ланже не знал с точностью, что произошло, он выдал ему только общую информацию и скорее свои догадки и наблюдения.

Но Майкл был удивлён, почему Жан ему не рассказал это раньше, он бы остановил это безумие, почему он не догадывался о том, что Джулиан вёл двойную жизнь? Ему было больно осознавать, что Ланже повторил то, что говорили ему в лицо самые смелые и шептались за спиной более тактичные, что Райан и Джулиан всегда любили друг друга, и давно уже были любовниками. Много теперь ему становилось ясно, но как же так, размышлял он, а как же наш маленький семейный рай, что это было для Джулиана? Это был ритори-

ческий вопрос, но на удивление, Ланже ответил и на него, объяснив это тем, что так Джулиан держался за свою нормальность, это был залог его реальной жизни, которая ему была необходима для того, чтобы подпитывать самым лучшим жизненным опытом свою скульптуру. Когда он спросил его, почему Жан, зная, что между ними происходит, и как далеко они зашли в своём безумии, почему он не остановил их? Он уже думал, что Ланже проигнорирует этот вопрос, но после минуты молчания (как символично!), тот, наконец, вымолвил:

– Я никогда не вмешиваюсь в то, что люди испытывают, когда создают контакт с моими скульптурами. Я позволяю им не просто увидеть мир моими глазами, а уйти глубже, переняв из моего опыта свой собственный, и они расширяли его и расширяли, вплетая собственные понятия о гармонии, которую излучают мои работы. Это прекрасно. Майкл, это и есть смысл искусства, открывать возможности людям через свой опыт, чтобы они сами работали над тем, чтобы переделать его в своё видение идеала, в свою гармонию полярностей. Меня всегда прельщали люди, которым мало этой поверхностной жизни, люди, ломающие себя ради того, чтобы познать тайны восхищают меня, Райан и Джулиан были пресыщены идеей о собственной идеальной реальности, они стремились к ней, и никто и ничто не смогло бы их сбить с намеченного пути. Да и не моя это обязанность. Я – наблюдатель. – Помолчав немного, Жан уже более тихим голосом

спросил. – Как там завещание, мой юрист связывался?

Майкла аж передёрнуло, как повседневно тот перешёл на эту циничную тему. Да, с завещанием была проблема, и очень крупная. Дело в том, что Джулиан завещал своё тело Жану Ланже, даже не объяснив причины, но завещание было официально оформлено по всем правилам. Но родственники Джулиана имели политические связи и быстро оспорили завещание, собирая все необходимые справки для того, чтобы доказать, что в момент написания этого документа, Джулиан уже был невменяемым. И они забрали тело и похоронили его по своим католическим традициям и обрядам, запрятав в своём семейном склепе. Но юристы Ланже требовали справедливости, так что скоро явно будет назначен суд. Майкл был удивлён тому, что Жан боролся за свои права, зачем ему-то тело Джулиана, сколько можно осквернять его, оно уже испытало на себе всё реальное и нереальное, Майкл хотел скорее забыть эту историю. – Жан, я думаю, что тебе ничего не светит. Но ответь мне чисто по-человечески, зачем ты вообще борешься за это дело? Это просто принцип, да?

И снова многозначительное молчание Жана намекало на его несогласие, кажется, Майкл никогда не будет избавлен от того, чтобы прекратить думать обо всех этих ужасных подробностях, боже мой, кто-то будет судиться за тело его Джулиана, они и мёртвому ему не давали покоя. После красноречивого молчания Жан ответил серьёзно. – Можешь считать это делом принципа, но у меня такие мысли в голове роди-

лись после того, как я узнал, что Джулиан завещал мне своё тело. Он говорил мне о том, что хотел бы стать моим произведением искусства. Нет, не волнуйся ты так, я не некрофил и не любитель шокировать зрителей настоящими трупами на выставках, – спешил успокоить его Ланже, когда Майкл в порыве гнева вскочил на ноги. – Просто мой новый проект, он требует именно такого мрачного вдохновения, прикосновение стороны анти-жизни, полный невозврат в реальность. Чтобы сгладить переизбыток жизни, чтобы вдохнуть в жизнь каплю уродства смерти, то самое состояние тления, которому Джулиан так противился. Мне даже не важно, в каком состоянии мне его вернут, он послужит мне временным вдохновением, и я верну его назад в семейный склеп, без проблем. И разве не этого бы он хотел посмертно? Джулиан ещё при смерти стал *objet d'art* в галерее Райана, пускай, это видели лишь единицы, но я бы смог ему подарить очередную порцию вечности, раз это было его желанием. Я считаю, что неэтично не соблюдать последнее слово умершего, это была его собственная воля, и ты прекрасно знаешь, что Джулиан был вменяем.

– Ты просто – ненормальный, это ты свёл Джулиана с ума, это ты подтолкнул его в лапы к убийце! – орал Майкл, выведенный из себя. – Тебе всё хиханьки да хаханьки, произошла такая трагедия, а ты хочешь на ней вдохновляться, создавать свои очередные смертельные шедевры, сводящие с ума, сводящие в могилы, да ты просто чокнутый психопат, и нет у

тебя ничего святого!

– Мой уравновешенный взгляд на реальность и принятие всего как раз-таки и позволяет мне в здравом рассудке и во всех формах красоты или уродства принимать эту жизнь такой, какая она есть, – ответил спокойно Жан на его обвинения. – Может быть, это и звучит цинично, но одна смерть – ничто, а трагедии нужны, чтобы омыть слёзы счастья от рождения новой жизни, от чистой любви, от повседневных бытовых радостей, коими переполнен этот мир. Этот мир требует гармонии, он нуждается в трагедиях и комедиях, а я просто пользуюсь моментом и вдыхаю этот опыт в свои работы. Вот и всё, жизнь продолжается, я просто занимаюсь своим делом. Я – всего лишь художник, который способен уловить вдохновение во всём, мир ведь настолько многогранен.

Майкл так и не смог больше видеть Жана Ланже после этой беседы, хотя через него он смог бы узнать больше подробностей о том, какими на самом деле были отношения между Джулианом и Райаном. Он узнал так много подробностей, что просто не мог вобрать в себя эти новые знания, которые показали ему Джулиана в совсем ином свете. И может, Жан и был прав, и уже не имеет значения, что произойдёт с телом Джулиана, и что неплохо вдохновляться трагедиями, ведь именно по трагедиям пишутся самые лучшие работы, потому что они нужны нам, чтобы полнее ощущать наше счастье. Но Ланже был циником, которому было наплевать на все чувства, они были для него всего лишь ещё одним источ-

ником вдохновения, чтобы лепить свои шедевры, ему было абсолютно всё равно, лепить свои скульптуры из живого или из мёртвого Джулиана. Жан Ланже был художником, который всасывал в себя души других, потому что сам таковой не имел. Да, эмоции Майкла были несправедливы, но даже сам Жан признавал, что знал про намечающуюся трагедию, но не сделал ничего, чтобы её предотвратить. Косвенно он был виноват в смерти Джулиана, и Майкл никогда не сможет простить его за это коварное бездействие.

Скульптура Джулиана была отдана назад Жану Ланже, тут даже суды не были нужны, фактически, она и принадлежала ему, просто он её сдавал в аренду по дружбе Райану на определённый срок (только срок не уточнялся). Перед этим из неё извлекли сердце Джулиана и вернули его назад покойнику (и после внедрения искусно зашили, но всё равно хоронили его в закрытом гробу), и провели полную дезинфекцию. Мраморное сердце тоже было отдано назад Ланже, который внедрил его назад мраморному Джулиану, который теперь насмеялся над всеми своей мёртвой вечностью, и Майкла пугал этот невероятно красивый лик, лишённый благословения самого Джулиана. Он очень надеялся, что Ланже никогда и нигде больше не выставит эту чёртову скульптуру, он вообще считал, что её надо уничтожить, как орудие убийства. Мраморное сердце он хотел разбить собственными руками, ещё в тот день, когда были обнаружены тела, но следователь не позволил, и его истерика так и не вылилась в

этот очистительный акт сумасшествия. Майкл надеялся, что больше никогда не будет пересекаться с Жаном Ланже, который осквернил его память о самом святом, что у него когда-либо было, о любви к Джулиану.

И вот Майкл сидел в парке в такой же унылый серый день, как и его душа, и частичка Джулиана, что жила теперь под его ответственностью и любовью скрашивала этот тусклый день. Он смотрел в никуда, пытаясь заглушить боль воспоминаний о том, как он был счастлив с Джулианом зимой в этом зелёном сердце Нью-Йорка. Всё напоминало ему о нём, всё было пропитано его энергией, концентрируясь в одной точке, которая и должна была стать смыслом его существования, но пока не стала. Но он будет стараться, у него ещё есть время. Он вытащил малыша из коляски и посадил на колени, разглядывая его умиротворённое лицо.

Да, малыш, думал он, ничто не вечно под луной. Сегодня твоя неземная красота ослепляет мир, а завтра ты будешь гнить в галерее смерти, пытаясь найти остатки веры, что это ещё не конец. Может быть, это и есть преображение, умереть ради красоты, стать частью искусства, ведь искусство требует жертв, оно забирает лучшее, чтобы и отдавать лучшее. Может быть, красота, искусство и любовь и были смыслом жизни Джулиана, и он был святым человеком, готовым идти до конца ради поддержания гармонии в мире. Может быть, ему и удалось создать идеальный мир, где он застыл в вечной красоте, только для нас, простых смертных, он незрим,

но когда-нибудь я надеюсь, что я смогу не просто заглянуть за его образные стены, а стать частью его мира. И мы уже в другой реальности построим рай на двоих, потому что Райан не заслужил быть его вдохновением, его божественным наставником. Я готов ждать, я готов смириться с этой жизнью, я готов страдать, но разве плохо мечтать и надеяться на что-то, что вдохновляет меня? Джулиан был моим произведением искусства, которое не имеет другой цели, кроме как просвещать, кроме как вызывать эмоции, кроме как помогать отыскать красоту гармоничного восприятия мира.

И может быть, когда-нибудь ты, малыш, забредёшь в современный музей скульптур и будешь разглядывать их внимательно, и уловишь в них присутствие Джулиана, что растворился в этой голой идее, став шедевром искусства вне времени, вне пространства. И ты вдохновишься этими скульптурами и раскроешь глаза широко-широко, и увидишь, как глубок этот мир, как много в нём тайн, которые лишь ты один сможешь раскрыть. И потом однажды ты поймешь свою собственную паутинку гармонии, которая станет обрастать всё новыми волокнами, пока ты не поймёшь её самую суть, и медленно и плавно ты будешь приближаться к тому, чтобы создавать свой идеальный мир, чтобы запечатлеть вечность и сохранить красоту. И тогда ты отыщешь свой собственный символ преображения, своё собственное мраморное сердце.